

Марина Ефиминюк
МОЯ МИЛАЯ
УЖАСНАЯ НЕВЕСТА

Annotation

Варлоки и Торстены враждовали всегда. Не изменяя семейным традициям, мы с Закари Торстеном не выносили друг друга. Да и как восхищаться заносчивым бабником? И надо же было нашим отцам помириться! Не то чтобы дружба с Торстенами — дурная затея, но они замыслили брачный союз... У Зака есть план, как избежать нелепой женитьбы, а я, похоже, поехала крышей, раз согласилась на эту вздорную авантюру.

ОДНОТОМНИК

Серия: Светлые VS Темные

1.

[Светлым магам вход воспрещен](#)

2.

[Лучшие враги](#)

3.

[Не злите добрую колдунью](#)

4.

[Моя милая ужасная невеста](#)

(в процессе написания эксклюзивно на)

Все книги серии независимы друг от друга, читаются отдельно, в любом порядке.

[ПОДПИСАТЬСЯ НА АВТОРА](#)

Приятного чтения и теплого лета!

-
- [Моя милая ужасная невеста](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [Марта и Закари](#)
 - [ГЛАВА 1. Да будет мир!](#)
 - [ГЛАВА 2. Жених из шкафа](#)
 - [ГЛАВА 3. Романтика по Закари Торстену](#)
 - [ГЛАВА 4. Пленники чулана](#)
 - [ГЛАВА 5. Демонология для начинающих](#)
 - [ГЛАВА 6. Цвет настроения — февраль](#)
 - [ГЛАВА 7. Испытание свободой](#)

- [ГЛАВА 8. Бал теней](#)
 - [ГЛАВА 9. Ночной рынок](#)
 - [ГЛАВА 10. Враги с привилегиями](#)
 - [ГЛАВА 11. Спектакль окончен](#)
 - [ГЛАВА 12. По законам темного ковена](#)
 - [ГЛАВА 13. Предчувствие грома](#)
 - [ЭПИЛОГ. Драконье яйцо на завтрак](#)
-

Моя милая ужасная невеста

ПРОЛОГ

Я замерла с открытым фолиантом в руках и прислушалась. За книжным стеллажом кто-то возился, но ряды старых гримуаров надежно скрывали незваных гостей. Тоненько и противно, словно призрак из академического подzemелья, захихикала девушка. Прозвучал мужской шепот, говорящий неразборчивые непристойности. И все встало на свои места!

Голос Закари Торстена я узнала бы даже в тяжелом похмелье, спросонья и в полуобморочном состоянии. Он единственная у нас такая... звезда! Исключительный бабник (общеизвестный факт) и главный недоумок академии темной магии Деймран (факт, известный только мне). С другой стороны, чего ждать от Торстена? У них весь клан удручающе безнадежен.

Стеллаж содрогнулся. Пара книг угрожающе выдвинулась, заставив меня отступить на шаг. Никак девицу притиснули к полкам. Противное хихиканье переросло в стон. Я с большим осуждением посмотрела на гримуары и громко кашлянула, давая понять, что на галерке имеются зрители. Возня немедленно прекратилась.

— Зак, здесь кто-то есть, — в панике прошептала девушка.

— Тебе показалось, милая, — промурлыкал в ответ он.

То есть узнать имя очередной пассии герой девичьих снов не сподобился. Или уже забыл. У него вообще большая беда с запоминанием женских имен. Неудивительно, учитывая стремительную сменяемость подружек.

Пришлось еще пару раз кашлянуть. Если у Торстена проблема не только с памятью, но и со слухом, ему можно только посочувствовать. Но ни сочувствовать, ни изображать приступ чахотки не пришлось. Девушка, судя по неразборчивым тихим репликам, заартачилась. Раздались быстрые шелестящие шаги. Парочка удалилась.

Воцарилась идеальная тишина. Я было сосредоточилась на открытой странице с заклятьем, как внезапный шорох за спиной заставил напрячься. Пальцы вспыхнули яркими разрядами. По желтоватым распухшим страницам черного гримуара закономерно поскакали искры.

Когда владеешь обеими магическими стихиями, инстинктивно защищаешься той, что сподручнее. Правши всегда бьют правой рукой, так? Вот и у меня светлая магия ведущая. Но заклятье пришлось погасить, пока гримуар не озверел и не начал плевать дымом в лицо. Волосы провоняют гарью, за седмицу не отмоешься.

Я повернула голову. В проходе, скрестив руки на груди и привалившись плечом к стеллажу, стоял Закари Торстен собственной персоной. Отправил подружку куда-то там и надумал проверить, кто испортил ему свидание. Проверил, недоумок?

Он был высок, строен и по-своему красив. Видимо. Я правда не уверена. Ведь на что-то девушки клевали, раз вставали в очередь за отменным бабником, как за воздушной булочкой с заварным кремом (вспомнила и есть захотелось). Иссиня-черные волосы длиной до подбородка были убраны за ухо. Карие глаза смотрели нагло, уголки пунцовых губ едва заметно изгибались.

— А... это ты, — проворчала я и, захлопнув фолиант, убрала его на полку.

Все равно сейчас взбесит и заниматься расхочется. Зато захочется одаривать мир светлой благодатью, но желание причинять добро плохо совместимо с учебой. Особенно в библиотечной башне со старыми перекрытиями и сотнями пыльных книг.

— Сентябрь, сентябрь, — Торстен насмешливо поцокал языком, — нарушаешь правила и трещишь разрядами?

— Сказал человек, только что устроивший публичные обжимания, — протянула я с ехидной улыбкой.

Все что нужно знать о Закари Торстене и его ущербном чувстве юмора: мое имя Марта. Он считает забавным обращаться ко мне по названию текущего месяца. В марте я просто Варлок.

— Мы спрятались в домике. — Он развел руками.

— Я тоже.

— Ладно, уела. — Торстен изобразил беззвучные аплодисменты. — Даже не обвинить, что подглядывала.

— Давай ты не будешь мелькать в моем личном пространстве и вернешься к подружке? — миролюбиво предложила я.

Все-таки впереди длинные выходные, поездка домой и день поминовения предков. Большой праздник! Перед таким ругаться с

Торстеном — портить себе карму. Предки, конечно, одобряют, но торжественный настрой изгадится.

— Нет, я, конечно, мог бы, — протянул он.

— Прекрасно!

— Но...

— Остановись на первой фразе и постарайся, — потребовала я.

— Мог бы, но не хочу.

— Отвратительных выходных в семейном склепе, Торстен. Во время ритуала передай привет предкам от ковена Варлоков. Выход там. — Я кивнула в нужном направлении. — Не перепутай дверь с окном. Но, если что, скучать не стану.

— Полагаю, этот день поминовения предков будет отвратительным не только у меня. — С усмешкой он оттолкнулся от книжной полки и, повернувшись ко мне спиной, словно невзначай оборонил: — Встретимся завтра в башне Варлок.

Даже у Торстена наглость должна иметь границы, а он берегов не видит. Очки, что ли, подарить? Из человеколюбия и ради гармонии в мире чародеев.

— Эй! — остановила я театральный уход. — Ты что несешь?

— Так ты, выходит, не слышала эту идиотскую шутку? — Он обернулся и кривовато усмехнулся. Даже на расстоянии было видно, как зрачки резко сузились и стали вертикальными, а глаза от этого — очень злыми. — Наши отцы помирились. Поздравляю, сентябрь. Мы теперь лучшие друзья.

Марта и Закари

Портреты героев, иллюстрация от PANDA

ГЛАВА 1. Да будет мир!

— Тебе не кажется богохульством пригласить Торстенов именно в день поминовения предков? — тихо спросила я у мамы, наблюдая, как отец тепло встречает вчерашнего врага. — Уверена, от восторга мать-основательница готова нас проклясть до седьмого колена.

— В отличие от моей дочери, грозная Агата всегда выступала за мир, — тихо отозвалась она, смерив меня предупреждающим взглядом.

Глаза у Беаты Варлок были желтые, как у нормальной родовой ведьмы, а потому недовольные взгляды выходили выразительно-жуткими. Особенно в темноте, расцвеченной уличными огнями.

— А прозвище «грозная» она получила, видимо, за теплые отношения с Торстенами, — ничуть не присмирив, с ехидством прокомментировала я.

— Зато Агата Варлок умела держать язык за зубами, — добавила мама.

— Ты из чего сделала такой вывод? Потому что она ни разу не отозвалась во время обряда? — хмыкнула я. — Попробуй обратиться к ней завтра. Уверена, теперь-то ей есть что сказать потомкам. И много.

Варлоки и Торстены не любили друг друга всегда. Семейная летопись утверждает, что с основания нашего ковена. Как не поделили драконов, так и начали враждовать... И сегодня наши лучшие враги, неожиданно ставшие паршивыми друзьями, выгружались из шикарных карет перед парадным входом в башню Варлок. Хуже шутку не придумашь.

Да эта нежданная дружба как минимум пошатнула равновесие в мире семи королевств! Наверняка теперь начнутся природные катаклизмы.

— Добро пожаловать! — громко пробасил отец, когда верховный ведьмак Алистер Торстен выбрался на мощеную площадь. — Рад приветствовать дорогих гостей в башне Варлок!

Настолько рад, что даже приказал зажечь все огни на крепостной стене, чтобы эти гости, открывая портал в наши уединенные горы, случайно не промахнулись мимо каменного моста. И семью вытащил

на холод продемонстрировать, что мы все тоже очень рады. Просто дружно захлебываемся от счастья, а не испытываем неловкость.

— Ты тоже чувствуешь себя странно? — тихо спросила я у младшего брата.

— Я просто замерз. — Йен шмыгнул носом и переступил с ноги на ногу.

— Заморозили ребенка ради Торстенов! — проворчала я себе под нос.

— Не называй меня ребенком, — немедленно огрызнулся он. — Мне уже тринадцать!

Справедливо говоря, в свои тринадцать Йен сравнялся со мной ростом.

— Не позорьте отца и улыбайтесь, — сцедила мама.

— Уверена, они решат, что мы хотим их всех пустить на фарш, — заметила я и растянула губы в идиотской улыбке.

— Больше естественности, — буркнула она.

— Рукой надо помахать? — уточнила я.

— Зачем? — немедленно полюбопытствовал брат.

— Ну как же? В любой непонятной ситуации улыбаемся и машем, — прошептала я со смешком.

Йен прыснул в кулак. Мама тяжело вздохнула, мол, помогите святые демоны, дети-то у нее не удались. Кузина Дарина и ее муж Освальд покосились на нас с неодобрением. Они-то восприняли новость о примирении с большим энтузиазмом и вышли встречать гостей не по приказу главы ковена, а по душевному порыву.

Ладно, Освальд обычный человек, к тому же историк, помешанный на пиетете между чародеями. Что с него взять? Он даже старые королевские указы по теме исследует. Но Дарина же мать! У нее сын, между прочим, вторую седмицу болеет ветряной оспой и походит на пятнистого демоненка. Разве не надо в эту самую минуту окружать заботой единственное чадо? Такие безответственные родители!

Между тем со ступеньки кареты спустился Закари и подал руку женщине в черном плаще, своей матери Люции. Отменные манеры! Кто бы знал, что они в нем есть.

Вообще, увидеть его в башне Варлок было так же нелепо, как... Святые демоны, у меня не выходит подобрать сравнение к

происходящему цирку с конями! Вернее, с Торстенами, их конями, каретами и дорожными сундуками.

Дарина чувствительно толкнула меня локтем под ребра.

— Ай! — Я состроила страшные глаза.

— Это и есть Закари? — прошептала она.

— Он самый.

— Какой красивый парень. — Кузина удивленно покачала головой.

— В темноте любая гаргуля — красавица, — фыркнула я, поморщившись.

Пока прислужники занимались багажом, гости поднялись по лестнице к нам. Целая дюжина отборных Торстенов. Не удивлюсь, если завтра утром мы обнаружим, что старые камни не выдержали подобного вандализма и начали рассыпаться.

Знакомились прямо на ступенях, не входя в холл, хотя вечер в наших уютных горах, прямо сказать, теплом не отличался.

— Так ты и есть та самая Марта Варлок, — с улыбкой проговорила Люция, когда нас представили. — Слышала о твоей уникальной способности в магии. Удивительное событие!

Вообще-то, ничего удивительного. Появление двуликого ребенка в ковене, в котором с самого основания заключались смешанные браки между чародеями, было вопросом времени. Одного не понимаю, почему именно на мне природа умыла руки и отказалась выбирать, каким цветом магии одарить. Бухнула обе. Брату повезло больше: он был темным, как родители.

— Люция у нас прогрессивных взглядов, — хохотнул Алистер Торстен, стараясь сгладить неловкость, но сделал, по-моему, еще хуже, как будто намекнув, что остальные-то двуликость не считали уникальностью или особенностью. Так... непонятное нормальным чародеям уродство.

— Наш сын Закари. — Прогрессивная Люция указала на младшего Торстена. — Но вы уже знакомы.

Я заставила себя посмотреть на Торстена-младшего, чего активно старалась не делать. Он улыбался, приятно и дружелюбно, как будто вчера не захлебывался ядом, рассказывая об этом нелепом примирении наших отцов. А я-то впервые была с ним солидарна!

В отличие от наших родителей, мы никогда не изменяли священным традициям кровной вражды. Он был старше на два курса и пытался превратить мой первый год в Деймране в ад. Придурок не понимал, с кем связался. Когда неизбежное осознание пришло, я уже была в азарте... Правда, после летних каникул нас обоих прилично попустило. Не сговариваясь, мы начали придерживаться холодного нейтралитета, разве что при встрече для разминки цапались. Но с того чудного времени даже парни с факультета некромантии, отшибленные на всю выбритую голову, обращались ко мне с большим уважением.

— Здравствуй, Марта, — вкрадчиво поздоровался Торстен-младший, впервые за четыре года личного знакомства назвав по имени.

— Привет, — медленно протянула я и, собрав волю в кулак, все-таки добавила: — Закари.

Каждый звук его имени увязал на зубах.

— Выучила свое заклятье? — внезапно спросил он, намекнув на неожиданную встречу между книжных стеллажей.

— А ты успешно, смотрю, выбрался из библиотечной башни, — не осталась я в долгу и даже руками развела, мол, какой молодец.

— Окно с дверью не перепутал.

— Поздравляю.

На ступеньках возникла странная пауза.

— А я Освальд! — с привычной нам, а не гостям, непосредственностью полез знакомиться муж кухни и энергично потряс руку верховного ведьмака Алистера Торстена. — Я историк. Изучал хроники вашего клана.

Справедливо говоря, Освальд изучал все темные кланы и светлые ковены семи королевств, но Торстены были особенно колоритны.

— Ясно, — прогудел Алистер, несколько ошарашенный тем, что в стане бывших врагов живет-поживает специалист по его клану.

Когда наш восторженный историк отцепился от ведьмака, в воздух полетел дымок темной магии. Судя по всему, обычные люди верховного Торстена никогда не щупали. Ни за какие места.

— Вы светлый маг? — поинтересовалась Люция.

— О нет, мадам, — уверил ее Освальд. — Природа не одарила.

— Мне жаль.

— Почему? — не понял он. — Насколько мне известно, в вашем роду тоже были люди. И светлая чародейка. Сестры Эрки...

— А давайте зайдем внутрь, — перебив словоохотливого зятя, с излишним оживлением предложила мама. — Не будем стоять на холоде.

Тут случилась эпичная заминка! Замок отказался впускать дорогих хозяевам гостей и запер парадные двери. С самым недоуменным видом мама бесполезно подергала ручку и бросила выразительный взгляд на отца.

— Какая у вас норовистая домашняя нечисть, — из вежливости посочувствовала Люция.

— Что вы, моя дорогая, нечисть здесь ни при чем, — нервно улыбнулась мама. — Наш артефактор создал совершенно потрясающую магию. Называется «умный замок», но пока она не совсем — кхм, — доведена до ума.

По-моему, как раз настроена так тонко, что точно знает, кого не следует пускать на порог.

— Валлей, открой дверь, — не изменяя улыбке, сквозь зубы потребовала мать и объяснила гостям: — Главу ковена магия слушается.

Какая восхитительная ложь, право слово!

Кашлянув от неловкости, отец тоже подергал ручку, ровным счетом ничего не добился и впервые в жизни постучался в собственный дом:

— Зараза, открой!

— Кого он зовет? — тихо спросил один из ведьмаков Торстенов у другого на родном языке.

— Может, темного прислужника? — предположил второй.

Что сказать? Мы были истинными Варлоками! В семейной летописи пафосно рассказывалось, как грозная Агата взяла в руки новорожденного дракона, заглянула ему в глаза, узрела строптивый нрав и нарекла Заразой. Очень поэтичная история! Дурак бы понял, что мать-основательница от души ругнулась, когда тварь, возможно, цапнула ее за палец или плюнула огнем.

С отцом и «умным замком» произошла подобная идиотская история. Когда он впервые вытащил шар с заклятьем из артефакторной шкатулки, его шарахнуло разрядом. Волосы едва не задымились и точно стали слегка объемнее. Хорошо, в сердцах матом не сказал. Но магия все равно получила истинное имя.

— Зараза, отопри! — потребовал отец, решив, что перепутал кодовое слово.

Бесполезно.

— Кто-нибудь! — Папа настойчиво постучал. — Откройте немедленно!

В ответ изнутри тоже постучали. Внезапно, признаться. Голосом отцовского темного прислужника нам объявили, что дверь заблокирована намертво, но артефактор уже несется на всех парусах в холл. Нас впустят. Только не сейчас. Лучше сразу к хозяйственному входу. У слуг все открыто нараспашку.

Я сосредоточенно жевала губу, лишь бы случайно не хрюкнуть от хохота. Хотела перевести дыхание, но обнаружила, что Закари, опустив голову, тоже давится смехом. Как-то неловко мы встретились глазами. Веселье исчезло. Поменявшись в лице, оба начали смотреть в разные стороны. Он на сородичей. Я почему-то на облицованную гладкими плитами стену, хотя рядом стояла кухня, явна смущенная из-за конфуза с дверьми.

— Заодно перестроенную северную башню посмотрим, — с фальшивым энтузиазмом предложила мама.

Как будто у нас был выбор! Всей толпой мы двинулись через въездную площадь к хозяйственному двору. Показали гостям разные здания, дали короткий экскурс с историей многочисленных перестроек старого замка. На звезды опять-таки полюбовались и на темную гостевую башню, подпирающую ночное небо. Послушали собачий лай из псарни. Встретили испуганных темных прислужников, с фонарями скачущих нам навстречу. В общем, отменная вышла экскурсия. Незапланированная только.

— Занятные у вас нравы, Варлок, — тихо проговорил Закари.

— Уже оценил? — со смешком ответила ему. — А ты даже внутрь еще не попал.

Мы очередной раз переглянулись, и я поймала себя на сумасшедшей мысли, что общаюсь с Торстеном, как будто он нормальный. Совсем крыша съехала!

Никто не собирался показывать гостям замок задом наперед. Запланированная прогулка начиналась с парадной лестницы, украшенной драконами, а заканчивалась у перехода в гостевую башню. Мы на нее уже полюбовались снаружи и поразились живописно

темным окнам. Новый маршрут заранее запланирован не был. Ценностей в коридоре, ведущем к прачечной, а не к цивилизации, не имелось.

Нервно потрескивали магические рожки на каменных стенах. Свет неприятно мигал. Видимо, замковый артефактор Сириус активно чародействовал и пытался заставить «умное» заклятье хоть чуток поумнеть. Выходило, как обычно, скверно.

— Люция! — в голосе мамы просквозило облегчение, когда она указала на стрельчатые окна. — Посмотри на витражи! Они остались от прежнего клана Варлоков.

Давным-давно в башне Варлок жил темный клан, владевший драконами, но он не принял верховного ведьмака и, так сказать, самораспустился. На его месте появился наш ковен свободных чародеев. Темные и светлые жили вперемешку, не делая разделений на цвет магии. Казалось бы: исключительно свежая, прогрессивная идея! Но она не прижилась. В семи ближайших королевствах мы оставались уникальным сообществом, которое другие считали *слегка* странным. Ладно, кому я вру? *Не* слегка.

— Того, который жил до появления ковена? — уточнила Люция с видом ценителя высокого искусства (может, правда ценила).

— Мы очень бережем эти витражи, — между тем согласилась мама.

Неожиданно окна с хрустом распахнулись, заставив всех отшатнуться. Взлохматив волосы, в лицо ударил поток холодного сентябрьского воздуха. Раньше я думала, что рамы прикипели намертво, поэтому беречь их было не особенно сложно.

— Отличный парень — этот наш артефактор! — хохотнул отец и похлопал Алистера по плечу, хотя глава клана Торстенов именно сейчас точно был ни в чем не виноват: стоял и со всеми вместе поражался, насколько глуп наш «умный» замок. — Похоже, дверь открыл!

Секундой позже с дребезжанием окна захлопнулись обратно.

— И снова закрыл, — едва слышно прокомментировала я.

В остолбенелой тишине из окошка со звяканьем выпал осколок уникального витража и звонко шмякнулся на каменный подоконник.

Уверена, завтра «отличный парень» будет приклеивать выпавшие части ручками, кисточками и клеем от замкового алхимика, с которым

у него, прямо сказать, отношения напряженные. Вернее, как у истинного чародея с ведьмаком, помешанным на ядах. Да у нас так светлый лекарь и темный знахарь не собачились, как эти двое!

Стало очевидным, что положение пора спасать, пока мы окончательно не опозорились перед Торстенами. Вряд ли их родовое гнездо выделявало подобные финты.

— Посмотрим семейную галерею, — вдруг предложила мама, сделав ход конем.

Окон в зале не было, и «умный» замок до него еще не добрался. Но что-то мне подсказывало: никогда не доберется.

В честь дня поминовения в галерее притушили огни. В центре на треногу поставили чашу со священным огнем. Танцующее пламя не дарило тепло, только нервные тени, пляшущие по каменным стенам.

Старые изображения сильных ведьмаков и ведьм неизбежно чернели, но не в нашем замке. Свет всегда уравнивал тьму. Портреты выглядели так, словно их только вчера нарисовали. Чародеи с этих портретов наблюдали за восьмым поколением Варлоков, водящих по замку бывших кровных врагов. Может, кто-то из предков был доволен, но мой прадедушка, зажегший в столовой факел ненависти к Торстенам, определенно, в их число не входил.

Освальд немедленно принялся давать исторические справки к каждому портрету. Гости, изображая интерес, слушали. Дарина зевнула, мама тоже, потом и Люция, поддавшись коллективной слабости, спрятала зевок в ладонь.

— По-моему, гостям пора отдохнуть с дороги, — вклинилась мама в бесконечную проповедь о том, какими замечательными были предки Варлоки. Клянусь, Освальд знал о нашей семье больше, чем мы сами.

— А? — Наш историк прервался.

Пока он сбился с мысли, все, не сговариваясь, развернулись и поспешно потекли поближе к выходу. Только Закари, сунув руки в карманы, продолжал стоять перед моим портретом, словно увидел там нечто вдохновляющее. Когда мы поравнялись, он нагнулся и с издевательской улыбкой промурлыкал мне почти в ухо:

— Сентябрь, оказывается, ты весь ковен держишь в страхе.

— Ой, не надо всех мерять по себе, Торстен.

Однако оглянулась и проверила свой портрет. Парадное алое платье с золотом, длинные волосы цвета красного дерева, голубые глаза, полные губы. В правой руке фонтан голубоватых искр светлой магии, в левой — черный дымок темной. Все чинно и красиво. По моему, портретист мне сильно польстил... Поперек изображения какой-то шутник намалевал кривыми литерами, светившимся от магического пламени, «демоница».

Мы с Йеном случайно встретились глазами. Выдавая себя с головой, младший брат чуток ссутулился, словно уже ощущал знатный подзатыльник, и прибавил ходу.

— Маленький паршивец, — пробормотала я себе под нос, нечеловеческим усилием воли сдерживаясь от ментальной оплеухи мелкому хулигану. Клянусь, он ее заслужил с честью и усердием, достойным лучшего применения.

— Ты была права, в замке еще веселее, — немедленно прокомментировал Закари и быстро нагнал своих родичей.

К счастью, на лестнице в гостевой башне горел свет. Недолго правда. Стоило Торстенам ступить в переход, как все магические рожки погасли, окунув нас в крошечную темноту.

— Он сейчас разгорится, — пообещал отец, но на всякий случай приказал: — Зараза, зажги свет.

Магия ответила короткой тусклой вспышкой, на мгновение превратив все лица в жуткие маски. Снова воцарился мрак. Только в окна, обычные, без всяких уникальных витражей, светили все еще не потушенные на крепостной стене огни.

— Сейчас принесу свечи! — оживилась Дарина, почувствовав, что пришел ее звездный час.

Кузина увлекалась варкой ароматических свечей. В масштабах мастерской на десять человек. В общем, свечного добра у нас было предостаточно. Даже с перебором, если учитывать, что Дарина мечтала поставлять свечи в городок под горой, но торговля сорвалась. Баночками со свечами с романтическим запахом «жасмина и надежд» мы могли заставить все гостиные. На гостевые спальни тоже хватило бы.

Но тут «умный» замок, видимо, испугался, что мы без него отлично справляемся со внезапным светопреставлением, и поспешил доказать, что он не настолько глуп, как все о нем думают. Магические

бронзовые рожки на стенах снова вспыхнули. За секунду свет разогнался до такой яркости, словно мы планировали не ужин в честь поминовения, а детский утренник.

— По-моему, все неплохо прошло. — Отец довольно растер ладони, когда Торстены скрылись в гостевой башне.

Все деликатно промолчали. Очевидно, что встречу бывших врагов мы полностью провалили.

До поминального ужина оставалось не меньше часа. Куча времени, чтобы привести себя в порядок и ткнуть младшего брата в надпись на портрете.

— Йен! — позвала я, и мелкий немедленно припустил по коридору в сторону хозяйского крыла. В тринадцать лет он по-прежнему жил рядом с родителями. Близкое соседство с матушкой часто спасало его от справедливой расправы, но давно оскорбляло чувство прекрасного.

— Марта, оставь брата в покое и переоденься, — велела мама. — Мы уже достаточно впечатлили Торстенов этим вашим «умным» замком.

— Значит, больше не приедут. По-моему, большая победа, — тихо хмыкнула я. — Надо Сириуса поблагодарить.

— Да-да, — кровожадно отозвалась матушка. — Сейчас поблагодарю, а завтра еще раз.

— Беата, а ты заметила, какой у них красивый сын? — вклинилась Дарина. — На портретах он выглядел проще.

— Просто художники смотрят прямо в душу, — хмыкнула я и посчитала за благо поскорее сбежать от семейства. Лучше добираться до южной башни кругами, чем слушать, как они на пустом месте нахваливают недоумка. Внешняя привлекательность — не личное достижение.

В моей башне магия вела себя безупречно. От движения на лестнице зажглись лампы, и я в полном освещении поднялась до двери. Ступенек носом не собрала, локтями перила не измерила.

— Зараза, зажги свет, — приказала заклятью, входя в покои.

На стенах, отделанных синей тканью, вспыхнули светильники. Полукруглая комната была небольшая. К верхней галерее с книжными полками вели закрученные винтом деревянные ступеньки. За дверью пряталась ванная комната.

Обычный водопровод в замок провели только перед моим рождением. Раньше пользовались не особенно надежными порталными заклятиями: захочешь с утречка освежиться, а в бадейке пенится чужая мыльная вода, и на поверхности плавает истертая мочалка. Мама рассказывала, что вода могла несколько раз перебираться из одной ванны в другую, пока кто-нибудь не сдавался и не отправлял ее напрямиком в купальни Торстенов.

В почтовике, магическом стеклянном шаре размером с детский кулачок, стоящем в поставке на туалетном столике, клубился черный дымок. Кто-то прислал голосовое послание.

— Зараза, пробуди почтовик, — проходя в переделанную из чулана гардеробную, потребовала я у «умного» замка.

В комнате зазвучал бодренький голос Эмбер, моей соседки по комнате в общежитии:

— Марта, помнишь, ты говорила, что ритуал призыва удачи не поможет? Он помог! Познакомилась с парнем. Он светлый. Полностью и бесповоротно. Даже волосы. Все, как я хотела. Кстати, а как у тебя проходит день поминовения? С Торстеном уже прокляли друг друга?

— Нет, но мы на верном пути, — пробормотала я, снимая с перекладины плечики с черным закрытым платьем, в котором выглядела, как безутешная вдова некроманта, оставленная без денег, но с голодным умертвием.

— Привет... — неожиданно проговорил в тишине приятный голос Айка Вэллара, и под ложечкой сладко заныло, — дождался вечера, чтобы отправить послание. Жаль, что в этот раз мне не удалось приехать в башню Варлок и познакомиться с твоими родителями.

Он был обладателем пронзительно синих глаз, ямочки на щеке, атлетического тела и нравился мне больше, чем я демонстрировала. Иначе зачем следить за тренировками? Аик входил в команду Деймрана по брумболу. Нелепейшая игра! Пятеро крепких парней в ботинках скользят по льду и гоняют метелками оранжевый кожаный мяч. Что может быть абсурднее? Разве что приезд Торстенов в башню Варлок.

— И еще, Марта... — Аик говорил так мягко и проникновенно, что у меня побежали мурашки. — Соскучился по тебе. До встречи в академии.

С глупой улыбкой я уткнулась лицом в кружевное платье. Оно пахло старикинской лавандой, а не цветочными духами. Сразу понятно, что с прошлого года без дела висело в шкафу.

— Эй, сентябрь! — неожиданно почтовик, заговорил нахальным голосом Закари Торстена, и я резко подняла голову.

— Какого демона?

— Смотрю твои детские рисунки, — продолжал мурлыкать он, растягивая гласные. — Они висят на стене в золотых рамках.

Откуда у недоумка адрес моего почтового артефакта?

— К слову, адрес почтовика дал твой младший брат, — промурлыкал Закари, словно на расстоянии прочитав мои мысли. — Забавный парень.

— Прокляну мелкого паршивца! — подняв голову к потолку, поклялась я непонятно кому и даже немедленно решила, что прокляну икотой, пусть помучается.

Когда я застегивала кружевное платье, стеклянный шар снова за клубился черным дымком. Не успела приказать магии заткнуться, как заговорил Закари Торстен:

— Ты пыталась поступить в светлую академию Эсвольд. Почему тебя не взяли? Оказалась недостаточной светлой?

— Иди в... пень! — рывкнула я на просветлевший шар и от раздражения так дернула пуговичку из черной жемчужины, что едва не отодрала ее с корнем.

Не успела я надеть сережки, как в шаре снова за клубился дымком. «Умный замок» немедленно позволил голосу Закари Торстена заполнить тишину южной башни:

— Сентябрь, — снова промурлыкал он, — ты когда-то пела в хоре? Споешь мне что-нибудь?

У меня дернулся глаз. Я схватила шар, хорошенько встряхнула и, поднеся к губам, сцедила:

— Запокойное заклятье, если ты не забудешь адрес моего почтовика, недоумок!

Едва шар вернулся на подставку, как в глубине за клубился черный дымком ответного послания. Я решительно дотронулась светящимся пальцем до круглой стенки. В разные стороны брызнули серебристые искры светлых чар. Дымком мигом растаял.

— Не получать сообщения от темного чародея Закари Торстена, — приказала послушному артефакту.

Глядя в зеркало, расчесала волосы, поправила строгий воротничок-стойку и вышла из комнаты. В малую столовую я шагала торопливо. В анфиладе гостиных, подхватив широкий подол, и вовсе перешла на бодрую рысцу. Мама свято чтит закон, что хозяева дома не имеют права приходить позже гостей, а у меня всегда имелась некоторая проблема с пунктуальностью. Но в открытые двустворчатые двери я все равно влетела самой последней из Варлоков. Семья была в сборе, не хватало только отца.

— А вот и я!

Магушка смерила меня придирчивым взглядом и остановилась на носках грубых ботинок, торчащих из-под платья. Бровь выразительно поползла вверх. С улыбкой я одернула кружевной подол и прикрыла непотребную для девушки, исключительно по мнению родительницы, обувь.

— Почти опоздала, — отозвалась мама.

— Ключевое слово «почти», — улыбнулась я и торжественно поприветствовала народ ритуальной фразой: — Тихого поминального вечера родственникам.

Столовая была готова к трапезе: на столе, застеленном черной скатертью, стояли медные тарелки и стаканы. Магический свет не зажигали, вокруг горели свечи. От их неровного мерцания на стенах, плотно закрытых портьерах и потолочных фресках танцевали тени. Оплавлялись черным воском наклепленные на каминную полку ритуальные свечи. Горячие капли свободно скатывались на мрамор и собирались фигурными наплывами.

— А где папа? — спросила я у Дарины, одетой в изящное черное платье.

— Водит верховного Алистера по замку, — тихо ответила она.

Торстены появились в коридоре ровно в тот момент, когда замковые часы церемониально пробили десять. Дружной толпой они остановились на пороге и, как приказывали традиции, Люция произнесла:

— Тихого поминального вечера ковену Варлоков.

Секундой позже двери в столовую захлопнулись перед носом гостей. В комнате повисла тяжелая пауза.

— Зараза, открой, — вкрадчиво потребовала мама.

Подчиняясь приказу, отданному замку, Йен потрусил к двери. Что характерно, никто его не остановил.

Младший брат быстро раскрыл створки. Обалдевшие от безграничного гостеприимства дружественного ковена Торстены снова с надеждой посмотрели в столовую.

— Тихого поминального вечера, — как ни в чем не бывало поприветствовала мама и призвала: — Заходите быстрее!

Фраза тоже считалась ритуальной, но воспринялась всеми как практичный совет. Никому не хотелось оказаться прищемленным «умным» замком, и Торстены быстро втянулись из коридора в столовую. В дверном проеме даже случилось небольшое столпотворение.

Наследника верховного ведьмака среди остальных не обнаружилось. Хотелось верить, что он бесповоротно заперт в каком-нибудь чулане с метлами или просто припозднился, забрав у меня эстафетную палочку самого непунктуального человека в башне Варлок, но надежда оказалась тщетной. Закари появился вместе с нашими отцами. Мало что не опоздал, так еще и выполнял ответственную роль доверенного лица.

Когда они вошли, разговоры немедленно стихли. Верховные по традиции остановились на пороге. Торстен-младший, как диктовали правила, стоял за плечом своего отца. Осанка идеальная, точно у боевого мага. Вид задумчивый.

Он мало походил на Алистера. Сейчас, когда они стояли рядом, особенно бросалось в глаза, что Закари был *другим*. Мы случайно пересеклись взглядом, и его зрачки резко сократились, превратившись в тонкие вертикальные щелки. Гарантию даю, что придурком Торстен-младший родился, но внешность у него изменилась после призыва демона в тринадцать лет. И сила. После обряда ведьмаки получали особый талант управляться с магией. Если не оставались калеками. Печальный исход был нередок.

Вообще, ритуал призыва обычный для темных кланов, живущих по традиционному укладу, но мир-то давно шагнул в новый век. Прогрессивные чародеи выступали за принцип равновесия в магии: чем природа наградила, тому и радуйся. Лично мне вручила две стихии. Я хожу и радуюсь. Тихо, громко, иногда матом, изредка даже

вслух. Особенно во время экзаменационной декады или на занятиях по темным искусствам.

— Приветствую ковен Варлоков и клан Торстенов на поминальном ужине, — с торжественной миной произнес отец. — Сегодня во имя нашего общего будущего мы с верховным Алистером погасили факел вражды.

Другими словами, прадедовский факел больше не горел. Символичный жест. У прадеда на том свете, поди, случилась остановка сердца. И щепы для камина теперь не от чего запаливать. Наверняка чародеи начнут соревноваться в огненной магии и обязательно спалят любимые занавески Беаты.

— Разделим же трапезу в честь наших великих предков! — дал отмашку отец приступить к ужину.

По всем правилам чародеи рассаживались по старшинству. Верховные, как и положено, в торцах стола. Каким образом мы с Закари оказались практически напротив, история умалчивала, но нас разделила скромная сервировка и ни одного горящего канделябра или кувшина с водой. Каждый раз, когда я поднимала голову, невольно натывалась взглядом на его физиономию.

Темные прислужники, тихие и почти неслышные, внесли блюда, аккуратно пристроили между тарелок. Наполнили медные стаканы поминальным вином, разложили еду и отступили к стенам, фактически слившись с тенями.

Когда-то эти люди заключили с отцом договор: магия в обмен на десятилетнее служение в замке. Желających получить колдовство от Валлея Варлока неизменно много. Папа силен, пусть в детстве и не призывал демона, как некоторые, сидящие за столом. Не буду тыкать вилкой в сторону отца и сына Торстенов.

Трапеза начиналась с глотка ритуального вина.

— За наше славное прошлое, за достойное настоящее и за светлое будущее! — громко произнес отец.

— Да будет так! — подхватил верховный Торстен.

Все для вида пригубили крепкое, сладкое вино, а потом принялись закусывать. Я ловила на себе задумчивые взгляды Алистера, старалась не елозить на стуле и ждала, что меня, как ребенка, попросят продемонстрировать умение пробуждать одновременно две магии.

Светлую в правой ладони, а темную в левой. Помнится, в детстве этот фокус нравился всем гостям без исключения.

— Марта, — вдруг обратилась Люция, отчего у меня дрогнула руку, и с вилки свалилась горка тушеных красных бобов, обязательного блюда для поминального ужина.

— Да, госпожа Торстен?

— Слышала, что ты пыталась поступить в светлую академию Эсвольд.

— Для Эсвольда я оказалась недостаточно светлой, — с вежливой улыбкой ответила я и бросила холодный взгляд на Закари. Спрятав ухмылку за стаканом с хмельным питьем, тот сделал глоток.

— Лаверанс? — немедленно уточнила она. — Говорят, что на бытовые заклęcia принимают даже тех, кто может просто призвать светлую магию.

— Ректор Лаверанса — чародей старой закалки. Он не разделяет широких взглядов нашего ковена, — со всей возможностью деликатностью припомнила я обидное заявление ректора, дескать, двуликого мага, способного поднимать мертвецов, они видели только в кошмарах.

Возражение, что умертвия воскрешают исключительно некроманты, а в ковене Варлоков такие не приживаются, почему-то его не убедило. Возможно, не стоило дерзить приемной комиссии сразу после испытания, но — демоны не дадут соврать, — к этому моменту светлые прилично меня задрали необоснованным снобизмом.

— Зато ты поступила в Деймран. — Алистер неожиданно мне подмигнул.

— Я около года готовилась к вступительным испытаниям, — намекнув, что двери в большую магию для меня открывались со скрипом, ответила ему.

— Выходит, Зак старше тебя на год? — неожиданно спросил он.

— Замечательная разница в возрасте, — тихо подтвердила Люция.

В глухой тревоге я покосилась на Торстена-младшего. Он сидел с непроницаемой миной, словно не понимал, что застольная беседа начала подозрительно походить на сватовство. Еще чуть-чуть и наши родители примутся разливать морскими сиренами, расписывая положительные качества и заслуги отпрысков.

— В этом году Зак получит диплом, — продолжил Алистер. — Наберется опыта, и я передам ему дела. Сын — мой наследник и будущий верховный нашего клана.

— Закари мог бы провести некоторое время в башне Варлок, — предложил отец. — В ковене есть чему поучиться.

— Превосходная идея! — поддержала мама.

— Вообще, дорогой мой друг, мы столько лет потратили на пустые споры. — Верховный Торстен с фальшивым сожалением покачал головой. — Нам следует укреплять семейные связи.

Чувствуя страшную беспомощность, я схватилась за бокал с поминальным вином. Помянуть все хорошее, что было в моей жизни, а заодно придумать, почему нас с Закари ни в коем случае нельзя женить. Подозреваю, аргумент, что мы поубиваем друг друга перед брачным алтарем, за нормальную причину не сойдет.

Я судорожно принялась хлебать хмельной напиток, наплевав, как выглядела со стороны. Может, Торстены решат, что дочь верховного Варлока — горькая пропойца, и передумают брать меня в невестки.

— Осторожно, — прошептала сидящая рядом Дарина, — вино коварное.

— Если разговор принял такой оборот, то вам следует знать правду, — неожиданно проговорил Закари с незнакомо серьезной интонацией без разных усмешек, ухмылок и идиотской вкрадчивости. — Мы с Мартой в отношениях. Уже больше года.

Вино действительно оказалось коварным и пошло не в то горло. Я так подавилась, что не могла дышать, а только позорно кашлять, мысленно желая издохнуть от этого неуместного приступа.

ГЛАВА 2. Жених из шкафа

Если своим заявлением Закари хотел прервать разговор, то успешно достиг поставленной цели. Изумление ярко нарисовалось на лицах наших родителей, никакой светской сдержанности. Все были в шоке. Кажется, даже дракон на картине над каминной полкой был готов свалиться в обморок.

Героическим усилием воли я проглотила кашель, опошляющий остолбенелую тишину.

— И какого же... — Маму подвел голос. — Какого рода у вас отношения?

Мы с Закари заговорили одновременно.

— У нас нет никаких отношений, — на одном дыхании объявила я.

— Беата, вы *действительно* хотите узнать подробности? — в унисон спросил Торстен-младший.

Он победил: все за столом мигом догадались, что именно я скрываю правду, и отношения у нас серьезнее некуда.

— Да, Зак, — вступила в разговор Люция, — мы *действительно* хотим, чтобы ты объяснился.

— Мы с Мартой близки, мама.

— Ваш сын лжет, — холодно и твердо опровергла я.

— То есть вы просто друзья? — уточнила мадам Торстен, обратившись ко мне.

Я пыталась выудить из головы что-то поприличнее крепких ругательств, поэтому замешкалась.

— Мы настолько близки, что предпочли скрывать... дружбу, — подтвердил Закари с такой выразительной паузой, что дурак бы догадался, какого рода «дружба» нас связывает. Если мы друзья, то с большими привилегиями. Да я сама почти поверила!

Никогда не видела его таким. Никаких ироничных улыбочек, глупых шуточек и бесящей манерности, словно он за мгновение повзрослел на несколько лет. И меня терзали смутные сомнения, какой именно из двух Закари Торстенов фальшивый. Ехидный бабник, вызывающий здоровое желание залепить ему рот заклятьем, или

молодой мужчина, будущий верховный темного клана, уверенно и нахально врущий семье, что завел серьезные отношения с дочерью бывшего врага? И если первого я худо-бедно знала, то второй мне был незнаком, но тоже не вызывал ни капли симпатии.

— Послушайте, Закари несколько преувеличивает близость наших отношений, — вновь заговорила я. — Между нами нет и доли того, о чем вы сейчас подумали.

— Марта, теперь странно скрывать, — парировал он. — Не считаешь?

— Закари... — Я подавилась всеми литерами его имени и кашлянула в кулак.

Оказалось, что на кончиках пальцев трещала светлая магия, требующая немедленной расправы над бесящим соседом. Пришлось погасить. Удивительно, но именно светлая половина во мне куда кровожаднее темной.

— Перебросимся парой слов? — наконец предложила я недоумку.

— Господин Варлок, вы не против? — проявляя чудеса идеального воспитания, вежливости и такта, спросил он у хозяина дома.

— Папа не против, — сухо бросила я и поднялась из-за стола.

Отец, может, был не против, но согласиться пока тоже не мог: одним глотком приканчивал поминальное вино. Своеобразная реакция, учитывая, что они тут всем кагалом пять минут назад пытались заключить брачную сделку.

— Марта, присядь, — со вкрадчивыми интонациями темного повелителя, раздающего приказы, велел Закари и кивнул, предлагая приземлиться зад на стул.

Странно, как меня не разорвало от злости.

— Просто идите! — пришла на помощь мама и выразительно кивнула в сторону дверей. — Но вернитесь. Ритуальную трапезу надо заканчивать в том же составе.

Прислужники немедленно распахнули створки, открыв вид на пустой широкий коридор. Коротко извинившись перед гостями, я развернулась на пятках и зашагала к выходу. За спиной загрохотал отодвинутый стул. Закари нагнал меня на пороге, но не попытался поравняться. Шел на шаг позади, словно мы играли в «ловцы и мертвья», и «ловцы» беспрерывно дышали в затылок.

— Уверен, здесь нас никто не услышит, — не выдержал Закари посреди анфилады гостиных.

— Поверь, в нашем доме у стен действительно есть уши, — отозвалась я сдержанно. — Поэтому создай пять минут тишины.

Оказавшись в портретной галерее, по-прежнему озаренной лишь светлом магического пламени из ритуальной чаши, я остановилась и резко развернулась. Закари встал в паре шагов, сунул руки в карманы брюк.

— Далековато ты ушла, — усмехнулся он.

— Здесь нет «умного замка», — коротко объяснила я, что здесь-то нас точно никто не подслушает. — Скажи-ка мне, Торстен, последние четыре года ты был в меня влюблен?

— Что? — Стараясь подавить издевательскую ухмылку, он вытащил одну руку из кармана и почесал бровь. — Из чего ты сделала такой... забавный вывод?

— Я очень стараюсь быть вежливой. Ответь, пожалуйста, без шуточек.

— Нет, ты мне не нравишься, Марта Варлок, — с расчетливой издевкой сообщил он, бросив на меня высокомерный взгляд из-под ресниц. — Ты абсолютно не в моем вкусе и похожа на март. Всегда в дурном настроении и не... кхм...

— Договаривай, — вкрадчиво предложила я, уверенная, что он ляпнет гадость о внешности. Никогда не считала себя дурнушкой, но красоткам, вечно болтавшимся у него на правом локте, была не соперница.

— Непредсказуемая, — вывернулся придурок.

— Превосходно, — ни капли не обидевшись, ведь на недоумков не обижаются, похвалила я. — Но ты очень хочешь на мне жениться?

— У меня нет причин, чтобы впасть в такое отчаянье.

— Тогда что это было в столовой? — требовательно спросила я. — Не понимал, к чему катился разговор?

— Они надумали закрепить дружбу брачным союзом. Все логично. Семейные связи самые крепкие.

— И ты заявил, что мы любовники! Уверена, мы сейчас вернемся, а они во всю помолвку за поминальным столом празднуют.

Он поцокал языком:

— Ты плохо слушала, сентябрь. Я сказал, что у нас *серьезные отношения*.

— А есть разница?

— Принципиальная.

— В любом случае, поздравляю! Завтра в гостевую башню тебе притащат новую ритуальную чашу и костюм жениха. Все, как велят традиции!

— И тебя, — со смешком промурлыкал Закари и сверкнул ироничным взглядом.

— И меня, очевидно, тоже притащат. В фате и ритуальном балахоне невесты.

— Ты ошибаешься, сентябрь. — Он одарил меня снисходительной улыбкой. — Если я хорошо знаю своих родителей, а я знаю их хорошо, они больше не заикнутся о договорном браке.

Я потеряла переносицу и перевела дыхание, пытаюсь вернуть хладнокровие, но недоумок в таком кошмарном количестве нам с нервной системой был категорически противопоказан.

— Уверена, что ты говоришь логичные вещи, просто мне не хватает таланта их уловить. Объясни, как твое абсурдное заявление поможет нам избежать свадебных бубнов и брачных татуировок?

— Варлок, глупо скрываться больше года, идти вопреки воле семей и не планировать общее будущее. Они будут ждать, когда мы объявим, что готовы заключить не расторгаемый магический брак.

— А если мои начнут настаивать? — упиралась я, все-таки мысленно соглашаясь, что доля правды в его словах имелась.

— Скажешь, что хочешь окончить академию. — Сосредоточившись на моей сережке, Закари вдруг приблизился на шаг, вкрадчивым движением заправил мне за ухо прядь волос, хотя та совершенно не мешала, и убрал руку обратно в карман. — Но отношения вещь непостоянная. О какой свадьбе может идти речь, если мы расстанемся. Что скажешь, Марта?

Что твои вкрадчивые, словно небрежные ласки вкупе с магнетическим голосом искусного соблазнителя, вероятно, действуют на дурочек похлеще афродизиака. Зато понятно, почему в природе академии Деймран происходит пошлый круговорот старшекурсниц по закону Закари Торстена.

— Другими словами, на этих выходных мы изображаем большую любовь, потом объявляем, что разбежались, и никому не придет в голову устраивать сватовство, — уточнила я. — Так?

— Верно.

— Ты понимаешь, что план не выдерживает никакой критики? — Я уперла руки в бока и выдохнула.

— Есть еще вариант, — улыбнулся он.

— Какой?

— Пожениться.

— Надеюсь, ответ ты прочитаешь в моем лице, — сдержанно произнесла я.

— Да, у тебя говорящая мимика, — ухмыльнулся Закари. — Но я всегда открыт для предложений. Каков твой план?

Уж точно не пойти под венец с недоумком Торстеном! Но если отцу что-то втемяшилось в голову, ни за что не переубедишь. Я мрачно посмотрела на Закари. Он изогнул брови и развел руками, дескать, излагай, Варлок, мое величество во внимании.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — сдалась я.

— Уверен, все сработает, — невозмутимо отозвался он.

— Когда мы скажем, что расстались?

— Через пару месяцев? — предложил Закари.

— Месяц и не больше! — категорично заявила я. — И я скажу, что ты мне изменил. Неверность — лучшая причина для расставания.

— Хорошо. — Он был подозрительно уступчивым. — Что-то еще?

— Мы отказываемся от любых совместных поездок домой. Не представляю, как объясню своему парню, что должна вместе с тобой изображать большую любовь.

— У тебя есть парень? — Закари иронично улыбнулся, словно сама мысль, что я могу завести нормальные, а не фальшивые отношения, его страшно веселила.

— Чему ты удивляешься? У меня есть парень, и он не придет в восторг, если узнает об этой аванюре, — проворчала я.

— Хорошо. Что произойдет в башне Варлок, останется в башне Варлок, — легко согласился он и протянул раскрытую ладонь: — Договорились?

Я замялась, не решаясь ответить на рукопожатие, и ждала какого-нибудь знака от высших сил, что авантюра не закончится возле свадебного алтаря. Высшие силы молчали. Языки магического пламени в ритуальной чаше на треноге по-прежнему лениво облизывали гладкие стенки. Никаких сигналов.

Крепко пожав друг другу руки, мы все-таки скрепили странную сделку.

— Давай возвращаться, пока нас не начали искать, — предложил он.

— Подожди! Пока никто не слышит... — Я заставила его притормозить. — Как мы начали встречаться? Надо решить. Вдруг спросят.

— Я тебя соблазнил? — предложил он с улыбкой.

— Плохой ответ.

— Ты меня соблазнила?

— Еще хуже, — прокомментировала я, начиная раздражаться.

Когда он влезал в шкуру ехидного придурка, что-то обсуждать становилось совершенно невозможным.

— Хорошо, в таком случае, на прошлом осеннем балу ты на спор с подругами пригласила меня на танец. Я был заинтригован, — выдвинул Закари предложение.

На спор с Эмбер я пришла на прошлый осенний бал, а Торстен развлекался с подружкой с розовыми волосами. Возможно, тоже с кем-то на спор. Мою соседку по комнате так впечатлил розовый цвет, что она три седмицы подбирала правильный оттенок и еще с месяц ходила в колере веселой фуксии.

— Я не умею танцевать, — сдержанно сообщила я. — И никогда не училась. Давай скажем, что ты был моим наставником на занятиях по темным искусствам. Слово за слово... Ну ты понимаешь.

— Банально.

— Зато реалистично, — заспорила я.

— Совсем не любишь романтику, сентябрь? — Карие глаза Закари смеялись. Он откровенно надо мной потешался.

Романтичной меня, и впрямь, назвать сложно.

— Торстен, просто пойдем морочить наших родственников, — буркнула я.

Двери малой столовой были плотно закрыты, но в коридор просачивались отголоски громких, яростных голосов. Казалось, люди внутри скандалили и, похоже, швырялись посудой! Я быстро толкнула створку, ворвалась в столовую, но так и замерла на пороге.

Варлоки и Торстены тихо сидели за столом, а воздух дрожал от гвалта, громяющего в другом конце замка. Скорее всего в общей зале, где темные и светлые чародеи в своеобразной манере смешанного ковена праздновали день поминовения предков.

Как я и предполагала, дорогие родственники пытались подслушать наш разговор, но что-то пошло не по плану. «Умный» замок сегодня был не особенно умен.

Лицо отца побагровело. Мама по-простому подперла щеку кулаком и, ковыряясь вилкой в тарелке, просто ждала, когда непотребство закончится. Похоже, они давненько наслаждались «музыкальной» паузой.

— Зараза, хватит! — рывкнул папа, силой яростного выдоха потушив свечи в ближайшем канделябре.

И пространство неожиданно смолкло. От воцарившейся тишины даже слегка зазвенело в ушах.

— Вы наконец вернулись! — заметив нас, с облегчением воскликнула Люция.

— А то мы почти оглохли, — пробормотал Освальд.

— Присаживайтесь, — скомандовала мама. — Закончим ужин.

Неожиданно ладонь Закари легла мне на спину, и я едва не споткнулась на ровном месте. И вновь проявляя чудеса учтивости, Торстен помог мне усесться. Обошел стол и занял свой стул. Зуб даю, что со стороны мы действительно казались людьми в самых близких отношениях. Ближе не придумаешь... Помогите нам святые демоны!

Повисла выжидательная пауза. Народ ждал признаний.

— Мы вместе, — стараясь не встречаться с родителями глазами, бросила я. — Не хотела рассказывать, но раз случилось...

— Как вы начали встречаться? — вдруг заинтересовалась Дарина.

Я набрала в легкие побольше воздуха и вдруг, сама от себя не ожидая, выпалила:

— На осеннем балу...

— Я был наставником Марты... — в унисон мне произнес Закари.

Мы заткнулись и выразительно переглянулись. Стоило признать: это был полный провал.

Торстен-младший посмотрел на Дарину и спокойно, словно не случилось нелепого конфуза, проговорил:

— В начале прошлого года я был наставником Марты на занятиях по темным искусствам, а на осеннем балу Марта поспорила с подругой, что пригласит меня танцевать. — Закари так польщенно усмехнулся, что даже я живо представила, как в красном платье подкатываю к недоумку под ревнивыми взглядами его красоток-ведьм. — Я был удивлен.

— Марта, ты ведь не умеешь танцевать, — заметила мама, явно ошарашенная тем, что дочь была готова опозориться перед целой академией.

— Да, — согласилась я, проклиная тот момент, когда сама себя втянула в столь идиотскую ситуацию, — поэтому танцевали мы на редкость паршиво.

— Но ваша дочь очень старалась, — зачем-то похвалил меня Закари.

Святые демоны, позвольте в тысячный раз за последние четыре года задать острый вопрос: в чем я провинилась в прошлой жизни, что в этой вы наградили меня Торстеном-младшим? Может, именно из-за меня двести лет назад вымерли драконы?

К счастью, время доскреблось до полуночи. Ужин подходил к концу. Черные прислужники тихо покинули столовую и плотно скрыли за собой двери. По гостиным и залам разнесся первый удар замковых часов, стоящих в часовой комнате. В молчании мы дружно поднялись и взяли за руки, образовав живой ритуальный круг. От сомкнутых пальцев в воздух потек дымок темной силы. Пространство задрожало от магии, разбуженной в честь ушедших в лучший мир предков Варлоков и Торстенов. Все свечи резко потухли, и столовая погрузилась в непроглядную темноту. Последний удар сотряс башню Варлок. Поминальный день завершился.

Наступила гробовая тишина. Мы стояли, держась за руки и, не видя дальше собственного носа, ждали, когда «умный» замок снизойдет. Он не торопился одарить нас светом, и люстра на три десятка магических огней по-прежнему оставалась не зажженной. У некоторых ведьмаков, как у кошек, светились глаза.

— Зараза, зажги свет, — сдержанно потребовал отец.

Как сказал бы мой преподаватель по защите от проклятий: «ноль внимания, фунт презрения». Мы дружно расцепились и приготовились выбираться из столовой на ощупь. Хотелось верить, что никто не споткнется о стул и не переломает ноги.

— Марта, зажги свечи, — громким шепотом велела мама, видимо, тоже представив, как мы из замка на носилках выносим Торстенов с переломанными ногами и загружаем в шикарные кареты. — Но только светлым заклятьем, чтобы все по правилам.

Кто-то фыркнул. Думала, что мой фальшивый парень, однако Люция тихо шикнула на мужа:

— Цыц! Люди справляются с напастью, как могут.

Прикусив губу, чтобы не разразится ехидным смехом, я пробудила светлую магию. Голубоватые всполохи, окутавшие руку до запястья, дерзко мерцали в темноте.

— Поразительно, — снова зашептала Люция.

— Да будет свет, — пробормотала на вздохе и щелкнула пальцами.

Свечи в канделябре, стоящем в центре стола, выплюнули снопы искр. Неохотно занялись язычки голубоватого пламени. Тусклый свет не справлялся с густыми тенями, обступающими нас со всех сторон, но отразились в глазах Закари, заставив его зрачки на мгновение сократиться и сузиться до вертикальных щелок.

— Во славу предков! — провозгласил отец, который всю жизнь считал, что пафос сглаживает неловкость.

— Во славу! — согласился с ним Алистер.

Столовая пришла в движение. Народ направился на выход, и двери торжественно раскрылись сами собой. Как ни в чем не бывало в коридоре начали по очереди зажигаться магические рожки, словно «умная» магия от нашего артефактора Сириуса намекала, что время позднее, пора и честь знать, а не шараться по замку.

Гости с хозяевами принялись желать друг другу крепких снов, а отец непрозрачно намекнул Алистеру, что им стоит продолжить общение в кабинете под музыку замкового песнопевца. Я пожелала всем добрых снов и с некоторой неловкостью повернулась к Закари, понятия не имея, как прощаться с фальшивым парнем, которого еще пару часов назад считала своим идейным врагом.

— Увидимся завтра утром, — с натянутой улыбкой пробормотала я и протянула руки, чтобы заключить Закари в неловкие объятия.

План был быстренько его приобнять, не прижимаясь ни одной частью тела, похлопать по плечу и отстраниться. Совпасть с Торстеном сразу не удалось, и пару раз я ткнулась влево и вправо. Он не сопротивлялся, но и не помогал, а только с интересом наблюдал за неловкими телодвижениями. Когда мне все-таки удалось изобразить необременительные объятия, он заявил:

— Я собирался тебя проводить.

— Совершенно ни к чему, — отодвигаясь, отказалась я. — В башне Варлок безопасно и невозможно заблудиться.

— Если ты не против... — Закари выразительно изогнул бровь.

Вообще-то, я была против, но отказ несколько противоречил легенде, что мы страдали от большой и чистой любви.

— Дорогой сын, ты очень внимательный, — неожиданно одобрила, прямо сказать, не самое выдающееся предложение Люция. — Только долго не засиживайтесь и не проспите завтрак.

Почему-то прозвучало так, будто их ненаглядный сын заночует в моей спальне и ото сна нас отвлекут вовсе не безобидные шахматы.

— Закари просто доведет меня до башни! Подниматься не станет, — поспешно уверила я родителей, что никто не собирается с Закари Торстеном заниматься личной жизнью под крышей их дома. Да и под крышей любого другого тоже. — Правда, Закари?

— Кхм? — вопросительно промычал он.

— Спокойной ночи всем, — с улыбкой попрощалась я.

— *Спокойной* ночи, — согласилась матушка, поднажав на первое слово таким хитрым образом, что не оставалось сомнений, насколько эта ночь обязана быть безмятежной в моей опочивальне. Как в склепе у бесповоротно упокоенного умертвия.

До южной башни мы добрались в молчании. У подножья каменной лестницы я кивнула:

— Спасибо, что проводил, Закари. Не то чтобы я не дошла бы сама.

— Пожалуйста, — согласился он и преспокойно начал подниматься следом за мной, словно получил разрешение подняться в спальню.

— Ты куда? — С большим недоумением я оглянулась через плечо.

— Думал, что устроишь мне экскурсию по личным владениям, — нахально объявил он.

— Нет, — отказала я. — Хорошо добраться до гостевой башни. Если никуда не будешь сворачивать, то попадешь в холл. Ночью там любопытно посмотреть на мраморных драконов.

Он остался на лестнице, а я, придерживая юбку, начала подниматься. Даже когда ступеньки сделали виток, казалось, будто его взгляд колет спину где-то между лопатками. В то место он как раз укладывал горячую ладонь, тепло от которой проникало под одежду.

В комнате царила прохлада. Послушно зажегся свет. Едва я подошла к туалетному столику и начала снимать сережки, раздался стук бронзового молоточка, висящего на двери. Закатив глаза своему отражению в зеркале, я тяжело вздохнула и открыла.

Закари стоял в любимой расслабленной позе, привалившись плечом к грубой каменной кладке и спрятав руки в карманы. Черные волосы убраны за ухо. Взгляд из-под полуопущенных ресниц. В общем, он был в образе сердцеда.

— Не нашел дорогу назад? — Я скрестила руки на груди.

— Не привык так рано ложиться. — Она расплылся в улыбке. — Не смогу заснуть. Дай что-нибудь почитать.

— В замке чудная библиотека, — оповестила я.

— К тебе подниматься было ближе.

Нахал!

— Ладно. Жди здесь, — коротко ответила я, захлопнула перед его носом дверь и с самым решительным видом поднялась по узкой деревянной лестнице с лакированными перилами в галерею.

Книга, подаренная Эмбер, стояла припрятанная на самой нижней полке. На втором курсе моя соседка по комнате исповедовала аскетизм и умеренность во всем. Особенно в любимом занятии заправского сердцеда. По этому поводу мне была подарена очень умная книжка. Я читала ее на ночь, если не могла уснуть. Действовало безотказно. Собственно, ее-то и вручила Закари.

— Держи! Уверена, ты найдешь очень много нового и неизведанного.

Он забрал томик, прочел название и хмыкнул:

— Кажется, теперь мне многое о тебе понятно, сентябрь.

— Хорошего познавательного чтения на ночь, Закари.

Без особых церемоний я снова захлопнула дверь. За моей спиной в замке сам собой два раза провернулся ключ, чтобы нахальный гость не посмел вломиться внутрь без разрешения. И только я заставила с помощью магии расстегиваться платье, как снова раздался звонкий стук в дверь. Пришлось щелкнуть пальцами, и жемчужные пуговицы стремительно вернулись в петельки. Одна все-таки отлетела и поскакала по полу.

— Да что тебе еще? — отперев дверь, с раздражением рявкнула я.

— Скучно. — Торстен продемонстрировал книгу. — Дай что-нибудь другое.

— Слепляющее заклятье? — предложила я. — Это будет считаться «чем-нибудь другим»?

— Сентябрь, не будь занудой, как февраль.

— Святые демоны, и почему я все еще тебя терплю, — буркнула я, попытавшись захлопнуть дверь. Он крепко, с неожиданной силой перехватил деревянное ребро.

— Давай я сам выберу.

— Нет, ты не переступишь через порог моей комнаты! — заявила я и все-таки оставила его в коридоре.

Но стоило вновь добраться до книжных шкафов, как в тишине восхищенно присвистнули. Не веря собственным ушам, я посмотрела вниз. Закари стоял посреди моих покоев и с любопытством оглядывался вокруг.

— Какого демона ты вломился без разрешения? — возмущенно спросила у него.

— А у тебя есть вкус, Варлок, — протянул он, подняв голову. — Никогда не подумал бы.

Скрипнув зубами, я вытащила с полки любовный роман и, стуча каблуками по лестнице, спустилась к нахалу. Без смущения Закари рассматривал на свет мой почтовик, клубящийся черным дымком нового сообщения.

— Ты меня заблокировала? — с искренним весельем уточнил он.

— Надеюсь, ты не расстроился. — Я ловко выхватила из его рук стеклянный шар и всучила книгу, цветочная обложка которой недвусмысленно намекала на более чем легкомысленное содержание. — Приятного чтения.

С насмешливым видом он забрал томик. Пока я пристраивала артефакт на подставку, Торстен открыл роман и протянул:

— Беру свои слова назад. У тебя отвратительный вкус.

— На тебя не угодишь. Между прочим, книга о твоём любимом занятии. Может, научишься парочке новых приемчиков. А теперь спокойной ночи, Закари.

— Ты правда уляжешься спать?

— Понимаю, ты понятия не имеешь, что такое личное пространство, но видеть тебя здесь странно. Боюсь, ночью будут сниться кошмары...

Тонко намекая, что кошмары с участием Закари Торстена этой ночью, а может, и следующей, мне будут сниться в любом случае, кто-то снаружи подергал ручку. Я заметила движение боковым зрением.

— Варлок...

Сама от себя не ожидая, я припечатала ладонью его приоткрытый рот. Закари тоже подобного финта не ожидал и приобрел весьма изумленный вид. Пришлось приложить палец к губам, дескать, у нас тут намечается вторжение. Собственно, не случилось оно благодаря светлomu заклятью, оплетающему косяк. Обычная магия, в отличие от «умной», действовала безотказно.

— Марта, это мама. — Она деликатно постучалась. — Ты уже спишь?

Очевидно, родительница решила устроить проверку. Как представилось, какая длинная и проникновенная проповедь меня ожидает, если Закари с самым невозмутимым видом выйдет из спальни, так бросило в жар. Оглядевшись, я ткнула пальцем в сторону гардеробной. Спорить Торстен не стал и мигом нырнул в тесную комнатку.

Мама между тем потеряла терпение и все-таки взялась за дверной молоток. Тишину наполнил громкий стук. Я открыла с самым недоуменным видом, дескать, что случилось в башне Варлок в самую тихую ночь в году. Родительница стояла в парчовом халате, в чепчике для сна и с маленьким сундучком в руке.

— Почему ты не открывала? — требовательно спросила она.

— Задремала на верхнем ярусе, — на ходу сочинила я и даже попыталась зевнуть. Получилось паршиво. Вид, полагаю, у меня был исключительно бодренький.

Войдя, мама окинула полукруглую комнату орлиным взором. С подозрением пригляделась к портьерам, словно проверяя, не выглядывают ли из-под них мужские ботинки. Глянула в закуток, где стояла кровать.

— Ты одна? Где Закари?

— В гостевой башне, наверное, — протянула я. — Что-то случилось?

— Ничего. — Она пристроила сундучок на туалетный столик и уселась на диван. — Просто решила сегодня переночевать с тобой. Давненько мы не разговаривали, как мать и дочь.

Всем видом матушка показывала, что всерьез вознамерилась прочитать лекцию о серьезных отношениях с парнями. Вернее, с одним парнем, спрятанным между висящими в тесноте платьями. К счастью, она об этом не догадывалась.

— Тебе хочется поговорить почти в середине ночи? Может, просто ляжем спать? — с надеждой уточнила я.

Но если Беата Варлок надумала сторожить совершеннолетнюю дочь, чтобы ни один злодей Закари Торстен не попытался покуситься на девичьи прелести, то убедить ее, что моим прелестям ровным счетом ничего не угрожает, невыполнимая миссия. Мне не хватит красноречия. Шпион в гардеробной был обречен сидеть в тесноте, пока она не заснет. Надеюсь, в последние дни мама не страдала бессонницей.

— Марта, это очень важный разговор, — строго ответила она и похлопала по дивану, предлагая мне немедленно заземлиться и внимать материнской мудрости.

Оставалось расслабиться, получать удовольствие и по возможности поменьше болтать. С враньем и пунктуальностью у меня такая же проблема, как у мамы с политесом и деликатностью.

Я устроилась на диване, расправила на коленях кружевную юбку и приготовилась позориться. В гардеробной что-то упало. Возможно, Закари. Или от осознания, что скоро его не выпустят, или от запаха лавандовых благовоний.

— Кстати, ты не страдаешь в последнее время бессонницей? — вырвалось у меня вообще-то весьма неуместно, но вопрос действительно был животрепещущ.

— Нет, — сухо отозвалась мама и поправила чепец. — Не перебивай меня.

— Ты еще ничего не сказала.

— Конечно, ты все время меня отвлекаешь! — проворчала мама и, прочистив горло, с деликатностью носорога спросила: — Ты вообще не собиралась нам рассказывать о Закари Торстене?

— Вообще... — согласилась я, но тут же поняла, что выбрала неправильную стратегию. — Когда-нибудь рассказала бы, но точно не в этом году. И скорее всего не в следующем. В идеале ничего не хотела рассказывать до получения диплома.

— Боялась, что мы перестанем оплачивать академию?

— Я получила бесплатное место с содержанием, — сдержанно напомнила я.

— Ах, точно, — согласилась мама и от конфуза желтые глаза приобрели оранжевый оттенок. — Если подумать, Закари хороший мальчик... Репутация только у него плохая.

Очень хотелось сострить, что они практически надумали меня сосватать за парня с плохой репутацией, но я прикусила язык. Следовало сделать вид, будто мы с Закари не догадались, к чему семимильными шагами шел разговор за столом.

— Когда вы с Закари намерены пожениться? — спросила мама.

— В смысле? — напряглась я.

— Вы сказали, что у вас серьезные отношения, — напомнила она. — Просто, чтобы ты знала: мы не осуждаем! И будем не против породниться с Торстенами. Признаться, твоему отцу приходил в голову такой вариант. Клановая вражда окончательно затухнет. Так делали еще во время драконов...

Ты труп, Закари Торстен! Как я вообще согласилась на твой провальный план? Клянусь, ты получишь самую ужасную жену на семь королевств!

— ...Однако, — решительно высказала мама, и у меня отлегло, — мы живем в современном мире. Прежде чем думать о замужестве ты должна получить высшее магическое образование! Никакой свадьбы до окончания учебы!

Ладно, живи, Закари Торстен. Может, твой план небезнадежен.

— Как говорил мой великий дедушка: в магическом мире сложные заклятья избавляют от многих проблем, — с умным видом

поддакнула я.

Справедливо говоря, эту мысль он выказал во время суда о незаконно воскрешенном Торстене. Вражеский клан узнал о родственнике-питомце в башне Варлок и подал жалобу в магический совет. Деда обязали выплатить громадный штраф. На эти деньги можно было вполне законно завести целый отряд воскрешенных мертвецов. Торстена все равно пришлось упокоить. Со всеми почестями, за наш счет.

Если верить семейным хроникам, они вообще не постеснялись и заказали на обряд прощания с посмертием королевский оркестр. С барабанами! Подозреваю, никогда факел ненависти не горел так ярко, как в те мгновения, когда музыкант бахал по огромному барабану, и по окрестностям разносился издевательский «бум».

— Папа со мной полностью согласен, — с такой убежденностью заявила мама, что мигом стало ясно: если отец по какой-то причине точку зрения не разделял, то в его интересах поскорее ее разделить, принять и нести в мир, как светлые несут добро и справедливость. Иначе отдача замучает.

— А Торстены? — осторожно уточнила я.

— Уверена, они в таком же шоке, как мы. Какая женитьба? Все переваривают новость, что вы год по углам прятались... — Она осеклась, кашлянула в кулак и добавила: — В общем, дорогая моя дочь, сегодня я поняла, что ты стала совсем взрослой. Пришло время тебе узнать о содержимом тайного женского сундучка.

— Чего? — не поняла я.

— Тайный сундучок, — снова повторила мама.

Мы одновременно повернулись к туалетному столику, на котором стоял окованный серебряными орнаментами ларец.

— Мне страшно спрашивать, что там, — тихо протянула я. — Косметические притирки от морщин?

— Средства от неожиданных неприятностей.

Я недоуменно посмотрела на маму. Она ответила выразительным взглядом и изогнутыми бровями. Странная пауза затянулась.

— Дочь, ты же в курсе, что детей приносят не аисты?

Первое, что пришло в голову после этой нелепой фразы, мысль о Закари Торстене, засевшем в гардеробной комнате. Мог ли этот вечер стать еще хуже? Оказалось, что мог и стал!

Без предупреждений, предисловий и вступительных речей дорогая матушка принялась туманно объяснять совершеннолетней дочери, откуда берутся дети. Помогите мне святые духи, потому как святые демоны сейчас не в состоянии. Они задыхаются от хохота!

— Марта, — торжественно приступила она к образовательному процессу, — все знают, что дети — цветы жизни.

— Мама, не надо... — умоляюще пробормотала я.

— Надо, милая. Очень надо! Вопрос невероятно серьезен! — Она ободряюще потрепала меня по руке. — Помни, что твоя мать испытывает такую же неловкость, как и ты.

— Я знаю, откуда берутся дети!

— На практике? — встрепелась она.

Какой страшный вопрос! Скажешь, что в теории — начнет просвещать. Признаешься в практически навыках — впадет в материнский экстаз и прочтет задушевную лекцию о девичьих чести и гордости. Что говорить-то?! Но мыслей не было.

— Ну... — сказала я.

— Что?

— У нас с Закари иного рода отношения! — выпалила на одном дыхании. — Они... возвышенные!

Святые духи и демоны, можно просто лечь на пол и помереть от позора?

— Очень хорошо! — кивнула мама. — Но у Закари репутация энергичного садовника. Если вы все-таки надумаете перекопать, так сказать, цветочную клумбу... то тебе следует знать, что сделать, чтобы на этой клумбе ничего не проросло. Понимаешь?

— А?

— Вижу, что не понимаешь, — вздохнула мама и, поморщившись, помахала рукой: — Просто принеси сундучок.

— А может, все-таки не надо? — тихо и жалобно спросила я.

В голове звучал издевательский хохот того самого «садовника» из гардеробной, об истинной энергичности которого мама понятия не имела.

— Буду прямолинейной! — рявкнула она, потеряв терпение. — Я не готова стать бабушкой! Принеси ларец.

Выразительный взгляд родительницы заставил меня подняться с дивана и притащить нарядный ларец. Внутри что-то подозрительно

звякало. С важным видом мама пристроила его на колени и подняла крышку. Стенки тайного хранилища светились, намекая, что оно охраняется магическим заклятьем.

— Запоминай! — приказала мама и продемонстрировала круглую бутылочку с картонной карточкой, привязанной к узкому горлышку. — От детей.

— Что мне с ним делать? — не выдержала я.

— Строго следить за сроком годности! — отрезала она. — Принимать перед... вспашкой клумбы.

— Перед чем?

— Перед всем!

— Ох уж эти садовые метафоры, — проворчала я.

Мама недовольно покачала головой, дескать, будь серьезнее, дочь, и показала новую склянку:

— Успокоительное.

— Если я распахуюсь от странных разговоров о клумбах и садовниках?

— Если мужчина не пожелает держать себя в руках! — объявила мама. — Десять капель на стакан воды, и он расхочет превращать твоего отца в деда.

Святые демоны, как я до этого докатилась?!

Между тем из сундучка появилась новая склянка.

— Это снотворное, — пояснила неугомонная родительница. — Двадцать капель, и мужчина спит как младенец. Во сне мужчинам не хочется заниматься разными глупостями. И последнее: средство для мигрени.

— Ты хотела сказать: от мигрени? — поправила я, разглядывая крошечную склянку.

— Нет, для мигрени. Две капли, и от головной боли мужчина не сможет думать о пагубных для твоего образования страстях. Он в принципе не сможет думать. Средство серьезное, пользуйся только в самом крайнем случае. Болезные мужчины капризны и требуют тщательного ухода.

— А это что? — не поняла я, когда мама вытащила из сундучка черную бархатную тряпицу с завязками. — Мне связать его, что ли, чтобы руки не распускал?

— Нет, это просто моя маска для сна, — пояснила матушка, аккуратно опустила крышку ларца и протянула его мне: — Владей, дочь моя!

Нехотя забрав сундучок, я пристроила его на коленях и приготовилась дальше внимать материнской мудрости. Все равно после красочных садово-оранжерейных сравнений опозориться сильнее невозможно. Некоторое время мы сидели в дивном молчании и с одинаково вопросительными улыбками смотрели друг на друга.

— Если хочешь еще что-нибудь узнать, то спрашивай, — неожиданно подбодрила она. — Не надо стесняться! Кто тебе еще расскажет о важных вещах, как не мать?

— Нет-нет, ты все очень доходчиво объяснила, — мигом отказалась я от удовольствия узнать другие способы, как не сделать ее бабушкой, и быстренько поднялась с дивана. — Время позднее, завтрак ранний. Давай ложиться.

Быстренько сунув ларчик на ступеньку винтовой лестницы, я двинула в сторону кровати, спрятанной в небольшой специально отделенной комнатке.

— Ты хочешь спать в платье? — удивилась мама.

Хороший вопрос.

— Собиралась разложить кровать, — сочинила на ходу и, изобразив не слишком убедительный зев, протянула: — Но если ты сама, то переоденусь. Глаза уже слипаются.

В гардеробную я прошмыгнула через едва приоткрытую дверь, чтобы случайно не продемонстрировать засевшего в недрах Торстена. Озаренный тусклым светом настенного светильника, он замер в позе властелина одежного королевства: скрестил руки на груди и прислонился к высокому комоду, словно каждый день застревал в гардеробах у девушек. Почти черные глаза смеялись, на губах цвела издевательская улыбочка. Одна из самых бесящих, вызывающих во мне логичное желание залепить ему в физиономию заклятьем немоты, но мы и без магии были вынуждены молчать.

Скривившись в ответ, я заставила его потесниться и выдвинула ящик комода. Без зазрения совести Закари заглянул в полку с нижним бельем, обнаружил черный кружевной корсет, лежащий сверху, и уважительно округлил глаза.

— Расстегнуть? — тихо-тихо промурлыкал он и нахально провел пальцем по пуговичному ряду у меня на спине.

— Лучше рот себе застегни... садовник, — едва слышно отозвалась я и вдруг, сама от себя не ожидая, от этого слова (да и вообще от всей идиотской ситуации) громко и нервно прыснула от смеха.

— Марта? — вдруг позвала из комнаты мама. — Ты там плачешь? Мы с Закари быстро переглянулись.

— Все хорошо! Просто переодеваюсь! — крикнула я в ответ.

Но по дубовому паркету застучали каблук мамыных домашних туфель. Похоже, она вознамерилась вломиться в гардеробную и проверить: не рыдает ли ее неискушенная дочь от жестокой правды, что детей находят не в капусте, не в кабачках и даже не в кустах животворящей мандрагоры.

Вообще-то, никто не собирался переодеваться и светить прелестями перед Закари, но обстоятельства требовали быстрых решений.

— Достань ночную рубашку... — шикнула ему.

Давненько я не колдовала в такой панике! Заклятье заставило пуговицы на платье стремительно расстегнуться, а шнурки на ботинках развязаться. Торстену тоже слегка досталось светлой благодати: у него до пупа расплзлась черная рубашка. Полы кокетливо разъехались и продемонстрировали гладкий крепкий торс, сохранивший следы летнего загара.

Однако Закари не заметил конфуза. Пока я стаскивала платье через ноги, путаясь в подоле, он вытащил из ящика сорочку и встряхнул. Сверток расправился в длинный безразмерный балахон с кривоватыми цветочками на высоком вороте.

На остолбенелого от изумления Торстена было больно смотреть. Похоже, одеяние, достойное послушницы магического монастыря, куда меня частенько грозились отправить на перевоспитание, «энергичный садовник» видел впервые в жизни. А еще не верил, что — так сказать, — держит костюм невинной девицы в руках.

Признаться, я тоже такого в своем гардеробе ни разу не находила, но капризничать было некогда. Выдрала из окаменевших рук Закари рубашку и натянула прямо на шелковую сорочку. К слову, на нее заправский бабник не обратил никакого внимания. Очевидно, на

нормальное женское белье он успел насмотреться до конца жизни. Как, впрочем, и на полуголых девиц.

— Марта, — мама говорила практически под дверью, — ты точно в порядке?

Не придумав, куда спрятать парня в том месте, где он уже вроде как надежно спрятан, я резко пихнула его в сторону одежного ряда. От неожиданности Закари завалился между платьями, попутно содрав с вешалки тяжелый бальный наряд. Сама не ожидала сногшибательного результата!

Скинув на ходу ботинки, я выскочила из гардеробной буквально перед носом обеспокоенной родительницы и с идиотской улыбкой прислонилась спиной к двери.

— Мне показалось, что у тебя там что-то упало, — нахмурилась мама.

— Я! — выпалила первое, что пришло в голову. — Разувалась и чуть не упала. Так хочу спать, что уже на ногах толком не держусь. Пойдем?

— Ты надела ночную рубашку, которую я подарила, — прокудахтала матушка.

Видимо, меня так впечатлил подарок, что в памяти не отложилось, на какой праздник его вручили.

— Очень удобная, — похвалила я и едва не наступила на длинный подол. — Даже далеко не убирала.

Обняв матушку за плечи, я увлекла ее в сторону расправленной широкой кровати и щелчком пальцев погасила огни в большой комнате. Мы улеглись. Потушили настенные ночники. В темноте на туалетном столике таинственно светился почтовик. Под дверью в гардеробной пробивалась полоска мигающего света. Гасла и снова зажигалась от движения. Видимо, Закари отчаянно боролся с бальным платьем.

Мама начала подвязывать ночную маску, но вдруг заметила пульсирующий свет.

— В гардеробной моргает лампа, — насторожилась она.

— Какой-нибудь дух, наверное, залетел, — по-умному предположила я, искренне желая, чтобы эта «страшилка из шкафа» хотя бы на секунду замерла.

— Просила же всех домовиков поймать! От «умного замка» нечисть совсем взбесилась, — посетовала мама.

— Наверное, кто-то нового притащил.

Она недовольно поцокала языков, завязала глаза и улеглась на соседнюю подушку. Некоторое время мы провели в молчании. Я не шевелилась и ждала, когда мама заснет.

— Если вы с Закари встречаетесь, — вдруг проговорила она в тишине, — почему ты была против приезда Торстенов?

Вот так всегда: только расслабишься, как прилетает каверзный вопрос. Кажется, скрип моих мозгов можно было услышать наяву. Логичного объяснения, почему я искренне возмущалась, не находилось, пришлось озвучить не особенно логичное:

— Не хотела, чтобы вы узнали правду.

— Моя милая дочь, — вздохнула мама, — видимо, тебя очень сильно тяготила тайна. А мы ведь догадывались, что у тебя кто-то есть. Ты летом постоянно уезжала из замка. Все ждали знакомства.

Матушка наконец примолкла. Я дожидалась, когда она крепко заснет, прислушивалась к дыханию и не заметила, как задремала. Проснулась резко, от осознания, что счастливо дрыхну, а за окном давно занимается рассвет!

Проверила родительницу. Она лежала на другом конце кровати, подсознательно уступив мне большую половину. Тихонечко выбравшись из-под одеяла, на цыпочках я прошла к гардеробной. К моему огромному недовольству, Закари никуда не делся. Он спал, сидя на полу возле комода и прикрывшись сверху собственным пиджаком.

— Торстен, — прошептала я и потрепала его по плечу.

Он резко открыл глаза, и зрачки сократились до тонкой вертикальной полоски.

— Ты почему еще здесь? — тихонечко спросила, когда в его взгляде появилась осмысленность.

— Ваш замок не дал выйти, — прошептал он, растер лицо ладонями и, сморщившись, поднялся на ноги. Видимо, тело затекло.

— А магия тебе на что?

— Стоило выбить дверь? — недовольно проворчал Закари.

Стараясь двигаться бесшумно, мы выбрались из гардеробной и крадучись добрались до двери. Замок не сопротивлялся: позволил

опустить ручку. На лестнице царил тяжелый холод и хотелось поежиться. Я выпустила парня и прошмыгнула за ним следом.

— Хорошо тебе доспать, Варлок, — пробормотал он, натягивая словно пережеванный драконом пиджак.

— Встретимся на завтраке, Торстен, — хмыкнула я.

В этот момент дверь за моей спиной широко раскрылась. На нас в большом удивлении смотрела проснувшаяся матушка в чепце и с черной бархатной маской, болтающейся на шее.

— Позвольте спросить, молодые люди, что вы делаете? — с ледяной интонацией вымолвила она.

ГЛАВА 3. Романтика по Закари Торстену

Что за наивный вопрос, право слово? Я в костюме невинной девы в посмертии. В смысле, с черными тенями под глазами до самого подбородка, лохматая и в вышитым матушкиной рукой саване. Закари просто в жеваном костюме парня, прошедшего всю ночь на полу женской гардеробной. Конечно, мы желаем друг другу доброго утрачка! Разве по нам не читается, что у обоих оно наполнено восторгом от долгожданной встречи?

По помятому лицу Торстена-младшего, пожалуй, особенно заметно, насколько он лучится счастьем. А что глаза красные и зрачки вертикальные, как у демона на солнце, так это от слез радости, что разлука с любимой девушкой наконец подошла к концу! Еле дождались рассвета, чтобы увидеться на лестнице в южной башне.

Мы заговорили одновременно:

— Закари пришел пожелать доброго утра.

— Я прогуливался по замку...

Проклятье! Мы когда-нибудь сойдем в унисон, а не в разнобой?!

— ...и я пришел пожелать Марте доброго утра, — добавил он с очаровательной улыбкой.

С ума сойти! У меня в такое время получался только злобный оскал, ядовитая ухмылка или просто угрюмая мина, а он умел улыбаться, как на празднике. Знаете ли, истинный талант в женской гардеробной не проспичь!

— В полшестого утра? — въедливо уточнила мама.

— Я жаворонок, — ответил он.

Закари, не хочу тебя расстраивать, но мы не жаворонок и не сова. Ты дятел, а я канарейка, раз нас накрыли в самом финале.

— Если доброго утра вы друг другу пожелали, то прощайтесь до завтрака, — предложила мама, как будто чуточку смягчившись.

— Мы с Мартой хотели вместе встретить рассвет, — выдал Закари.

— Но уже передумали, — немедленно отказалась я от сомнительного удовольствия таращиться в небо из обсерватории,

которая вообще-то находилось на самом верху гостевой башни. Вроде как проводила любимого до покоев. — Встретимся на завтраке, Закари. Да?

— А давай устроим пикник на свежем воздухе? — предложил он. — В замке отличные виды.

Да что тебя, как гулящего кота, на улицу-то тянет, потомок демона? Ненавижу есть на холоде! Но любовь с Закари Торстеном, что называется, сама себя не изобразит. Пострадать всего один денечек, а вечером мы вернемся в академию и дело в шляпе. Главное, чтобы шляпа не оказалась с дырами.

— Чудесная идея. — Я растянула губы в сложной улыбке. — Попрошу собрать перекус и горячий кофе.

— Тогда встретимся в девять, — предложил Закари и кивнул моей матери: — Хорошего утра, Беата.

Сунув руки в карманы, он начал спускаться по лестнице. Перед поворотом оглянулся со сверкающей улыбкой и махнул рукой, дескать, не надо меня провожать. Оставалось закрыть дверь и быстренько вернуться в кровать.

— Одно странно, — нахмурилась мама, — почему он был одет во вчерашний костюм?

— Всю ночь гулял по замку, — сочинила я на ходу и, помолчав, добавила: — А потом заблудился.

— Может, его надо проводить?

— Темные прислужники уже встали. Доведут, — уверила я и широко зевнула.

Терпеть не могу ранние пробуждения, а пробуждения после беспокойной ночи — еще больше! В такие отвратительные дни очень хочется нести в мир благодать в духе светлых чародеев, а тем, кто не успеет убежать, сверху припечатывать темными проклятиями.

И казалось, я только прикрыла глаза, как южная башня содрогнулась от зубодробильного звона пробуждающего артефакта, способного возродить к жизни всех окрестных мертвецов. В панике я подпрыгнула на кровати и диковато огляделась вокруг. В окно струился солнечный свет. Мамы не было.

Видимо, перед выходом она настроила время подъема и с хитростью, достойной истинной ведьмы Варлок, оставила открытую шкатулку на туалетном столике. Знает мою привычку прикрыть

артефакт и счастливо дрыхнуть до победного конца. В смысле, до того времени, когда уже не имеет смысла никуда торопиться — все срочные дела напрочь... проспаны.

Соскребшись с кровати, я доковыляла до источника раздражающего звона. Стрелки круглого циферблата на дне адской шкатулки были поставлены на половину восьмого. В общем, подремать удалось всего пару часов. С чувством захлопнув крышку артефакта, я вернула в покои хрупкую тишину и потащила в ванную комнату приводить себя в порядок.

Стук в дверь застал меня в тот момент, когда почтovníк мягким голосом Айка спрашивал, когда я вернусь в Деймран. С проворностью, явно достойной лучшего применения, хлопнула ладонью по хрустальному шару и не успела ответить, что буду сегодня вечером.

На пороге стоял Фергюсон, высокий и худой лакей в серой ливрее с вышитым золотом оскаленным драконом — гербом ковена Варлоков. Фергюсон давно отслужил положенный магическим договором срок, но остался жить в замке и по-прежнему носил форму темного прислужника.

— Меня прислала хозяйка, — с самым флегматичным видом пояснил он. — Хотела проверить, что вы точно проснулись.

— Я точно проснулась.

— Тогда мне нужны распоряжения, что собрать на пикник.

— Что за пикник? — удивленно изогнула я брови.

— Вы собрались завтракать на свежем воздухе с господином Торстеном-младшим, — не поведя бровью, напомнил Фергюсон.

— Конечно, мы собрались на пикник... — кисло вздохнула я.

Полагаю, у меня на лице так живо нарисовался «восторг» от предстоящего свидания на природе, что прислужник немедленно подбодрил:

— На улице чудесная погода.

— Уверена, Закари еще спит, поэтому еда на улице отменяется.

— Господин Торстен давно не спит, — оповестил лакей, — и около часа занимается с вашим младшим братом в тренировочном зале. Очень энергичный молодой человек.

Святые демоны! Выходит, Закари не соврал, когда назвал себя жаворонком? Не зря он мне не понравился с первой минуты

знакомства! Люди, ни свет ни заря фонтанирующие энергией, всегда вызывают подозрение.

— Тогда пусть нам соберут завтрак, — сдалась я.

— Какой именно?

— Легкий.

— Хотелось бы определенности, — потребовал въедливый слуга и принялся перечислять: — Чай, кофе, сок, простой кипяток. Сыр, ветчина? Яблоки, груши? Орехи? Что-нибудь еще?

Еще у меня сейчас мозг взорвется от напряженной работы мысли! Я-то обычно предпочитала по утрам черный кофе вприкуску с дурным настроением. До полудня больше ничего не лезло. Чем на завтрак набивал утробу Закари Торстен знал только Закари Торстен. И наверняка его драгоценная родительница.

— Что-нибудь поесть, а не погрызть... Хотя постой! — Я потеряла переносицу, стараясь погасить раздражение. — Сначала узнаю у Закари. Возможно, мы уже отменили пикник.

— Буду ждать распоряжений, — согласился Фергюсон. — Ваша матушка с госпожой Торстен завтракают в оранжерее. На тот случай, если вы захотите пожелать им доброго утра.

Больше всего я хотела бы проспать до середины дня, но оделась в узкие легинсы с теплым свитером, и отправилась желать наидобрейшего утра своему фальшивому парню.

Замок давно проснулся. Сновали люди. Видимо, у меня на лице было написано, что хозяйская дочь пребывает в том забористом настроении, когда светлая магия требует приносить тяжелую благодать, и даже темные прислужники аккуратно сворачивали с пути.

Зал для магических тренировок ничем не отличался от атлетического, но в центре красовался круг для призыва силы, который обычно использовали некроманты и темные заклинатели. В нашем ковене ни те, ни другие не приживались, и народ по пентаграмме обычно топтался без должного уважения или трепета.

Прямехонько в центре этого круга Закари, одетый не для тренировки, в широкие модные брюки и свитер с высоким воротом, что-то терпеливо объяснял моему брату. Небрежно собранные в хвост черные волосы открывали лоб. Торстен выглядел неожиданно милостивым и очень бодрым, словно всю ночь проспал в кровати, а не на полу моей гардеробной. В общем, бесил с первого взгляда. Мне-то

сон на кровати не помог. Зеркало недвусмысленно намекало, что привести в порядок то, что оно отражало, принципиально невозможно.

На фоне плечистого молодого мужчины, Йен в свободной спортивной форме казался очень хрупким, как тонкий побег перед сильным деревом. Лицо брата покраснело от напряжения и усилий вникнуть в тонкости магии.

Он заметил меня первым, мигом насупился и погасил черный магический дымок. Закари оглянулся, насмешливо скривил губы и скомандовал мелкому:

— Йен, потренируйся пока один.

Уверенной поступью он пересек зал и, ни капли не смущаясь, остановился на расстоянии детского шага. Близость Закари Торстена, без колебаний ворвавшегося в мое личное пространство, вовсе не смущала, скорее подсознательно вызывала настороженность.

— С чего ты взялся заниматься с мелким, когда нормальные парни спят?

— Мы заключили честную сделку. — Закари широко улыбнулся.

— Он мне адрес твоего почтовика, я ему урок по защитным чарам.

— Ты вообще не ложился?

— Не успел. Кстати, выглядишь паршиво. Как ноябрь.

— Торстен, тебе кто-нибудь говорил, что честность не всегда уместна? — огрызнулась я. — Мы точно должны идти на этот пикник? Терпеть не могу есть на улице.

Возможно, со стороны утреннее свидание выглядит мило, но приглядишься поближе и сразу ясно, как несчастные люди мучаются. От холода из носа течет, булка крошится, кофе остывает. Приходится подогреть заклатьем, а от магии, между прочим, он становится горьким.

— Ты ничего не смыслишь в романтике, поэтому доверься мне, — заговорщицки тихо посоветовал он. — Наши родители оценят.

— Тогда я вынуждена узнать, что ты предпочитаешь из еды. Не подумай, что меня очень интересуют твои вкусы. Не хочу, чтобы твоя мать поняла, что я вообще не в курсе.

— Естественно, — хмыкнул Закари, блеснув насмешливым взглядом. — Спрашивай.

— Отвечай, не задумываясь, — велела я. — Сыр или ветчина?

— Сыр.

— Яблоки или груши?

— Не люблю фрукты.

— Кофе или чай?

— Кофе.

— Черный? — ради шутки уточнила я.

— С молоком.

У меня чуть челюсть не отвисла.

— Серьезно? Торстен, ты пьешь кофе с молоком? — недоверчиво уточнила я.

— И сладкий, — добавил он с улыбкой. — Никогда не пробовала?

— Нет, — скривилась я.

— Но все равно не одобряешь, унылый ноябрь, — заключил он.

— Даже комментировать не стану, — презрительно фыркнула я.

— Лучше попрошу собрать нам корзину для пикника, пока не узнала о тебе еще чего-нибудь бесящего. Встретимся через пятнадцать минут в холле.

За это короткое время я успела передать просьбу на кухню, заскочить в южную башню за теплой шалью и окольными путями — подальше от оранжереи, — добралась до холла. Но Закари оказался точен, как пробуждающий артефакт. Он уже был на месте и с любопытством изучал знаменитых каменных драконов башни Варлок.

Уменьшенные копии магических тварей, должно быть, когда-то обитавших в старом темном клане, появлялись сами собой в разных местах и позах. Изваяния с раскрытыми крыльями выступали из стен и словно заползали на карнизы. Щерили до жути реалистичные клыки в сторону парадных дверей. Свернувшись, подобно каменным кошкам, спали в нишах. В холодные сезоны драконов становилось больше, словно их влекло тепло. Весной каменное поголовье начинало редеть.

Спрятав руки в карманы брюк, Закари разглядывал мраморную драконью морду, вылезавшую прямехонько из ступеней. Чуть ниже уже проклевывался хребет с характерными наростами, край крыла и когтистая лапа. Новый житель холла собирался нахально дремать поперек лестницы. Теперь всю зиму, пока он не сбежит за каменными сородичами, придется смотреть под ноги, чтобы не споткнуться и не пересчитать ступени пятой точкой. Их, если что, пятьдесят. И каждая с острым ребром.

— Всегда было интересно, как они выглядят, — не поворачивая ко мне головы, прокомментировал Закари.

— Драконы то вырастают, то уходят в стены. — Я указала на одну из каменных фигур, практически утопленную в украшенный лепниной высокий потолок. — Потом появляются в других местах. Мы привыкли.

— Какая-то магия? — Он покосился на меня.

— Мы считаем это проклятьем Торстенов, — ухмыльнулась я. — Прабабка Раиса говорила, что если драконы не вернуться, то придет конец нашего ковена.

— Вы верили ее предсказаниям?

— Исполнялись с завидной регулярностью, — с трудом сдерживая улыбку, оповестила я.

— То есть с примирением Торстены поторопились, — хмыкнул Закари. — Стоило просто дождаться, когда из вашего холла исчезнут драконы.

— Да брось! — протянула я. — Уверена, что в вашем замке мы тоже что-нибудь прокляли.

— У нас говорят, что драконы вымерли из-за Варлоков, — напомнил он.

— Вообще-то, доказано, что драконы вымерли из-за изменений в магическом равновесии, — напомнила я. — Но будем честны: виноваты Торстены.

Он бросил на меня снисходительный взгляд:

— Ты не готова к этому философскому спору.

— Никто не собирается спорить. Это исторически доказанный факт.

— Доказан летописями Варлоков? — хмыкнул Закари.

Вообще, с драконами случилась мутная история. В башне Варлок жила самка Зараза, в замке Торстен обитал самец Кейран. Мои выдающиеся предки предприняли отчаянную попытку не дать магическим тварям исчезнуть с лица земли и попытались свести двух ящеров, но из-за Торстенов все пошло насмарку. Крылатые жених и невеста передрались! Хозяева Кейрана принялись предъявлять претензии, а грозная Агата, мать-основательница нашего ковена, известная на семь королевств крутым нравом, чуток вспылила. В итоге вместо драконьего потомства мы получили кровную вражду.

— Торстен, ты нарываешься на светлую благодать, — предупредила я, чувствуя, что совершенно нелогично начинаю злиться. — После сегодняшней ночи мне очень хочется нести добро и творить хорошие дела.

— На какое доброе дело я тебя вдохновляю, сентябрь? — промурлыкал он. — Я заинтригован — обычно ты творишь и не предупреждаешь.

— На заклятье немоты, Торстен, — отозвалась я с мягкой улыбкой, нечеловечески сведшей челюсть. — Поэтому сделай милость, прекрати болтать чушь, чтобы я не тратила на тебя светлую магию.

Неожиданно раздалось сдержанное покашливание. Встрепенувшись, я выглянула из-за Закари, как из-за заграждения. Фергюсон с самым осуждающим видом держал корзину для пикника и теплый клетчатый плед.

— Хозяйка, все готово, — загробным голосом промычал он.

От настоятельно предложенного сопровождения мы отказались и забрали у лакея пикниковый скарб. Внутри корзинки что-то позвякивало. Закари с легкой улыбкой протянул мне раскрытую ладонь. Недолго думая, я попыталась ему всучить доставшийся мне колючий плед. Не сработало. Выразительно вздохнув, он схватил меня за руку, сжал покрепче, словно кто-то собирался вырваться (естественно, собирался), и увлек вниз по лестнице. Что сказать? В умении изображать большую любовь Закари Торстен давал мне сто очков фору, но держать его за руку все равно было странно.

Тяжелая входная дверь, вчера напрочь отказавшаяся впускать гостей, величественно раскрылась. В холл с громкими разговорами ввалилась разношерстная компания местных чародеев. Мы поравнялись на середине лестницы.

— Доброе утро, — бодренько поздоровалась я.

Закари тоже поздоровался. Кивком головы. В общем, повел себя, как высокомерный паршивец.

Нас провожало ошарашенное молчание, а спину жгли любопытные взгляды. Если кто-то в замке был не в курсе, что я встречаюсь с бывшим врагом, то к обеду об этом узнают абсолютно все обитатели. Даже наш алхимик. А до него новости иногда доходят с таким опозданием, что успевают устареть.

Солнце, лишенное пронзительной яркости и знойности, грело широкие ступени и выложенную гладким камнем площадь. Высокие крепостные стены хранили замок от ледяных ветров, но прятали удивительные энергетические пейзажи, раскрашенные яркими, сочными мазками осени.

Едва «умный замок» закрыл за нами дверь, Закари выпустил мою руку и заявил:

— Я заглянул к дамам в оранжерею пожелать доброго утра и посмотрел, в каком месте нас наверняка будет видно, — пояснил Закари. — Сверху хорошо видно пляж.

Возле башни Варлок действительно протекала горная речушка, тихая и печальная, хотя на рисунках в старых альбомах ее изображали бурной и пенистой, яростно прогрызающей дно ущелья. Узкий берег, покрытый кляксами речного песка, клоками пожелтевшей травы и мелкой галькой, назвать высокопарным словом «пляж» не поворачивался язык, но из оранжереи его действительно было видно как на ладони.

— У воды холодно. — Я поежилась и поплотнее запахнула шаль, словно уже спасалась от влажности. — Давай просто останемся в оранжерее. Нас точно все заметят.

— Но мы хотим уединения, — напомнил Закари, что пикник придуман не ради удовольствия.

Лично я хотела черный кофе и спать, а не изображать глубокие чувства к идейному врагу, но пришлось сдаться и махнуть рукой в нужном направлении.

Замок мы обошли в сосредоточенном молчании, словно актеры, шагающие к театральной сцене и готовые с душой отыграть лучшие роли. К берегу спустились по выдолбленным в горной породе ступеням и выбрали свободный от веток-топляков клочок земли. Брошенный на землю плед расправился сам собой под действием светлого заклятья.

— Сцена готова, господин постановщик, — хмыкнула я, стряхивая с ладоней остатки магии. — Давайте изображать отношения.

Спрятав насмешливый взгляд, Торстен поставил корзинку на плед и неожиданно промолчал, что для него было вообще не характерно. С подозрением покосившись на него, я села на колени, откинула крышку корзинки и заглянула внутрь. Под льняной салфеткой стояли аккуратно

сложенные деревянные коробочки с перекусом и два горячих фарфоровых термоса.

— Светлая или темная магия? — резко и ни с того ни сего спросил Закари.

— Светлая, — не задумываясь, быстро ответила я и под насмешливое фырканье прикрыла глаза. Попалась, как ребенок, ей-богу.

— Неужели? — Он развеселился. — Сентябрь, ты должна быть феей. В какой момент все пошло наперекосяк, и ты превратилась в ведьму?

— Когда познакомилась с тобой, Торстен, — совершенно не оскорбившись, очаровательно улыбнулась я.

— Мне кажется, ты сейчас покривила душой.

Мы встретились глазами и некоторое время смотрели друг на друга, как прикованные, словно играли в детские гляделки. Глупость какая-то. Я отвела взгляд, но Закари быстро произнес:

— Рано.

— В смысле? — Я моргнула от удивления.

— Не опускай голову, — с мягкой улыбкой, способной одурачить даже самого недоверчивого человека, весьма прозаично скомандовал он. — За нами следят.

Эмбер утверждала, что если смотреть мужчине в глаза дольше тридцати секунд, то непременно испытаешь к нему вожделение. От страшной мысли о гипотетическом влечении к Закари Торстену в затылке вдруг появилась неприятная дрожь, словно голова начала весить как каменная глыба. Настолько это противоречило моему представлению о добре и зле!

— Наплевать, у меня затекла шея. — Я отвернулась. — Давай ты сам поизображаешь большую любовь, а мне хочется кофе.

Он присел на плед и начал вместе со мной вытаскивать из корзинки похожие на шкатулки коробочки. Достал фарфоровый термос и отвернул крышку. Из широкого горлышка в воздух потек горячий ароматный дымок.

— Держи. — Термос с черным кофе перекочевал мне в руки, а Закари взялся за второй.

Прихлебнув горьковатый напиток, я едва не замычала от удовольствия. Первый глоток крепкого кофе, по-моему, лучшее, что

случается с любым человеком с утра. Даже мурашки побежали! Хотя, возможно, они побежали от влажного холода, идущего от реки.

— Признайся, Торстен, ты же скрываешь от друзей, что пьешь сладкую бурду с молоком? — подколола я. — Меня от одной мысли о таком кофе передергивает.

— Унылые люди всегда предпочитают скучные напитки, — парировал он.

— Это называется хорошим вкусом.

Неожиданный порыв ледяного ветра заставил вжать шею в плечи и поежиться. В лицо прилетел мелкий желтый листик. Я скривилась от отвращения и проворчала:

— Просто интересно, сколько девушек тебя бросили после завтрака на холоде?

— Ты первая, кого я привел на пикник.

— Какая, право слово, честь, что ты решил отработать на мне новый приемчик. Я трепещу!

— Ты, главное, не влюбись. Влюбиться в меня будет полным провалом, — хмыкнул он.

Я посмотрела на него, как на недоумка. Закари насмешливо отсалютовал термосом со сладкой бурдой, которую кофе не назовет ни один нормальный человек.

— Ты прав, — согласилась я. — Влюбиться в человека, растрепавшего по академии о моей двуликости, будет сокрушительным фиаско.

— Зато ты дала сумасшедшей первокурснице адрес моей матери. Она каждый день отправляла ей письма и доказывала, что ждет от меня ребенка.

Он даже не представляет, чего мне стоило отыскать этот адрес! Пришлось провести настоящее расследование. До сих пор испытываю гордость.

— Признайся, энергичный садовник, в тот раз тебя тоже хотели женить? — ухмыльнулась я.

— Нет, — хмыкнул Торстен. — У нас с ней никогда ничего не было.

— Врешь ведь, — сощурилась я.

— Ты удивишься, но я разборчив в выборе девушек.

У меня врывался смешок.

— Да ты, похоже, действительно в это веришь. В таком случае, что тебя заставило соблазнить Верду?

— Кого? — не вспомнил он.

— Мою бывшую соседку по общежитию, — подсказала я. — Вряд ли она в твоём вкусе.

— Да, но она была твоей единственной подругой, — невозмутимо согласился Закари, не открыв мне ничего нового. — Ты забавно злилась.

Скажу больше: не просто злилась — бесилась, мечтала сеять светлую благодать на каждого встречного, но только бессильно наблюдала за их стремительным романом. Верда переметнулась в стан врага и молчком переехала на другой этаж. Торстен, лишив меня подруги, немедленно потерял интерес, а в расставании она обвинила меня. И, наверное, была права. Вряд ли Закари обратил бы внимание на скромную первокурсницу, не будь мы с ней близки.

— Зато ко мне подселили Эмбер, и я только выиграла, — заключила я.

— Не благодари, милая, — нахально улыбнулся он.

— Давай договоримся, что «милыми» ты будешь называть своих подружек, — скривилась я. — Понимаю, ты в них путаешься и спасаешься коллективным прозвищем, но у меня, знаешь ли, есть имя. Если что, оно тоже начинается на литеру «эм».

— А как тебя называет твой парень? — любопытно спросил Закари.

— Мартой.

— Какие вы оба унылые, — внезапно он принялся меня дразнить. — Ты встречаешься с ботаником, да? *Марта*.

— Тебя совершенно не касается, с кем я действительно встречаюсь.

— Признайся, вы проводите вечера в библиотеке, вместе читаете скучные книжки, пьете черный кофе и даже за руки держитесь, когда никто не видит, — не унимался он.

— Не надо так громко завидовать, — не поддаюсь я на подначку. — Уверена, у тебя тоже когда-нибудь завяжутся нормальные отношения, *милый*. Но могу дать бесплатный совет: пока съешь сэндвич. Говорят, вкусная еда помогает смириться с объективной реальностью, а наш повар отлично готовит.

Порывы ветра трепали и путали волосы. Пришлось их заправить под шаль, чтобы не лезли в глаза. Сидеть на земле было холодно, да и ноги затекли. Я поднялась, чтобы размяться. Недолго думая, Закари встал следом и снова начал надо мной возвышаться. Не человек, а темная башня!

— За нами наблюдают из оранжереи, — вдруг произнес он.

Невольно я подняла голову и посмотрела в сторону оранжереи. Мама с Люцией действительно стояли возле стеклянной стены и, казалось, будто обсуждали цветущий куст.

— Улыбаемся и машем, Торстен, — фыркнула я и действительно помахала нашим родительницам рукой.

— Ты как ребенок, честное слово.

— Ну из нас двоих ты отвечаешь за взрослую романтику, — съехидничала я.

— Ладно, — сухо согласился он.

Секундой позже холодными пальцами Закари взял меня за подбородок, заставил повернуть голову и, наклонившись, прижался приоткрытыми губами к моим губам. Он замер всего на секунду и быстро отстранился.

От этого касания, быстрого и холодного, как его пальцы, я оцепенела. Смотрела на него широко раскрытыми глазами и не могла произнести ни слова. Ни в одном даже самом страшном сне мне не мог привидеться поцелуй с Закари Торстеном!

Внутри всколыхнулась волна гнева. На пальцах затрещали разряды светлой магии. Хотелось залепить ему рот заклятьем, чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах он не смел целовать меня своими пунцовыми губами.

— Думаю, они достаточно одурачены, а я замерзла. Давай заканчивать наш утренник на свежем воздухе, — с трудом вернув дар речи, произнесла я и кивнула на нетронутую еду. — Темные прислужники все уберут.

Ничто не может испортить первый глоток утреннего кофе? Ха-ха! Закари Торстен способен испортить любой кофе: черный, с молоком, горький и сладкий. У него степень магистра по тому, как испоганить хороший момент. Может давать платные уроки.

Склонившись, я прихватила с пледа крышку от термоса и, на ходу затолкнув ее в фарфоровое горлышко, двинулась в сторону лестницы.

Под ногами шуршала речная галька с неопратно вылезавшими между камнями желтыми пучками травы.

— Марта! — позвал меня Торстен, впервые не опустившись до пошлой «милрой» или до глупого «сентябрь».

— Мы играем в догонялки! Не знаешь такой игры? — Не оборачиваясь, громко ответила я и поправила на плече сползшую шаль. — Я делаю вид, что убегая, а ты делаешь вид, что никак не догонишь.

Конечно, он не остался на берегу в гордом одиночестве строить из себя печального героя девичьих снов и нагнал меня.

— Эй, в тебя как демон вселился, — с претензий произнес он.

Я мудро промолчала, что из нас двоих именно в него вселялся демон. В прямом смысле этих слов.

— Закари, я пытаюсь тонко намекнуть, что хочу провести часок без наших серьезных отношений, а ты никак не понимаешь, — зло проговорила я. — Просто жажду вспомнить, как прекрасно жила до вчерашнего ужина. Удивительное время! Я по нему уже скучаю.

— Стой! — Он схватил меня за локоть и заставил развернуться. — Ты из-за поцелуя, что ли, взбесилась?

— Торстен, ты выбрал очень, очень плохой способ извиниться, — процедила я, стряхивая его руку.

— В смысле: извиниться? — От удивления у него поползли на лоб брови.

От злости у меня свело челюсть. Пришлось себе напомнить, что влюбленная девушка обычно терпима к любым выкрутасам предмета обожания, и ослепляющие чары, залепленные в наглую физиономию, вообще неуместны. Особенно на каменной лестнице, способной кого угодно довести не просто до речного берега, а до того света, где наши предки возмущались из-за аферы правнуков.

— Торстен, не учили спрашивать у девушки, прежде чем лезть с поцелуями? — быстро спросила я.

Закари не сводил с меня любопытного взгляда, словно разговаривал с монашкой, сбжавшей от пострига и видевшей жизнь только из оконца монастырской келии.

— Нет, — с беззастенчивым спокойствием ответил он.

— Зря.

— Но если тебе принципиально, то извини. Буду знать, что ты ханжа.

— Я не... — Зачем-то решила поспорить с придурком, но, прикрыв глаза, перевела дыхание и просто буркнула: — О чем с тобой вообще говорить?

С каменным лицом я развернулась и начала подниматься вверх. От крутизны ступенек и энергичного движения в бок кололо, дыхание перехватило. За спиной звучали шуршащие шаги Закари, не проявляющего даже признаков отдышки. В общем, совсем бесил. Просто невероятно!

— Послушай, *Марта*, — позвал он, когда мы минули лестницу, и мне захотелось растянуться на пожухлой травке, покрытой мелкими желтыми листиками.

— Не говори со мной, — бросила я, истратив едва ли не последние капли воздуха, и перевела дыхание.

Вообще, хотелось встать, схватиться за бок и дать себе передышку, но Торстен подпирал сзади. Проявлять слабость перед этим демонским парнем было себе дороже. Запомнит и припомнит. Раз сто. Он умеет пользоваться уязвимостью противника.

— Мне просто любопытно, твой ботаник спрашивает разрешение прежде, чем прижать тебя к стене?

— Что ты сказал? — Я резко обернулась.

— Он спрашивает разрешение, чтобы тебя поцеловать? — Циничная усмешка, танцевавшая в глазах, тронула проклятые губы, посмеявшие задеть меня идиотским поцелуем. — Если так, то у меня плохие новости, *Марта*. У твоего ботаника комплекс неполноценности. Беги от него.

— Я ханжа, он закомплексованный ботаник, а ты у нас, значит, полноценный, — тихо проговорила я.

— Какой есть, — усмехнулся Закари.

— Да, — согласилась с ним. — Ты такой и есть. Полноценный недоумок.

Возникла острая пауза. Как нам вообще пришло в голову, что мы сможем спокойно дотянуть до вечера и не поскандальить, едва отыграем первый акт, и занавес закроется?

— Доброе утро! — раздался звонкий и чистый голос малыша Родерика...

Мы с Закари синхронно повернули головы. В трех шагах, радуя
ясное утро веселыми горошками бриллиантовой зелени на круглом
личике, стоял четырехлетний сын Дарины и Освальда. И — демоны
нас раздери! — наверняка слышал каждое выплюнутое от ярости
слово. В пылу ссоры мы, как всегда, забыли, что мир вокруг жив,
реален и всегда напоминает о себе не вовремя.

ГЛАВА 4. Пленники чулана

— Привет, малыш Ро! — Я растянула губы в фальшивой улыбке. — Ты почему один? Где нянечка?

Подойти к каменной лестнице без взрослых мальчику не позволяли защитные чары, а внутри замка не давала потеряться следящая магия. Не зря, артефактор Сириус называл ее умной. Кое в чем она действительно не подводила.

— Мы играем в прятки, — пояснил малыш Ро, рассматривая Закари большими серо-голубыми, как осеннее небо, глазами, словно обращался именно к нему. — Господин лекарь сказал, что я почти здоровый и могу выходить из покоев.

— Какие вы с лекарем молодцы, — пробормотала я и, шагнув к мальчику, протянула руку: — Давай-ка найдем твою няню.

— Ага. — Он сложил маленькие влажные пальцы в мою ладонь и с подозрением оглянулся к Торстену. — Марта, а кто такой недоумок?

Закари за спиной подавился на вздохе, а может, не сдержал издевательский смешок — не понял.

— Когда тебе кто-то очень сильно нравится, — принялась сочинять я на ходу, тихонечко увлекая мальчика к замку, — называешь его ласковыми прозвищами. Зайка, солнышко... кхм... недоумок.

— Как мама зовет меня котенком? — доверчиво уточнил Ро.

— Угу, — промычала я. — Вроде того.

Помогите святые демоны нам с Торстеном разобраться в этом чудовищном бардаке!

Няня Плум, женщина в благородных летах и сединах, сердито маршировала по хозяйственному двору. В отличие от маленького Ро, она точно не играла в пятки, а пыталась малыша догнать и вернуть в замок.

— Молодая хозяйка, ты поймала негодника! — воскликнула нянюшка и всплеснула руками. — Сколько раз повторяли, чтобы не убегал, но только отвернулась, как его след простыл! Дарина просила привести его в каминный зал. Отведешь? А я сбегаю на кухню. Второй завтрак уже пора накрывать. Ты же проголодался, котик?

Она перестала сердито хмуриться и ласково улыбнулась.

— Нянюшка, ты теперь не называй меня котиком, — очень серьезно попросил Родерик.

— А как же тебя называть? — охнула она.

Неожиданно я осознала, что сейчас малыш Ро поделится обогащенным словарным запасом ласковых прозвищ и превратит меня в страшного человека, научившего маленького мальчика сквернословить.

— Конечно, мы отведем его к Дарине! — перебила я и улыбнулась: — Идем, малыш?

— Вот и отлично! — довольно заулыбалась няня Плум и неожиданно подмигнула Закари, вызвав во мне, прямо сказать, очень противоречивые чувства: — Удачи, парень. Марта — девочка хорошая, но упрямая. И норовистая!

Короче, как необъезженная лошадь.

— Мы пошли, — изобразила я слегка деревянную улыбку. — Попроси черных прислужников забрать с берега посуду.

— Благослови вас светлые силы! — вздохнула нянюшка, прижав сложенные руки к груди. — Такие вы замечательные дети.

Удивительно, как замечательный ребенок на две головы выше невысокой няньки не подавился на вздохе. Пока она еще нас как-нибудь по-доброму не похвалила, я увлекла малыша Ро в сторону парадных дверей. Закари потащился следом, никак не желая по пути потеряться.

— Малыш, давай то ласковое слово будет нашим большим секретом, — попросила я. — Ты никому-никому его не скажешь.

— Почему? — спросил Родерик с самым наивным видом, но мы-то все знали, как коварен этот вопрос. Прозвучавший из уст четырехлетнего мальчика он, как черное проклятие, ввергал человека в персональный ад, в котором требовались знания обо всем на свете. Иначе не выжить!

— Это хорошее слово следует говорить только с теми людьми, которых очень любишь. Большого всего на свете! — понимая, что придумала паршивое объяснение, с воодушевлением вымолвила я.

— Но нянечка любит меня больше всех на свете, — напомнил Ро. — Даже больше тебя и Йена.

— Тогда почему ты убежал? Знаешь, что убегать от няни скверно, — с высоты роста и жизненного, так сказать, опыта человека, в

детстве неоднократно огребавшего светлой благодати и темных щедрот за проказы, пожурила я. Заодно внимание отвлекла.

Вообще-то, Дарина всегда присаживалась, чтобы честь по чести распечь сына, глядя прямехонько в глаза. Видимо, с близкого расстояния дети лучше слышали. Или у кузины попросту болела поясница и нагибаться было сложно. Но она мать! Пусть и делает внушения правильно.

— Знаю. Она старенькая и не может меня догнать, — покаянно согласился он, но тут же встрепенулся: — А от папы можно?

— Нет.

— Почему?

— Папа плохо бегают, — ляпнула я, не сразу осознавая, что уже втянула себя в порочный круг тысячи бессмысленных вопросов, заданных только ради вопроса.

— А от тебя можно?

— Ни от кого нельзя, — начала я впадать в отчаянье. В игре вопрос-ответ Ро меня побеждал без особых усилий.

— Даже если мы играем в ловитки? — со въедливостью четырехлетнего ребенка уточнил Ро.

— Разве что в ловитки, — согласилась я, начиная понимать, почему Дарина присаживалась и смотрела сыну в глаза. Суровый зрительный контакт пресекал любые попытки превратить воспитательную беседу в викторину.

— А от черного некроманта с умертвием можно убежать?

— От него нужно, — фыркнув, подал голос Закари.

Родерик поднял к высокому черноволосому старику (по всем признакам старику) голову, внимательно и пронзительно глянул. Получив одобрителный кивок, дескать, дело говорю, он немедленно заявил:

— Марта, я играл с няней в черного некроманта.

— Ты играл в прятки, — напомнила я.

— Няня Плум была черным некромантом.

Шах и мат! Не понимаю, откуда в маленьком ребенке столько незамутненной хитрости. Не иначе как он использовал запас, с избытком накопленный в прошлой жизни.

— А ты няне об этом сказал? — уточнила я.

— Она не пустила бы меня на улицу, — покачал он головой, мол, вообще ни в чем не виноват, просто сложились обстоятельства непреодолимой силы.

— Логично, — пробормотала я и, поднявшись с мальчиком за руку к парадным дверям, скомандовала: — Зараза, открой.

В замок мы входили в паршивейшем настроении. Я точно! Болтовня Родерика скрадывала ледяное, как вода в осенней реке, молчание между мной и Торстеном. Иначе этим холодом мы заморозили бы холл, и из башни Варлок, выполнив страшное предсказание прабабки Раисы, действительно исчезли бы все драконы.

Главным артефактом в каминном зале, что ни удивляло, был огромный камин, словно специально собранный в человеческий рост, чтобы запросто поджаривать на нем разных полноценных недоумков. На кожаных диванах сидели Дарина с мадам Торстен и моей матушкой.

Низкий столик перед ними был сплошь заставлен баночками с ароматическими свечами из мастерской кухни. Казалось, она решила душевно рассказать Люции о своем товаре и его особенностях, чтобы та немедленно выкупила всю партию, так и не попавшую в хозяйственные лавки соседнего с замком городка.

Особенностей в свечках не было никаких. Горели они так себе, особенно по сравнению с магическими лампами. Пахли тоже ядрено. Не каждый сдюжит пережить «весенний жасмин» или «старую библиотеку с запахом книжной пыли и кожаных переплетов», но кухня не отчаивалась.

— Мамочка! — звонким голосом воскликнул Ро и со всех ног рванул к матери.

Практически на финише, успешно миновав середину зала, он споткнулся о край шерстяного ковра, плюхнулся носом вниз и пронзительно заревел. Женщины всполошились: бросились чадо поднимать, обнимать и увещевать. Тетушка Беата вручила яблочную пастилу из хрустальной вазочки. Вообще-то, ни мне, ни Йену в детстве таких щедрот не выпадало. Обругать, что не смотрели под ноги, могла запросто, а вот конфетой задобрить — никогда.

Сладкое, как всегда, примирило малыша с жестокой жизнью и коврами, коварно ныряющими под ноги. Сидя на коленях у Дарины, он шмыгал носом и жевал вкусняшку.

— А вот и вы, — улыбнулась мама. — Как прошел пикник?

— Холодно, — довольно емко и предельно честно описала я завтрак на свежем воздухе. — Мы пойдем с вашего позволения.

— Посидите с нами, — попросила она, отказываясь сходу давать позволение. — Мы хотим с вами поговорить.

Блеск! Если в разговоре прозвучит слово «помолвка», тогда сегодняшним днем клан Торстенов обеднеет на одного ведьмака.

— Закари надумал посмотреть замок, — свалила я на него нежелание составлять компанию нашим мамашам.

— Разве ты не гулял по нему ночью? — удивилась Люция.

В глазах Торстена появился невысказанный вопрос, дескать, откуда взялась столь нелепая ложь? Немедленно вспомнилось, как я ляпнула несусветную глупость собственной матери. Всегда плохо импровизировала.

— Но сейчас Марта обещала провести экскурсию, — объявил он. — Так ведь, милая?

— Ты что-то попутал, милый. — Я растянула губы в неприятной улыбке.

— Дети, всего на пять минут, — попросила Люция и похлопала по кожаному дивану, приглашая меня усаживаться поближе.

Вчера мама тоже попросила присесть рядом и почти насильно втохала секретный женский сундучок со спорным содержимым. Вряд ли в присутствии сына мадам Торстен решила мне подарить сугубо женский ларец, но после чудесной маминой ереси об энергичных садовниках я уже ничему не удивлюсь.

— Хотела сделать тебе подарок. — Мадам Торстен подняла со стола шкатулку, украшенную речным жемчугом и перламутром, и протянула мне, когда я присела рядом с нею. — Кое-что секретное!

Правый глаз неприятно дернулся.

— Спасибо, — промычала я и покосилась на мать. Под гнетом ее многозначительного взгляда руки сами потянулись к шкатулке.

— Открой, — настаивала мадам Торстен. — Не стесняйся.

Да какое уже стеснение? Ваш сын слышал про содержимое первой шкатулки. Вряд ли его удивит набор бутылочков из второй.

Я аккуратно щелкнула замочком и откинула крышку. Внутри на черной подложке лежала серебряная цепочка с костяным кулоном в

виде круга, внутри которого было искусно вырезано дерево с мощной кроной, словно подпиравшей ветвями тонкий обод.

— Древо жизни из драконьей кости. Подвеску вырезали в мастерской нашего замка, — пояснила мадам Торстен, что подарок не просто красивая безделушка. — Рядом с драконами светлая магия засыпала, а темная возрастала. Даже осколок кости имеет подобный чудесный эффект.

Замявшись, я почесала кончик носа и попыталась дипломатично отказать от щедрого дара:

— Спасибо, госпожа Торстен, но подвеска слишком дорогая...

— Какая глупость! — воскликнула она. — Мы с господином Торстеном дарим ее от всей души и с открытым сердцем. Надевай быстрее!

Святые демоны, остановите мать энергичного садовника, добро Варлокам причиняющую! Остаться без светлой магии для меня сродни тому, как жить с одной рукой, притом с левой.

— Закари, помоги своей девушке! — приказала она сыну.

— Конечно. — Он невозмутимо двинулся в мою сторону.

— Я сама!

— Марта, с украшениями всегда помогают мужчины, — с видом умудренной опытом женщины прокомментировала Дарина. Одного ее заявление не учитывало: если мужчины под рукой не находилось, что делать с украшениями?

— Не надо стесняться! — рассмеялась Люция и вытащила подвеску из шкатулки. — Доставь моему сыну удовольствие!

Я посмотрела на ее сына, как кровожадный дракон на будущий корм. Он не повел бровью: забрал у матери подвеску и как ни в чем не бывало кивнул, дескать, подставляй шею, буду получать удовольствие.

— Милая?

Чувствуя себя ужом на раскаленной сковороде, я перекинула волосы на одно плечо и позволила Закари застегнуть кулон. Ловкие пальцы небрежно касались кожи, вызывая не только возмутительные мурашки, но и желание двинуть ему локтем в живот. С застежкой он справился быстро. Костяная подвеска красиво легла поверх свитера.

— Ты такой услужливый... милый, — процедила я, когда пытка украшением закончилась.

— Какая же вы красивая пара! — мечтательно вздохнула Дарина и проворковала измазанному в пастиле малышу Ро: — Правда, котенок?

Он важно кивнул:

— Мамочка, они совсем как вы с папой. Настоящие недоумки!

Я почувствовала, как чуток меняюсь в лице. Безудержно краснея, Дарина обвела обалдевших дам нервным взглядом и спросила строгим голосом, доказывающим, что мать она отличная, просто с окружением не повезло:

— Родерик, кто тебя научил этому слову?

— Марта. — Он указал в меня пальцем.

На мне сошлись суровые взгляды трех матерей. Кажется, я начинала понимать, как чувствовал себя прадед перед магическим судом, когда его обвинили в незаконном воскрешении Торстена. Подозреваю, что учителя этикета маленькому предателю наймут за мой счет, который я буду выплачивать долгими годами бесплатного служения ковену.

— Ро, но ведь это был ваш секрет, — подал голос Закари и тоже попал под прицел возмущенных взглядов.

— Мы на экскурсию по замку! — Спасая нас обоих, я указала на раскрытые двери и вскочила с дивана. — Госпожа Торстен, благодарю за подарок.

Пришлось протиснуться возле ее сына и проворно дернуть на выход, словно все местные реликвии после завтрака непременно растворялись в воздухе. Кстати, у нас с Эмбер в комнате с наступлением темноты на холодильном коробе исчезала ручка. Отличная вещица! Сначала мы ее ненавидели.

Закари в два счета меня догнал и передал оставленный на диване термос с кофе.

— А то похожа на фурию.

— У меня перебор Торстенов, — тихонечко отозвалась я, забирая фарфоровую бутылку, и специально для вида указала на ветхий гобелен, не осыпавшийся трухой лишь благодаря маминой заботе: — Обрати внимание, милый: очень старый гобелен! Один из пары десятков древних гобеленов, доставшихся нам от старого клана.

— Что на нем нарисовано? — Удивительно, но Закари действительно повернул голову в направлении вытертой до проплешин

тканной картины, изображавшей демоны знает что, но точно какие-то фигуры.

— Как Варлоки укрощают Торстенов, — мило улыбнулась я.

— Ты хотела сказать драконов? — хмыкнул Закари.

— И, возможно, драконов.

Энергичной походкой мы вышли из каминного зала. Сомневаюсь, что в таком темпе можно было хоть что-то рассмотреть, но никто не собирался проводить настоящую экскурсию по замку. У меня созрел идеальный план, как перетерпеть сегодняшний день: запереться в покоях, отправить сообщение Айку и проспять оставшиеся до обеда часы. После сна я смогу пережить трапезу в теплом семейном кругу с Торстенами, не начав чесаться от аллергии на них самих и их странные подарки.

— То есть экскурсия закончилась, не начавшись, — хмыкнул Закари на мое более чем разумное предложение разойтись по комнатам.

— Экскурсия? — Я огляделась и указала на ржавые рыцарские доспехи, подпирающие стену. — Обрати внимание на доспехи. В них однажды вселилась нечисть. Доволен?

— Я в восторге, — отозвался он с издевательской интонацией, на которую после идиотского лобзания на берегу не имел никакого морального права.

Хотя где Торстен и где понятие о совести? Сомневаюсь, что он вообще знаком со словом «совесть».

— На этой теплой ноте начнем свободное от серьезных отношений время...

Тут-то, что называется, из-за поворота появился отец в компании Алистера и троих ведьмаков. Вид у Закари сделался такой угрюмой, что дурак бы понял: с мужской половиной наших родителей он не хочет встречаться так же категорично, как я с женской.

— Давай ты еще что-нибудь мне покажешь, сентябрь.

— Посмотришь сам, если интересно, — с мстительным злорадством отозвалась я. — Или тебе компания нужна?

— Услуга за услугу, Варлок, — проговорил он. — Ты сейчас мне составляешь компанию и избавляешь от душевных разговоров с отцом, а я потом тебе тоже сделаю что-нибудь хорошее.

— Ага, ты мне столько хорошего уже сделал, Торстен, что очень хочется ответить светлой благодарью...

Прервав издевательскую речь на полуслове, он сжал мой локоть и молча двинул в сторону неприметной двери, спрятанной в нише.

— Эй, вообще страха нет? — возмутилась я.

— Что там, Варлок?

— Чулан.

— Идеально! — фальшиво восхитился он. — Ты мне покажешь чулан.

— Торстен, просто переживи этот позор с честью. Почему только я мучаюсь?

— Мир несправедлив, милая, — отозвался он, быстро оглянувшись.

Я толком не успела возмутиться, как оказалась в комнате с крошечным оконцем и единственной вытертой козеткой, такой старой, что ее, должно быть, еще грозная Агата... ловила. Ведь козетка «мадам» больше века была одержима нечистью. Умела ходить и даже соображать в своей своеобразной манере. В общем, как Торстен. Он же тоже ходил и думал в своеобразной манере. Интересно, можно быть кармическим братом столетней козетке?

— Ты хоть понимаешь, как это глупо? — фыркнула я.

— А сама сбежала от наших мамаш, и я тебя поддержал, — напомнил он, но вдруг спросил странным голосом: — Варлок, этот диван... пошевелился?

— Козетка, Торстен, — закатила я глаза. — Никогда не видел одержимой мебели?

— Нет.

— Добро пожаловать в мир чудесных открытий, — хмыкнула я. — Наслаждайся новыми впечатлениями.

— Вы это тоже считаете проклятием Торстенов? — уточнил он, озадаченно наблюдая, как козетка деликатно переставила ножки и чуть-чуть придвинулась в нашу сторону.

— Нет, это наследство от матери-основательницы. Говорят, возле нее всегда оживала мебель, — пояснила я.

Вообще-то, обычно одержимая мадам обитала в каминном зале, но непуганых Торстенов, по всей видимости, решили не шокировать живой мебелью и козетку спрятали в чулан. Когда вернут, она полгода

будет скрипеть пружинами и мстительно царапать ножками паркет. Такая нервная дама! На нее зимой как-то неудачно приземлил зад королевский советник... Филей у него заживал пару седмиц. Душевная травма, подозреваю, проходила дольше.

— Можешь оставаться с мадам, а я пошла, — объявила ему.

— Какой мадам? — не поняла Закари.

— Четвероногой. — Я ехидно кивнула в сторону еще чуток подвинувшейся, но немедленно замершей козетки.

Дверь не открылась. Ручка спокойно опускалась, но это ровным счетом никак не помогало выбраться из чулана. «Умный» замок, вредитель местечковый, нас запер.

— Зараза, открой! — приказала я, подняв голову к потолку, хотя это не имело никакого смысла. Магия не лилась с потолка, а витала в воздухе, ей без разницы, но мы все дружно зачем-то задирали головы.

Впервые с того момента, как получил магическое имя, «умный» замок отказался мне подчиняться.

— Я думал, что ты здесь всех укротила, — съехидничал Закари.

— Козетку не укротила. — Мы обменялись неприятными улыбками, и я снова приказала: — Зараза, немедленно отопри!

Никакой реакции. С самым мрачным видом я щелкнула пальцами, призывая светлое заклятье, которое вредного призрачного управдома почему-то пугало настолько, что он предпочитал сотрудничать... В воздух вырвался и разлетелся в разные стороны черный дымок.

— Так... — В недоумении я посмотрела на пальцы и щелкнула еще раз.

— Что ты пытаешься сделать? — сморщился Закари.

— С ума сойти! — пробормотала я, вертя в руках костяной медальон с искусно вырезанным деревом жизни.

— Не торопись, Варлок. В этом чулане уже есть одна сумасшедшая, — хмыкнул Закари и указал на козетку. — Свихнуться всегда успеешь.

Я одарила его выразительным взглядом и потрясла украшением:

— Медальон твоей матери действительно работает.

— Добро пожаловать в мир чудесных открытий, — в точности повторил Торстен мою фразу.

И ведь не ответишь никаким заклятьем! Без светлой магии наши с ним силы были неравны. Скажу больше, он меня скрутит за секунду в

какой-нибудь веселый бублик. Даже «умный» дом и тот перестал опасаться.

— Уже пожаловала и мне тут у вас не нравится. — Я попыталась снять подарок, но застежка запуталась в волосах и драконов кулон повис на волосах. — Торстен, помоги, иначе придется кого-нибудь позвать на помощь.

— Закари, будет так любезен, пожалуйста, спасибо, — выдал мне весь свой небогатый запас вежливых слов Торстен, хотя сам-то ими пользовался исключительно редко. Мне вообще впервые удалось услышать вчерашним вечером. Клянусь, жизнь поделилась на до и после.

— И мы опозоримся на весь замок, — напомнила я.

— Я не планирую сюда возвращаться.

— «А давайте после выпуска Закари поживет в башне Варлок. Здесь есть чему поучиться», — передразнила я отца, напомнив о вчерашнем застольном разговоре. — Обещаю, все узнают, почему мы оказались заперты в чулане.

Скривившись, он помахал рукой, мол, разворачивайся. Святые демоны, ведь знаю, что спиной к Торстену повернется только отчаянный оптимист и понадеется, что он не начнет колдовать! От ощущения сильной темной магии, словно погладившей меня по голове, на затылке зашевелились волосы, а по спине побежали мурашки.

Всегда считала, что чародеи похожи на свою магию, но на Закари Торстене эта чудесная теория рассыпалась. Не понимаю, как такому неприятному типу досталась сильная и безмятежная магия.

— Нельзя без колдовства? — проворчала я для порядка.

— Можно, но так быстрее, — хмыкнул он, и цепочка соскользнула с волос. — Все.

Секундой позже Закари навалился на меня, толкнув вперед. Он резко выставил руку, перенеся на нее вес тела, а я едва не вошла лбом в запертую дверь и рывкнула от возмущения:

— Торстен, ноги не держат?

— Да меня боднул диван! — Он отодвинулся, не подумав извиниться.

С негодованием я обернулась и рывкнула козетке, действительно пытавшейся подпереть нас к стенке:

— Мадам, брысь отсюда!

Нечисть отскочила.

— Кстати, почему мадам? — заинтересовался Закари.

— Она одержима духом леди. — Я попыталась зажечь светлую магию, уже без эффектных щелчков пальцами и вообще никак не рисуясь. Магия молчала. — Торстен, отойди чуток. Может, расстояние поможет. Не хочу здесь заночевать.

Он протиснулся возле живой козетки и, скрестив руки на груди, встал в угол. Нас с костяным амулетом разделило не меньше десяти шагов, но магия по-прежнему спала.

— Ладно, я готова позвать на помощь, — смирилась я с неизбежным позором.

— Давай его просто выкинем в окно, — предложил Закари.

Мы одновременно посмотрели на окно с разноцветным витражом, расположенное практически под потолком.

— Как я потом посмотрю в глаза твоей матери? — проворчала я и, смилив гордость, деликатно постучала дверь: — Кто-нибудь! Мы тут заперты.

Очевидно, коридор пустовал. Верховные благополучно прошли мимо, не подозревая, что в чулане остались запертыми их наследники. Никто не отзывался. Даже не пытался постучать снаружи.

— Какого демона диван на меня нападает? — рявкнул Закари.

Оглянувшись, я не сдержала издевательской улыбки. Припертый козеткой Торстен выглядел комично.

— По-моему, она с тобой флиртует, — пошутила я. — Ты ей понравился.

— Дивану? — сухо уточнил он, окатив меня недовольным взглядом.

— Леди, — ухмыльнулась я. — У меня есть подозрение, что при жизни она была слегка распутна.

Закари попытался ее отодвинуть: просто так, без магии чуток оттолкнул. Беспутная козетка моментально взбрыкнула. По каменном полу цокнули ножки.

— Ладно, давай просто выбросим амулет в окно, — решила я пожертвовать подарком. — Потом схожу и подниму.

Закари задрал голову, оценил расстояние до шпингалета, запирающего фрамугу, и немедленно призвал темную магию. В его

ладони густел и поднимался столбом черный дымок.

— Что ты сразу начинаешь колдовать? — возмутилась я. — Если пострадает витраж, мать мне плешь на голове проест. Мне не пойдет лысина.

— Ты не знаешь наверняка.

Видимо, что-то в моем лице ему подсказало, что Закари Торстен сейчас пойдет на корм живой козетке.

— Тогда иди ко мне. — Он махнул рукой. — Я тебя подсажу.

— Ты даже не попробовал дотянуться, — взбунтовалась я. — Давай, Торстен! Уверена, у тебя все получится! В конце концов ты нас сюда затащил.

— Варлок, не пытайся меня шантажировать.

— Я тебя мотивировала.

— Без разницы. Это окно откроет или магия, или ты. Я не дотянусь.

— Ну ладно...

Я двинулась в сторону Закари, но козетка, только-только успешно изображавшая обычную мебель, ожила и сдвинулась, перекрыв проход. Хоть через спинку перепрыгивай. Покачав головой, я шагнула в другую сторону. Она подскочила и, перебирая ножками, переместилась.

— Только пошевелись и отправлю в бутылку, — пригрозила я остывшим термосом. — Совсем от рук отбилась? Расслабилась, пока я в академии торчу, да?

Закари издевательски улыбался.

— Что ты смеешься, Торстен? Плакать надо! Она тебя ревнует.

Я протиснулась рядом с мадам, пристроила на ее подушки термос с утренним кофе, ставшим такой же несбыточной мечтой, как утро без недоумка Торстена. Закари сцепил пальцы и с улыбкой скомандовал:

— Прошу, госпожа Варлок.

Не испытывая неловкости, я уперлась коленом в его подставленные ладони, как в ступеньку, и схватилась за крепкое плечо. С видимой легкостью Закари приподнял меня повыше, но под моими пальцами у него на руке неожиданно напряглись твердые мускулы.

— Не смей меня ронять, — проворчала я, потянувшись к шпингалету.

— Да как бы я решился, — хмыкнул он.

Шпингалет прикипел. Пришлось вытянуться в струнку, чтобы удобнее схватиться за головку пальцами. Широкий свитер в этой нелепой позе задрался до пупа, а рукав собрался у подмышки. И было ужас как неудобно.

— Ты мне под свитер не смотришь? — буркнула я.

— Не мечтай, сентябрь, — фыркнул он. — Меня не привлекают девушки твоего веса. Ты в курсе, какая тяжелая?

— Это не я тяжелая, а ты слабенький, — буркнула я.

— Не пыталась похудеть?

— Не пытался заняться спортом? — огрызнулась я. — Или твои подружки ничего не весят?

— Никогда не носил их на руках. Разве что до постели, — принялся дразнить он.

— Подлец, — едва слышно буркнула я.

Шпингалет неожиданно поддался и со стуком, шибанув меня по пальцам, вышел из гнезда. От порыва ветра оконце резко раскрылось. Инстинктивно я дернулась, стараясь избежать удара окном, и с визгом начала заваливаться назад.

Это был вселенский провал! Просто похоронный марш моей ловкости. Я вцепилась в Закари мертвой хваткой: сначала схватилась за шею, потом за плечи. Чувствуя, что груз перешивает, он тоже меня обнял покрепче... У нас не было ни единого шанса выстоять и не подломиться.

Мы рухнули вместе, одним клубком. К счастью, попали на козетку. Спinoй я ровнехонько впечатаюсь в твердые подушки. От удара из груди вылетел воздух, а перед глазами потемнело. Торстен придавил меня сверху своим твердым, жилистым телом. Наверное, он был бы и рад придавить какой-нибудь одной частью, но руки по-прежнему сжимали меня в тесных объятиях.

«Мадам» залетных седоков явно не ожидала и взбрыкнула, как дикая лошадь, отправив нас в очередной полет. Мы скатились на каменный пол. Закари шибанулся лопатками о плиты и даже чуток выгнулся. Я оседлала его, уткнулась носом в крепкую грудь и не шевелилась, боясь у себя внутри обнаружить какое-нибудь сломанное ребро, которое пока не болело исключительно от шока.

— Я прикончу проклятый диван! — рыкнул Закари в завершении.

— Торстен, просто помолчи и дай осознать, что мы выжили.

И ведь собралась от него откатиться. Негоже валяться на бабнике, как на матрасе! Но дверь в чулан внезапно распахнулась. Где-то под потолком от яростного сквозняка хлопнуло оконце. Отпрыгнула мадам. Я подняла голову и обнаружила, что на нас изумленно смотрит артефактор Сириус, худой чародей невысокого роста.

— Ох, извините! — воскликнул он. — В чулане громыхало, и я заглянул. Вы продолжайте...

— Нет! — в два голоса рявкнули мы с Закари и принялись яростно возиться на полу, пытаюсь расплестись. — Держи дверь!

— Ничего-ничего, господа. Занимайтесь, чем занимались. Я никому не скажу.

— Да наплевать! — воскликнула я. — Просто дай нам отсюда выйти.

Все-таки позорное избиение козеткой даже идейных врагов превращает во временных соратников. Мы с Торстеном проявили чудеса командной работы и помогли друг другу подняться.

Ну как помогли... Я поймала очередной приступ неуклюжести и заехала ему локтем в живот, на что Закари неразборчиво крикнул какое-то слово явно не литературного происхождения. А он меня зачем-то развернул, как в танце. Перед глазами мелькнули стены, и волосы взметнулись назад. Нелитературное слово я сказала громко, чтобы любая сволочь с фамилией Торстен поняла, насколько мне не нравится быть ее соратником.

Пока мы, прихрамывая и кряхтя, как старики, добирались до двери, «мадам» тоже решила воспользоваться открытым проходом в большой мир. Она попыталась прорваться вперед.

— Упокою к демонам! — рявкнула я.

Шальная императрица внутри козетки прониклась угрозой: сама себя шустренько поставила к стене и притихла, притворившись обычной мебелью.

Из чулана мы выбрались потрепанные, взлохмаченные и слегка контуженные. С волос у Закари слетела перевязь, хвостик развалился, и темные пряди торчали в разные стороны.

— Поверить не могу, что мы все-таки оттуда вырвались, — пробормотала я.

— Да кто же вас там запер? — с интересом уточнил Сириус.

— Твой умный замок, — процедила я.

— Вот так... — Он вытянул губы трубочкой и тут же спросил: — А что вы делали в чулане?

Полы спинами измеряли!

— Мадам навещали, — сседила я. — Закари никогда не видел одержимой мебели.

Артефактор окинул взглядом высокого угрюмого ведьмака, поверженного козеткой, и хлопнул короткими светлыми ресницами.

— Интересно стало, — согласился Торстен, вероятно, почувствовав себя полным болваном.

Между нами повисло неловкое молчание.

— Слушай, Марта, — проговорил Сириус и смущенно почесал рыжеватую бровь. — Давай сделаем вид, что не встречались? Верховный из-за умного замка страшно зол. Я вроде как на испытательном сроке...

Вообще-то, на глазок определить возраст нашего тщедушного артефактора было невозможно: все равно накинешь лишней десяток лет, а Сириус всего пять лет назад окончил светлую академию. Верховный решил, что молодой талант будет нести в ковен прогрессивное колдовство, которого так сильно не хватало старым стенам. Он и нес. По мере сил и фантазии. Не знаю, как башня Варлок выдерживала. Видимо, раньше очень надежно строили, если ни одни прогрессивные чары замок не брали.

— Ладно, — легко согласилась я на обоюдное молчание: мы помалкиваем о чудесах умной магии, а он о том, в каком печальном виде и где именно нас застал. — Я вообще в последний раз тебя вчера видела.

С самым серьезными минами мы разошлись в разные стороны.

— Поверить не могу, что меня избил живой диван, — проворчал Торстен, когда стало ясно, что надо прощаться, пока экскурсия по замку не закончилась еще какой-нибудь нелепостью.

— Одержимая козетка, — мрачно поправила я.

— А есть разница? Нас с тобой уделала нечисть. — Он поморщился и потер поясницу. — Я просто унесу этот позор с собой в могилу.

В южную башню я поднималась, держась за перила, и в покои вошла со странным чувством, будто в последний раз была в них демонски давно. Даже не верилось, что все-то прошло пару часов. По-

моему, фальшивые отношения с Закари Торстеном следовало приравнять по вредности к работе в каменоломнях. Почти на локтях вползла! Если бы пила молоко, то потребовала за вредность две пинты.

Стащив с ног тяжелые ботинки, я подхватила с подставки потемневший от присланных сообщений шар-почтовик и завалилась на кое-как заправленную кровать. Вокруг стеклянной сферы за клубился серебристый дымок, подсказывающий, что в этот раз никто, кроме меня, не услышит голос Айка. Однако первой почему-то заговорила Эмбер:

«Марта, я вернулась в общежитие и несу тебе сплетню! У зельеваров новая деканесса. Имя не могу вспомнить, но ты должна знать...»

— Сообщение от Айка Вэллара, — перебив подругу на полуслове (все равно не узнает и не обидится), приказала я почтовику.

«Привет, — промурлыкал приятный мужской голос. — Нам поставили вечернюю тренировку. Не смогу появиться, когда ты вернешься, но встретимся...»

К собственному позору я уснула быстрее, чем он успел пригласить меня на свидание.

Второй раз проснулась от голода, зато сама, без пробуждающего артефакта, способного растормошить всех окрестных призраков. Голова трещала, тело ныло, а на щеке краснел залом от подушки. На обед я демонски опоздала на полчаса, вернув себе гордое звание самого непунктуального жителя башни Варлок.

В малой столовой во всю трапезничали и уже перешли к горячему. Единственный пустой стул обнаружился рядом с Закари. Видимо, теперь мне по статусу полагалось подпирать правый локоть мужика, с которым у нас случились серьезные отношения.

Хорошо, что не левый. С той стороны сидели Дарина с Освальдом и смотрели на меня поистине осуждающе. Понятно, что, в отличие от мамы, корили не за опоздание, а за новое знание у их сообразительного сына.

— Отдохнула? — сдержанным тоном уточнила мама.

— Я сказал, что ты устала после экскурсии, и попросил тебя не тревожить — улыбнулся Закари и положил рядом с моей тарелкой злосчастный драконий медальон. — Ты забыла забрать.

Вообще-то, сделала вид, что этот вредный в любое время, кроме семинаров по темным искусствам, предмет мне вообще не дарили.

— Угу, спасибо, — буркнула я и, незаметно покосившись на Люцию, сунула его в карман.

— На какое время у тебя порталный амулет? — спросила мама.

— На шесть, — отозвалась я.

До перемещения в академию осталось всего пару часов, и отвратительно-длинные выходные подойдут к концу. Спектакль закончится. Мы с Торстеном снова превратимся в старых-добрых врагов. Счастье-то какое! Даже не знала, что мне для него, для счастья, так мало надо.

— А Закари? — допытывалась мама.

— Он планировал вернуться в Торстен, — понятия не имея, что там он планировал, объявила я. — Так ведь, Закари?

Тот задумчиво вытянул губы трубочкой, не торопясь уверить наших родителей, что замечательно доберется до Деймрана в гордом одиночестве.

— Здорово, что мы можем вернуться в академию вместе. Скажи?

— Он изогнул брови, дескать, не тормози, а то все уже поднапряглись.

— Скажу, что у меня амулет рассчитан на одного человека.

— С багажом, — напомнила мама.

Но я-то, дорогая матушка, не рассчитана на объяснения со своим реальным парнем, если вдруг он решит изменить брумболу и встретить меня в зале перемещений, когда вместо багажа обнаружит Торстена!

— Закари, пойдет вместо дорожного сундука?

— Почту за честь, — хмыкнул он. — Не вижу смысла возвращаться домой, если мы можем переместиться отсюда. Просто покрепче обнимемся, милая.

— У меня с собой много вещей.

— Ты же приехала с пустыми руками, — неожиданно подал голос Йен, хотя ему-то за взрослым столом никто не давал право голоса.

Я одарила мелкого паршивца, не умеющего держать язык за зубами, выразительным взглядом. Он мгновенно опустил голову и с самым заинтересованным видом принялся ковыряться в тарелке, словно нашел в ней что-то новенькое, еще не попробованное.

— Хочу забрать с собой теплые вещи, — объявила я, не придумав причины лучше, как забывать Торстена в замке.

— Завтра перешлем, — отмахнулась мама. — Отправляйтесь вместе.

В шесть часов вечера бессовестный Закари Торстен прощался со своими родителями в холле башни Варлок. При нем были саквояж и обаятельная улыбка, а еще он ласково поцеловал свою мать в щеку. Полагаю, если я брошусь обниматься с Беатой, у той случится затяжной шок.

Когда Торстен протянул руку моему брату для рукопожатия, тот едва не заскулил от счастья и выдохнул, глядя снизу вверх:

— Ты же к нам еще приедешь?

— Конечно, мелкий, — уверил он.

Надеюсь, мне уже не придется присутствовать при новой эпохальной встрече.

— Пойдем, иначе пропустим время перемещения, — поторопила я, покрепче сжимая ручку маленького сундучка с разными мелочами.

Обычно давалось десять минут после назначенного времени, чтобы пробудить амулет. Иначе он сгорит и добираться придется замковым порталом. Портал во всех отношениях прекрасен, однако перемещает жестко, как дрова в телеге, и в Деймран не попадешь, только в соседний городок в часе езды.

Наконец мы вырвались из родственных объятий на улицу и быстро спустились на брусчатую площадь, озаренную огнями на крепостной стене. Сначала взяли за руки, но порталная магия в амулете, ограненном продолговатом камне на длинной цепочке, не отозвалась.

— Проклятье, Торстен, тебе обязательно было садиться мне на хвост? — проворчала я, понимая, что действительно придется прижиматься друг к другу. — Что тебе помешало вернуться из дома?

— Нелогичность, — ответил он, притираясь грудью к моим лопаткам и сжимая одной рукой плечо.

— Мог спиной прижаться, — проворчала я. — Что ты притиснулся, как к последней девушке на земле? Отодвинься.

— Хочешь потерять меня по дороге, ворчливый сентябрь? — с иронией уточнил он, не подумав создать между нами хотя бы тоненькую прослойку из воздуха.

— Было бы неплохо.

В этот раз магия пробудилась. Едва камень вспыхнул ярким оранжевым сиянием, означающим, что перемещать нас будут на дальнейшее расстояние, из парадных дверей выскочила мама.

— Марта, совсем забыла! Передай крестной...

Тело словно оказалось в невесомости, и желудок неприятно подскочил к горлу. Я по привычке зажмурилась, перетерпевая знакомо неприятное ощущение. Мгновением позже мы с Закари оказались в маленькой кабинке для перемещений с мерцающим красными всполохами гербом Деймрана на каменной стене.

От резкого перемещения я чуток навалилась на Торстена, но тут же вернула строго вертикальное положение и повела плечами, стряхнув руку идейного врага.

— Не за что, — прокомментировал он.

— Ну раз не за что, то и благодарить не стоит, — хмыкнула я и, толкнув хлопнувшую от воздушной волны дверь, вышла из кабинки.

В круглом зале горели фонари. Сквозь стеклянный купол виднелось сизое угасающее небо. Деймран находился в четырех королевствах от башни Варлок. Дома окрестности замка давно утопали в темноте, а здесь только смеркалось.

Народу было мало. Видимо, многие вернулись днем. Помедлив, я быстро осмотрелась вокруг в поисках Айка, но он действительно отправился на тренировку, не изменив святому брумболу.

— Кого ищешь? Ботаника? — промурлыкал Закари, останавливаясь рядом. — Не явился?

— Хотел познакомиться?

Даже не сомневаюсь, что они с Айком знали друг друга. По крайней мере, в лицо. Все знали игроков из академической команды про брумболу, именно поэтому я попросила Вэллара не выставлять наши отношения напоказ.

— Стало интересно, какие парни нравятся унылому сентябрю, — хмыкнул Торстен.

— Непохожие на тебя.

Мы обменялись неприятными улыбками и двинулись в сторону выхода. Вместе. Не успели пересечь зал, как к Торстену пристроилась высокая девица.

— Привет, Закари, — пропыхтела она.

— Нет, — даже не повернув голову, с равнодушным видом бросил он.

Девушка чуток оторопела, но моментально отстала.

— Даже не узнаешь, что она хотела сказать? — хмыкнула я.

— Я и так знаю, что она хотела сказать, — высокомерно ответил он.

— Не понимаю, Торстен, что в тебе девушки находят? — скривилась я. — Ты же совершенно невыносим!

— Женщины любят невыносимых, но красивых парней. — Закари самодовольно ухмыльнулся.

— Не обобщай, пожалуйста.

— Я тебя умоляю, не делай вид, что ценишь мужчин за богатый внутренний мир, Варлок, — издевательски протянул он. — Тебе нравятся такие парни, да? Которые делают вид, что у них тонкая душевная организация?

— Торстен, мне нравятся умные мужчины. Мозг — самая сексуальная ваша часть. — Я даже указала пальцем на его черноволосую голову с этой отвратительно симпатичной стрижкой длиной до подбородка. — Но ты им не обладаешь, поэтому не в курсе, что это такое.

— С ума сойти, маленькая ханжа! — хмыкнул он. — Ты знаешь значение слова «сексуальность»? Я действительно поражен. Вы с ботаником его узнали, когда вместе читали в библиотеке?

— Подсказать книгу? — развеселилась я.

— Не стоит.

— Да не стесняйся своего невежества, Торстен. Все будет хорошо! — Я широко улыбнулась. — Книга называется «словарь». Как-нибудь на досуге изучи. Найдешь в нем много незнакомых слов.

— Например? — хмыкнул он.

— Воздержание.

Секундой позже из открывшейся двери кабинки, как неуправляемый замковый таран, вылетел дорожный сундук. Не останавливаясь, Закари схватил меня за локоть и отодвинул с дороги. Правда, в этот же момент заклятьем я заставила бандуру с грохотом сорваться на пол. От сундука отвалилась ручка, слетел замок, и почему-то поднялось облако пыли.

— Ох, ребята, с вами все в порядке? — воскликнул знакомый женский голос.

С изумлением я обнаружила Айшу Эллинг, ведьму, подарившую мне первое магическое благословение.

— Крестная? — переспросила я, не веря собственным глазам, и тут же вспомнила, как матушка выскочила из дверей и что-то действительно говорила о крестной.

— Марта! — ужасно обрадовалась Айша и даже всплеснула руками. — Рада тебя видеть! Я приехала в Деймран только перед выходными, не успела с тобой поговорить. Много дел. Сегодня оставшиеся вещи получаю.

Между нами повисла чуток оторопелая пауза. Я улыбалась и не очень понимала, что происходит, но внутри уже ощущала тревогу.

Глядя на худощавую женщину с совершенно несерьезной шапкой рыжих кудрей, никогда не подумаешь, что столкнулся с лучшим ядоваром башни Варлок. На лице крестной, перетекая с виска на лоб, тонкой паутинкой змеилась живая татуировка. Каждый раз рисунок менял форму, иногда цвет. Превращался то в веточку, то в цветок, то в хаотичный узор.

Однажды я спросила, откуда у нее рисунок. Она со смехом ответила, что это ошибки молодости и посоветовала не наносить татуировок на лицо. В ковене Айша провела несколько лет, но выбрала преподавательскую карьеру и покинула замок. Одна из немногих. Обычно из башни Варлок не уходили или уходили, но быстро возвращались. Темный ковен словно притягивал и не отпускал чародеев.

— Меня пригласили руководить факультетом зельеварения, — пояснила Айша.

— Какая чудесная новость! — медленно промычала я, пытаюсь осознать, в какую дрянную ситуацию мы с Закари загнали себя дурацкой ложью.

— Разве мама тебе не сказала?

— Закрутилась, наверное.

Крестная смотрела на нас с живейшим интересом. Неожиданно я осознала, что Закари по-прежнему сжимает мой локоть, и постаралась незаметно освободиться. Получилось заметно и как будто смущенно. Слово мы действительно что-то пытались скрывать.

— А это должно быть Закари Торстен? — с приветливой улыбкой кивнула Айша.

— Приятно познакомиться, мадам деканесса, — сохраняя невозмутимость, отозвался тот.

— Вы двое встречаетесь? — внезапно спросила она.

Маленькая ложь всегда тянула за собой ложь большую, а мы уже нагородили столько вранья, что, узнай родители правду, будут глубоко — нет, не расстроены, — оскорблены.

— Да, — одновременно ответили мы с Закари.

И впервые совпали.

ГЛАВА 5. Демонология для начинающих

В едином порыве мы с Закари взяли за руки, демонстрируя близкие отношения. Осталось только по-идиотски улыбнуться. Хотя почему же осталось? Мы улыбались! Неловкая пауза длилась и длилась.

— Родители в курсе, — зачем-то оповестила я.

Прозвучало более чем неуместно. Кто бы заставил меня вовремя заткнуться. Наверное, появление Айка заставило бы, но он, как истинный спортсмен, был верен спорту, а не дешевой романтике со встречами под порталными воротцами. К счастью! Объяснять настоящему парню, откуда у меня появился фальшивый, в присутствии крестной было бы сокрушительным провалом.

— А знаете, мои дорогие, приходите на чай, — отводя взгляд от наших категорично сцепленных рук, предложила крестная. — Через пару дней. Сейчас обживусь и буду готова встречать гостей. Что скажешь, Марта?

Что моментально придумала десяток отговорок, почему в ближайшую вечность не сумею добраться до крестной ни одна, ни в компании с Торстеном.

— Непременно заглянем, — ответила ей.

— Спасибо за приглашение, мадам деканесса, — добавил Закари.

От в высшей степени неловкого разговора нас всех спас выскочивший из порталной кабинки сундук в монструозных ромашках. Заставив дверцу сиротливо закачаться туда-сюда, как калитку у питейного салуна, он пролетел пару шагов и с грохотом свалился на пол. Цветочки, по всей видимости, нарисованные живыми красками, стряхнулись к днищу. Один и вовсе стек через край, украсив собой каменную плиту.

— Святые демоны, что не так с этим порталом? — выругалась крестная и, словно забыв о нас, бросилась спасать багаж. Или нерасторопных студентов от вылетающего, словно в ужасе, багажа.

— Было приятно познакомиться! — крикнул Закари ей в затылок.

— Уходим, — сцедила я.

Оставалось нырнуть под широкую арку, ведущую к крытому переходу-мосту, одному из многих, соединяющих башни академии Деймран. На каменной стене мерцала схема огромного академического комплекса. Под планом светился отпечаток человеческой пятерни. Если к нему приложить ладонь, то карта копировалась на кожу, как живая татуировка, и менялась по мере продвижения по замковым крыльям.

Удобное колдовство, всегда выдающее новичков. Хитрость была по истине ведьмовской, в духе местных учебных традиций. О том, как снять заклятье, рассказывали в конце сентября на занятиях по темным искусствам. Первокурсники вынужденно шарахались с этими схемами на ладонях, ведь ни одна сволочь не помогала избавиться от метки!

Помнится, я вытравила рисунок светлой магией за полминуты, а потом нанесла снова. Не захотела бродить по академии вслепую, как безмозглое умертвие. И первая язвительная колкость, отвешенная Закари, была как раз об схеме на ладони. Понимаете? Я планировала царственно игнорировать его до конца учебы, а Торстен возьми и неудачно пошути. Мы были обречены на год бурной вражды. Кто бы знал до чего докатимся...

Но пока мы катились прямиком в бездну, а все, что осталось в башне Варлок, внезапно из этой башни вырвалось и грозило нас погрести под собой. Ведь по переходу, не пытаясь изображать торопливую поступь, бежал Айк.

Он ловко ушел от столкновения с летящим сундуком, на ходу убрал с лица упавшие на глаза пряди светлых волос и, заметив нас, перешел на шаг. Внезапно я осознала, что мы с Торстеном невзначай забыли расцепиться и, как дети на прогулке, шагали по переходу, крепко держась за руки.

Закари не заметил, что я освободилась и притормозила. Парни разминулись, подчеркнуто проигнорировав друг друга.

— Варлок, ты чего там застряла? — Торстен обнаружил, что потерял половину, так сказать, багажа по дороге и обернулся.

От удивления темные брови поползли на лоб, зрачки стали вертикальными, а в лице появилось такое неприятное выражение, что сразу захотелось сказать какую-нибудь гадость. Айк Вэллар точно никогда не был закомплексованным ботаником, но именно он молча

забрал мой почти пустой саквояж. От его высокой крепкой фигуры волнами исходило недовольство.

— Тренировка закончилась раньше?

— Сбежал. — Аик говорил сухо и старался не встречаться со мной взглядом. — Объяснишь, что именно я сейчас увидел?

— Непременно, — согласилась я и громко спросила у обоих парней: — Вы знакомы или надо представлять?

— Воздержись, — отозвался Закари и дернул подбородком: — Вэллар?

— Торстен? — едва заметно кивнул он. — Почему тебя перекосило?

Тот бросил на меня насмешливый взгляд.

— Это удивление.

Ну все... Про веру в лучшее и оптимизм стоит забыть! Сегодня стакан наполовину пустой. И скорее всего мы его просто грохнем.

Между тем наше колоритное трио привлекало все больше внимания. По-моему, даже дорожные сундуки, проплывая мимо, слегка замедлялись, чтобы подслушать разговор. Оставалось только дожидаться появления крестной.

Невольно я глянула через плечо, почти уверенная, что Айша, как бравый генерал, вышагивает перед стройной шеренгой неспешно летящего багажа в цветочек. С нашей злой удачей — в самый раз! Но крестной не было. Разумеется, пока.

— Идемте в место потише, — предложила я парням. — Нам действительно надо поговорить.

— О том, что вы с Торстеном теперь хорошие друзья? — бросил он.

— Мы не друзья, — отрезала я.

— Не друзья, — согласился Закари. — Я не претендую на чужие привилегии.

— А за руки взялись *почему?* — вкрадчиво уточнил мой парень, вообще-то, до сегодняшнего дня не проявлявший ни капли ревности. Но мир полон неприятных сюрпризов в целом, а парни — в частности.

— Но вы же не держитесь за руки, — издевательский усмехнулся Торстен, дескать, чужие привилегии не тронуты. — Так ведь, *Марта?*

Недоумок, как он есть. Во всей красе!

— Вы можете оба зат... — Я с трудом проглотила грубость и перевела дыхание. — Можете создать тишину и в дивном молчании подойти до общаги?

— К тебе, ко мне или к Вэллару? — любезно уточнил Закари.

— Да к кому угодно!

Проходя мимо, я толкнула его плечом. Случайно. И больно! Торстен едва слышно хмыкнул. Видимо, решил, будто задела нарочно.

По дороге до жилого корпуса никто действительно не произнес ни слова. Не сговариваясь, молча свернули в женское крыло. Наша с Эмбер комната находилась в самом конце коридора на втором этаже. До этого места не всегда доходили проверки, сдвигались где-то на середине. Соседки тоже заглядывали редко, что было несомненным плюсом. Можно скандалить, и почти никто не услышит. Зато единственная пожарная лестница, древняя, как одержимая мадам козетка, вела из внутреннего двора аккуратно к нашему окну.

На первом курсе с этой лестницей было связано много чудесных событий. Светлая магия во мне обмирала от удовольствия, как щедро мы с ней приносили благодать парням, по ночам ломившимся в женское общежитие. Перевоспитали треть академии! По крайней мере, ту ее мужскую часть, которая страдала бессонницей и жаждой приключений.

Потом еще некроманты, живущие отдельно от нормальных... в смысле, обычно одаренных ведьмаков, попросили немножко повоспитывать академию, а то к ним в башню по ночам повадились на спор залезать разные чокнутые. Отшибленные больше, чем сами некроманты.

Дверь нашей комнаты украшал почти лысый засохший венок, круглый бублик из елочных ветвей, по словам Эмбер, отпугивающий неприятности. Он висел два года, был на последнем издыхании и, видимо, больше ничего не отпугивал. Кроме гостей, само собой. Стоило потянуть на себя дверь, как на пол посыпались бурые иголки.

Соседка по комнате в молитвенной позе, уложив ладони на колени, сидела на домотканом коврикe и с закрытыми глазами что-то мычала под нос. Перед ней лежал потрепанный манускрипт.

Летом Эмбер перекрасила волосы в ярко-синий цвет, загорелась идеей завести роман со светлым магом и увлеклась бесполезными

древними ритуалами. В эти ритуалы не верил никто, даже манускрипт с их описанием, а она верила.

— Привет, Марта Варлок, — приоткрыв один глаз, провила Эмбер и царственно кивнула, дескать, добро пожаловать в смурную общежитскую комнатенку. Тут по-прежнему бардак.

Вернее, бардак был на ее половине. На письменном столе вперемешку лежали книги, писчая бумага, ритуальные принадлежности и козлиный череп. Розового цвета, с невнятной загогулиной на лбу.

Следом за мной пожаловал хмурый Вэллар. Подруга поперхнулась песнопениями, откровенно вытаращилась и произнесла совершенно нормальным голосом:

— И Аик Вэллар.

— Привет, — отозвался он.

Резко захлопнув манускрипт, она начала подниматься с колен, но через порог переступил мой бывший идейный враг. От изумления Эмбер замерла в полусогнутой позе.

— И Закари Торстен?!

Она резко выпрямилась во весь невысокий рост, схватилась за поясницу и одарила меня красноречивым взглядом.

— Внезапная комбинация, — протянула она. — Вы втроем поймали проклятье неразлучников и хотите, но не можете отойти друг от друга на пару шагов?

— Вроде того, — вместо приветствия отозвался Закари и аккуратно закрыл дверь.

— Поэтому у вас такие сложные лица?

Два плечистых высоких парня занимали на редкость много места, и в комнате моментально стало тесно. Вообще не развернуться!

— И судя по тому, как вы дружно молчите, мне стоит сходить куда-нибудь помедитировать, — резюмировала моя догадливая подруга. — Подышу свежим воздухом коридора.

— Спасибо, — тихо поблагодарила я прежде, чем закрыть за ней дверь.

Эмбер приподнялась на цыпочки, из коридора посмотрела у меня над плечом и прошептала:

— Потом все выживут?

— Надеюсь.

— Но ты же понимаешь, что я буду подслушивать?

— Меньше потом рассказывать, — слабо улыбнулась я.

Мы остались втроем. Закари пристроил дорожный саквояж на пол и с любопытством осматривался. У него вообще было удивительное свойство чувствовать себя в чужой комнате, как в своей. С досадой я заметила на спинке деревянной кровати ночную сорочку с легкомысленный горошек. Забыла убрать перед отъездом, а сейчас казалось не с руки.

Торстен сунул руки в карманы и по-хозяйски прошел к окну. Ни мне, ни Айку, сведшему брови на переносице, это не понравилось.

— Знаменитая пожарная лестница ведет в твою комнату? — ухмыльнулся Закари.

— Я тебя умоляю, — скривилась я, — не делай вид, что не знал. Не ты ли отправлял сюда первый курс?

— А у вас много общих воспоминаний, — нехорошо усмехнулся Айк и плюхнул на стул мою сумку. — И что же случилось на выходных, Торстен, что вы с моей девушкой достигли такого поразительного взаимопонимания?

Я не успела набрать в легкие воздуха, чтобы спокойно объяснить дурацкую ситуацию, в которую мы сами себя загнали, как Закари развернулся и с сардонической улыбкой вымолвил:

— Нас с твоей девушкой, Вэллар, решили поженить.

У Айка вытянулось лицо.

— Уже передумали! — тут же добавила я. — Никакой помолвки между мной и Торстеном в обозримой вечности! И в необозримой тоже. Мы не женимся. Никогда, ни при каких обстоятельствах, но...

— Но? — глухим голосом повторил Айк.

— Теперь у нас фальшивая любовь, — в знакомо беспардонной манере объявил любитель двусмысленностей Закари Торстен.

— Чего? — Вэллар вперил в него тяжелый взгляд. Сильное крепкое тело напряжилось, как у зверя готового к прыжку.

— Давайте поговорим мирно, — с самыми располагающим интонациями предложила я. — Айк, наши родители думают, что мы с Торстеном встречаемся. Мы им солгали. Через пару седмиц скажем, что расстались, и от нас окончательно отстанут. Никто не будет женить людей, которые разбежались. Ты ничего не узнал бы...

— Ты не собиралась мне рассказывать? — возмущенно перебил он.

— И, полагаю, была бы права, — прокомментировал Торстен, за что получил пару яростных взглядов и поднял ладони, дескать, закрываю рот на замок.

— Нет, не собиралась, — честно призналась я. — Было ни к чему, но в академию приехала Айша Эллинг. Она моя крестная. И теперь некоторое время нам с Торстеном придется... так сказать... поизображать отношения на людях. Но без всякого такого.

— Без какого? — тихо переспросил Айк.

— Да, мне тоже сейчас стало крайне интересно, — с иронией протянул Торстен.

— Без излишнего рвения! — вышла я из себя.

Возникла странная пауза. На лице Айка ходили желваки, на скулах пылали алые пятна. Он повел плечами, пятерней нервно растрепал волосы.

— Все ли я правильно понял, Марта? Вы соврали семьям, что у вас большая любовь. Хотели сказать, что расстались, но приехала твоя родственница, и вы теперь начнете встречаться публично.

— Не по-настоящему! — поправила я. — И ненадолго! Через пару седмиц мы официально расстанемся.

— В конце следующего месяца, — с усмешкой напомнил Торстен.

— Этого месяца! — отрезала я. — Ты мне изменишь. Если стартанешь сегодня, то вообще дней через пять с полным правом разбежимся!

— Вы меня за идиота держите? — выругался Айк, обрывая спор. — Марта, ты хоть понимаешь, как этот бред звучит со стороны? Ты просишь у меня благословения, чтобы что? Изображать на людях отношения с Торстеном? А мы с тобой будем прятаться по углам, так?

— Учитывая, Вэллар, что вы и так не особо рисовались, для тебя в принципе ничего не изменится, — хмыкнул Торстен.

И в Айке словно распрямилась тугая пружина. Он дернулся в сторону противника, явно собираясь устроить в тесной комнатенке мордобой.

— Остановитесь оба! — рявкнула я.

По комнате прокатилась волна взбудораженного воздуха. На окне взлохматилась занавеска, с хрустом срывая петельки. Со столов

слетела бумага, записки и прочая чушь. По злой случайности один взметнувшийся в воздух лист прилип к лицу Айка. Поперек этой страницы красовалась символичная надпись, сделанная незнакомой рукой: «взрыв мозга».

Остолбеневший Вэллар содрал бумажную вуаль и с отвращением посмотрел на рукописный комментарий. Последовала ошарашенная пауза. На потолке, неприятно скрипя, качался резной светильник. По полу рассыпались записи. Понятия не имею, как мы будем приводить их в порядок.

Глумливо ухмыляясь, Закари пригладил взъерошенные волосы:
— Старая добрая светлая магия.

И эта светлая магия, отнюдь не самая добрая во мне, всегда шокировала Айка. Он выглядел оцепенелым, словно не верил, что я действительно не постеснялась ею воспользоваться.

— Марта, я понимаю, что вам с Торстеном плевать, что о вас думают люди... — сминая лист в кулаке, проговорил он. — Но когда вы наиграетесь на публику, я не хочу выглядеть жалким кретином, который подбирает за ним баб.

— Эй, Вэллар, — тихо и серьезно вымолвил Закари, — следи за словами.

Со злостью Аик отшвырнул бумажный комок и широкими шагами пересек комнату. Под его ботинком хрустнул переломанный грифельный карандаш. Дверь с треском захлопнулась. Кажется, на пол сорвался измученный елочный венок.

Похоже, меня только что бросили...

— Варлок, похоже, тебя только что бросили, — словно прочитав мысли на расстоянии, прокомментировал Торстен. — Не побежишь за своим парнем?

Я окатила его свирепым взглядом.

— Конечно, не побежишь, — усмехнулся он. — Смотри на вещи позитивно, сентябрь. Теперь не придется ни перед кем оправдываться.

— *Закари*... — пришлось резко выдохнуть, но в груди все равно клокотало, — как же все-таки я тебя ненавижу!

С насмешливой миной он прошел мимо, подхватил с пола дорожный саквояж и бросил напоследок:

— Звучит как заявка на крепкую дружбу, *Марта*.

Эмбер появилась почти сразу. В руках она задумчиво крутила лысый елочный бублик и при виде разобранной комнаты с сорванной наполовину занавеской уважительно присвистнула.

— Но с такими новостями могло быть хуже, — последовало резюме. — Вас с Торстеном действительно надумали поженить ради мира?

— Как в темные времена драконов, — со вздохом согласилась я и начала подбирать с пола измятые записи с лекциями.

Часть из них была написана моей рукой, другая часть — кругленьким аккуратным почерком Эмбер. Еще обнаружился чужой конспект, украшенный отпечатком ботинка Айка.

— Если подумать, он предложил рабочий план, — заметила соседка.

— Одобряешь? — невесело хмыкнула я и поднялась со стопкой измятых страничек.

— Признаю, что твой идейный враг неплохо соображает. Рассказывать Вэллару было обязательно?

— У крестной талант узнавать о людях если не все, то почти все. Чихнешь в закрытой комнате, а утром из башни Варлок пришлют бутылку с эликсиром от насморка, — пожаловалась я. — Поверь, я знаю, о чем говорю. Лучше рассказать Айку сразу, чем потом разбираться с недопониманием. Но в него как демон вселился. Мы говорим, когда он остынет... Или нет.

— Вот сейчас я вынуждена задать неприятный вопрос... — Эмбер почесала нос. — У вас с нашим идейным врагом было что-то, о чем ты теперь жалеешь?

Я одарила ее мрачным взглядом и решительно заявила, что собираюсь унести эти позорные воспоминания с собой в могилу.

— Тогда какие планы? — сдалась она. — Уберемся, надеремся полынной настойки или просто прикончим Торстена?

— Прикончить Торстена — достойный план, — мрачно пошутила я. — Решает массу проблем, но давай просто приберемся.

Вечер прошел в уборке. Эмбер рассказывала о блондине-чародее из Эсвольда, с которым познакомилась по дороге домой, а я поглядывала на почтовик, аккуратно пристроенный на письменном столе. Шар оставался прозрачным. Никаких сообщений от Айка. Не

выдержала и отослала: «Когда захочешь поговорить, ты знаешь, где меня найти».

На ужине в шумной столовой он не появился. Возможно, мы просто разминулись, но я все равно беспокойно поглядывала в угол, где шумела команда по брумболу. Как первокурсница, честное слово.

Во всей этой неразберихе ужасного вечера, заканчивающего столь же отвратительные выходные, нашлось только одно хорошее: Закари Торстен тоже пропустил ужин. Говорят, что осознанное голодание позволяет сознанию очиститься. Вот! Пусть просветлится.

— Завтра устроим ритуал очищения жизненного пространства, — через зевок пробормотала Эмбер, когда мы уже потушили свет и пытались заснуть. — А то чувствую, как скоро в наше окно постучатся неприятности.

Секундой позже в окно что-то ударилось. Стекло неприятно и угрожающе звякнуло. Я резко села на кровати и, нахмурившись, прислушалась.

— Эмбер, ты слышала? — тихо спросила у нее.

— Неприятности уже стучатся? — Она оторвала голову от подушки.

Снова раздался звон. Похоже, кто-то собирался разбить нам стекло.

— Первый курс совсем страх потерял, — вскакивая с кровати, процедила я и резко раскрыла занавеску.

Стоило дернуть на себя оконную створку, как что-то полетело прямехонько в мне лоб. Рефлекторно я отшатнулась. Маленький неровный камушек врезался во вспыхнувшую перед лицом преграду, натянул ее, как жгут на рогатке, и светящимся всполохом вернулся к отправителю. Снизу донеслось сдавленное ругательство.

— Враг повержен? — деловито поинтересовалась Эмбер.

Я высунулась наружу и, к собственному удивлению, обнаружила в круге фонарного света согнутого Вэллара.

— Айк, ты в порядке? — всполошилась я.

Он поднял руку, дескать, не переживай, мы с гордостью чуток потрепаны, но все еще стоим на ногах. Кое-как выпрямившись, он откинул с лица спутанные волосы и с улыбкой показал мне почтовик.

— Мне взять его? — не поняла я.

— Да! — донеслось снизу.

Айк говорил тихо, но наверху кто-то, кажется, попытался открыть окно. Пока с моим парнем не принялась беседовать половина общежитского крыла, я быстро нырнула в комнату.

— Ты чего всполошилась? — не утерпела Эмбер.

— Айк пришел, — бросила я и в потемках немедленно споткнулась о брошенные ею домашние туфли. Мигом почувствовала себя маленьким Ро, которому под ноги кидается ковер. Я тоже едва не растянулась на полу и толкнула стол. Почтовик спрыгнул с подставки. Успела подхватить чудом прежде, чем он соскочил с края столешницы. От соприкосновения с ладонью шар засветился, и в темноте зазвучал приятный голос Вэллара:

— Марта, я наговорил сегодня лишнего, и мне действительно жаль. Выкинем белый флаг?

С улыбкой я вернулась к раскрытому окну. Айк по-прежнему стоял на дорожке. Вокруг него, озаряя щербатую брусчатку, ярко-красным магическим контуром светился знак примирения, отчасти напоминающий поделенное на половинки сердце.

Узел, завязавшийся в груди еще во время ссоры, незаметно растаял. Светящимся кончиком пальца в воздухе я нарисовала знак примирения. Он вспыхнул, застыл на секунду светящейся вязью и медленно развеялся затухающей золотистой пылью.

— Это Айк Вэллар? — заговорили этажом выше. — К кому он пришел?

— Айк, я тебя прощаю! — истеричным фальцетом заорали на четвертом.

Окна открывались, девушки высывались наружу.

— Я люблю тебя, Айк Вэллар! — крикнул кто-то.

— Просто женись на мне!

На первом этаже загромыхала створка оконной рамы, и в сторону Вэллара, как на орущего дурниной мартовского кота, выплеснулся поток воды.

Он едва успел отскочить и воскликнул:

— Госпожа комендант, за что?

Магический знак мгновенно потух и зашелся шипящим дымком, оставив после себя на брусчатке выжженный след.

— Пошел отсюда прочь! — прокаркал скрипучий голос старенькой, но бодренькой комендантши.

Вообще-то, нам просто не повезло. Когда на первом курсе к нашему окну устроили паломничество бесстрашные кретины, вредная старушка ни разу не подала голоса. Может, делала вид, что ее не касаются коллективные штурмы пожарной лестницы или, заткнув уши пробковыми берушами, спала как мертвые после упокоения, а сейчас никак бессонница одолела.

— Спокойной ночи! — крикнул он и с лучезарной улыбкой помахал мне рукой.

Получилось неопределенно. Каждая из девушек наверняка решила, будто он прощался именно с ней.

— Так романтично, что даже завидно, — вздохнула Эмбер, выглядывающая в окно из-за занавески, но тут же постучала по подоконнику. — Чтобы не сглазить. В нашем роду Фокстейл все ведьмы страшно глазливые.

На следующее утро все разговоры в купальне были о том, к кому приходил Айк. По всему выходило, что ко всем разом. Каждая вспомнила, за что ему следовало извиниться. С кем-то не поздоровался, от других отвернулся. У одной взял перо на лекции и не вернул. Страшное преступление, видимо! В общем, именно Айк стал причиной, почему в купальне образовался затор, а я, даже встав чуток пораньше, все равно категорически опаздывала на первое занятие.

— Что у тебя сегодня? — промычала Эмбер в подушку. У нее-то занятия начинались позже.

— Демонология, — пропыхтела я, прыгая на одной ноге и натягивая узкие кожаные брюки.

— Опаздываешь?

— Почти! — Я все-таки втиснулась в штаны и так резко натянула завязку, что едва не крикнула. — Но не теряю надежды!

Прийти вовремя было даже не делом чести, а вопросом выживания. С непунктуальностью магистр Стич боролся своеобразно: опоздавшие назначались демонами. И по-демонски страдали. Быть подопытным у четвертого курса темных чародеев удовольствие гораздо ниже среднего. Пожалуй, даже хуже скандала с Айком или пикника на берегу реки под внимательным оком родной матушки. Хотя вру: пикник был ужаснее.

Внезапно раздался стук в дверь, задорный и громкий.

— Кто там?

— Доставка! — отозвались из коридора.

— Ты что-нибудь заказывала? — тихо спросила я у Эмбер.

— Нет, — протянула она и приподнялась на локте.

Синие волосы торчали в разные стороны, на щеке отпечатался залом от подушки. Я стояла по пояс раздетая и тоже, мягко говоря, была не готова разбираться, с кем нас перепутал доставщик.

— Мы ничего не заказывали! — крикнула в сторону двери и лихо натянула рубашку.

В смысле, не очень лихо. Случайно попала головой в рукав, потом выяснила, что надела вещь задом наперед и чуть глазом не дернула, пока переворачивала нужной стороной. В общем, собралась не как должно, а как получилось.

— Удачи! — пожелала соседка напоследок и с головой закрылась одеялом.

Когда, на ходу завязывая еще влажные волосы в хвост, я неслась по коридору, парень в черной форме доставщика стучался в комнату к нашим соседкам. В руках он держал завернутый в бумагу сверток.

— Парень, они скорее всего уже заняты, — не останавливаясь, бросила ему и припустила к лестнице.

В полукруглый кабинет демонологии я ворвалась в тот момент, когда учебный корпус факультета темных искусств огласил часовой бой. За моей спиной категорично хлопнула дверь. Магистр Стич, невысокий худосочный чародей в преподавательской мантии, дружелюбно улыбнулся, сверкнув острыми клыками. В ярко-зеленых ведьмовских глазах вспыхнул ехидный огонек.

— Доброе утро, госпожа Варлок!

— Здравствуйте, магистр, — отозвалась я и нервно бросила взгляд на восходящие ряды с партами.

В кабинете не было окон, только магический свет. Двадцать человек сидели, как вросшие, на положенных местах и привычно дышали через раз. Лишь бы не привлечь внимание и не оказаться разжалованными до нечисти на побегушках!

— Присаживайтесь. — Он махнул рукой в сторону сокурсников.

Не дожидаясь второго приглашения, я устроилась с Майком Стоуном, тихим троечником, единственным сидящим в первом ряду. В прошлом семестре мы с ним на пару пересдавали экзамен по темным искусствам. Я ругалась, как сапожник, когда вместо темной магии все

время вылезала светлая, и с тех пор он, похоже, чуток меня побаивался. Иначе не объяснишь, почему шустренько сдвинулся на лавке, словно ему уже отвесили светлой благодати.

— Господа демонологи, начнем занятие, — объявил магистр. — Сегодня мы будем заключать сделки с темными сущностями. Познакомьтесь с нашим демоном, исполняющим желания. Госпожа Варлок! Поздравляю.

Народ облегченно выдохнул, а у меня-то утро стало откровенно паршивым.

— Да я даже не опоздала, — буркнула едва слышно, выуживая из сумки блокнот для записей.

Однако магистр Стич, несмотря на преклонный возраст, обладал не только демонской фантазией, как обучить студентов искусству общения со всевозможной нечистью, но и демонски острым слухом.

— Но вы пришли самая последняя, — развел он руками.

До ломоты захотелось кофе. Черного и горького, как мое настроение.

Магистр, большой специалист в демонологии, лекцию читал вдохновенно. На грифельной доске за его спиной сами собой появлялись схемы и записи строгими чертежными литерами: ведьмовской круг для призыва, правила вызова и заключения сделок.

— Госпожа Варлок, — обратился ко мне Стич, — как темная сущность какой обмен вы предложите мне, пожелай я, скажем, принести рукописи Триала из библиотеки?

Не дайте светлые демоны такого счастья!

— «Превосходно» в диплом независимо от посещений вашего предмета и продемонстрированных на экзамене знаний, — не задумываясь, ответила я. — Заключим сделку?

По рядам пробежал тихий смех. Магистр кашлянул в кулак и обратился к аудитории:

— Какой можно сделать из этого вывод, господа демонологи?

— Что вы не поставите Варлок «превосходно»? — хохотнул Адам Бранч, и от его голоса сидящий на расстоянии вытянутой руки Майкл Стоун почему-то тихонечко вжал шею в плечи.

Стич бросил на шутника неодобрительный взгляд и сухо резюмировал:

— Если уж злой рок или глупость вынуждают вас заключить сделку с темной сущностью, то главное правило: оценивайте риски! Перейдем к практике.

Он громко хлопнул в ладоши, даже в ушах зазвенело. Кабинет погрузился в кромешную темноту. Секундой позже в нишах на стенах и на столе магистра вспыхнули оплавленные толстые свечи, не гаснущие ни от сквозняка, ни от нервного дыхания. Резко вытянулись вверх и опали огненные пики. В ровном тусклом свете на полу между преподавательской кафедрой и первым рядом проявился выжженный ведьмовской круг.

— Госпожа темная сущность, — обратился ко мне магистр, — прошу скрыться в потустороннем мире.

Пришлось выбраться из-за стола и проследовать в потусторонний мир. В смысле, выйти в пустой коридор и, стоя под дверью, слушать, как в кабинете решают, кто первым попытается пробудить ведьмовской круг.

— Раз вы желаете, прошу, господин демонолог, — пригласил магистр кого-то на эксперимент, а через некоторое время громко выругался: — Что вы вытанцовываете, как ведьма на шабаше? Важна точность!

Неожиданно перед глазами, чуток ослепив, вспыхнуло марево. Я перенеслась кабинет, озаренный магическими свечами. Вокруг плыло золотистое сияние, намекающее, что выйти дальше пробужденного ведьмовского круга не удастся. За светящимся контуром с самодовольным видом скалился коротко стриженный здоровяк Адам Бранч.

— Привет, Варлок! — протянул он.

Вообще, у нас с ним имелась одна неприятная история. На первом курсе во время штурма легендарной пожарной лестницы Бранч чуток огреб светлой благодати. А потом еще разок от меня лично, когда попытался предъявить претензии, что не смог покорить «башню ведьм». В итоге трое суток проходил без голоса. Тогда отцу из деканата прислали гневное письмо, и вся башня Варлок потешалась, что мальчиков надо любить, а не обижать. Иначе мне грозит остаться старой девой с выводком живых табуреток. Кошки, дескать, не приживутся. Еле заткнула этот фонтан непотребных шуток!

— Что ты хочешь от темной сущности, чародей? — скрестив руки на груди, неохотно уточнила я.

— Служи мне! — гоготнул Бранч.

— Не расплатишься.

— Тогда выполни десять моих желаний!

— Ты не на аттракционе невиданной щедрости, — поморщилась я. — Выполню одно желание.

— Но любое, — осклабился он.

— Заветное! — со значением поправила я.

— Даже если попрошу станцевать голой на столе? — глумливо спросил Бранч.

— Если твое заветное желание — вульгарные пляски, то запросто, — презрительно скривилась я. — Что ты готов предложить за одно заветное желание?

— Душу своего первенца.

— Не пойдет, — покачала я головой и одарила его прямым расчетливым взглядом. — Я хочу честность, Адам Бранч. Пока я не выполню твое заветное желание, ты не сможешь обмануть ни себя, ни мир. Идет?

Обнаженные танцы? Пф! Совсем скоро у него останется единственное желание: отменить сделку. Может, еще захочет свернуть мне шею, за что снова получит светлой благодати, а в башню Варлок всем на радость, наверное, пришлют очередное гневное письмо. Глядишь, и Торстену вломят, что не досмотрел за дражайшей половиной, когда она не выпила кофе с утра и впала в мрачное настроение. Как ни крути, сплошные плюсы.

— Желание загадаю, когда захочу! — быстро объявил он. — Не прямо сейчас.

— Как скажешь, — пожала я плечами, но справедливости ради спросила: — Ты просчитал все риски?

— Сомневаешься?

— Ладно. Да будет так, — мило улыбнулась я, хотя улыбаться мило не выходило из-за ряби в глазах. Подозреваю, все вызванные в наш мир демоны бесились именно из-за неровного света, от которого начинала ныть голова и хотелось зажмуриться.

— Тогда, Варлок, изыди, — с пакостной улыбочкой пропел Бранч, а мог просто потушить ведьмовской круг и выпустить через дверь.

Внезапно на меня нахлынули запахи улицы: опавших листьев и сырой земли. В лицо ударил порыв ледяного ветра, с волос слетела перевязь, и пряди разметались в разные стороны. Я стояла посреди укрытого желтым ковром, страшно печального кладбища за главным корпусом Деймрана.

— Вот ведь... косорукий, — пробормотала себе под нос, поежившись от холода. Белая ученическая рубашка, утепленная только эмблемой факультета на груди, не грела.

И в трех шагах от меня четверо парней-некромантов в кожаных плащах энергично и увлеченно разрывали могилку. Если верить покосившемуся мраморному надгробью, четвертого ректора академии. Слышала, что у некромантов цифра четыре имеет сакраментальное значение. Они считают ее знаком смерти.

Парни были колоритны, как раз во вкусе Эмбер: мрачные и, судя по всему, исключительно трудолюбивые. Кисти рук, уверенно сжимающих черенки лопат, украшали татуировки, у одного по выбритой голове мельтешил защитный знак. Живой рисунок елозил то к уху, то возвращался на макушку, то сбегал на затылок.

Внезапно один из парней, не глядя, с азартом отшвырнул за спину шмат рыжей глинистой земли. Комья долетели до меня. Зашипев, я отпрянула, но чистые ботинки все равно оказались засыпаны. Весь квартет резко остановился и синхронно обернулся, словно обладал коллективным разумом.

— Все нормально, парни! Я к вам случайно залетела, — пояснила я и постучала ботинком о ботинок, пытаюсь сбить землю. — Меня сейчас обратно вызовут. Вы не отвлекайтесь. Ректор сам себя не выкопает.

Татуировка на макушке некроманта агрессивно стекла на лоб, потом на глаз. Отчего-то он начал напоминать кота из кухни в башне Варлок. Мы его называли Пират за черное пятно вокруг правого глаза на вечно голодной морде.

— В смысле, этот сам себя не выкопает, — поправилась я. Вдруг для них тоже важна точность формулировок?

В ответ мне на ботинки полетели комья земли.

— Эй, некромант, руки трясутся? — холодно спросила я. — Или с меткостью напряг?

— Варлок, что ли, пожаловала? — вдруг спросил один из парней, вытащил из кармана очки с толстыми стеклами и нацепил на нос. Глаза от окуляров непропорционально уменьшились. — Точно Варлок! Как рявкнула, сразу голос узнал. Наказали или случайно?

— Еще не поняла, — отозвалась я, удивляясь, как умудрилась не запомнить некроманта в очках. Даже имя из глубоких слоев подсознания не всплыло. Без аксессуаров и отличительных примет, они все на одно лицо. Посему выходило, что зря поносила Торстена за плохую память, у самой не лучше.

— Братья, она своя, — пояснил он.

— Закапываем, — буркнула «татуированная макушка».

Они начали молча, но слаженно забрасывать могилку землицей, так и не дорывшись до упокоенного четвертого ректора. Изредка кидали на меня недобрые взгляды. Может, добрые, но исключительно в их понимании. Некроманты в принципе не особенно дружелюбны к миру.

Скрестив руки на груди, я подмерзала на ветру и с возрастающим скепсисом следила, как под испачканными ботинками то зажигался, то гас красный ровный круг.

— Никак? — с сочувствием спросил очкарик.

— Что-то туго идет, — согласилась я, мысленно уже прикидывая, как бодрой рысцой потрушу в учебный корпус своими ногами.

Словно услышав мои мысли, кладбище вокруг поплыло. Перед глазами появился главный холл жилого корпуса, примечательный большим ведьмовским кругом на мраморном полу. Не успела я удивленно крикнуть или хотя бы моргнуть, как рядом отчаянно громыкнуло, а на блузку выплеснулся поток горячего кофе.

— Да вы издеваетесь! — рявкнула я и, выгнувшись вопросительным знаком, отодрала прилившую к животу мокрую ткань. Противно до жути!

— Извините! — испуганно пискнул женский голос.

Вокруг мерцало марево от заклятия призыва, горела под ногами ведьмовская звезда. Всегда считала, что узор в холле выложен ради эстетики. Но мы же в Деймране! Здесь любое интерьерное украшение может оказаться воротами в потусторонний мир. В смысле, в другие части замка.

За пределами круга жалась испуганная девушка с опустевшим термосом в руках и, обалдело моргая, на полу сидел подозрительно знакомый доставщик. Возле него валялся раскрывшийся сверток с растрепанными розами, чуток полысевшими от шокового удара о каменную гладь. Судя по потрясенному виду, курьер тоже был готов облысеть от шока.

Замерший от изумления народ вернул дар речи, пришел в движение и кинулся к девушке.

— Ты в порядке?

Мы с доставщиком обменялись обалделыми взглядами. Почему никто не волновался в порядке ли остальные участники магического катаклизма? Очевидно, что парень в моральном беспорядке: скovyрнулся на пятую точку с высоты собственного роста и пытался осознать себя, сидящим на полу. Я тоже в полнейшем раздрае: запертая в магическом контуре, растрепанная, как розы из свертка, и еще в испорченной блузке.

Смена локации оказалась стремительной, как нашествие демонов. Я обнаружила, что потряхиваю облитую блузку не посреди холла, а в круглом незнакомом кабинете. Буквально топчусь грязными ботинками по ковру с элегантным рисунком... насквозь прожженному пробужденным ведьмовским кругом. Сквозь мерцающую пелену в большом окне просматривалась башня некромантов. Ее было легко опознать по облезлому флагу на самой верхушке длинного шпиля.

За массивным письменным столом из красного дерева уважаемый ректор нашей академии, известный на все семь королевств темный маг, вкушал утренний кофе и явно не ждал никаких гостей. Особенно внезапных, как городские голуби. При моем триумфальном появлении он подавился и выплюнул в воздух фонтан брызг.

Честное слово, бойтесь своих желаний! Так сильно хотелось бодрящего напитка, что в итоге меня им облили, а потом еще и... плюнули.

Возникла странная пауза. Я перестала теревить блузку и решила помолиться темным богам, но сначала вежливо поздоровалась с главой академии:

— Доброе утро, господин ректор!

В кабинете ректора мне бывать не приходилось и до конца учебы это чудное место посещать не планировала. Даже если бы меня

попытались втащить сюда насильно. Втащили! С помощью магии. Случился же черный день.

Спасибо, конечно, что я все еще в Деймране, но почему в главную пыточную-то?!

— Как? — прохрипел он и поспешно обтер рот платком.

Потом этим же платком принялся тереть какие-то бумаги. Замер и еще вытер окропленный письменный набор.

— Роковая ошибка на занятии у магистра Стича, — ответила я и посмотрела под ноги. На ковре остались следы от грязных ботинок. — Прошу понять и простить.

Вообще-то, имела в виду затоптанный, испорченный ковер, но вышло, что и за магистра похлопотала.

И снова интерьер поменялся. На сей раз я оказалась в маленьком читальном зале библиотечной башни. Ведьмовской круг прожег недавно перестеленный дубовый пол. От перемещений меня чутко мутило, перед глазами рябило, а в кресле, сложив ногу на ногу, читал книгу Закари Торстен.

Он прикрыл томик и растянул губы в издевательской улыбке:

— Неожиданно...

— Торстен, я мокрая, грязная и злая! — предупредила я, взбесившись от одного его цветущего и опрятного вида. — Меня протащили по всем ведьмовским кругам Деймрана. Просто молчи и не делай этот день еще хуже!

— Но цветы-то ты получила? — невозмутимо уточнил он.

— Какие еще цветы?

Что он ответил, услышать не удалось, я наконец-то оказалась в кабинете демонологии. За пределами ведьмовского круга переминался Майкл Стоун, видимо, уже взопревший от неудачных попыток вызвать темную сущность. Подозреваю, выглядела я не лучше этой самой сущности. Настроение в принципе тоже было под стать.

Со стороны рядов донеслось издевательское хихиканье. На насмешника шикнули, дескать, молчи, когда назревает большая магическая драма. Все преисполнились торжественностью момента.

— Поторопитесь, господин демонолог, — велел магистр.

Испуганный Майк сморщился, точно собирался заплакать. Больно смотреть! Вернее, было бы больно, не протащи он меня по всей академии.

— Стоун, — с угрозой в голосе тихо проговорила я, — подумай хорошо прежде, чем что-то попросить. За любое желание тебе придется отдать почку. У тебя есть лишняя почка?

— Да я просто хотел выпустить тебя из круга, — проблеял он.

На долю секунды мне сделалось чуток стыдно, но потом к животу опять прилипла испорченная блузка, и совесть мигом заткнулась.

— Я выйду, но в круг войдешь ты, — резковато предложила я условия сделки. — Согласен?

— Да? — отчего-то вопросительно проблеял он.

— Да будет так...

Прозрачная стена растворилась, и я спокойно перешагнула через светящийся контур. Майкл чуток попятился.

— Добро пожаловать, господин демонолог. — Приглашающим жестом я указала ему в центр круга. — Заходите.

Тот покосился на Стича, но магистр не торопился остановить познавательную игру в демонологов, отчего-то игру не напоминающую, и пребывал в восторге, практически переросшим в приступ экзальтации. Он же не догадывался, что благодаря его спорным методам обучения в ректорском кабинете подпорчен ковер.

В густом полумраке, озаренном только свечами и неверным мерцанием ведьмовского круга, у магистра светились глаза. Хотела бы сказать, что азартом, но нет — просто светились, как у многих чистокровных ведьмаков.

— Ладно, — смиряясь с неизбежностью, едва слышно выдохнул Стоун и осторожно перешагнул через контур.

Вокруг его фигуры немедленно выстроилась полупрозрачная преграда. По ней от пола вверх поднимались мелкие светляки, похожие на искры.

— Изыди, Стоун, — приказала я.

— Куда? — охнул он.

— Туда, откуда я стартовала.

И Майк исчез. Круг потух. В кабинете воцарилось отдающее трагизмом молчание. Видимо, народ проникся и мысленно навсегда попрощался с перенесшимся на «тот свет» однокурсником. Может, еще поминки в столовой закатят.

— Превосходно, госпожа темная сущность! — в гробовой тишине воскликнул Стич. — Вы заключили две прекрасные сделки, о

последствиях которых все участники практикума расскажут в коротких эссе. На сегодня все!

Как по приказу по академии разнесся часовой бой, объявивший об окончании первого утреннего занятия. Народ начал шумно собираться. Стоун, по идее перенесшийся в коридор, возвращаться не торопился. Сунув в сумку блокнот, я направилась на выход.

— Кто-нибудь передайте господину Стоуну, что он должен сдать работу! — надрывался магистр. — И заберите его вещи!

Майкл, очевидно, убоившись светлой благодати, дожидаться окончания практикума под дверьми кабинета не пожелал и куда-то сбежал. Ловко прикрыв испорченную блузку сумкой, я направилась в сторону женской уборной.

Коридор постепенно заполнялся студентами. К высокому сводчатому потолку улетали громкие голоса. Внезапно меня обогнали Бранч с приятелями.

— Желание, Варлок, — пропел Адам, проходя мимо, и нахально подмигнул.

— Всегда обращайся, — хмыкнула я.

В ответ Бранч пару раз хрюкнул. Громко, сочно и очень натурально. Заслушаешься! Он поперхнулся от удивления и покашлял в кулак, словно пытался выкашлять это позорное хрюканье, как застрявшую в горле кость. Его приятели оценили и зашлись издевательским хохотом.

— Наслаждайся честностью, Адам, — с широкой ухмылкой бросила я.

Что сказать? Скоро до него дойдет, что значит быть честным с собой и миром по Марте Варлок. Помнится, младший брат прохрюкал сутки. Больше не выдержал. Успел признаться родителям в разных хулиганствах, отхватил темных щедрот от матери за безудержную прямолинейность и пришел умолять о пощаде. Интересно, на сколько дней хватит Адама Бранча?

Запершись в туалетной кабинке, чтобы никто не увидел светлой магии, я быстро привела в порядок блузку. Стирку бытовые чары не заменяли, но на некоторое время от пятна избавили. Время перерыва неуклонно подходило к концу, и на лекцию по темным искусствам пришлось трусить споро.

Большой лекционный зал был еще открыт. Над притолокой светилась витиеватая надпись с названием занятия и годом обучения, для которого оно проводилось. Я остановилась в дверном проеме и осмотрелась. Восходящие ряды оказались заполнены. Айк сидел с приятелями и с улыбкой кивнул. Эмбер с несчастным видом прихлебывала кофе на первом ряду.

И только я хотела войти в лекторий, в кои веки не после начала занятия, а даже слегка заранее, как внезапно кто-то нахально сжал мой локоть и развернул к себе лицом. От удивления даже брови поползли на лоб, хотя удивляться было вообще нечему. Передо мной стоял Закари Торстен с подозрительно знакомым букетом.

Розы местами полысели, местами помялись. Одна истрепанная головка понуро скособочилась и только чудом держалась на сломанном стебле. Складывалось впечатление, что несчастный букет пережил бесславную смерть и его воскресили, чтобы продемонстрировать мне.

— Ты спрашивала, какие цветы, Варлок? — тихо проговорил демонски раздраженный Торстен.

— Торстен, ты нашел меня, чтобы показать этот веник? — откровенно обалдела я и аккуратно освободилась. — Ты маньяк?

— Я с утра заявился в оранжерею к декану факультета зельеварения, сам прыгал по кустам, пока выбирал цветы, а ты что, отказалась их принимать?

— Никто не заставлял тебя напрягаться, но мог предупредить, что пытался очаровать Айшу. Я бы тебя отговорила.

— Если бы ты не заблокировала меня в почтовике, то была бы в курсе последних новостей, — ответил он. — Забери цветы и сделай вид, что очень рада!

Закари насильно сунул мне руки злосчастный букет, едва успела подхватить.

— Что мне прикажешь с ними делать? — все еще чуток удивленная уточнила я.

— Да запихни... — сорвался он.

— Куда?

— Сама придумай! — Он раздраженно цыкнул и вроде собрался уйти, оскорбленный в лучших чувствах, как помедлил. — Ах, еще кое-что забыл, милая!

Внезапно Торстен положил руку мне на затылок и резко придвинулся. Мы замерли. Он всерьез надумал устроить представление с лобызанием перед целым потоком четверокурсников, среди которых был Аик.

— Не смей, — грозно прошептала я.

Пальцы покалывало от светлой магии. Кажется, даже в узком зазоре между нашими телами от напряжения искрил воздух. Уголок пунцовых губ Закари нервно дернулся. Зрачки стали вертикальными, а глаза снова — злыми.

— Я не спрашиваю разрешения, *Марта*.

Секундой позже разряд прокатился по колючим стеблям, и розы разлетелись, выстрелив Закари в лицо. Невольно он отшатнулся и убрал руку. Мир вокруг нас замер. В воздухе кружилось и опускалось облако алых лепестков. Не долетая до пола, разрушенные светлой магией они рассыпались прахом.

Восторженный развязкой зрительной зал ожил и из лектория бабахнули бурные аплодисменты.

— Доволен, Торстен? — процедила я.

— Более чем, милая, — отозвался он, снимая с рукава лепесток, и растер его между пальцами.

ГЛАВА 6. Цвет настроения — февраль

Случаются дни, когда лучше не вставать с постели, а если уж встал, то не выходить из комнаты. Запереться, никому не открывать и по заветам шаманских манускриптов обложить еловыми венками, отпугивающими неприятности. Но я вышла в люди, а теперь стояла с засохшими колючими ветками в руках, утром представлявшими собой неплохой, в сущности, букет.

Ошпарив Торстена ледяным взглядом, я припечатала шипастые прутья к его груди. Закари не пошевелился, даже не поморщился, и те ссыпались нам под ноги. Да еще издевательски жалобно хрустнули под ботинком, когда с каменным лицом я вошла в лекционный зал.

Быстрый взгляд в сторону Айка, прямо сказать, настроения не улучшил. Парень, с которым мы вроде как помирились, что-то с хмурым видом черкал в блокноте. Не иначе как рисованием останавливал себя от благородного мордобоя с Закари Торстеном, но скорее всего просто злился.

— Дорогая подруга, спасибо! — Эмбер ухмыльнулась и отсалютовала термосом с кофе. — Я так не веселилась со времен вашей с Торстеном войны. Поняла, что жизнь снова заиграла яркими красками.

Одарив синеволосую ехидну выразительным взглядом, я плюхнула ей на колени лежащую на стуле сумку и села. Закари из коридора испарился, а остатки роз превратились в кучу пепла.

— Готова поспорить, все гадают: у вас роман или новый виток вражды? — чуть склонившись, охотно продолжила делиться впечатлениями Эмбер. — От вас искрило.

— Это были светлые чары, — буркнула я, прекрасно понимая, что пожалею о магии.

Собственно, карма нагнала меня почти мгновенно. С часовым боем в лекционный зал вошел магистр по темным искусствам и немедленно объявил, что чувствует в воздухе светлую магию. Дескать, волосы на голове шевелятся. Фигурально выражаясь. Он был безнадежно лыс.

— Госпожа Варлок. — Он впери́л в меня́ тяжелый́ взгляд. — Еще́ одно́ предупреждение, и вы отпра́витесь практиковаться к своим лучшим друзьям-чародеям в Эсвольд.

Золотое правило гласило: если можешь промолчать, то сомкни челюсти и промолчи. Магистр Мэдлей был не только язвитель, злопамятен и лыс, как коленка младенца, но еще являлся деканом нашего факультета. Ей-богу, лучше прикусить язык, не мычать и не дышать.

Сама виновата, даже свалить не на кого. Могла бы сдержать светлую магию и по-простому отходить Торстена проклятушим букетом. Пусть это несколько противоречит легенде о серьезных отношениях, но, как говорит моя ненаглядная маменька после каждого громогласного скандала с отцом: чем хуже ссора, тем слаще примирение. Утверждение спорное, однако план-то рабочий.

Всю лекцию я старалась не шуршать страницами, не скрипеть пером и по возможности дышать через раз. Едва занятие подошло к концу, и народ начал собираться, как Айк стремительно спустился с верхнего ряда. На ходу записывая в сумку блокнот, он зашагал к выходу.

— Эмбер, встретимся в столовой, — подхватывая свои вещи, бросила я подруге и припустила следом за Айком.

Коридор, как всегда, быстро заполнялся студентами, и Вэллар терялся за чужими спинами, словно специально пытался спрятаться. Добраться до него не удалось. Ловким прискоком староста группы перерезал дорогу и зачистил рядом.

— Варлок, скажи, куда ты отправила Стоуна? — взмолился он. — На лекции его не было. Приходится таскать его вещи.

Справедливо говоря, он действительно тащил две заплечные сумки. Первая болталась на одном плече, вторая на другом.

— Он в общежитии, — уверенно ответила я, стараясь не выпускать из поля зрения Айка.

— Нет его там.

— Тогда отлетел на кладбище к четвертому ректору, — предположила я.

Уверена, что после моего триумфального появления во время утреннего кофе ныне действующий ректор намертво замуровал ведьмовской круг и, возможно, успел сменить ковер.

— В каком смысле? — опешил староста.

— В прямом.

— Считаешь, он того... — он зачем-то показал пальцем в сводчатый полук, — не пережил?!

— Не поняла. — Я действительно остановилась и посмотрела на однокурсника, как на полоумного.

— Надо звать некромантов? — шепотом уточнил тот.

— Староста, почему ты у меня спрашиваешь, нужны Стоуну некроманты или не нужны? — выверилась я. — Спроси у самого Стоуна. Он лучше знает. Передавай ему привет, когда найдешь.

Я махнула рукой и припустила за ускользящим Вэлларом. Тот, как назло, не сбавлял шаг, словно куда-то смертельно опаздывал и не хотел, чтобы его задержали.

— Айк, подожди! — все-таки позвала его, хотя всегда считала глупым окликать человека в толпе.

Думала, что из принципа не остановится, но Айк действительно притормозил и обернулся. Его острым взглядом можно крошить лед или протыкать насквозь двуликих чародеек.

— Что ты хотела, Марта? — с прохладцей в голосе спросил он.

— Может, все-таки поговорим? — стараясь не допускать раздраженных интонацией, предложила я.

— Ладно, давай поговорим. — Айк направился к первому попавшемуся свободному кабинету, на притолоке которого не светились никаких надписей, и толкнул дверь. — Заходи, Марта.

Пустые классы и лектории всегда вызывали во мне странное чувство. Они словно существовали в параллельном пространстве. В них останавливалось время, и поселялась гулкая тишина. Чистые парты, исписанная доска — все замерло в настороженном ожидании.

— Полагаю, я должна объяснить, что произошло перед лекцией, — начала я, и мои слова эхом разнеслись по кабинету.

— Ты сейчас скажешь, что это не то, о чем я подумал?

— О, нет! Это как раз то, о чем ты подумал! — пылко подтвердила я.

— Что у вас с Торстеном все взаправду, а я задеваю рогами притолоку?

За каким-то демоном я посмотрела на его макушку, словно светловолосую голову с идеальной стрижкой действительно венчали

закрученные спиралью демонические рога.

— А ты разве не подумал, что Торстен — придурок? — осторожно уточнила я.

— Нет, демоны дери! Вы на редкость убедительно изображаете любовь! Сразу и не поймешь, что она фальшивая.

— Мы правда не стараемся! — отказалась от любых притязаний на достоверность. — Кто знал, что он притащит на лекцию веник?

— Марта, — перебил Вэллар холодным голосом, — давай возьмем паузу.

Показалось, что я ослышалась. В животе вдруг завязался такой крепкий узел, что во рту появилась горечь.

— Говоря о паузе, ты ведь имеешь в виду не паузу в разговоре, так? — проговорила я. — Ты хочешь расстаться?

Айк нервно почесал бровь.

— Никто не говорит о расставании, Марта! — резковато опроверг он. — Взять паузу — не значит... совсем разойтись.

— Серьезно? — У меня вырвался издевательский смешок. — Тогда объясни мне. Я думала, что мы встречаемся, а не сидим над учебниками и тебе вдруг захотелось передохнуть.

Надо отдать Айку должное, он не избегал прямого взгляда. В смысле, не сразу отвел глаза. Порывистым движением провел рукой по волосам, испортив укладку.

— Ты мне нравишься, Марта, но не нравится, что ты сейчас делаешь. А еще меньше нравится, что делает он!

— Да кому в принципе может нравиться, что творит Закари Торстен? — удивилась я. — За выходные мы друг друга едва не прокляли! Странно к нему ревновать.

— Я не ревную, Марта... — Айк поморщился, видимо, стараясь держать себя в руках, но не сдюжил и сорвался: — Нет, демонски ревную! Я предложил помириться и рассчитывал, что ты примешь правильное решение!

— Давай с этого момента подробнее. — Даже понимая, что следует сдерживаться, я начала закипать. — И какое решение для тебя правильное, Айк?

— Покончить с вашим абсурдным спектаклем!

— Разве я не говорила, что мы с ним скоро покончим?

— Насколько скоро? Обозначь точную дату, когда я стану вторым любимым парнем! — рявкнул он. — Не понимаю, почему ты не думаешь о моей гордости, Марта?

Я почувствовала, как начинаю меняться в лице.

— *О твоей гордости?* — переспросила на тот случай, если он в сердцах оговорился. — Ты серьезно?

— Похоже, что я шучу?

— Ты не рос клане и, видимо, плохо представляешь порядки, Айка! — воскликнула я. — Если верховный что-то решает, то все подчиняются. Или отрекаются. Так было, есть и так будет всегда! Некоторые вещи не меняются со временем. Наши с Торстеном отцы помирились и надумали породниться. Какой из вариантов мне следовало выбрать, чтобы не задеть твою гордость?

Внезапно я поймала себя на том, что тяжело дышу, словно не говорила, яростно и торопливо, а бежала галопом, не чуя под собой ног. На скулах Айка горели алые пятна. Губы сжались в тонкую линию. И казалось, перед ним выросла прозрачная, но непроницаемая стена — не достучаться.

— Да брось, Марта. — Вэллар кривовато усмехнулся. — Ты действительно не замечаешь, что он наслаждается этой ситуацией? Я видел, как Торстен на тебя сегодня смотрел.

— Как?

— Как на девушку.

— А должен смотреть, как на выкопанное умертвие? — огрызнулась я.

— Как на *свою* девушку, Марта!

Кому-то из нас следовало остановиться первым и уйти. Из кабинета вышла я. Вышагивала по пустому длинному коридору, тоже увязшему во времени в ожидании шумной толпы студентов, а в голове, подхватывая ритм шагов, как детская считалочка, позвякивало слово «пауза».

Встретаться мы с Айком начали своеобразно. Он нарочно не закрылся от моего проклятия на практике по темным искусствам, а когда вернул подвижность и разлепил губы, с самой доброжелательной улыбкой потребовал компенсировать позор. Свиданием. Я даже не сразу поняла, о чем толкует эта странная звезда брумбола.

— Сви-да-ни-е, *Марта*, — повторил он тогда по слогам, впервые назвав меня по имени, да и в принципе впервые заговорив за три года учебы. — Никогда не слышала о таких?

Вообще-то, сначала я его послала в знахарский корпус, так сказать, подлечить голову после темных чар, но уже в выходные мы вместе бродили по столичным улицам. Вокруг цвели королевские розовые вишни, и в теплом благоуханном воздухе порхали невесомые нежные лепестки. С Айком всегда было красиво, романтично и легко, а от этого чуточку странно. Однако мы не держались за руки, и он неизменно спрашивал прежде, чем меня поцеловать. Все, как говорил Закари Торстен. Понятия не имею, как мы с ним добрались до чего-то большего, чем простые поцелуи, и даже не я оказалась инициатором.

До общежития я добралась как под заклятьем беспамятства и уже под дверью в комнату вспомнила об Эмбер, ожидавшей меня в столовой. Пришлось возвращаться. Соседка сидела в почти пустом зале за столом на шестерых и с азартом листала один из потрепанных томиков, купленных летом в букинистической лавке легендарного Ночного рынка. С едой она уже покончила, но рядом стоял нетронутый поднос, видимо, взятый для меня.

— Извини, — пробормотала я, усаживаясь напротив, и подвинула поднос.

— Ну... занятие по рунологии не настолько захватывающее, как обед в гордом одиночестве вместо завтрака. — Эмбер закрыла книгу, внимательно посмотрела на меня и резюмировала: — Поговорили плохо.

— Айк зол, как стая мертвых.

Я подняла крышку на глиняном горочке с первым блюдом и сунула ложку. Та начала медленно прокручиваться, размешивая и подогревая гущину. Из медного кончика вылетал черный дымок. Ни один декан не дернется, что столовую в темнейшей на семь королевств академии магии посмели осквернить светлыми чарами.

— Если бы ты вернулась из дома и выяснила, что у Айка появилась фальшивая девушка, то они огребли бы столько светлой благодати, сколько за один присест не переварить, — вполне справедливо заметила Эмбер.

— Он захотел взять паузу, — мрачно поделилась я и добавила со смешком, сама не веря, что произношу подобную чушь вслух: —

Расстаться на время.

— А так можно? — искренне удивилась подруга. — На время? То есть взять паузу, а потом как ни в чем не бывало сойтись обратно? Отдохнули друг от друга и с новыми силами в старые проблемы.

Она словно прочитала все мысли, что бродили у меня в голове. Бессознательно я схватилась за ложку, проворачивающую очередной круг, и зашипела — медная ручка сильно нагрелась.

— Да что за день такой? — тихонечко простонала себя под нос.

Из глиняного горшочка шел ароматный дымок, но есть совершенно не хотелось.

— Давай устроим сегодня ритуальный девичник, — не сводя с меня пристального взгляда, словно видела муть, собравшуюся на душе, предложила Эмбер.

— Подозреваю, что слово «ритуальный» здесь ключевое, — вздохнула я.

Подруга у меня замечательная и поддержать умеет. В своей манере. Почти уверена, что во время «девичника» до середины ночи придется изображать неподвижный напольный канделябр, пока она будет изображать ведьму в обрядном экстазе.

— Откроем бутылку полынного ликера, сделаем новый амулет от неприятностей и приворожим Айка.

Она продемонстрировала обложку книги с полустертыми руническими символами. Возможно, если бы я не выясняла отношения с собственным парнем во время лекции по рунологии, название не показалось бы непонятной тарабарщиной.

— Наколдуем что-нибудь легонькое. Обещаю, что Вэллар выживет! — пообещала Эмбер и принялась с азартом ковыряться в своей книжонке.

Пришлось громко кашлянуть, чтобы она прекратила выискивать одурманивающие заклятья. Только приворота мне не хватало для полноты, так сказать, жизненных обстоятельств.

— Ясно. — Подруга разочарованно закрыла томик. — Никаких забавных любовных чар. Вы, прогрессивные маги, отвратительно скучные. Тогда просто откроем ликер и сделаем ловец неприятностей. Прошлый нам очень помог.

— Чем? — со скепсисом уточнила я.

— В смысле, чем? — Эмбер откровенно оскорбилась. — Он столько на себя принял, что облетел и засох.

— Ты его делала два года назад, — напомнила я, что веночек приговорили не гипотетические беды, а беспощадное время. Еловый бублик засох и, от старости полностью облысев, обрел вечный сон в мусорном коробе.

— Но ты не знаешь, какие неприятности с нами случились бы, не повесь я его на дверь, — отрезала соседка. — На «камень-ножницы-бумага» кто пойдет за ветками?

— Кто решил свить гнездо, тот за прутиками и летит...

Всегда думала, что Эмбер мухлевала в «камень-ножницы-бумага», но не понимала, каким образом ей удавалось жульничать. Делать набег на академические хвойные уголья, что ни удивляло, выпало мне. А я, между прочим, даже не верила в силу амулетов!

Остаток учебного дня провела в читальном зале и безуспешно отвлекала себя от мысли об Айке подготовкой к проверочной работе по истории магических войн. Когда вокруг одновременно вспыхнули лампы, я сдалась: собрала вещи и вернулась в общежитие.

Напротив моей комнаты обнаружился последний человек, с которым хотелось общаться. Прислонившись спиной к каменной стене и сложив руки на груди, стоял Закари Торстен. Не один, правда, а в компании со знакомым дорожным сундуком, в который я вчера утрамбовывала зимние вещи.

— Беата не смогла тебя найти и попросила забрать, — пояснил Закари. — Свою мать ты тоже заблокировала?

Расстегнутое узкое пальто и шарф, висящий на шее, тонко намекали, что мы с матушкой на пару сорвали Торстену планы. Вообще, хотелось ляпнуть какую-нибудь резкость, но неожиданно даже для себя я призналась:

— Почтовик оставила в комнате.

Отперев замок, я заставила сундук поплыть по воздуху и пошире открыла дверь. Застежка зацепилась за косяк. Процарапав белую краску, кое-как бандура втянулась в комнату, покачалась еще чуток и с грохотом плюхнулась между кроватями.

— Пожалуйста, — с любопытством проследив за позорным полетом сундука, Закари выразительно намекнул, что благодарности не ждал, но в душе продолжал надеяться.

— Попрошу, чтобы Беата больше тебя не беспокоила, — пообещала ему.

Внезапно он перехватил дверь и быстро спросил:

— Вы с Вэлларом окончательно разбежались?

— Что? — В первый момент я опешила, а потом поморщилась: — Из чего ты сделал такой вывод?

— Ты внезапно вежлива. Не устраиваешь скандалов и не остришь. Он пару часов назад нашел меня и попытался нарваться на неприятности. — Передо мной вновь стоял незнакомец из столовой в башне Варлок, тот самый, с расчетливым взглядом, подмечающий любые мелочи. — Только без драм! Вэллар в порядке. У него завтра турнирная игра. Глупо лишать команду главного нападающего, когда уже поставил деньги. Так что случилось?

В голову пришло, что за возникшей суматохой я напрочь забыла о начале турнира.

— Айк меня не бросил, а предложил взять паузу.

Честно говоря, я сама не поверила, что поделилась девичьими бедульками с идейным врагом, неожиданно ставшим фальшивым парнем.

— Разойтись на время? — протянул Закари с такой ехидной улыбкой, что захотелось его отходить букетом из роз. Жаль, второго не было. — Какая забавная вариация на тему свободных отношений, *февраль*.

Умеешь ты, Закари Торстен, оттоптать больную мозоль! Всегда умел.

— Тебе лучше знать, магистр по свободным отношениям, — сухо отозвалась я. — Спасибо за сундук. Теперь самое время тебе заняться своей личной жизнью. Удачи!

Захлопнуть дверь перед его носом было малым, но приятным утешением. Я бросила сумку с учебниками на стул и раздраженным взмахом руки заставила сундук заехать под кровать. Тот лихо влетел между ножек и, зацепившись злосчастным замком за покрывало, утащил его следом. Стук в дверь и хруст шмякнувшегося о стену сундука раздались одновременно.

Закари по-прежнему стоял в коридоре.

— Какие планы на унылый вечер?

— Наломать елок, — серьезно ответила я.

— То есть ты решила пуститься во все тяжкие? — ухмыльнулся он. — Я как раз хотел предложить девичник после расставания. Ты выпьешь что-нибудь покрепче черного кофе, расскажешь, что все парни — сволочи...

— И ты главная из них, — любезно вставила я.

— Неоспоримо. — На выразительном лице Торстена медленно расцвела чарующая улыбка, вероятно, вызывающая в его подружках легкое помутнение рассудка. — Главная сволочь академии готова проследить, чтобы ты выпустила пар, но никого не грохнула, и до полуночи в полной сохранности вернуть из города в эту комнату. Что скажешь, февраль? Устроим девичник?

Он красиво изогнул бровь и замер в театральном ожидании. Все-таки Закари умел быть забавным, когда душил в себе надменного придурка.

— Торстен, в прямом смысле слова «наломать». — У меня вырвался смешок. — Я собираюсь на академическое кладбище наломать еловых веток.

— Кхм...

— Хочешь со мной?

— Нет. — Он поднял руки, дескать, странные развлечения не для главных сволочей Деймрана. — Пожалуй, пропущу веселье, но тебе от души желаю сорвать злость на елках. Удачи, февраль! Можешь представлять меня, когда начнешь на них нападать.

Казалось, Торстен отчалил заниматься своей личной жизнью. Зря, что ли, наряжался? Но когда я переоделась для набега и вышла в коридор, он по-прежнему подпирал спиной стену.

— Привет, мрачный февраль, — с полуулыбкой промурлыкал он.

Темные глаза поблескивали, как у инкуба, морочащего новую жертву.

— Не виделась целых десять минут, — фыркнула я. — Почему ты еще здесь? Рискуешь пропустить личную жизнь.

— Я подумал, что никогда не ломал деревья на кладбище, — ответил Закари. — Пойдем вместе. Постояю на стреме.

— Торстен, ты меня пугаешь неуместным дружелюбием, — отозвалась я, запирая комнату на ключ. — Если нас поймают, я буду все валить на тебя.

— Договорились, — ухмыльнулся он.

Вообще-то, я его просто дразнила и никак не ожидала, что Закари действительно направится не в порталную башню, а во внутренний двор. Когда я навалилась плечом на тяжелую замковую дверь, он быстро уперся ладонью в створку практически над моей макушкой и помог выйти на улицу.

— Торстен, ты действительно собрался на кладбище? — не выдержала я.

— А ты решила, что нам просто в одну сторону? — с иронией уточнил он, заматывая шею шарфом.

— В чем подвох?

— Не доверяешь постоять на стреме?

— И ты об этом прекрасно знаешь.

— Да никакого подвоха, Варлок. — Закари поморщился. — Сколько мы знакомы? Четвертый год? Сегодня я впервые увидел тебя по-настоящему расстроенной. Подумал, что тебе не помешает компания... Что ты на меня смотришь, как впервые видишь?

Я действительно таращилась, ведь этот новый взрослый Закари по-прежнему вызывал во мне смешанные чувства: от искреннего удивления до недоумения.

— Торстен, не боишься, что я перепутаю тебя с хорошим человеком?

— Осторожно, февраль! — Он сверкнул улыбкой. — Даже я не считаю себя хорошим человеком.

Что у Закари Торстена не отнять: он всегда честен с собой и миром. Окажись мы в другой жизни, наверное, подружились бы.

Снаружи давно стемнело. Стоял острый, пронзительный холод. Под светом уличных фонарей ветер гонял по брусчатке мелкие пожухлые листья. Учебная часть замка с лекториями, классами и коридорами погрузилась в вечернюю дрему. Башня факультета темных искусств походила на вытянутую черную тень, изрезанную неровной мозаикой узких горящих окон. Светились круглые академические часы с руническими символами, которыми в пыльные времена драконов обозначали время суток.

Наверняка в старых летописях Деймрана хранилось какое-нибудь пакостное предсказание, пророчащее конец света семи королевствам, если эти часы вдруг остановятся. Возможно, не одно. Но магистры скрывали ото всех страшную правду и помалкивали в кулачок. Иначе

деятельные студенты возьмутся штурмовать башню, чтобы ради шутки или эксперимента остановить часовой механизм.

Фонари остались за замковой стеной. Мир погрузился в темноту и настороженную тишину. Над головой развернулось огромное бархатное небо, щедро усыпанное мелким звездным горохом.

Внезапно на кончике указательного пальца у Закари загорелась огненная пика, похожая на язычок горячей свечи. Свет был неровный и тусклый, неспособный справиться с обступающим нас мраком.

— Ты же в курсе, что по ночам некроманты здесь выгуливают своих питомцев? — пошутила я. — Решил привлечь на огонек?

— Уверен, ты меня защитишь, светлая чародейка Варлок.

— Не рассчитывай.

— Даже во имя света и добра? — фальшиво хмыкнул он.

— И лучше потуши это подобие огня. Если нас застукают, то заставят отрабатывать в оранжерее.

— У нас там теперь связи, — напомнил Закари о крестной.

— Наши связи не помогут, а еще сверху добавят, — уверила я.

Не рисуясь, он действительно погасил пламя: махнул рукой, и огонь потух. На секунду чернота вокруг показалась непроницаемой. Чудом не споткнулась.

Наконец из темноты выступили первые надгробья. До густых пушистых елей оставалось шагать недолго. Где-то здесь, совсем недалеко, по утра некроманты сначала выкапывали, а потом закапывали четвертого ректора. Вернее, надеюсь, что закопали, не хотелось бы кувыркнуться и прилечь на него сверху, физиономией в сырую землю.

— Я знаю, что сам напросился в компанию, но все же спрошу, — нарушил тишину Закари. — Меня гложет любопытство, зачем тебе понадобились еловые ветки? До Нового года еще далеко.

— На венок.

— На чью могилку надумала возложить?

— Повесить на дверь. — Мне с трудом удалось сдержать смешок.

— Рассчитываю, что он будет тебя отпугивать.

— План необычный, но провальный, — с фальшивым сожалением цокнул языком Закари. — Я не боюсь ни божественных знаков, ни осиновых кольев, ни еловых венков.

— Странно, — протянула я. — Эмбер утверждает, что венок отпугивает беды. Если подумать, пока он висел, ты ни разу не появился в нашей комнате.

— Просто нас с тобой не хотели поженить, — заметил он.

— Кстати, о женитьбе...

— Суровый февраль, только не говори, что ты передумала и решила стать госпожой Торстен, — пошутил Закари. — Место для дурной новости ты выбрала правильное, но время неподходящее. Я тут из себя хорошего парня строю, дай морально подготовиться.

— Ты лелеешь свое самомнение, — отозвалась я.

— Но ты простишь мне эту маленькую слабость? — хмыкнул он.

— Естественно! Ты же пришел со мной на кладбище воровать елки, — подколола я. — Но мы должны договориться о правилах, по которым дальше будем изображать любовь. Даже если через седмицу скажем родителям, что расстались, я больше не хочу никаких сюрпризов. Ты сегодня попробовал, мне не понравилось.

— Я заметил, — отозвался он.

— И не смей говорить, что сожалеешь из-за Айка! — быстро предупредила я.

Закари вдруг резко остановился и, щелкнув пальцами, снова зажег огонек. Пламя внезапно отразилось в его темных глазах и раскрасило лицо глубокими тенями.

— Сожалеть? — переспросил он. — Это вроде того, что девушка позорится, а стыдно ее подружке рядом? У меня нет привычки сожалеть о чужой глупости, Варлок.

— Понятно, но это никак не отменяет личных границ, Торстен. — Я дунула на его горящие пальцы, как на свечу. Пламя дрогнуло и постепенно, дразнясь, затухло. — Давай договоримся: никаких близких контактов на людях.

— Что, по-твоему, близость, суровый февраль? Это близкий контакт?

Внезапно он сжал мою руку, словно доказывая, что для него выражение «личные границы» совершенно бессмысленная тарабарщина, просто пустой набор звуков, но замерзшие в осеннем холоде пальцы оказались окутаны горячим теплом.

Я высвободилась.

— Весьма.

— А взять за локоть? — Закари действительно мягко сжал мой локоть, и тепло от его ладони проникло даже через плотный кожаный рукав. — Близкий контакт?

— Торстен, не нарывайся на светлую благодать, — от души посоветовала я. — Иначе позавидуешь умертвию.

— За плечи, конечно, обнимать нельзя, если я не хочу завидовать умертвиям, — резюмировал он. — Насколько близко я могу подойти? Так?

Закари сделал шаг, фактически прижавшись ко мне грудью.

— Слишком близко, — резковато ответила я, вдруг осознав, что ощущаю запах его ледяного, как морозный зимний воздух, одеколona.

Не сопротивляясь, Торстен немедленно отступил, оставив мне тающий тонкий аромат.

— Личные границы соблюдены? — уточнил с иронией в голосе он.

— Да, — согласилась я. — Без прикосновений! И не смей меня целовать. Больше — никогда!

— Только если попросишь, — улыбнулся он сквозь темноту.

— Торстен... — предупреждающе процедила я.

Надеюсь, он услышал намек, что не стоит сейчас пробуждать в себе отменного недоумка, иначе поход за еловыми ветвями закончится тем, что кто-то окажется похоронен рядом с четвертым ректором, а поверху этими сами ветвями прикрыт. И это буду не я.

— Обещаю, что соглашусь только с третьего раза, — хмыкнул Закари. — Что-то еще, мрачный февраль?

— У меня все, — призналась я и спросила исключительно из чувства справедливости, а не из большого желания: — Ты хочешь что-нибудь добавить?

— Ага, — согласился он. — Улыбайся, когда мы встречаемся на людях.

— Тогда все решат, что мы друзья.

— Разве не в этом смысл? — хмыкнул Закари.

Внезапно из темноты донесся испуганный голос:

— Дорогие товарищи, вы там? Я слышу, как кто-то разговаривает! Мне очень неловко к вам обращаться, но, пожалуйста, спасите меня...

Мы примолкли и переглянулись сквозь темноту. Тихий ветер тревожно шептался в опавшей сухой листве.

— Ты слышал? — спросила я. — Откуда сейчас сказали?

— Из могилы! — жалобно провыли в ответ. — Пожалуйста, добрые люди, вытащите меня!

Похоже, некроманты сегодня не просто выкапывали давным-давно почившего дедушку, а устроили праздник землероя и вспахали полпогоста. Может, у них вообще случились соревнования по копанию ям на скорость. Остальные факультеты они не предупреждают о своих кладбищенских развлечениях.

— Посветить? — спросил Закари.

— Давай, — мысленно махнув рукой на прикрытие темнотой, отозвалась я.

Размениваться на свечку из указательного пальца и превращать себя в живой канделябр он не стал. Посветил от всей души: над лысеющими кронами деревьев повисла миниатюрная луна. Мир окрасился неживым светом и наполнился резкими тенями, как на иллюстрации в страшной сказке. Рядышком обнаружилась свеженькая могилка четвертого ректора, а чуть подальше старая ель с растопыренными, печально облезшими ветвями.

— Спасибо вам, добрые люди, что не оставили меня в страшную минуту! — патетично поблагодарила жертва.

— По-моему, он излишне позитивен, — заметила я.

— Особенно для парня из могилы, — добавил Закари.

Яма пряталась за той самой елью, до которой мы не успели добраться. Я двинулась к краю.

— Аккуратно. — Закари сжал мой локоть, чтобы поддержать, но тут же выпустил и с бесящим ехидством прокомментировал: — Забыл о личных границах, милая. Не трогаю.

— Сейчас можно! — огрызнулась я.

— Сейчас поздно, — хмыкнул он. — Мы уже договорились.

Между тем, задрав голову и прикрываясь от сыплющих сверху комьев земли, на нас с надеждой и испугом взирал вымазанный до макушки Майкл Стоун.

— Другими словами, староста тебя не нашел, — вздохнула я, рассматривая жертву кармы. Сколько темных щедрот отвесил, столько светлой благодати в ответ получил. Закон магической гармонии по Марте Варлок.

— Варлок? — воскликнул он.

— Вы знакомы? — полюбопытствовал Закари и, опершись о колено, с интересом посмотрел на того, кто топтался на дне глубокой ямы. Некроманты определенно вошли во вкус, когда ее рыли. — Не свезло тебе, парень.

— И Торстен?! — охнул Майкл, не веря глазам, и наивно спросил: — Вы вдвоем в поисковой команде? Там что, вся академия на ушах стоит из-за моего исчезновения?

— Ты точно не хочешь знать правду, — не стала я разочаровывать человека, что академия, мягко говоря, забыла о пропавшем студенте, и нашелся он чистым случаем из-за большого желания моей соседки скрутить еловый бублик. — Как ты очутился в могиле?

— Некроманты посадили. — Он шмыгнул носом. — Сказали, что надо проверить глубину, а вытащить обратно забыли.

— Парень, ты всегда делаешь то, что тебе скажут некрманты? — хмыкнул Закари.

— Они что, спрашивают разрешения? Подлецы! Уронили и ушли, — пожаловался он и доверчиво протянул грязную руку. — Достаньте меня, пожалуйста.

— Сейчас позовем дежурный отряд, — пообещал Закари, отходя.

— Посиди еще, Стоун. Обещаю, что они скоро придут, — согласилась я.

— Вы чего, правда свалите? — возопил он из могилы, когда мы отодвинулись от края и, должно быть, исчезли из видимости. — Оставьте меня одного? Варлок, ты же на половину светлая! Всегда считал, что чародеи — люди благородные.

— Не той половине в тебе он пытается польстить, — хмыкнул Торстен, и я не могла не согласиться.

— Варлок, это ты меня перенесла на кладбище! — провыл Стоун, кажется, забыв, с кем пытается договориться. — Возьми на себя ответственность!

— Эй, Стоун! — От возмущения я даже вернулась и посмотрела на него сверху вниз. — Ты с утра протащил меня по всем кругам Деймрана. Заметь, я не предъявила претензий.

— Нет, ты просто отправила его в могилку, — вставил Торстен, но тут же добавил: — И поверь, парень, тебе повезло отделаться малой кровью. Я знаю, о чем говорю.

— Ребят, пожалуйста! — видимо, совсем потеряв надежду оказаться на поверхности, заныл тот. — Дежурные, может, до ночи не появятся, а я уже ног не чувствую. Век буду благодарен!

— Не рыдай, Стоун, — сдалась я. — Сейчас Торстен тебя вытащит.

— В каком смысле? — несколько обалдел предположительный спасатель.

— Ты предлагаешь мне его вытягивать? — сухо уточнила я.

— Хорошо, но ты разблокируешь меня в почтовике, — внезапно принялся торговаться Закари.

— Ты спасаешь его, — я указала подбородком в сторону могилы, — а расплачиваться мне? Ощущается в этом некоторая нелогичность.

— Как хочешь, — развел он руками.

— Вы серьезно не можете решить, кто меня спасет? — взвыл Майкл.

— Да что тебя зациклило на этом почтовике, Торстен? — цыкнула я. — Демон с тобой. Разблокирую. Помоги ему.

Ухмыльнувшись, Закари склонился над могилой.

— Хватайся, парень.

Майкл отчаянно вцепился в протянутую руку и попытался выбраться на свободу, энергично елозя ногами по земляной стене. Внезапно под ботинком Торстена осыпалась глинистая почва. Выругавшись емким бранным словом, он дернулся вперед и начал заваливаться в могилу...

Сама от себя не ожидая, я обхватила Закари руками и уперлась каблуками в землю, не дав ему позорно наверхнуться головой вперед. Мы замерли в нелепой позе. Скрюченный Торстен, я, прилипшая щекой к его согнутой спине, и где-то внизу жертва, повисшая на вытянутой руке.

— Отпусти, — тихо, но грозно проговорил Закари.

— Не до личных границ, Торстен, — седила я, пытаюсь его перевесить на свою сторону. — Потерпи!

— Да не ты! — цыкнул он. — Ты держи! Парень, отпусти руку, иначе мы все свалимся в могилу.

— Здесь много места, — уверил этот парень.

Я с силой дернула Торстена на себя и, возможно, даже вытянула бы, как большую репу, но земля под его ногами провалилась. Он

сорвался вниз, а я чудом расцепила руки и со всего маху шлепнулась на пятую точку. Хотела выругаться, но из раскрытого рта почему-то вырвалось позорное крикание, лишь отдаленно напоминающее ругательство.

— Торстен, ты как? — позвала я, быстренько свесившись с края ямы.

Закари, злой, как тысяча демонов, стоял на ногах.

— Как? Как? — рявкнул он, отряхивая вымазанное пальто. — Как в могиле!

— Извините меня, ребята! — жалобно проблеял Стоун. — Надо было отпустить.

— Надо! — шарахнули в два голоса.

— Но в голове что-то помутилось, — вжав шею в плечи, промычал он.

Ощущая внутри не то чтобы неловкость, но нечто на нее похожее, я протянула Закари руку и скомандовала:

— Хватайся. Я тебя вытащу.

— А меня? — испугался Майкл.

Подозреваю, что под двумя гневными взглядами он пожелал в этой самой могилке оказаться похороненным. В общем, примолк и съежился.

С самым недовольным видом, словно делал большое одолжение, Торстен сжал мое запястье.

— Держишься? — спросил он.

— Ага, — согласилась я. — За воздух.

Но вытаскивать его оказалось несложно, хотя поднапрячься пришлось. Подтянувшись, Торстен выбрался из ямы. Красавец, каких Деймран не видывал! И его уважаемая прогрессивная мать тоже наверняка никогда не видела сына в столь печальном образе замогильной дворняги. Изрядно вымазанный, помятый и взлохмаченный.

— Клянусь, Варлок, ты одним почтовиком не обойдешься! — сцедил он, не досчитавшись на испорченном пальто пуговицы, аккуратно посередине пуговичного ряда.

— Да ладно, Торстен, — я даже попыталась отряхнуть ему рукав, но только размазала грязь, — добрые дела не всегда приносят удовольствие.

— Эй, ребята, — проскулил снизу забытый Стоун, — а как же я? Добрые дела надо доводить до конца. Спасите! Пожалуйста...

Возвращение в общежитие, пожалуй, станет еще одним позором после нападения мадам козетки, который Закари Торстен унесет с собой в могилу, а я просто забуду навеки вечные. Мы добыли на кладбище озябшую, шмыгающую носом жертву некромантских шуток и, что уж греха таить, светлой благодати. Она нам внезапно попыталась добыть еловую ветку.

Стоун споткнулся и, ойкнув, полетел аккурат в елку. Огласив тихое кладбище предсмертный хрустом, та отдала громоздкую наполовину засохшую лапу на откуп вандалу. На амулет ветка, правда, не подходила, но цель была почти достигнута.

С непроницаемым видом, прищемив добытчика елок тяжелой дверью, отчего он жалобно пискнул, мы вошли в холл. Как ни странно, при нашем триумфальном появлении гробовая тишина не наступила, но народ смотрел с искренним любопытством.

— Спасибо, что спасли, — простучал зубами окоченевший Майкл, украшенный свежей царапиной поперек щеки.

Он потрусил налево, к лестнице ведущей в мужское крыло. Прямоком по звезде, которую после утреннего сюрприза все старались обходить по уважительной дуге. Торстен почему-то повернул в противоположную сторону и с непроницаемым видом отправился в женское общежитие. Никак от потрясения после добрых дел начал путать право и лево.

— Если не помнишь, то тебе вместе со Стоуном. — Я махнула рукой, указывая направление.

— Знаю, — отозвался он. — Мы идем к тебе.

После кладбищенской прогулки за елками у нормальных людей возникало только одно желание: помыться. В женской купальне Торстену непременно обрадуются! Девчонки соберутся возле кабинки тесной толпой и начнут дожидаться появления главного бабника Деймрана в натуральном виде.

В общем, я рисковать не стала бы, но хочет еще чуток поприключаться — кто ему запретит? Разве что по доброте душевной выдам полотенчико, чтобы облагородить тот самый натуральный вид. Коротенькое полотенчико! Не хочу разочаровывать соседок по этажу.

— И зачем мы идем ко мне? — все-таки не выдержала и спросила после продолжительной паузы.

— Отдашь долг.

На втором этаже Закари произвел настоящий фурор. Он шагал по коридору уверенной походкой с налетом небрежной надменности, словно не был вымазан в грязи вдоль, поперек и еще немного сверху. Рука в кармане брюк, измусоленное пальто без одной пуговицы — назад, во взлохмаченных волосах, убранных за ухо, застрял желтый мелкий листик. Да я потерялась в его ослепительном блеске! Никто не обратил внимание, что коридор осветили две звезды, а не одна.

— Каждый раз, когда вы заходите вдвоем, становится все страшнее, — вернув дар речи, прокомментировала наше торжественное появление Эмбер. — Вы откуда такие красивые?

— С кладбища, — сухо бросил Закари и подошел к моему столу.

Между аккуратных стопок учебников и письменным набором на подставке стоял почтовик. В прозрачной сфере клубился черный дымок, намекающий, что меня дожидалась куча пропущенных посланий. С непроницаемым видом Торстен поднял шар и протянул мне:

— Разблокируй.

С трудом сдерживая ехидную улыбку, я забрала почтовик и проговорила:

— Получать сообщения Закари Торстена.

Сфера вспыхнула золотистым мерцанием, давая понять, что приказ выполнен.

— Доволен? — спросила у него.

— Весьма, — хмыкнул он и кивнул в сторону стола Эмбер, где стояла приготовленная бутылка с зеленым хмелем: — Хорошего девичника, дамы. Не увлекайтесь полынной настойкой. От нее на утро болит голова.

Он вышел. Некоторое время в обалделом молчании мы смотрели на закрытую дверь.

— Что случилось? — сдержанно спросила подруга.

— Мы ходили за елочными ветками, — ответила я, крутя в руках почтовик, и внутри яростно клубился черный дымок, облизывающий стеклянные стенки.

— И где они?

— На елках.

— Логично, но это не объясняет, почему вы грязные, как будто елки выкапывали, — заметила Эмбер. — Вас поймали на выходе из кладбища и заставили все посадить обратно?

— Нет, Торстен упал в могилу.

— И ты его попыталась зарыть руками?

— Вытащила. — Мне вдруг стало смешно. — И знаешь, Эмбер? Давно я так не развлекалась.

— Куда уж веселее, — покачала она головой.

Внезапно пришло осознание, что за последний час я ни разу не вспомнила Айка с его нелепой паузой в отношениях. Хмарь, скопившаяся в груди, больше не давила. Закари Торстен умело и незаметно заполнял собой пространство: шутил, ехидничал, провоцировал. Приковывал внимание. Он понимал, как заставить человека рядом почувствовать себя хорошо. Впрочем, еще он знал, как сделать плохо. И забыть об этом было бы самоубийственной глупостью.

Словно специально дождавшись паузы в нашем разговоре, почтовик ожил и строгим голосом Беаты Варлок позвал меня по имени:

— Марта!

Вздрогнув, я едва не выпустила шар из рук. Не стовариваясь, в едином порыве мы с Эмбер повернули головы к бутылке с полынной настойкой, словно матушка могла ее обнаружить в комнате и посмотреть на нас с укоризной. Подозреваю, и в подруге проснулось абсурдное желание крепкий алкоголь надежно припрятать подальше от любых глаз. Даже от наших.

— Айша сказала, что вы с Закари сегодня повздорили на людях, — между тем деловитым тоном заявила мама. — Послушай совета своей мудрой матери...

Я резко потрясла шаром. Матушка пару раз булькнула что-то неразборчивое, но, определенно, нравоучительное, и смолкла. В комнате наступила ошеломленная тишина. Почтовик просветлел, но дымок от сообщений по-прежнему клубился.

Подозреваю, все они были от не в меру энергичной сегодняшним днем матери, ни с того ни с сего решившей поучаствовать в личной жизни старшей дочери.

— Твоя крестная меня пугает, — прошептала Эмбер, словно Айша могла нас подслушивать через почтовую сферу и передать разговор в башню Варлок. — Ее даже рядом не было, когда вы поскандалили из-за цветов.

— О том и речь. — Я одарила подругу выразительным взглядом.

— Вездесущая женщина! — уважительно присвистнула она. — Мне вдруг в голову пришло... Если она узнает об Айке?

— Да не о чем уже узнавать, — вздохнула я и, стерев оставшиеся в шаре сообщения, отправилась отмываться от кладбищенской земли.

С девичником явно не задалось. Мы очень старались, но не смогли открыть бутылку. Тянули пробку вверх, потом пытались протолкнуть в горлышко. Она застряла намертво, даже не расковыряешь.

— Мы что, не темные магички? — вопреку от усилий, процедила раскрасневшаяся Эмбер и отправила по бутылочному горлышку разряд заклятья.

В одно мгновение пробка раскрошилась, осыпавшись в настойку мелкими комочками.

— Прощедем! — жизнерадостно объявила соседка.

Секундой позже с тонким треньканьем бутылка разделилась на две части. В руках Эмбер осталось горлышко с гладким, словно срезанным острой бритвой, краем. Другая — сорвалась вниз и со звоном раскололась о пол. Я успела отпрянуть, но одежду все равно прилично окропило. В луже мутно-зеленой бурды щерились острые осколки. Ручейки текли в разные стороны: под кровать, под стол и чуток под наши домашние туфли. Пространство стремительно наполнялось горьким запахом полынного алкоголя.

— Кхм... — Эмбер задумчиво кашлянула и прокомментировала: — Говорят, что посуда бьется на счастье.

— А бутылки бьются к уборке, — мрачно ответила я и, сморщившись, посмотрела на заляпанные домашние штаны.

Спать ложилась два раза помытая. В самой чистой комнате на весь второй этаж женского общежития. Правда, дрянной запах полынной настойки словно въелся в оттертый до блеска пол и не желал выветриваться.

Утро было унылым и хмурым, как мое настроение. За ночь красивая осень, радующая солнцем и яркими красками, резко превратилась в осень мрачную. Низкие дымные облака улеглись на высокие шпили учебных башен. Ветер безжалостно трепал редеющие желто-багряные шевелюры деревьев и швырял в окно полные пригоршни зачистившего дождя.

На подставке между учебников грозно задрожал почтовик. Внутри него за клубился дымок полученного сообщения. На долю секунды вдруг решив, что написал Аик, я поскорее пробудила шар. В тишине озаренной магическим светильником комнаты заговорил Торстен (а кто бы еще, право слово, до завтрака):

— Не отсылай курьера. Доставка не тебе.

Шар вновь вздрогнул на подставке, и внутри за клубился дымок. Без преувеличений: у меня дернулся глаз.

— Слушать.

— Кстати, *Марта*, — промурлыкал Закари, и в его голосе звучала улыбка. — Доброе утро.

Добрейшее! Демоны тебя деря.

ГЛАВА 7. Испытание свободой

Скрестив руки на груди, я вперила в почтовик нехороший взгляд. Казалось, что сейчас Торстена прорвет на череду сообщений. Он расскажет, как прекрасен вокруг него мир. Может, опишет, каким вкусным этим прелестным утром оказался сладкий забеленный кофе. И с честью отправится обратно в черный список, откуда едва-едва выскребся. Но шар молчал.

Зато Эмбер вернулась из купальни в полном обалдении. Корзинка с банными принадлежностями моталась на локте, в руках был зажат объемный сверток.

— Столкнулась с доставщиком в коридоре, — пояснила она. — Спросил номер комнаты, сунул в руки и сбежал.

Под грубой почтовой бумагой прятались перевязанные праздничной лентой еловые ветки с нежными мягкими иголками. Аромат свежей хвои, больше не скованный плотной упаковкой, начал вытеснять витающие в воздухе пары полынной настойки.

— От Торстена, — пояснила я.

— Знает, как угодить девушке, негодяй, — хитро сверкнув глазами, хмыкнула Эмбер. — И что будешь делать?

— Если он попытается тебя соблазнить, то станет трупом, — проворчала я, надевая форменный пиджак.

— Да, но соблазняет-то он тебя, подруга, — ухмыльнулась она и похлопала меня по плечу.

— Он просто вжился в роль, — буркнула я. — Талантливый парень.

— Святые демоны! — Эмбер вдруг изобразила испуг.

— Где? — не поняла я и даже огляделась.

Вдруг она начала видеть во плоти замковых духов, отвечающих за порядок в коридорах и моральный облик студентов?

— В академии случится бунт воскрешенных умертвий. Местечковый конец света! — воскликнула подруга.

Ах, нет. Эмбер — теперь прорицательница. Чудесно! Надеюсь, не начнет впадать в магический транс, чтобы принести в мир какие-нибудь разухабистые предсказания. Зная ее продуктивность, магистры

замучаются прятать свитки со страшными пророчествами в закрытые библиотечные хранилища.

— У тебя жар? — уточнила я и даже попыталась потрогать ей лоб.

— Завтрак почти закончился, а Марта Варлок ни разу не назвала Торстена недоумком! — Эмбер издевательски расхохоталась. — У кого угодно жар поднимется!

— Очень смешно, — скривилась я и, заявив, что возьму ей завтрак, пока она превращается из предсказательницы в нормальную студентку, сбежала в столовую.

Хотелось поскорее закончить странный разговор и в награду за него насладиться первым глотком крепкого черного кофе в уютном молчании, ни с кем не объясняясь, насколько хорош или плох мой идеальный враг. В смысле, Торстен был идеальным идейным врагом, пока не заделался в фальшивые женихи. И даже в этом неожиданном амплуа дал сто очков фору моему, казалось бы, любящему романтику парню.

Академия этим утром стояла на ушах. Народ ждал открытие турнира по брумболу. Особенно яркие болельщики приоделись в бордово-желтые шарфы, девушки заплели в волосы ленты в этих цветах. Даже фрески на сводчатом потолке столовой сегодня демонстрировали портреты капитанов команд за все время существования Деймрана.

Стоя в очереди к стойке раздачи, я невольно подняла взгляд к потолку. Сверху на меня смотрел красивый и хмурый Ристад Торстен, когда-то женившийся на чародейке. Наш замковый историк Освальд утверждал, что после вызова демона верховного Торстенов поглощала тьма, и супруга, светлая на всю голову (в самом прекрасном смысле этих слов), с успехом ее уравнивала.

Когда я ругалась с невидимой нечистью и доказывала, что в кофейниках наверняка остался черный, а не забеленный молоком кофе, столовая разразилась аплодисментами. Оказалось, что на потолочных сводах показывали нашу команду. Нечисть так перепугалась, что у меня на подносе, как в насмешку, появилась кружка с чаем. Спорить с духами, по всей видимости, было бесполезно. И не пригрозишь, что засунешь их всех в бутылку!

Свободные места для нас с Эмбер я искала под восторженные разговоры первокурсниц, глазевших на своих кумиров. Наверное, во

плоти они произвели бы фурор, но сегодняшним утром, по всей видимости, проходила тренировка.

Постепенно портреты на фресках скрыло дождливое небо и поплыли серые облака. В центре зала на полу появилась большая нарисованная лужа. По ней расходились круги, словно сверху сыпал невидимый мелкий дождь.

— Марта, тебя вызывают, — объявила Эмбер, усаживаясь напротив, и кивнула в сторону выхода.

Сунув руки в карманы, под высокой аркой мрачным изваянием стоял Адам Бранч. Черный фингал у него под глазом было заметно даже на расстоянии. Скажу больше, этот яркий «фонарь», несомненное доказательство, как опасна обезоруживающая честность, озарял столовую ярче магических огней.

Бранч дернул головой, дескать, выйдем, и немедленно скрылся в коридоре. В обеденном зале как будто стало темнее.

— Очередная жертва светлой благодати? — с иронией уточнила Эмбер и подняла крышку с горшочка с пшеничной кашей.

Демонологией она занималась в другой группе, с нашим бестиарием никогда не сталкивалась, но кое-что слышала. Замечу, не от меня. О вчерашнем пролете по всем ведьмовским кругам Деймрана ей тоже рассказала какая-то болтушка из параллельного потока.

— Жертва честности. — Прихлебнув ядрено пахнущий розмарином и чабрецом чай, я скривилась от горечи.

— Смотри-ка! Вернулся и идет к нам, — проинформировала она. — Видать, совсем честность допекла.

За спиной раздалось сдержанное покашливание. Пришлось оглянуться и теперь вблизи рассмотреть, насколько прекрасен этим сумрачным утром Адам Бранч. Фингал был хорош, синяк на скуле тоже чудесен.

— Варлок, поговорить надо, — коротко проговорил он, исподтишка рассматривая столовую. Народ уже схлынул, но Бранч был так колоритен, что все равно оказался в центре внимания. — Но не здесь. Все смотрят. Мне позорно.

И честность по-прежнему была при нем.

— Тогда не сейчас, — отказалась я.

— Пж... — сцедил Бранч и вдруг взвыл, побагровев той частью лица, которую не разукрасили чужие кулаки. — Пожалуйста, Варлок!

Он хотел что-то еще добавить, но громко хрюкнул. Эмбер подавилась кашей. Народ покатился со смеху. Покачав головой, я поднялась со стула, подхватила матерчатую сумку с учебниками и кивнула, мол, веди в тихий уголок.

В общем-то, ушли недалеко. Просто спрятались за квадратную колонну в длинной галерее, ведущей к учебной башне факультета темных искусств. Напротив портрета бедняги четвертого ректора, моим внезапным появлением на кладбище спасенного от варварского выкапывания.

С хмурым видом Бранч полез в заплечную сумку, вытащил внезапно розовый термос, расписанный живыми цветами, и протянул мне:

— Держи. Черный кофе. Я узнавал, какой ты пьешь.

— С чего бы вдруг? — хмыкнула я, складывая руки на груди.

— Планировал подлизаться. — Адам болезненно сморщился от собственной честности.

— Ты в него что-то добавил?

— Возникла такая мысль, но я понял, что хочу дожить до выпуска, — признался он. — Вражду с тобой мне не осилить.

— Смотрю, ты, кажется, начинаешь смекать что к чему, — хмыкнула я, но термос действительно забрала и, раскрутив крышку, вдохнула ароматный дымок. Напиток пах одуряюще вкусной горчинкой. Понятия не имею, где Бранч откопал в Деймране приличный кофе, но, видимо, старался угодить.

— Из меня лезет или правда, или хрюканье, — принялся жаловаться Адам и указал на подбитый глаз: — Видишь, до чего довела честность? А сегодня с утра парни пытались узнать, кто выиграет в турнире! Сними заклятье, Варлок. Сил моих нет!

— Не могу, — пожала я плечами. — Сначала я должна выполнить твоё заветное желание.

— Да какие желания? — Он вздрогнул. — Я просто хочу, чтобы все закончилось.

— Хорошо, — невозмутимо кивнула я. — Да будет так.

— Варлок, ты издеваешься? — вспыхнул Бранч.

— Попробуй что-нибудь соврать, — предложила ему без тени улыбки, ведь грешно насмехаться над страдальцем, наказавшим самого себя. — Скажи, что я самая добрая чародейка.

— Ты самая лучшая, Варлок! — принялся уверять Адам. — Да вокруг твоей головы божественный абрис светится. Даже глаза слепнут.

Внезапно он заткнулся и недоуменно моргнул.

— Добро пожаловать в мир нормальных людей, Бранч, — заворачивая крышку на термосе, усмехнулась я. — Наслаждайся.

— И что? — Он все еще не верил и даже осмотрелся вокруг, словно у него за спиной стояла глумливая толпа, готовая с хохотом объявить, что он купился на глупую шутку. — И все? Сделка не действует?

— Ты молодец, Бранч. Продержался почти сутки. Рекорд моего брата, конечно, не побил, но был близок, — от души похвалила я. — Кстати, а кто выиграет матч? Деймран или Архельд?

— Да понятия не имею! — с возмущением воскликнул он и со значением, понизив голос, добавил: — Заметь, я даже не соврал.

— А мог бы, — ухмыльнулась я и отсалютовала термосом: — Спасибо за кофе, приятель.

На проверочную по истории я не опаздывала, но по привычке шла торопливо. В коридорах царило приподнятое настроение, везде мелькали бордово-желтые цвета. Внезапно сумка на плече ожила. Внутри с басовитым гудением несколько раз встряхнулся почтовик, принявший сообщение. Пришлось притормозить: на ходу выудить шар из-под книг не удалось.

— Шепотом, — приказала я почтовой сфере оставаться беззвучной для окружающих.

Вокруг почтовика вспыхнул золотистый контур, и Закари Торстен ленивым голосом проговорил:

«Варлок, твоя крестная приглашает нас на чай после матча. Передала записку мне, иначе ты проигнорируешь. Что прихватить в гости, кроме тебя?»

«Возьми себя», — приблизив шар к губам, посоветовала я.

«Кроме тебя и меня, какие еще сладости предпочитает мадам деканесса?» — немедленно спросил он.

«Торстен, это не смотрины! Не надо подарков».

Хотела убрать почтовик в сумку, но вспомнила, что мы толком ни о чем не договорились.

«Буду ждать тебя в холле после игры», — объявила ему.

Подумала и еще отправила через паузу:

«Не задерживайся».

«Даже, если поставил деньги!» — добавила вдогонку.

«И умоляю!» — снова выдохнула в шар. — «Перед Айшей изобрази вчерашнего нормального парня».

Почтовик дрогнул в руке. Внутри за клубился дымок.

«Эй, *ворчливый февраль*, прекрати заваливать меня сообщениями! — в голосе Закари звучал смех. — Отвлекаешь!»

Я возмущенно посмотрела на почтовую сферу, словно она не вспыхнула золотистым мерцанием, передав последнее послание, а кольнула ощутимым магическим разрядом.

— Да обалдеть!

«Так добавь меня в черный список!» — рявкнула Закари.

Ответа, правда, не дождалась, ни ироничного, никакого. Почтовик молчал. А когда вошла я в класс истории, то обалдела еще чуток. Нашу с Эмбер компанию за столом, рассчитанным на четверых, внезапно разбавили! До сегодняшнего дня никто не претендовал, но тут обнаружился Майк Стоун, расцарапанный после драки с елью. От подруги его отделял целый стул, но возникновение соседа на невыгодном первом ряду озадачивало.

При моем появлении он встрепенулся и со странной улыбкой помахал рукой. В смысле, вытащил из-под крышки стола пятерню и пару раз сжал пальцы.

— Привет, Марта.

— Ага, — согласилась я и с вопросом глянула на Эмбер.

Та только пожала плечами: парта казенная, место не застолбленное, а сами мы свободные студенты. Куда хотим, туда садимся. Главное, не в проходе и не на преподавательский стул.

— Я сегодня завтракал с Заком, — заговорщицким полупшепотом проговорил Стоун, словно делился большим секретом. — В смысле, с Заком Торстеном. Кажется, мы подружились!

Невольно представилось, как Майк, притулившись рядом с окаменелым от недоумения Торстеном, с улыбкой маньяка вылавливает из своего горшочка с кашей обваренные брусничные ягоды и услужливо подкладывает в его тарелку. На поджаренный хлебец с мягким козьим сыром.

Прелестная сцена из жизни высокомерных бабников! Я даже притормозила.

— И Торстен тебя узнал?

— Ну... мы были за одним столом. — Вдохновленный завтраком Майк слегка увял. — И он со мной поздоровался.

— Тогда, без сомнений, вы лучшие друзья, — с иронией прокомментировала я. — Впервые, конечно, слышу, чтобы людей свела одна могила.

Не успела устроиться на другом конце стола, как в раскрытые двери вошел Адам Бранч. Яркий фингал так осветил кабинет истории, что задние ряды примолкли. И в этой противоестественной тишине, кто-то громко и отчетливо хрюкнул. Народ загоготал, как в славные времена младшей магической школы. Бранч помрачнел (хотя казалось, куда уж мрачнее) и твердой походкой, стараясь не смотреть на приятелей, прошагал к нашему столу.

— Стоун, подвинься, — буркнул он.

— За нашим столом становится слишком людно, — процедила Эмбер, когда ей пришлось сдвинуть разложенные учебные материалы. — Притормози уже со светлой благодатью, подруга, иначе мы будем тесниться до конца учебы.

— Так она тебя и послушала, — словно ни к кому не обращаясь, но на самом деле обращаясь ко мне, вздохнул Бранч.

— Хотя... — Она посмотрела на насупленного здоровяка, разукрашенного в разные оттенки фиолетового. — Некоторых просто необходимо одарить светлой благодатью.

Не знаю, чем закончился бы их разговор. Возможно, Бранч захрюкал бы уже от темного шаманского заклятья, насланного непримиримой Эмбер Фокстейл, в дурную погоду страдающей приступами мизантропии. Но с ударом часового гонга появился преподаватель.

По рядам передали пустые свитки. Объявили начало проверочной. Едва тонкий белый лист развернулся, как на нем проявились отпечатанные в типографии литеры. Целых полтора часа я не думала ни о чем, кроме магических войн, когда-то бушевавших в семи королевствах, и энергично прихлебывала кофе из милого розового термоса. Кофе оказался хорош, вопросы в проверочной тоже попались

неплохие. Из тех, что я вчера умудрилась проштудировать, страдая от любовного уныния.

Спокойной, как дракон во время зимней спячки, оставалась, правда, недолго. Когда преодолевала бесконечный лестничный марш в башне кафедры языкознания, нос к носу столкнулась с Айком. Он спускался в компании друзей и что-то громко обсуждал.

Если подумать, главную ведьму факультета темных искусств знали многие. Лучшего нападающего команды по брумболу — все. По имени и в лицо. Даже если не были знакомы лично. Скорее всего о нас ходило бы много слухов, но мы сблизилась в мае.

В то время турнирный сезон уже закрылся, а экзаменационная декада надвигалась. Не до скандальных парочек и жарких сплетен. На каникулах мы встречались в заповедных и непременно легендарных местах. За всю жизнь не видела столько древних руин, сколько за последнее лето! В сентябре начались тренировки, и оказалось, что памятники можно увидеть чаще, чем собственного парня.

— Привет, Айк, — на ходу поздоровалась я. В животе завязался крепкий-крепкий узел.

— Здравствуй, Марта, — отозвался он, не подумав остановиться.

Целых пять ступенек я ждала, что Вэллар меня окликнет, но он не торопился. Понятно, что у него ответственная игра и пауза в отношениях, а у меня фальшивый парень, вечерняя встреча у крестной и большое желание объяснить Айку, как сильно он неправ.

Сама от себя не ожидая, я бросила ему в спину:

— Айк!

Он оглянулся через плечо, с вопросительной улыбкой изогнул брови. Его приятели чуток притихли, но, едва притормозив, снова начали спускаться. Вроде как оставили нас наедине. С лестницей, шмыгающими студентами и разговорами вокруг, подхваченными эхом.

— Удачи в сегодняшней игре, — бросила я, справившись с раздражением.

— Спасибо. Ты придешь? — добавил он после неловкой паузы.

Вообще, не собиралась...

— Непременно, — смалодушничала я.

— После игры...

— У меня планы, — перебила я. — Извини, Айк.

Он разочарованно нахмурился. Между бровей пролегла глубокая складка.

— С Торстеном? Конечно, с ним, — ответил он на собственный вопрос и заставил почувствовать себя неверной женой. — Мне надо идти. Увидимся, Марта.

Неразборчивое «до встречи» пробормотала уже себе под нос и зашагала вверх по лестнице, к кабинету магистра по рунологии. Получать с честью заслуженное дополнительное задание за вчерашнюю пропущенную лекцию.

Эмбер идти со мной на открытие турнира наотрез отказалась. Она заявила, что, в отличие от меня, не встречается с нападающим команды Деймрана, да и любой другой, а значит, по-прежнему имеет право не любить брумбол.

— Особенно в этом приятно, что я не обязана морозиться на ледовой арене. — добавила она, с наслаждением закутываясь в уютное стеганое одеяло. — Но ты иди, поддержи своего почти бывшего парня. Он, правда, все равно тебя на балконе не увидит, а я пока амулет сделаю. Или ты не для него наряжалась?

— Для крестной, — проворчала я, заплетая в волосы золотистую ленту в тон пуговицам на бархатном коротком пиджаке.

Мы с Эмбер оказались в меньшинстве: академия сегодня любила брумбол особенно неистово. В холле спортивного корпуса собралась толпа галдящего народа, одетого в цвета команды. От переизбытка бордово-золотых полосатых свитеров рябило в глазах.

До начала матча оставалось не меньше пятнадцати минут. Я сунулась проверить ряды, но стало очевидным, что народ не просто держался за лавки, а пустил в них корни, чтобы ни один нахальный тип не приземлил бы пятую точку.

Даже некроманты обнаружили! Уж в ком никогда не заподозишь страсть к брумболу. Они сидели организованной группой в черном, словно явились не на шумную игру, а на погребение ныне действующего ректора. Или на похороны надежды на победу нашей команды. И все, как один, в задорных полосатых шапочках на бритых головах. С помпонами! Такая прелесть, глаз не оторвать.

Я за некромантов порадовалась и двинулась в их сторону, чтобы как-нибудь потеснить суровый народ. К ним-то точно другие не сунутся. Но дорогу внезапно перегородили две фигуры в полосатых

свитерах. Бранч с фингалом и Стоун с глубокой царапиной на щеке явились на игру в полной амуниции болельщиков, в смысле, с метелками. Правда, у Майкла метла была правильная, игровая, с бордовым древком и желтыми плоскими прутьями, а Бранч с восторженным видом держал самую обычную порядком потрепанную метлу. Никак из хозяйственной подсобки не нарезал.

— Варлок, и ты здесь! — излишне радостно для человека, недавно огребшего добрую порцию благодати по Марте Варлок, воскликнул он. — Не знал, что ты из наших. Из болельщиков!

Тут до меня дошло, что пиджак винного цвета с золотыми пуговицами удивительным образом вписался в местный колорит. Я невольно запахла пальто, и оттягивающий карман почтовик ударил по ноге.

— Вроде того, — протянула я и кивнула на метлу: — А ты сегодня за дежурного?

Бранч замялся и признался:

— Взял на время в подсобке. Варлок, а идем с нами! Мы присмотрели место на балконе. Там вообще пусто!

Он указал концом метлы на опоясывающий ледовую арену балкон с высокой мощной балюстрадой. Справедливо говоря, народу там действительно было пока немного.

— С балкона видно лучше всего! — подтвердил Стоун. — Давайте быстрее, пока хорошее место не заняли. От души поболеем! Втроем веселее!

Парня с настоящей метлой уважительно пропускали даже на лестнице. Метелкой-то для брумбола болельщиков не удивишь. Втроем мы обогнули арену и, коллективно чувствуя злорадство, что обманули целую толпу, вошли в ту дверь, которая вела в пустующую часть балкона. В лицо немедленно пахнуло холодом, исходящим от гладкого льда.

Я приблизилась к балюстраде. На противоположной стороне балкона стоял Торстен, окруженный компанией прихвостней.

Красивый и представительный, в черном пальто и с волосами, забранными в хвост.

Заметив меня Закари с ухмылкой кивнул, дескать, какие люди на ледовой арене и без охраны. Тут Бранч со Стоуном подошли к перилам, подперев меня с двух сторон, и стало понятно, что нет — с

охраной. Вооруженной метлами. Судя его по знакомо-издевательской улыбке, трио мы представляли собой колоритное. Паршивец даже изобразил беззвучные аплодисменты, как ему понравилось.

Внезапно зрительные ряды взорвались свистом и воплями. И ровно в тот момент, когда на лед начали выходить игроки, дверь за нашими спинами отворилась. На пустующую часть балкона ввалились парни в сине-зеленых свитерах академии Архельд.

— Да обалдеть! — невольно вырвалось у меня при виде десятка здоровяков, видимо, прибывших в академию вместе с гостевой командой.

Бранч со Стоуном умудрились притащить меня во вражеский тыл!

Пожалуй, самое главное, что следовало знать об Архельде, это боевая академия со всеми вытекающими. На фоне воинственных гостей даже Бранч выглядел чуток утонченным. Как балерун, увлекшийся снадобьями для роста мышечной массы.

Внизу безумствовал и рукоплескал Деймран. Наша сторона балкона постепенно заполнялась мощными здоровяками в сине-зеленых свитерах, отменно владеющими темными заклятьями. И стояли мы трое, словно Варлоки посреди замка Торстен в самый пик кровной вражды.

— Зато понятно, почему здесь было пусто, — тонким голосом проблеял Майкл.

— К нам попали феи из Деймрана! — крайне точно описал наше состояние один из здоровяков на языке моего родного королевства. Того самого из семи, где и находилась славная академия Архельд.

— Что он сказал? — чувствительно толкнув меня локтем, пробормотал Бранч.

Они со Стоуном были местными, не понимали ни слова, но догадались, что нас с порога начали задирать.

— Пытается хохмить, — вздохнула я. — Или ты хочешь точный перевод?

— Оставайтесь, Деймран. Поболеем! — с широкой улыбкой, обнажившей неожиданную трогательную щербинку между передних зубов, прогудел все тот же задира.

Взглядом я зацепилась за Торстена. Он внимательно следил за тем, что происходит на противоположной стороне балкона. А творился-то форменный беспредел! Здоровяки ловко окружили наше

трио со всех сторон и приперли к балюстраде, словно взяли в заложники.

— Деймран, а ты чего с метлой? Дворник, что ли, местный? — продолжал скалиться щербатый и даже потрепал пыльные метелочные прутья.

— Перевести? — уточнил я у Бранча.

— Да я и так догадался, — буркнул тот, трепетно обнимая хозяйственный инвентарь, как последнюю память от любимого дедушки.

На лед вышла команда противников. Здоровяки взорвались воплями и свистом. У меня зазвенело в ушах, а Стоун жалобно вжал шею в плечи. Зато парни отвлеклись, и нам удалось сдвинуться. Не то чтобы далеко, но теперь мы стояли как нормальные маги, не размазанные по перилам вражеским кланом.

Пока шли последние приветствия и представления, Брач снова легонько толкнул меня локтем.

— Слушай... — Он склонился и спросил: — Ты же умеешь в бытовую магию?

Вообще-то, задавать подобные вопросы чародейке, все равно что спрашивать у женщины возраст. Разрешено только стражам на допросе. Остальные запросто могли огрести светлой благодати, но я так замерзла, что только возмутилась:

— Бранч, тебя манерам учили?

— Мы же друзья.

— С каких пор? — Я покосилась в его сторону.

— С сегодняшнего дня, — заявил он и качнул в мою сторону метлу: — Покрась, подруга?

Сакраментальное «пожалуйста», словно вежливость добавляла ему очков, Адам тоже добавил.

— Нет, — категорично отказалась я зачаровывать хозяйственный инвентарь.

— Хочу быть типа командного фамильяра, — не теряя надежды, настаивал он, явно задетый ухмылками занозистого отряда архельдцев.

— А какой у нашей команды фамильяр? — заинтересовался Стоун.

— Кладбищенское пугало, — съехидничала я.

— Верный оруженосец! — очень натурально оскорбился Брач.

— Все равно, нет.

— Тебе жалко, что ли? — буркнул он и хмуро покосился на веселых боевых магов, практически перегнувшихся через перила вниз. — Сюда вообще никто не смотрит.

— Хорошая у тебя метла. Сразу видно, что не испорчена светлой магией, — уверила его и на дружескую поддержку получила обиженный вздох. — Ладно, святые демоны! Только не рыдай!

Украдкой я схватилась за гладкое метелочное древко, но через секунду отпустила. Метла стремительно окрасилась равновеликими бордово-желтыми полосками. От тупого конца, упертого в пол, и до кончиков торчащих вверх прутьев. Пальцы Бранчу тоже живописно покрасило.

— А руку-то зачем? — Со стоном он проверил пятерню.

— Издержки бытовых чар. Через пару часов пройдет, — хмыкнула я и поймала заинтересованный взгляд Майкла, успевшего открыть рот и набрать в грудь воздуха. — Даже не заикайся, Стоун. Аттракцион светлой щедрости закончен.

Тот буркнул под нос нечто вроде «спросить нельзя» и с преувеличенным вниманием начал следить за действием на льду.

Формальные приветствия закончились. Капитаны встали в центре арены и приготовили метелки. Между ними лежал оранжевый мяч. После короткого свистка судьи зал взревел, команды синхронно сорвались с места. Игра началась.

Толпа то всхрапывала, то заходила нервными выкриками. Наши соседи срывали глотки. Бранч со Стоуном тоже точно знали, как главному нападающему нужно правильно нападать, а защитнику ворот — охранять, и громко давали советы. Заодно на чем Деймран стоит ругались, когда передачи не удавались. И если умение разбавить литературную речь цветистой бранью Адам неоднократно демонстрировал на занятиях, то обнаружить подобный талант у тихони Майкла оказалось сюрпризом.

О брумболе я знала немного. Мяч должен попасть в ворота противника, но использовать магию в игре строжайше запрещено. За любые поползновения команда, нарушившая святую заповедь, объявлялась проигравшей. Очень честная игра! Непонятно, почему такая скучная?

Внезапно даже для себя я широко зевнула. Еле рот успела прикрыть! Но все тепло выпустила наружу и совсем замерзла. Видимо, от холода впадала спячку, чтобы счастливо в блаженном забытьи отбыть к прародителям Варлокам...

На ледовой арене Айк перехватил передачу и на всех парусах понесся вперед. Он ловко обходил противников. Не сбавляя скорости, взмахнул метелкой, и мяч отправился в сине-зеленые ворота Архельда. Арена взорвалась неистовым воплем.

Стоун с Бранчем как с цепи сорвались! Пришлось отодвинуться, чтобы не затоптали, демонские бизоны. Они скакали возле балюстрады, в унисон залу выкрикивали нескладную речовку, а под конец победного ритуала со всего размаху шибанулись метелками, как скрещенными мечами. Хвост хозяйственной метлы отскочил от древка и отлетел напрямиком в грудь щербатого.

Пауза была драматичная. В воздухе повеяло большим скандалом. Я почти приготовилась по-взрослому расчехлить светлую благодать... Но случился конфузец! От соприкосновения с зачарованной метлой свитер боевого мага поменял цвет, из сине-зеленого превратившись в бордово-желтый.

Щербатый крикнул нецензурное слово и принялся отряхивать одежду, словно пытался избавиться от хлебных крошек. Столкновение с соседом было неизбежно. Полоски на свитере следующего здоровяка стали благородных цветов Деймрана. Секунда, и команду вражеских болельщиков охватила цветовая эпидемия!

Окрашивались они самым причудливым образом. На скулах у одного появились две желтые полосы, будто боевой маг собрался на секретное задание по штурму академической арены. У другого волосы прибрели сочный цвет моего пиджака и почему-то встали дыбом. Просто устремились вертикально в потолок, словно беднягу шарахнуло крепким магическим разрядом! Третий вписался мощной спиной в квадратную колонну. Подпора не дрогнула, но покрылась поперечными, словно по линейке нарисованными, полосами.

— Да что вы мечетесь, как коты на передержке?! — рывкнула я на родном языке, прихлопнув ладонью бордовую-желтую ленту, перекинувшуюся на широкие мраморные перила. Она уперлась в мою руку, как в непробиваемую стену, и трусливо свернулась.

Движение мигом прекратилось. Боевые маги уставились на меня, точно варвары на пойманного дракона, которого собрались сожрать.

— Землячка, что ли? — сцедил щербатый с такой презрительной миной, словно приличные люди из нашего королевства не имели права учиться в Деймране, а только скверные. Просто истинные сволочи, а не нормальные люди!

Надо отдать должное Бранчу со Стоуном, те резко собрались и попытались меня загородить. Пришлось их слегка раздвинуть, чтобы не заслоняли вид.

— Из какого ты города, землячка? — спросил щербатый.

— О чем вы хоть говорите? — через губу спросил Бранч. — Бить будут?

— Да подожди ты! Сейчас самое интересное начнется, — уверила я и четко, с расстановкой произнесла: — Из башни Варлок.

Парни переглянулись и внезапно захохотали:

— И как же зовут тебя, фея из башни Варлок?

— Марта.

Смех резко оборвался. Вообще-то, не очень красиво прикрываться отцовским именем и намекать, что они пытаются запугать дочь верховного Варлока. У меня самой отличная репутация. Но как уж вечер повернулся.

Внезапно дверь на балкон, ударив латунной ручкой о стену, открылась и через порожек с непроницаемым видом перешагнул Закари Торстен. Одним быстрым взглядом оценив обстановку, он с растянул губы в нахальной улыбке и протянул на моем родном языке:

— Варлок, пришел к вам. Отсюда вид лучше.

И только узкие вертикальные зрачки, сделавшие глаза очень злыми, выдавали, что Торстен был не настолько расслаблен, насколько пытался демонстрировать. Он двигался с ленцой, но было очевидно, что в лучших традициях хищных зверей приготовился накинуться на любого, кто сделает неосторожное или резкое движение.

— Господа боевые маги, вы болеете за наших, или вам случайно перепало светлой благодати от Варлок? — с бесящим ехидством спросил Закари.

— Торстен, уймись, — поморщилась я.

— Торстен? — господа боевые маги поперхнулись известной на семь королевств фамилией.

— Будем знакомы. — Проходя мимо щербатого, Закари по-своейски похлопал того по плечу. На перекрашенном свитере появился сине-зеленый отпечаток, но мигом затянулся обратно. — Все-таки светлая благодать. Но вы же не в обиде, господа? Марта обычно одаривает от всей души. Ужасно милая эта наша Варлок.

— Ну так пусть вернет все, как было, — проскрипел боевой маг с перекрашенной под мой пиджак шевелюрой и огладил волосы пятерней. Потом еще и ладонь проверил: не появились ли бордовые разводы. Не появились.

— Увы, ребята, — развела я руками. — Это же светлая магия. Сойдет само.

— Когда? — потребовали от меня.

— Скоро.

— К перерыву сойдет? — уточнил щербатый и снова попытался отряхнуть свитер, но почему-то у него, как у Торстена, не получилось проявить ни одного сине-зеленого пятна.

Раздался пронзительный свисток судьи, объявившего конец раунда. Стоун, стоявший с отвисшей челюстью, испуганно вздрогнул и закрыл рот.

— Не успеет, — резюмировала я. — Но к концу-то игры надежда есть.

— Что происходит-то? — между тем тихонечко спросил Майкл у Бранча.

— Ничего не понял, — ответил Адам заговорщицким тоном. — Но бить, похоже, не будут.

Арена на некоторое время опустела. Ряды сдержанно гудели, ожидая второй раунд. На щите красовался счет «один-один». Пока мы были крайне заняты, Архельд забил мяч, а за них никто толком не порадовался.

— Наша милая Варлок? — насмешливо уточнила я, когда мы отошли к перилам. — Зачем ты сюда прискакал?

— Не хотел пропустить веселую вечеринку, — хмыкнул он. — Для чего ты их покрасила? Идейный спор перерос в потасовку?

— Честное слово, случайно вышло.

Боевые маги поглядывали на нас, как на чокнутых. Очевидно, весть, что непримиримые семьи погасили факел многовековой вражды

и теперь почти лучшие друзья, добралась не до всех уголков содружества славных семи королевств.

Вновь начали выходить игроки, народ взорвался криками. Ежась от холода, я следила за тем, как уверенно скользит по льду Аик. Он сделал плавный разворот, словно оглядывая ряды болельщиков, поднял голову к балкону. В тот момент, когда Вэллар взглядом отыскивал нашу разношерстную компанию в одинаковых цветах Деймрана даже у тех, кому эти цвета были чужды, мне на плечи легло тяжелое пальто. От него исходили тепло и запах одеколona Торстена.

— Эй, не надо. — Опешив, я попыталась отказаться от неуместной заботы.

— Ты замерзла, — отвернувшись, сухо прокомментировал Закари и сложил руки на груди. Всем видом он давал понять, что провернул бы подобной финт с любой замерзшей, как цуцик, девушкой.

— Спасибо, — поблагодарила я и быстро глянула на арену, красочно представив реакцию Айка.

Что сказать? Метелкой для игры он в нас запускать не собирался. Да и вообще не смотрел на балкон, а возле бортика разговаривал со стайкой восторженных поклонниц.

Вторую половину Аик играл так, словно срывал злость на спортивном инвентаре. Заодно и на противниках. Он едва не ввязался в драку, опрокинул нападающего Архельда, а потом с такой силой отправил мяч в сине-зеленые ворота, что тот ударился в перекладину и оранжевой молнией отлетел куда-то в ряды. Неожиданный подарок с победоносным воплем схватил один из болельщиков.

— Поймать мяч считается хорошей приметой, — пояснил Закари, чуток ко мне склонившись.

Арена внизу заходила одобрительными выкриками.

— Вэллар в ударе, — уважительно присвистнул Бранч.

— Как демон вселился! — Стоун едва ли не подпрыгивал от счастья.

В общем-то, рано радовались. Айка в звездном ударе и с подселившимся внутрь демоном усадили на скамейку запасных до конца игры. Зато боевые маги из Архельда, наряженные в бордово-желтые цвета, бурно радовались удалению лучшего нападающего команды. Здоровяки жарко возлюбили тренера и бессовестно

выкрикивали с балкона благодарности. По-моему, в нашу сторону не крутил у виска только сам тренер. Он вычитывал нотации Айку.

После демарша нападающего команда Деймрана начала играть так, словно в них во всех вселилась нечисть. И явно не библиотечная! Когда раздался финальный свисток судьи, мы вели целых два очка. Академия ликовала. В возникшей неразберихе меня радовало только одно: к концу игры сникшие боевые маги действительно вернули синезеленую окраску.

— Хочешь поздравить Вэллара с победой? — спросил Закари прежде, чем мы выдвинулись к крестной. — Я подожду.

Живенько представилось, как возле дверей раздевалки толкнутся взволнованные поклонницы, от нетерпения взмахивающие метелками для брумбола. И я с суровой миной притрусь к этому бордово-желтому табуну. Сломанную метелку возьму у Адама.

— Не думаю, что теперь он будет рад меня не видеть, — возвращая Торстену пальто, сухо отказалась я от привилегии выступить седьмой хористкой в пятом ряду. — Загляну к нему, когда вернусь.

Несмотря на крапающий дождь и промозглый холод, толпа не расходилась и ждала появления победоносной команды на улице возле спортивного корпуса. Бранч со Стоуном, наперебой обсуждая, что сегодня в академии точно закатят пирушку и неплохо бы узнать, где именно, на удивление дружным дуэтом затерялись в людском скопище, а мы отправились к Айше.

Крестная поселилась в преподавательском квартале, но эту короткую улочку между двух рядов узких домиков, сросшихся каменными боками, студенты называли «деревней».

Здесь было безлюдно. Стук моих каблуков по мокрой брусчатке разносился в настороженной тишине. Я отчего-то занервничала точно перед экзаменом по темным искусствам.

— Ты помнишь, как мы начали встречаться? — спросила у Закари исключительно из желания нарушить долгое молчание.

— Ты меня соблазнила? — уточнил он с ленивой улыбкой.

— На каком слове нужно смеяться?

— Не переживай, моя милая невеста, — хмыкнул Торстен. — Мы будем в ударе.

— Как отвратительно ты меня назвал, — пробормотала я. — Не надо так глубоко погружаться в роль, Закари, а то привыкнешь и захочешь жениться. Придется тебя прикопать возле четвертого ректора.

— Если у меня действительно возникнет такое желание, то лучше прикопай, — рассмеялся он и указал на одну из дверей с крупной красивой литерой, означавшей номер дома: — Нам сюда... Кстати, почему возле четвертого ректора?

— Присмотренное некромантами место. Найдут и воскресят.

— У меня написан официальный отказ от посмертия.

— А ты предусмотрительный, — с иронией протянула я.

Мы поднялись по ступеням и постучали бронзовым молоточком. Дверь сама собой открылась. Домовика, нечисть, обитающую, как правило, в старых домах и замках, Айша когда-то увезла в шкатулке из башни Варлок. Оказалось, что невидимый сосед по-прежнему жил при ней.

— Заходите! — позвала она из глубины комнат.

Что сказать? В гостях мы действительно были в ударе. Импровизировали как фокусники-мошенники, накалывающие доверчивых королевских подданных на ярмарочных площадях. Разок, правда, я почувствовала себя несчастливым канатоходцем, судорожно балансирующим на натянутой веревке... Оказалось, что днем Торстен заказал прямиком в кабинет крестной доставку фруктовой корзины. И забыл об этом меня предупредить.

Свежие фрукты, видимо, из той самой корзины, стояли в большой вазе в самом центре стола: яблоки, груши, цитрусовые, драконий фрукт... Невнятная зеленая дуля с коричневыми крапинами, название которой никак не удавалось вспомнить.

В замке, где живет ядовар, алхимик и прочие представители ведьмовской братии, с детства учат не совать в рот разную гадость. Эта самая дуля в горошек выглядела очень подозрительно. Не удивлюсь, если Айша в конечном итоге пустит ее на варенье, а получится ядовитое зелье.

— Спасибо, Закари, — распевным голосом поблагодарила крестная, и живая татуировка у нее на лице перетекла с виска на скулу. — Уверена, Марта сказала, что ничего не нужно — вы не на смотринах.

С ума сойти! Шесть лет в замке не живет, а знает меня как облупленную. Страшная женщина!

— Но я же догадывался, что шел на смотрины, госпожа деканесса, — светским тоном вымолвил он.

— Естественно, — развеселилась она. — Вряд ли вам нужно мое благословение, но разглядеть тебя поближе стоило.

В этот момент я как раз изображала заботливую влюбленную девушку и, стараясь не накапать на стол, ложечкой накладывала в его кружку с чаем прозрачно-янтарный цветочный мед.

— Закари любит мед, — пояснила Айше, когда восьмая ложка растворилась в огненном напитке. — Так ведь?

— Ты знаешь мои вкусы, милая, — невозмутимо согласился он и поднес чашку к губам. От маленького глоточка его зрачки резко сократились: превратились в узкие вертикальные щелки и мигом обратно покрутели.

— Слишком сладко? — уточнила я с невинным видом.

— Нет-нет. — Закари кашлянул в кулак, видимо, поперхнувшись вязкой сладостью. — В самый раз.

Крестная смотрела с откровенным любопытством и вдруг огорошила:

— Вы в ссоре?

— Нет! — ответили в два голоса.

Не объяснишь же, что мы действительно не в ссоре, а заключили вынужденный мирный договор и с переменным успехом пытаемся найти общий язык. Выходило по большей части паршиво.

— Понимаю. — Она задумчиво покрутила в руках чашку и посмотрела прямехонько на меня так, словно пыталась прочитывать мысли. — Непривычно жить в мире, в котором больше не надо скрываться. Верно? Испытание свободой всегда самое сложное.

Казалось бы, замечательная фраза для окончания первого официального визита, но мы с Закари только появились, так что пришлось поизобразить горячо влюбленных еще некоторое время.

По дороге к общежитию дождь, весь день осыпавший Деймран мелкой моросью, вдруг хлынул холодным злым ливнем. Не спасал даже раскрытый Закари невидимый купол-зонт. Сверху-то не лило, но от хлестких косых струй пальто напитывалось влагой.

— Давай переждем, — предложила я.

— В оранжерею? — Закари указал на длинное стеклянное здание с дугообразной крышей, подсвеченное изнутри огнями.

Торопливо, стараясь обходить особенно большие лужи, а где обойти не удавалось, проскакивая по ним на цыпочках, мы добрались до дверей оранжереи. Внутри пахло влажной зеленью и сырой землей. По крыше шумно колотил дождь. По стенам стекали ручейки воды, отчего на узкой гравийной дорожке, подсвеченной тусклыми фонариками, танцевали неровные тени.

— Ты в курсе, что оранжерея считается местом для свиданий? — спросил Торстен.

— Только не ударяйся в светлые воспоминания, — отряхивая пальто, с насмешкой попросила я. — Уверена, ты здесь часто бывал, энергичный садовник...

В подтверждение его слов из-за кустов донесся недвусмысленный стон. Я резко прижала ладонь к губам и округлила глаза, стараясь сдержать смех. Закари согласно кивнул, дескать, что поделаешь с прозой жизни, если в общежитии селят по двое. Махнув рукой, одними губами я беззвучно скомандовала:

— Пойдем.

И в просвете между ветками взглядом наткнулась на жарко целующуюся пару. Возможно, они не слышали нас из-за стука дождя, или этим двоим было откровенно плевать на внешний мир и любые его проявления. Но парнем, без колебаний задирающим юбку незнакомой девчонки, оказался Айк.

ГЛАВА 8. Бал теней

Пожалуй, единственное, что я почувствовала — нечеловеческое изумление, а следом в груди обжигающим комом вспыхнула ярость. Дыхание перехватило, на кончиках пальцев затрещали искры светлой магии.

Крепко сжав мой локоть, Торстен заставил перевести взгляд в его серьезное лицо.

— Закари, тебе лучше уйти, — холодно ответила я и аккуратно высвободила руку. — Не делай этот момент еще унижительнее.

Он не настаивал и больше не останавливал: бросил тихое «как знаешь» и действительно вышел на улицу.

Между тем Айк, увлеченный жарким непотребством, начал избавляться от свитера. В подсвеченном тусклыми огоньками полумраке замаячила обнаженная спина. На пояснице темнел заметный синяк. Видимо, приложился во время игры.

— У нее ты спросил разрешение прежде, чем задрать юбку? — громко спросила я.

Любовники замерли на секунду и отскочили друг от друга, словно их окатили ледяной водой. Девушка принялась судорожно одергивать платье. Вэллар попытался обратно натянуть свитер, но от поспешности неловко застрял в горловине и выругался в сердцах:

— Святые демоны!

— Да если бы! — У меня врывался злой смешок. — Это всего лишь я.

Айк все-таки справился с одеванием и повернулся в мою сторону. Девчонка просто сжимала расстегнутый пуговичный ряд на груди и осоловело хлопала глазами. Губы казались блеклыми и опухшими. Вся помада осталась на лице Вэллара.

— Ты что здесь делаешь? — слишком агрессивно для парня, пойманного на измене, спросил он.

— Любуюсь тем, что делаешь ты, — холодно отозвалась я и обратилась к девушке: — Брысь отсюда! И вещи прихвати.

— Айк... — Она попятилась, пытаясь спрятаться у него за плечом.

— Сейчас же! — рывкнула я, теряя терпение.

Фонарики, воткнутые в землю, замигали. На кустах вспыхнули искры светлой магии и с шелестом пробежали по мясистым листьям, заставив их съежиться в стремительном увядании. Казалось, что в вечнозеленой, цветущей оранжерее пакостная осень полосой расчеркнула густые кусты.

Искра перекинулась на свитер Айка и мгновенно проела дыру в плотной вязке.

— Полегче! Ты нас всех угробишь! — воскликнула он, пытаюсь стряхнуть ладонью чары разрушительного старения. От его руки в воздух разлетались клоки темной магии.

Светлая половина во мне, та самая, нетерпимая и вообще ни разу не светлая, недовольно рокотала. Говорили, что она досталась мне напрямую от матери-основательницы ковена Агаты Варлок, в девичестве Истван. Однажды в ярости она разнесла замковую башню. Если родные правы, то целостность добротной академической оранжереи была под угрозой.

Усилием воли я погасила магию, но гнев продолжал давить на грудь. Пришлось отойти, чтобы не видеть взъерошенной парочки. Между тем дождь на улице унялся, барабанная дробь по стеклянной крыше прекратилась. Воцарилась напряженная тишина. Когда на дорожке за моей спиной зазвучали быстрые шелестящие шаги, я успела вернуть хладнокровие.

— Марта, — позвал Аик.

Он стоял на безопасном расстоянии, прятал дыру на свитере под застегнутой курткой. Волосы торчали в беспорядке, лицо перемазано в помаде, в глазах светилось сожаление.

— Так вот что в твоём представлении пауза в отношениях, Аик? — тихо спросила я.

— Марта, послушай... — Он нервно взъерошил спутанную шевелюру пятерней. — Все праздновали. Хейзер предложила прогуляться. Мы оказались здесь, а дальше — наваждение...

— Какая неинтересная история. — Я запрещала себе злиться и тщательно выбирала слова. — Мне восхититься или посочувствовать?

— Да брось, ты тоже не святая! — неожиданно выверился он. — Осуждаешь меня, но сама хороша. Вы с Торстеном везде появляетесь вместе.

— И он ни разу не лез мне под платье, а штаны у него всегда накрепко застегнуты! — рявкнула я. — Из нас двоих именно ты изменил, Айк. Не надо сваливать свои заслуги на Торстена, у него своих хватает.

— Ты его защищаешь? — возмутился Айк. — Из-за него все полетело в демонову топку!

— То есть притащить в оранжерею ту девчонку тебя надоумил он? Ты выглядишь нелепым, Айк.

— Марта, мы все совершаем ошибки...

— Остановись, пожалуйста. Измена — это не ошибка, а сознательный выбор.

— И что теперь?

— Ты знаешь, что я не сторонница свободных отношений. — Я перевела дыхание. — Бессмысленно пытаться сшить то, что расползается по лоскутам. Не надо никаких пауз. На этом все.

Развернувшись на каблуках, я твердо зашагала в сторону дверей. Тех самых, в которые вошла прежде, чем узнала, что мой парень-романтик, когда захочет, может быть очень решительным.

Айк нагнал меня в три шага и попытался развернуть к себе лицом.

— Да стой ты!

Только чудом удалось сдержаться и не шарахнуть его парализующими чарами. Светлая магия рвалась, но глупо устраивать разборку посреди оранжереи. Крестная меня не простит, а декан факультета темных искусств с радостью потрет руки и выставит взащей отрабатывать навыки владения светлыми чарами в сторону Эсвольда. Вернее, в сторону родительского замка, потому что в светлой академии уникальная Марта Варлок тоже никому не сдалась.

— Не смей за мной идти, Айк. Клянусь, я не настолько деликатна, чтобы не огреть тебя светлыми чарами. И ради всего святого, сотри уже с лица помаду. Смотреть тошно.

Пробормотав ругательство, он принялся обтирать рот ладонью и больше не пытался меня остановить. Я вырвалась из оранжереи, словно дракон из клетки. Полной грудью вдохнула холодный, влажный воздух, пытаюсь вернуть ясность мысли. Горящие щеки мгновенно остудило.

— Все целы? — раздался вкрадчивый голос.

Торстен стоял в глубокой тени возле стены оранжереи. Руки спрятаны в карманы брюк, пальто расстегнуто. Внимательный, напряженный взгляд прожигал дыру где-то у меня между бровей.

— Закари Торстен... — зло усмехнулась я. — Давай ты тоже мне побыстрее изменишь, и мы покончим с этим фарсом. Пару дней хватит? Не отступай от славной традиции: приведи девушку в оранжерею, как мой *бывший* парень.

— Увезти тебя отсюда? — оборвал меня Закари и вышел на свет. — Если ты хочешь, мы пойдем в башню перемещений и окажемся подальше от академии.

— Я что, выгляжу жалкой или расстроенной? — недобро усмехнулась я и снова сжала кулаки, не позволяя светлой магии заискриться на кончиках пальцев. Но стоило вспомнить перемазанную помадой физиономию Айка, сразу вскипала кровь! Я чувствовала себя страшно униженной и злилась из-за этого.

— Ты выглядишь по-настоящему взбешенной, — ответил он и многозначительно изогнул бровь, переведя взгляд с моих крепко сжатых кулаков, — а я как раз знаю отличное место, где можно ни о чем не думать.

— Ты дашь мне выпустить пар и до полуночи вернешь в полной сохранности, да? — с иронией припомнила вчерашнее предложение.

— И сегодня мы точно не вернемся.

Он искушал с мягкой улыбкой, как демон, предлагающий сделку.

— Ты прав, — отрывисто вымолвила я. — Не хочу здесь оставаться.

Главное, не забывать, что сделки с темными сущностями заведомо выгодны только темным сущностям... Но в конечном итоге, если что-то пойдет не так, то всегда можно прикопать Торстена возле четвертого дедушки-ректора. К могилкам Закари теперь привычный.

В порталльной башне оказалось неожиданнолюдно. В круглом зале толпились болельщики Архельда, поджидавшие своей очереди на возвращение в стены боевой академии. Правда, с отведавшей светлой благодати компанией мы благополучно разминулись. Остались только те, кто не успел прикоснуться к прекрасному.

Пока Торстен договаривался с дежурным порталщиком, я отправила Эмбер сообщение на почтовик: предупредила, что появлюсь в академии только завтра перед занятиями.

«Если в середине ночи под нашими окнами завоюет Айк, то не удивляйся, — добавила я. — Просто выплесни на него воду из графина. Она как раз застоялась».

«Чем заслужил?» — уточнила подруга.

«Неудачно выбрал место для публичного свидания», — мрачно ответила я, наблюдая, как пяток бравых боевых магов набиваются в маленькую кабинку. Становилось интересно: упакуются ли? И в каких позах.

«Свидание было не с тобой», — заключила соседка.

«Не со мной», — вздохнула я.

«Ты в ярости?»

«Хочется что-нибудь разрушить».

«Если явится, то оболью его кипятком, — пообещала Эмбер и после паузы, вызвав невольную улыбку, добавила: — И прокляну чем-нибудь задорным».

Из кабинки с боевыми магами, едва не снеся дверь мощным телом, головой вперед вылетел парень, похожий на приземистый гардероб. Похоже, лишнего пассажира, в высоту и ширину почти одинаковых габаритов, выперли мощным пинком в спину. Он крепко выругался и с недовольной миной притулился к следующей группе.

Почтовик в руке снова вздрогнул. Я поднесла его к губам и быстро приказала оставаться беззвучным для остальных.

«И Марта... — вымолвила Эмбер. — Просто позволь Торстену тебя отвлечь».

Сама от себя не ожидая, я остановила взгляд на Закари. Он направлялся в мою сторону. В походке, поднятом подбородке, руке, спрятанной в карман брюк — во всем крылась надменная небрежность парня, уверенного в своей неотразимости. Во мне постепенно зрело понимание, почему вокруг него вились девушки. Стоило признать, выглядел Торстен — хорошо.

«Уверена, он знает толк в развлечениях», — пробился к сознанию голос подруги, звучащий из почтового шара.

— Идем. — Закари кивнул на крайнюю кабинку с табличкой «только для преподавателей».

— Приплатил? — ехидно спросила я, пряча шар в карман.

— Уговорил, — отозвался он.

— Потратил все карманные деньги?

— А ты свои не прихватила? — С очаровательной улыбкой он придержал дверь, предлагая мне зайти в кабинку первой.

Когда мы спрятались в воротах порталного перехода, Закари вытащил из внутреннего кармана пальто крупную монету с незнакомым оттиском и разломил на две части. Никакого движения. Пришлось ждать, когда на принимающей стороне освободится кабинка для перемещения.

— Надеюсь, это действительно хорошее место, а не дешевый притон, — проворчала я.

— Могу сказать точно, что он недешевый, — пошутил Закари в своей обычной манере человека, родившегося без чувства юмора, и заработал выразительный взгляд. — Клянусь, все прилично.

— И ты уже потратил все карманные деньги, — с ехидством напомнила ему.

— Не переживай, угрюмый ноябрь. — Он ловко ввернул новое прозвище. — На черный кофе денег хватит. Но повезло, что ты не пьешь кофе со сладким сиропом. На сироп уже не наскребу...

Перемещение началось внезапно. Тело словно потеряло вес и воспарило. Желудок сократился. Рефлекторно сжав в кулаке рукав Торстена, я прикрыла глаза и втянула через нос спертый воздух кабинки. Секундой позже нас окружил горьковатый запах бергамота и ладана. Мы оказались в полумраке небольшого помещения со стенами, отделанными особым словно светящимся изнутри деревом. Откуда-то доносились звуки разговоров и спокойная музыка.

Дверь порталных ворот открылась. Высокая тонкокостная женщина в черном облегающем платье и с полумаской на лице улыбнулась карминовыми губами:

— Мы рады вас встретить в театре теней, господа. Добро пожаловать. — Голос у нее был красивый и низкий. — Вы вовремя. Представление скоро начнется.

Нас провели по широкому коридору к гардеробной комнате. На каменных стенах с грубой кладкой под стеклянными колпаками дрожали тусклые магические огни. Под ногами стелился туман. Идущая впереди проводница плавно покачивала бедрами и казалась inferнальной тенью. Серая воздушная дымка разлеталась от ее шагов, но тут же смыкалась за спиной, почти скрывая от взора стройную фигуру.

Складывалось впечатление, что мы перенеслись в подземелье старинного замка. Оказалось, что не замка и не на краю семи королевств, а в старинный особняк практически в центре столицы. Представление, что бы это ни значило, проходило на трех верхних этажах. Об этом тихонечко рассказал Торстен.

В гардеробной, где музыка звучала громче, а разговоры — отчетливее, гостей встречал мужчина в полумаске, представившийся дворецким особняка. Он забрал у нас верхнюю одежду, пристроил ее на деревянных вешалках-плечиках и указал на серебряный поднос с аккуратно разложенными металлическими браслетами. На каждом украшении была гравировка с полумаской.

— Господа, тени и иллюзии страшатся чужой магии, поэтому у гостей нашего особняка нет чародейского дара. Все равны. — Дворецкий выдержал короткую, но эффектную паузу и состроил сожалеющую улыбку. — Если вы маги, то придется на время отказаться от заклятий или покинуть особняк.

Не выказывая беспокойства, Закари защелкнул браслет, усыпляющий магический дар, и взял второе украшение для меня.

— Госпожа Варлок, позвольте нарушить личные границы? Или справитесь своими силами?

Выразительно фыркнув, я подняла рукав бархатного пиджака и протянула руку. Теплые пальцы Закари мягко обхватили мое тонкое запястье.

— Их надевают все гости, — произнес он и защелкнул замочек. — Браслет легко снимается.

Артефакт оказался заметно великоват. При желании его можно было без особых усилий стянуть, но для спокойствия я все-таки проверила застежку. Та легко раскрывалась простым нажатием.

Когда мы выбрались из гардеробной, женщина в черном неслышной тенью вела по коридору трех девушек. Те с любопытством озирались вокруг, перешептывались и нервно хихикали.

— Проходите в театральный клуб, господа. — Дворецкий жестом указал нужное направление и таинственно добавил, крепче закручивая интригу: — У вас есть время подготовиться к танцу теней.

Клубный зал утопал в полумраке. На каменных стенах, украшенных старыми театральными афишами в узких рамках, горели лампы. Света от них было немного — на полу клубился туман и в

воздухе плавала белесая дымка. Вокруг витал аромат, который я почувствовала еще в портальной комнате. От него почему-то сжималось под ложечкой и возникало странное неясное волнение. Музыка, ненавязчивая и мелодичная, лилась словно с приземистого темного потолка, но музыкантов нигде не было.

Мы заняли один из свободных столиков. Не успела я вскарабкаться на высокий барный стул, чтобы, так сказать, не тыкаться носом в крышку стола, как из тумана выткался подавальщик с полумаской на лице. На ладони он ловко удерживал поднос с двумя высокими бокалами, исходящими сизым дымком.

— Добро пожаловать в театр теней, господа, — поздоровался с нами. — Ваши напитки.

Барной стойки в зале вообще не имелось. Только столики, гости и тусклые светильники. И заказ принесли прежде, чем его в принципе успели сделать.

Внезапно я остро почувствовала себя девочкой из провинции, которая добралась до шумной столицы и обалдело хлопала глазами, глядя на городской пассажирский омнибус. Экая невидаль! В деревне-то все ходят пешком.

Закари поглядывал на меня с лукавой улыбкой, спрятанной в уголках губ. Пришлось кое-как стереть с лица обалдение, но, судя по тому, что улыбка стала гораздо шире, получилось паршивенько. Я пообещала себе не удивляться открыто, но все равно подобрала челюсть, когда с непроницаемым видом подавальщик начал расставлять напитки.

— Коктейль «Моя милая ужасная невеста» для господина. — Он перечислил ядреную смесь намешанного алкоголя.

Коктейли, конечно, для девчонок, но, судя по составу, любая дама от содержимого в бокале не слезет со стула, а стечет на пол. Или свалится, чтобы потом на локтях и волевых доползти до представления. Хотелось верить, что Торстен-то покрепче будет.

— «Сладкий ноябрь» для дамы.

— Да вы, должно быть, шутите, — едва слышно фыркнула я, невольно вспомнив очередное прозвище, которым меня наградил Торстен в кабинке для перемещений.

Как только подавальщик отошел, я склонилась к столу и тихо спросила у Закари:

— Они всегда угадывают желания?

— Ты себе представить не можешь, — ухмыльнулся он и, подняв стакан, расчетливо произнес: — За верность.

— Торстен, умеешь ты куснуть, когда этого вообще не ждешь, — проворчала я и попробовала коктейль.

«Сладкий ноябрь» горчил, как мое настроение, и отдавал крепким полынным ликером. Обычно от этого ликера в голове возникала звенящая пустота, а взгляд начинал слегка отставать от тела. Словно подвижность оставалась, но сознание подтормаживало. Как раз что нужно после измены парня, от которого неверности ждешь меньше всего.

— И как? — полюбопытствовал Закари. — Угадали?

— Они на расстоянии умеют читать мысли гостей? — хмыкнула я, давая понять, что с выбором коктейля не ошиблись. — У меня серьезный вопрос: куда ты меня привел? Никогда не слышала об этом месте.

— Нравится, когда пересказывают главную интригу в книге? — с лукавой улыбкой спросил он.

— Обожаю! Особенно, когда мне сливают финал. Хочу быть уверенной, что все закончится хорошо и главную героиню не сожрет кровожадная тень.

— В финале все будет хорошо, — тут же уверил он.

— И очень люблю детали, — намекнула я, что история, конечно, интересная, но не особенно понятная.

Закари облокотился о стол и придвинулся ко мне. В темных глазах отражался огонек свечи. Казалось, зрачки вспыхивали, вновь превращая его в демона-искусителя.

— Каждому зрителю в этом зале покажут именно то, что он хочет увидеть, — мягким голосом вымолвил он. — Поверь мне, зрелище окажется таким захватывающим, что ты ни о чем больше не сможешь думать. Тебе понравится, *сладкий ноябрь*, но на трезвую голову лучше в своих желаниях не копать.

— Торстен, чем тебе не нравится мое имя? — проворчала я. — Почему ты всегда придумываешь какие-то странные прозвища?

— Называть по имени скучно. — Закари выпрямился на стуле.

— Ах, ты боишься заскучать, а я-то решила, что у тебя проблемы с памятью. Если бы мы столкнулись летом, как бы ты меня назвал?

— Горячий июль. — Он сверкнул насмешливым взглядом над краем бокала и сделал глоток. — Хочешь попробовать мой коктейль?

— Какая гадость, Торстен! — скривилась я от его предложения. — Мы становимся похожи на лучших подружек.

— Скорее на врагов с привилегиями, — поправил он.

— Скоро будем пользоваться одной помадой.

— Ты не красишь губы.

— Наблюдаешь за мной, да? — фыркнула я.

— Как и ты за мной, *Марта Варлок*, — легко согласился он.

— Нет уж, *Закари Торстен*, ты всегда меня страшно бесил. Просто стоило заметить и сразу хотелось огреть светлой благодатью.

Я даже рукой взмахнула, отчего браслет, не позволяющий пробудить эту самую благодать, едва не слетел с руки. Пришлось срочно ловить и возвращать на положенное место, в смысле, на запястье.

— Больше всего раздражает тот человек, в котором видишь себя как в зеркале, — внезапно заделался Торстен в философы и знатоки человеческих душ. — Ты достойный противник. Клянусь, каждый раз я ждал, чем ответишь, а ты никогда не подводила и по-настоящему меня радовала.

— За лучших врагов, — хмыкнула я. — Пусть вернутся из театра теней целенькими и продолжат друг друга радовать.

Мы чокнулись бокалами. С очередным глотком в теле появилась приятная легкость.

— Родись мы в других семьях, наверное, действительно стали бы друзьями, — заметил Закари.

— Главное, без привилегий, — насмешливо добавила я.

— Возможно, без них. — Темные глаза светились иронией. — Или нет. Кто знает?

Состроив брезгливую гримасу, я постучала три раза по столу, дескать, не сглазь. Мы все-таки собрались ради общего блага: спасти мир от странной семейки, где супруга очень хочет дражайшую половину придушить, а эта половина, в свою очередь, гадает, куда ненаглядную женушку прикопать. Просто два латентных маньяка, а не супруги.

Между тем в зале началось неясное движение. Туман всколыхнулся, а музыка зазвучала тише. Подавальщики начали разносить по гостям подносы с полумасками. Народ охотно закрывал лица. Добрались и до нашего столика.

— Сегодня я пропущу представление, — отказался Закари идти на верхние этажи. — Подожду свою спутницу здесь.

— Принесу вам напиток, — предложил подавальщик и выстрелил взглядом на наши почти опустевшие бокалы. — Бренди со льдом, полагаю, подойдет для ожидания.

Слуга отошел, а я настороженно уточнила:

— Почему ты решил остаться?

— Вряд ли мне покажут что-то новое, — невозмутимо пояснил Закари. — Смотреть из раза в раз одну и ту же пьесу скучно. Так что хорошо проведи время, *мой враг с привилегиями*.

Туман незаметно рассеялся. Свет загорелся ярче, четче стала видна потемневшая от времени грубая кладка на стенах и каменный исхоженный пол. Гости потянулись к раскрытой на другом конце зала двери, прежде спрятанной за седой завесой.

Сложив руки на груди, Торстен следил, как я пытаюсь подвязать маску, но путаюсь в лентах. От крепкого коктейля тело казалось легким и руки плохо слушались. Никак не удавалось связать бантик: то волоски попадали в узел и казалось, будто снимали скальп, то маска съезжала на подбородок.

— Помочь? — предложил Закари, спускаясь со стула.

— Давай, — сдалась я и повернулась к нему спиной.

Надо отдать должное Торстену, как бы его ни сместило требование соблюдать личные границы, он не пытался притереться или лишний раз прикоснуться. Крепенько связал ленты бантиком и отошел.

— Готово.

Маска оказалась удобной, и дурацкого ощущения, будто подглядываешь за окружающим миром через замочную скважину, не возникало.

— Не смей никуда уходить, — велела я.

— Не слезу с этого стула, — поклялся он. — Но, если что, в уборную можно?

— Торстен, — буркнула я, — ты такой...

— Какой? — протянул он с ухмылкой.

— Такой Торстен!

Пока мы на пару воевали с завязками, хвост из гостей втянулся в раскрытые двери. За ними обнаружилась деревянная лестница ведущая вверх. Вокруг царил полумрак, разбавленный светом пары ночников. На стене светились очертания полумаски, а на верхней площадке знакомый дворецкий указывал гостям, куда идти. Правая арка вела в темноту, левая, собственно, тоже в черный провал.

Я успела нагнать трех знакомых девушек, приехавших в театр сразу после нас с Закари. Они цеплялись друг за друга, шепотом через хихиканье обменивались нервными репликами и нарвались на нравоучительное предупреждение от дворецкого.

— В нашем театре немного правил, — спокойным поставленным голосом произнес он.

Немного, но каких! Я невольно потрогала на руке усыпляющий магию браслет.

— Не пользоваться чарами, — начал перечислять дворецкий, — не снимать маску и всегда, чтобы вы ни увидели, сохранять молчание. Помните: любое слово, как заклятие черной магии, прервет ваше путешествие по особняку.

И отправил девушек в разные стороны. В смысле, одну направо, остальных налево. Потом обратился ко мне:

— Следите за танцем чужих теней или наберитесь смелости и следуйте за собственной тенью. Удачи!

— В какую сторону мне идти? — после пафосного напутствия, вопрос прозвучал весьма прозаично.

— Куда душа желает.

Душа желала обратно за столик на цокольном этаже и выпить парочку волшебных коктейлей, но я шагнула в темноту дверного проема. И уткнулась носом в черную бархатную портьеру, перекрывающую проход.

— Осторожно, там ступенька, — забыв про высокий стиль, попростецки предупредил дворецкий.

Театральный занавес прятал заполненный густым туманом широкий коридор с выцветшей тканью на стенах. Нос щекотала смесь знакомых ароматов: ладана и бергамота. Свет от ламп казался рассеянным и приглушенным. И вокруг ни души! Особняк словно поглотил всех гостей или перенес в потусторонний мир.

Я так удивилась внезапному одиночеству, что напрочь забыла про зловредную ступеньку, грозящую каждой хмельной клуше с короткой памятью болезненным вывихом лодыжки... Портьера, на которой пришлось повиснуть, с честью выдержала испытание моим весом. Очень крепкая оказалась тряпка! Ноги остались целыми, театральный реквизит тоже пострадал не чрезмерно, разве что подозрительно треснул. Сильнее помялось мое самолюбие. К счастью, свидетелей позора не нашлось.

В полном недоумении я прошла по коридору, пытаюсь отыскать других гостей. Завернула в раскрытые двустворчатые двери и очутилась в полупустой гостиной.

Дымка здесь стелилась по паркетному полу. Можно было разглядеть скромную обстановку и портрет на стене с темным, почти не различимым изображением мужчины. Четкими оставались только глаза, насмешливый и холодные, с вертикальным драконьим зрачком. Именно так чернели портреты ведьмаков, не сумевших за долгую жизнь подчинить сильный дар.

Внезапно в комнате зазвучала тихая мелодия, похожая на ту, что играла в театральном клубе. За спиной зашелестели шаги. Я резко развернулась и обнаружила, что в гостиную даже не вошли, а ворвались девушка и молодой человек. Абсолютно бесцветные.

На мгновение показалось, будто меня подвело зрение. Старая мебель вокруг, портьеры на слепых от темноты окнах, линялая стенная ткань — все вокруг имело оттенки цвета, но не эти двое. Парочка словно сошла в реальный мир с черно-белой открытки. Действительно ожившие тени!

Следом ввалился десяток людей в вечерних нарядах и полумасках на лицах. В гостиной неожиданно стало тесновато, но зрители, прижавшись к стенам, внимательно наблюдали за иллюзорными актерами. Те разыгрывали романтическую сценку: девушка с проказливой улыбкой убегала, а парень догонял.

Она пряталась за гнутой спинкой дивана, заставляя гостей буквально вжиматься в стену и пытаться с ней слиться. Выskalзывала из рук парня и носилась вокруг стола. В конечном итоге ее пленили, схватили за талию и принялись кружить. У меня, наверное, началась бы морская болезнь.

Мелодия нарастала, становилась громче, приобретя тревожные ноты. Подол девичьей юбки потерял четкие очертания и поплыл, развеиваясь дымкой.

Музыка оборвалась. Кружение прекратилось. Парень опустил партнершу на пол, погладил щеку и попытался поцеловать. Со смехом та его оттолкнула и снова бросилась наутек. В смысле, в смежную комнату. Влюбленный признак кинулся следом. Зрители сорвались с места и, топя каблуками по паркету, дружным табуном рванули им вдогонку. Пространство стремительно заполнялось туманом.

Заинтригованная я начала бродить по этажу. Слова дворецкого, что можно подглядывать за чужим танцем теней, постепенно обретали смысл. Кто-то торопился по коридорам, стараясь догнать призрачного актера, вероятно, своей собственной пьесы. В некоторых закутках толпились зрители и с жадностью следили за сценой, сворованной невидимым режиссером из чужого подсознания.

Чье именно воображение подсказало сюжет угадать все равно не удалось бы. Маски и полумрак надежно скрывали эмоции. Чувства в этом спектакле читались лишь в лицах инфернальных актеров.

Один раз в тесной комнатенке попалась уже знакомая парочка, и она отчаянно ругалась. Я встала на цыпочки, пытаюсь что-нибудь рассмотреть из-за чужих спин. Ей-богу, как на театральную галерку попала.

Девушка длинно и пространно обвиняла парня в том, что он собрался куда-то отчалить, а тот внезапно начал стягивать с себя одежду. Видимо, решил жарко попрощаться. Или подумал, что лучший способ заткнуть взбешенную подругу — отвлечь ее проверенным способом.

«Вот это поворот!» — булькнуло у меня в хмельной головушке.

Полураздетые любовники свалились на кровать, ножки остова подозрительно хрустнули... И в комнате потух свет. Народ обступила кромешная темнота. В возникшей тишине кто-то из гостей шмыгнул носом.

Ночники вновь вспыхнули. Девушка, завернутая в простынку, горько плакала на кровати, а аккуратно застегнутый на все пуговицы герой сваливал в туман. В прямом смысле этих слов. Любовник вышел в коридор, заставив невысокую даму с полумаской на лице буквально

размазаться по косяку, и растворился в густой дымке. В общем, получился не «вот это поворот!», а так — случайно вильнули.

Свет опять погас. Антракт. Зрителей попросили на выход. В смысле, следовать за героем, если любопытно, чем закончится любовная драма, или искать новую пьесу.

Я выбралась из комнатенки и внезапно взглядом наткнулась на стройную женскую фигуру в смутно знакомом черном платье с пышной юбкой. Девушка решительно шагала сквозь туман. Длинные темные волосы, достающие почти до талии, колыхались. Внезапно она остановилась, оглянулась через плечо и улыбнулась мне одними уголками бесцветных губ. Клянусь, хмель прошел! Обнаружить иллюзию, внешне поразительно похожую на меня, оказалось... ошеломительным. Без колебаний я последовала за ней.

Тень заставила меня подняться на второй этаж. На лестнице за нами увязалась какая-то проворная дамочка в вечернем платье и, судя по всему, в исключительно удобных туфлях. Она ни разу не споткнулась и даже в подоле не запуталась, пока энергично вскарабкивалась следом.

Однако моя иллюзорная копия лишних зрителей явно не желала и просто исчезла. С досадой я остановилась и покрутилась на месте, пытаюсь ее разыскать в тумане. Дама тоже покрутилась, обнаружила в конце коридора несколько гостей, с любопытством заглядывающих в какую-то каморку, и посеменила к теням, за которыми не надо петлять по трем этажам.

— Сюда... — прошелестел inferнальный шепот, всколыхнувший клубы тумана.

По спине побежали мурашки, а на затылке зашевелились волосы. Ожившая тень, по сути, нечисть, призвала меня, чародейку, зовом, которым вообще-то ловцы приманивали умертвий. Пожалуй, подумаю завтра, почему я инстинктивно откликнулась... В итоге забрела в безлюдную часть особняка, куда не успели добраться ни пронырливые гости, ни потусторонние актеры. Наверное, когда представление закончится, придется звать сыщиков и целый отряд бравых стражей, чтобы меня отсюда вызволить.

В пустую бальную залу, неожиданно залитую лунным светом, меня привлекла тихая знакомая мелодия. Войдя, я по инерции еще сделала несколько шагов, а потом остановилась, словно замороженная.

Казалось, будто пространство заливал холодный лунный свет, и в медленном танце кружились двое. От бесцветных фигур расходились волны тумана, обнажающие паркетный пол.

В танце не было ни грамма пошлости: одна рука мужчины лежала на талии моего иллюзорного двойника, вторая сжимала тонкие пальцы. Девушка выгибала спину, словно никак не могла решить: хочет быть ближе к партнеру или отстраниться. Но с одинаково жадным вожделением они смотрели глаза в глаза.

Хотеть привлекательного мужчину, когда он уверенно ведет в танце, чутко ловит эмоции, вообще-то, обычное дело. Но танцевала моя тень с Закари Торстеном. Своего идеального врага я узнала бы из толпы мужчин, одетых в одинаковые одежды. По осанке, по развороту плеч, по волосам, обрезанным до подбородка такой ровной линией, словно парикмахерскими ножницами вели по линейке.

Понятия не имею, из какого уголка подсознания своровали эту противоестественную фантазию. Вероятно, из той его части, где пряталась неизвестная ни мне, ни миру круглая дура. Ведь в трезвом уме, впрочем, как и в помутнении рассудка, о Закари Торстене я не мечтала. Ни разу. Точка. Да и он никогда не смотрел на меня, как на кусок именинного пирога, с которого хотелось слизнуть сливки, а потом хорошенько распробовать, смакуя на языке каждый кусочек сладкого бисквита.

Еще не успела додумать тревожную мысль, как музыка начала набирать громкость, а пара — скорость. От мелькания зарябило в глазах. Подол черной юбки разлетался туманом... И снова мелодия резко смолкла. В звенящей тишине прозвучал тихий чувственный стон. Я подавилась на вздохе да так и остолбенела, забыв кашлянуть в кулак.

Двое больше не кружились. Замерев посреди бального зала, они предавались возмутительному разврату! Девушка стояла спиной. Расстегнутое черное платье сползло с плеча. Беззастенчиво оголенные лопатки скрывались под длинными волосами. Проклятый Торстен, оказавшийся в иллюзии таким же нахалом, как в жизни, ее целовал! По-взрослому умело и напористо, глубоким чувственным поцелуем.

Он оторвался от девичьих губ. Инфернальная партнерша запрокинула голову, открывая шею для эротических ласк, а Торстен

издевательски посмотрел прямоком мне в глаза. Этот острый, бесстыжий взгляд черно-белого призрака, словно приобретя материальную форму, ударил в солнечное сплетение.

— Да охренеть! — от души выразила свое отношение к происходящему и тут же поняла, что выразила пусть с душой и от всего сердца, но вслух.

Секундой позже тени взорвались и разлетелись дымком. Бальный зал, залитый лунным светом, исчез. За попрание строгих правил особняк выплюнул меня в застенок на цокольном этаже и поставил в угол. В прямом смысле этих слов. Совершенно шокированная я обнаружила себя стоящей в углу комнатенки с решеткой вместо двери.

Правда, проштрафившихся гостей никто не собирался закрывать в клетке по-настоящему. Решетка отворилась от легкого толчка. Ладно, не то чтобы от легкого. Грохот стоял, как в каменоломнях. Содрав с лица полумаску, я вывалилась в знакомый коридор недалеко от гардеробной и на всех парусах влетела в полупустой клубный зал.

Тумана почти не было, подавальщики лениво обходили немногочисленных гостей. Возможно, зрители спустились с верхних этажей по собственному желанию, решив, что достаточно насмотрелись на танцующие тени, или вылетели с позором, как пробки из бутылок.

Негодяй Закари Торстен, неведомым образом поселившийся в глубоких слоях моего подсознания и устроивший там непотребный вертеп, сидел на том же месте. Отрешенный и задумчивый, сложив руки на груди, он рассматривал бокал перед собой.

— Уже? — От удивления у Закари поползли на лоб брови.

— Ни слова! — рывкнула я, схватила бокал и прикончила тремя большим глотками.

Не сразу до меня дошло, что горло обжигает, и в желудок льется не прохладная вода, а горячая лава. На язык попала крошка льда. Скривившись, я прижала ладонь ко рту и тут же почувствовала во всем теле неприятную слабость.

— Святые демоны, Торстен, что за странная вода?

— Это бренди, — со смешком подсказал он. — Что случилось? Тебя выперли?

— Пинком под зад, — призналась я и посмотрела в его лицо.

Взгляд остановился на пунцовых губах. Они изгибались в улыбке, в уголках появились крошечные морщинки. В темных глазах светилось веселье. Мгновенно вспомнились страстные лобзания теней в призрачном бальном зале, и я тряхнула головой. Чур меня!

— Показали то, что не хотела увидеть? — догадался Закари.

— Я увидела натуральный ночной кошмар! Клянусь, Торстен, у меня появилась новая фобия! До конца жизни буду вспоминать и вздрагивать.

— У тебя есть фобии? — как будто даже развеселился он.

— До сегодняшнего дня не было. — Я растерла лицо руками, стараясь отогнать шокирующий образ. — Слушай, поехали из этого странного места, пока еще чего-нибудь не показали.

— Хорошо. — Закари усмехнулся и без споров поднял руку, чтобы позвать подавальщика. — Но, признай, что театр теней отвлекает от реальной жизни.

— Да не то слово...

Во время представления, захваченная необычным зрелищем я вообще ни о чем не думала. Зато теперь голова разрывалась от мыслей. Тени, для которых медленный танец оказался не более чем прелюдией к чувственным удовольствиям, похоже, станут моим главным ночным кошмаром на много месяцев вперед. А я, между прочим, вообще не страдала ночными кошмарами. Что сказать? Отвлеклась, называется, от насущных проблем с неверным парнем.

На улицу нас выпускали без пафоса: привратник, до носа закутанный в шарф, открыл черный вход для прислуги. Мы выбрались в плохо освещенный тупик и невольно поежились от промозглого, влажного холода. Извозчики поджидали пассажиров на широкой улице, пришлось обойти здание, но время перевалило за полночь, и даже столица кипучестью не хвасталась.

Со стороны театр выглядел мрачной темной машиной: ни души, ни одного освещенного окна. Только неприметная латунная табличка с полумаской, висящая на запертых изнутри воротах, подсказывала, что жутковатый особняк обитаем, и в его стенах происходит некое таинственное действие.

Признаю, бал теней оказался самым провокационным и шокирующим представлением в моей жизни. Даже легендарный ночной рынок переплюнули! А там-то можно наглядеться на разное.

— Поедем дальше развлекаться? — предложил Закари.

— Едем, — промычала я и, прикрыв рот ладонью, так широко зевнула, что чуть челюсть не вывихнула. В первом часу ночи меня всегда неудержимо влекло к подушке.

— Похоже, мы едем домой, — заключил он и, махнув рукой, остановил удачно проезжающий мимо двухместный кэб.

— Да, это прекрасное решение!

— Ты такая послушная.

Нет, Закари, я просто устала от отвратительного дня и до глубины души шокирована театром, демонстрирующим такие желания, о которых даже не подозреваешь. Видимо, тени их вытаскивали с самого дна подсознания. Если внезапно постучаться снизу, у меня случится духовный кризис.

Пристроившись на холодном сиденье, я нахохлилась, как воробей: подняла ворот, сунула руки в карманы. Закари назвал извозчику адрес и уселся рядом. Кэб тронулся.

— Далеко до особняка Торстенов? — спросила я

— Мы не в особняк.

— Отвезешь меня в загончик, куда таскаешь всех девчонок? — Я даже встрепенулась. — Торстен, не хочу никого обидеть, но мне нравится спать на простынях, на которых до этого никто не лежал.

— Ну если хочешь позавтракать с моей матерью, то без проблем, — невозмутимо согласился он. — Ей обязательно доложат, что мы в особняке, и она еще затемно примчится из замка. Попросить, чтобы захватила у нашего знахаря снадобье от похмелья?

Как представила Люцию Торстен, желающую мне доброго утречка с бутылочкой зелья в руках, так резко передумала.

— Ты прав: не надо в особняк. У тебя ведь есть чистые простыни?

— Найдутся, — хмыкнул он.

Тайное холостяцкое логово Закари Торстена находилось в популярном у ведьмаков квартале столицы. Удобные апартаменты, в них было всё: камин, широкий диван, ванная и уборная. Даже крошечная кухонька с глубокой каменной раковиной! И только одна низкая, но исключительно просторная кровать, застеленная серым покрывалом.

Глядя на это, с позволения сказать, поле для плотских утех, я задавалась вопросом, какого демона меня волновали чистые простыни.

Свежее белье — не главная проблема... Спать-то, похоже, придется на диване. Не вместе же, право слово.

Закари вытащил из глубокого ящика комода аккуратно сложенную белую рубашку и вручил мне:

— Не балахон, как ты любишь, но можешь спать в ней.

Кто бы сомневался, что он не преминет позубоскалить о монашеской робе с цветочками на воротничке, но у меня уже развернулась борьба за единственное спальное место. Не до мелочей.

— Где? — тихо спросила я.

— В ванной.

— Торстен, ты предлагаешь спать в ванне? Вообще ничего не слышал о гостеприимстве?

— Сказала девушка, оставившая меня спать на полу в гардеробной, — со вкусом напомнил он и кивнул: — Можешь переодеться в ванной комнате.

— Хорошо, спрошу по-другому. — Я посмотрела с подозрением. — Куда ляжешь ты? Здесь только одна спальня и одна кровать.

— Построим стену из подушек? — немедленно предложил Закари. — Обещаю храпеть в сторону окна, а не тебе в ухо.

— Слушай, у меня принцип не одаривать светлой благодатью, если я нетрезва, но по такому случаю готова им поступиться, — пригрозила ему и даже потрясла рубашкой для пущего эффекта.

— Расслабься, Варлок, — хмыкнул он. — Спальня в твоём распоряжении. Горничная перестелила постель, но если не доверяешь, то могу дать свежие простыни.

— Ладно, — с королевским достоинством кивнула я.

Кто же знал, что он сдастся без боя?

— Есть хочешь? — уже из гостиной с большими окнами спросил Закари.

Пожалуй, новость, что с холодильного короба ночью не исчезает ручка, была самой лучшей за сегодняшний паршивый день. С большим интересом я разглядывала содержимое этого замечательного артефакта. Стенки покрывала тонкая снежная поземка, изнутри шел пар. На дне стояли аккуратно сложенные деревянные ящички с замороженной едой.

Некоторое время Закари проверял, что нам бог послал на поздний ужин. Видимо, пытался припомнить, когда и при каких

обстоятельства тот или иной кусок оказался припрятанным в ледяной ларь для будущих ужинов... Или, судя по кислой мине парня, ужинов будущих поколений Торстенов.

— Ты умеешь готовить? — спросил он, отчаявшись найти что-то съедобное, а не приготовленное еще в дремучие времена драконов, и растерянно глянул в сторону кухонного шкафчика. — Тут где-то должны быть куриные яйца.

— В середине ночи кулинар во мне умирает, — мягко намекнула я, что не дотянула даже до посредственной стряпухи.

— А утром? — с надеждой уточнил Торстен.

— Еще не воскресает.

— В общем, не стоит рисковать, — заключил он на выдохе.

— Искренне не советую.

Кулинария — магия наивысшего порядка, недоступная женщинам семьи Варлок. Всем без исключений. Никогда не забуду, как моя дорогая матушка решила побаловать семью ужином из трех блюд, приготовленных собственноручно. С большой, так сказать, любовью... Хорошо, что в замке живет превосходный знахарь! Он-то быстро привел нас в порядок. Всего-то три дня помирали. Иначе встретились бы на том свете с прародительницей ковена грозной Агатой, а она покрутила бы нам пальцем у виска. Дескать, забыли вы, глупые потомки, о главном правиле выживания в башне Варлок: не тащите в рот ничего подозрительного.

— Посмотри. — Закари упорно пытался отыскать что-нибудь не очень подозрительное, что тащить в рот не запрещали заветы предков, раз повара среди нас не было. — Это рыба или курица?

Содержимое было намертво замороженным, на глаз неопределимым и, собственно, на запах.

— Окаменелость, — пошутила я. — Давай просто разогреем и проверим. Замороженная еда не портится.

— Ты уверена? — Торстен с подозрением принялся.

— Если что, у нас есть принцип двадцати минут, — легкомысленно махнула я рукой. — Ты попробуешь, если через двадцать минут не откинешься, то нормально поужинаем.

У Закари сделалось такое лицо, словно ему в это самое лицо плюнули.

— На правах хозяина, — пояснила я с невинным видом. — В случае чего, я тебя откачаю. Ты, главное, покажи, где стоят снадобья. Там есть противоядие?

Торстен отложил ящичек на стол, уперся ладонями в столешницу и с ухмылкой посмотрел на меня.

— А если нет?

— Обещаю, что скажу на твоём погребении проникновенную речь и возложу пышный венок. Мы же враги с привилегиями. Речь и венок ты себе обеспечил. — Со смешком я взяла в руки ящичек и пробудила светлую магию. — Попробуем? Готовить я не умею, но разогреть замороженную еду способна.

По тонким деревянным стенкам коробочки пробежали мелкие искры. Содержимое нагрелось, и ладонь начало жечь. Аккуратно отодвинув крышку, я выпустила на свободу ароматный, пахнущий специями и чесноком дымок.

Мы с Закари с интересом посмотрели на припрятанную на черный день закуску. Выглядела пицца ночного бога дожора печальной. И неузнаваемой. Какая-то сомнительная хтонь, помершая в молодость моей бабули и после подогрева покрытая корочкой подгоревшего соуса.

— Чуток силу не рассчитала. — Я поморщилась от вида неаппетитно запеченных кромок. — Ты узнал, что это? Не похоже ни на рыбу, ни на курицу.

Торстен принялся и резюмировал:

— Кажется, устрицы.

— Да ты гурман, Закари Торстен! — издевательски протянула я.

— Давай что-нибудь другое разогреем, — с гримасой отвращения предложил он и, задвинув крышку на ящичке, выбросил в стоящий под узким разделочным столом мусорный короб.

С интересом магов-археологов, докопавшихся до захоронений первородного зла, мы подогревали еду, не открывая ящичков, а потом в большой интриге проверяли, чем нас порадовал холодильный ларь. Список блюд поражал воображение! Ни разу не повторились.

В конечном итоге нас обуюл такой азарт, что крупно нарезанный овощной салат тоже оказался поджарен. Подозреваю, что когда-то, в неизвестном году, шоковой заморозке огурцов поспособствовал бренди, принятый Торстеном в невыясненном количестве. Овощи без

сожалений мы уступили мусорному коробу и оглядели заставленный коробочками кухонный прилавок.

— Думала, ты разборчив в еде, — протянула я.

— Я тоже, — согласился Закари. Впервые на моей памяти он выглядел обескураженным.

Вилкой я осторожно подцепила обмазанную охряным яблочным пюре корочку с куска утиной грудки, запеченной фактически два раза. Казалось, высохшее, как мумия дракона, мясо молило о похоронах, а не о втором шансе превратиться в изысканный ужин.

— Ты не будешь пробовать? — переведя взгляд на Закари, поторопила я.

— Принцип двадцати минут, — вполне серьезно отозвался он. — Пробуй?

— Как хозяин...

— На камень-ножницы-бумага, кто первый? — внезапно предложил Закари.

— Ты в младшей школе?

Не стовариваясь, мы одновременно выставили раскрытые ладони, изображающие лист бумаги. Ей-богу, как дети. Осталось прицепить мне на волосы бантик, а Торстену натянуть короткие штанишки... И с самым серьезным видом, насколько он может быть серьезен у взрослых людей, играющих в камень-ножницы-бумага, скинулись еще три раза. Никто не победил.

— Ладно, давай просто есть. Я голодная. — Ткнув вилкой в утятину, я сунула жесткий кусочек в рот и принялась настырно жевать. На вкус оказалось, как бумага. В горячем яблочном пюре. Не исключая, что мне просто попался кусочек замороженной вместе с едой салфетки.

Закари с интересом следил за моим подвигом и, казалось, мысленно уже составлял заупокойную речь.

— Так и будешь смотреть? — Я подхватила со стола и пихнула ему в руки первый попавшийся коробок. — Ешь! Помрем вместе как истинные враги.

— Если завтра утром я не встану, то снадобье от похмелья стоит на верхней полке в посудном шкафу, — с обреченным видом проинформировал он.

— Как оно поможет при отравлении? — заинтересовалась я.

— Никак. — Он покрутил в руках ящичек. — Но хотя бы голова не будет болеть.

— Других снадобий нет?

— Нет. — Закари вытащил из подставки для приборов вилку, сунул в рот кусок и протянул: — Неплохо. Похоже на свинину по-сартарски. Или курицу?

— Дай попробовать, — заинтересовалась я.

Тот без всяких уговоров протянул мне коробочку. Свинина или курица (в сущности, это мгновенно стало неважным) оказалась невозможно острой. Во рту разгорелся пожар. Зато память прояснилась и сразу вспомнилось, что кухня королевства Сартар славится жгучими пряностями. Просто пища демонов, а не еда!

— Как ты можешь есть такое острое? — выдохнула я. Странно, что просто выдохнула, а не выплюнула поток драконового пламени.

— Да оно вообще не острое, — просипел в ответ Закари и выразительно кашлянул в кулак.

Поспешно отставив еду, он достал с открытой полки стакан, наполнил его водой из-под крана и выхлебал так быстро, словно пытался загасить адское пламя.

— Запьешь? — спросил у меня.

— Угу, — промычала я, вытирая рукавом выступившие слезы.

Вода притушила огонь во рту, а то казалось, что горели даже зубы.

— Зато окончательно протрезвел, — заключил Закари, беря ящичек с другим блюдом.

Некоторое время мы пировали: пробовали, советовали друг другу, менялись коробочками. В конечном итоге я наелась и объявила:

— Надо ложиться. Если завтра не появлюсь на практикуме по темным искусствам, декан мне устроит веселую жизнь. Он и так на меня смотрит, как демон на святое распятие.

— Почему ты поступила в Деймран? — внезапно спросил Торстен.

— Почему ты вызвал демона? — задала я такой же бестактный вопрос. Должен же он понимать, что еда из одной коробочки вообще не делает людей ближе.

— Отец настоял, — не моргнув глазом, ответил он.

Закари стоял, привалившись спиной к кухонному прилавку. Ладони упирались в край столешницы. Он словно давал понять, что был

полностью открыт для личного разговора.

— Он считает ритуал — важной вехой в жизни мужчины, а мне в тринадцать лет еще хотелось оправдывать чужие надежды. В одном отец оказался прав: после вызова я быстро повзрослел. Так почему темная магия?

— Из принципа, — призналась я. — Светлые мне отказали, я решила, что получу темное образование. Мне нужны знания о сложных чарах, а в башне Варлок их просто не могут дать. В сущности, неважно какая магия их создает.

Я протянула руку. Пальцы вспыхнули от светлой магии, по кончикам проскочили мелкие голубоватые искры, следом потек дымок темной силы. Все сразу. В один момент. Этот фокус, противоречащий любым законам чародейства, родители запрещали показывать гостям, когда хвалились талантами детей.

Торстен не отводил взгляда от моей руки.

— Как ты это делаешь?

— А как люди дышат? — усмехнулась я и погасила магию. — Ночной цирк закрывается, фокусник во мне заснул. Пойдем спать.

Время действительно незаметно подбиралось к трем утра, и на отдых оставалось немного времени. Завтра буду чувствовать себя злобным драконом, выпускающим костяной гребень на любое неосторожное слово.

— Гостям же уступают ванную, да? — нахально заявила я, что первая пойду приводить себя в порядок, и уже по дороге в спальню спросила: — У тебя есть пробуждающий шар?

— Я каждый день встаю в шесть, — уверил он. — Никогда не просыпаю.

Заснула быстро. Устроилась на чрезвычайно удобном поле для плотских утех в одиночестве. Простыни пахли мужским одеколоном, под подушкой Торстен прятал кружевной носовой платок. Очень трогательная привычка. Когда моя бабуля была жива, тоже всегда подкладывала мне под подушку вышитые носовые платочки.

Как укладывался Закари: грохотал ли ящик комода, шумела ли вода в ванной комнате, скрипел ли диван, — ничего не слышала. Возможно, Торстен перед сном молился богам энергичных садовников, чтобы после подозрительной еды проснуться. В смысле, не здоровеньким, а просто открыть глаза и понять, что все еще жив. В

общем, длинный день и насыщенная ночь меня укатали: я превратилась в окончательно упокоенное умертвие.

Пробуждение было резким, словно кто-то громко хлопнул над ухом в ладоши. Комнату заливал хмурый свет осеннего утра. Чутье, живущее в каждом непунктуальном человеке, подсказывало, что, возможно, Торстен встает каждый день в шесть утра, но сегодня в нем что-то сломалось. Мы позорно проспали!

— Проклятье!

Я подскочила на кровати, как ошпаренная. От недосыпа трясло, от выпитого накануне алкоголя нещадно трещала голова. Хотела с громкостью трубы будить врага с привилегиями (или воскрешать, как уж карта ляжет), но внезапно обнаружила, что держу в руке красный кружевной лоскут. В большом недоумении осторожно расправила тряпицу... Всю ночь напролет я бережно сжимала в кулачке не носовой платок, а красные женские трусы!

ГЛАВА 9. Ночной рынок

Никогда не считала себя скромницей, но чужое исподнее, словно в постели его прятали от вороватой бабайки из шкафа, откровенно покорило. Наверное, во сне я нежно прижимала трусы к себе! Как теперь существовать с этим чудовищным знанием?

Виновник титанических изменений в моем сознании тоже очухался ото сна и хрипловато рявкнул из гостиной:

— Варлок, вставай! Уже восемь!

Не догадываясь, что врывается в эпицентр душевного кризиса, он заглянул в спальню, увидел злосчастные трусы и протянул:

— Неожиданно...

Полуголый Закари с похабной улыбкой втянулся в комнату. Глаза опухшие, волосы всклокочены, домашние штаны словно пожеваны и выплюнуты. Вообще ни разу не парень из эротических фантазий... Однако пресс был прекрасен, а под завязку портков, возмутительно низко сидящих на бедрах, убегала темная полоска.

Без колебаний я скомкала лоскут и швырнула в его сторону. Неожиданным в это утро оказалось абсолютно все, начиная от пробуждения до трусов, стремительно летящих в помятую ото сна, небритую физиономию Торстена. Они вмазались ему в нос и упали в подставленные ладони.

Не поведя бровью, Закари расправил кружевное безобразие и протянул:

— Я, конечно, польщен внезапным предложением и, что скрывать, удивлен, но ты опоздаешь на практикум...

Тут я поняла, как себя чувствует взбешенный бодучий бык, готовый кинуться на красную тряпку. Странно, как не выпустила из ноздрей пар.

— Торстен... ты считаешь, что я сижу без трусов? На все готовенькая?! — Голос предательски сорвался в фальцет.

Секундой позже под действием чар в сторону кретина метнулась подушка. Та самая, под которой хранилась пресловутая красная тряпка, раздражившая «быка».

— Стоп! — Закари выставил ладонь, и подушка застыла в воздухе. — Бой подушками — это прекрасно, но мы действительно опаздываем.

Магия чутко ощущала мое озверелое настроение. Пар из носа я пустить не могла, но его артистично изображала подушка. Из прорвавшегося уголка, как дым из носика кипящего чайника, струйкой вылетали мелкие перышки. Кружась, они начали опускаться на ложе разврата, словно снежные хлопья.

— Торстен, ты вообще в своем уме? — воскликнула я в сердцах. — Трусы оставила в кровати твоя подружка. Я всю ночь их держала вот в этих руках... В одной руке!

Для пущей убедительности пришлось потрясти в его сторону раскрытой ладонью.

— О... — Закари кашлянул в кулак. — Ну извини, Варлок. Горничная, наверное, положила.

Плюющая перьями подушка сорвалась на кровать и плевать прекратила.

— Ты безнадежен. — С фальшивым сочувствием я покачала головой. — Как ты можешь так жить, Торстен? Даже горничная подкладывает в твою постель нижнее белье!

— Она женщина в годах. Не оскорбляй старушку, — посмел возразить тот. — Скорее всего нашла, когда меняла простыни, и положила, чтобы не потерялись...

— Просто молчи! Ничего не хочу знать о твоей богатой личной жизни, — перебила его. — Мне надо помыться. Срочно! В трех водах!

— Не успеешь, — заключил он, — но если тебя успокоит, на вид трусы чистые...

— Вон! — Категорично я указала пальцем в сторону дверного проема.

Он повернулся спиной. Левую лопатку украшала сложная татуировка из рунических символов, вписанных в разорванный круг. Рисунок внезапно возмущил до глубины души. Совсем, как женские трусы, которые Торстен на ходу засунул в карман. Край алого кружева по-прежнему с любопытством высывался наружу.

— У тебя еще и тату...

— Нравится? — Он оглянулся через плечо.

— Нет.

— Все-таки ты ханжа, Варлок.

— Торстен, просто сомкни челюсти и не квакай! — взвилась я.

Магия подхватила брошенное в сердцах пожелание и превратила его в мелкое пакостное заклятье. У Закари склеился рот. Мычал он восхитительно, однако с чарами справился быстро, всего-то секунд за десять. Но какие, право слово, это были дивные секунды! Лучшие за бестолковое утро.

— Извини. — Я подняла руку в знак примирения. — Правда случайно вышло.

Он так сверкнул злющими глазами с вертикальными зрачками, что сразу вспомнились старые-добрые времена, когда мы не изображали влюбленных и швырялись не трусами, а веселыми проклятьями.

В модном квартале, где находились апартаменты, на каждом доме висел знак, запрещающий порталные переходы. Пришлось шагать к площади, открытой для перемещений. Мы прятались от мелкого морозящего дождя под магическими зонтиками-куполами, уворачивались от летящих из-под колес экипажей брызг и на ходу завтракали средством от похмелья.

Флакон был один на двоих. Закари оказался таким запасливым, что у четырех из пяти бутылочек, хранящихся в шкафу, еще в прошлом году закончился срок годности. Хорошо, что на всякий случай проверила.

Наконец показалась нужная площадь. Нахально перегнав торопящегося господина с портфелем, с хмурыми минами мы встали под один из разрешительных знаков. Господин недовольно зыркнул и посеменил к соседнему знаку, где его ловко обскакал какой-то проворный студент с зеленым шарфом на шее.

Закари всучил мне почти пустой флакон и пробудил магию в порталном амулете. Перемещение немедленно началось. Горькое снадобье поступило к горлу, в теле появилась неприятная легкость, но секундой позже портал выдохся и вернул нас на старт.

Сверху сыпал дождь. Возле полосатых столбов с разрешительными знаками никого не осталось, только мы никуда не сдвинулись. Магический символ, нанесенный на амулет, пульсировал, приказывая ждать очереди. Обычно пустующая преподавательская кабинка в порталной башне Деймрана оказалась занята.

Именно сегодня.

Кто бы сомневался?

— Мне конец, — пробормотала я себе под нос и достала из кармана почтовик.

Клич о посильной помощи улетел к Эмбер. Дескать, спасай, дорогая подруга! Не успею заскочить в общежитие, принеси мои вещи на практикум.

«Непременно», — пообещала она.

Не успела я убрать артефакт, как он вздрогнул, приняв очередное послание.

«Солнце, что у тебя было на завтрак?» — сладким, кокетливым голосом протянула Эмбер.

«Полфлакона снадобья от похмелья. Возьми мне в столовой сэндвич с ветчиной», — попросила я и покосилась на Закари.

Сложив руки на груди, он хмуро таращился на носы ботинок. Лицо было бледным от недосыпа, на щеках и подбородке темнела щетина. В общем, выглядел не огонь.

«Эмбер, возьми два сэндвича. Еще Торстену», — в кои веки решила я проявить человеколюбие.

— Мне не надо, — тут же отказался он, порывом не проникнувшись.

«Торстену не бери. Он наелся снадобьем от похмелья», — отправила я подруге.

«Прости, Марта! Я случайно адресом почтовика ошиблась, — через секунду выпалила она из шара. — Твои вещи уже собираю. Сэндвич возьму. Встретимся на практикуме. Сытому Торстену — привет».

На щеке у «сытого» Торстена дернулся мускул. Мы промолчали минут десять, дожидаясь, когда ворота в академии освободятся. Едва Закари забрал у меня почти пустой флакон, чтобы еще, так сказать, чуток подкрепиться и окончательно «переесть», нас выдернуло с площади в кабинку. Средство от похмелья выплеснулось из горлышка. Цыкнув, Закари обтер подбородок ладонью.

— Торстен, увидимся! — не стала я дожидаться врага с привилегиями, выскочила в зал и наткнулась на большую делегацию степенных чародеев. Очевидно, именно их прибытие едва не подвело меня под магический монастырь.

Ректор что-то с важным видом рассказывал гостям. Инстинктивно я попятилась и охнула, спиной наткнувшись на Торстена. Делегация, как по команде, обернулась. Мы оказались на перекрестье внимательных взглядов.

— Господа, позвольте вам представить цвет нашей академии! — попытался сгладить неловкий момент ректор. — Закари Торстен — праправнук бывшего декана факультета темных искусств Брунгильды Торстен.

Возникла странная пауза. Цвет нашей академии сегодня слегка подзавял и требовал срочного полива. Видно, что всю ночь бессовестно кутил: пил крепкие напитки и запихивал в рот подозрительную еду, разогретую с помощью светлой магии. Особенно громко о недостойном поведении внука знаменитой ведьмы Брунгильды говорил фигурный флакон снадобья от похмелья в его руке.

— Доброе утро, господа, — ровным голосом поздоровался Закари и украдкой засунул бутылочку в карман пальто.

Однако скрыть доказательство неумемной тяги к сомнительным радостям жизни не удалось. Стекло горлышка вылезло из прорези, а сам карман выразительно оттопырился.

Пока внимание уважаемых гостей академии было приковано к выдающемуся студенту, я незаметно слиняла из порталльной башни. Не хотелось опоздать на практикум к декану и превратить паршивое утро в откровенно поганое.

В кабинет, примыкающий к просторному залу для отработки темных заклятий, я ворвалась запыхавшаяся и растрепанная. Группа уже была в сборе, не хватало только Айка. Его место сиротливо пустовало.

Повесив пальто на один из торчащих из стены крючков, я прошмыгнула к Эмбер. Подруга прослушивала чье-то послание, приблизив к уху тускло мерцающий почтовик.

— Привет. — Без сил я рухнула на стул и наконец перевела дыхание.

Она отложила артефакт и с иронией спросила:

— Суровая ночь и тяжелое утро?

— Совсем паршиво выгляжу? — Я пригладила волосы, заплетенные в кривоватую косу. — По шкале от «жить будет» до

«закапываете»?

— «Зовите некромантов», — заключила она. — Пусть тебе будет утешением, что твоему бывшему парню некроманты вряд ли помогут. Разве что с почестями закопают.

— Айк вчера приходил?

— Не решился, — хмыкнула подруга — Но сомневаюсь, что он пропустил занятие у декана от дурного настроения.

Казалось, вчерашняя отвратительная сцена в оранжерее случилась в другой жизни, словно каждый час в компании Торстена считался за год. Рядом с ним голова шла кругом, а теперь безбожно трещала... Плохое он покупает средство от похмелья: горькое и бесполезное! Цену на него гнут исключительно за узнаваемый флакон.

Почтовик Эмбер, оставленный на раскрытой книге, снова вздрогнул. Внутри шара за клубился дымок. Пока она с загадочной улыбкой слушала беззвучное для других послание, я вытащила из ящичка под крышкой стола сумку с учебниками.

Сэндвич лежал в коричневом бумажном пакете. Эмбер собрала его из того, что хранилось в нашем холодильном ларе. В смысле, из хлеба, ветчины и горчицы. Прямо скажем, не устрицы и не утиная грудка в яблочном пюре, но еда показалась божественной. Удивительно, как не хрюкнула от наслаждения.

Эмбер отложила почтовик, оставив отправителя без ответа.

— Кто тебе все время пишет? — полюбопытствовала я.

Она быстро оглядела кабинет и заговорщицки прошептала:

— Помнишь, я рассказывала, что на праздниках познакомилась со светлым? Вчера он мне прислал сообщение. Слово за слово, проболтали до ночи. На выходных он предложил встретиться. — Она помолчала и проронила самым небрежным тоном: — Зовет на ночной рынок.

Я чуть не подавилась сэндвичем.

— Ты согласилась?

— Конечно. Никогда там не была.

Легендарный ночной рынок появился в незапамятные времена драконов и существовал дольше ковена Варлок. В этом магическом месте можно купить любые артефакты и гримуары, но проще всего — нарваться неприятности.

— Ехать одной — авантюра чистой воды, — проворчала я. — Может, этот светлый — маньяк?

— Именно так я и подумала, — согласилась Эмбер, — поэтому сказала, что приеду с подругой и ее парнем. Устроим двойное свидание.

— Предусмотрительно, но у твоей подруги больше нет парня.

— Вообще-то, я о твоём фальшивом парне, — невозмутимо ответила она. — Возьмем Торстена. С ним безопасно.

Ни возмутиться, ни возразить я не успела. По академии пронесся басовитый часовой клич, объявивший о начале занятия. В дверях, надменно блестя идеальной лысиной, вырос декан Мэдлей. Он всегда подгадывал время, чтобы войти в кабинет с первым ударом гонга. Ни раньше ни позже, тютелька в тютельку. Очень педантичный ведьмак! Главный душила Деймрана.

— Приступим к занятию, господа темные чародеи, — объявил он.

Дверь за ним начала закрываться. Внезапно ее перехватили, и в кабинет бочком протиснулся Айк. Выглядел он не краше воскрешенного умертвия, к которому бесполезно звать некромантов, только светлого мага, чтобы окончательно упокоил.

— Разрешите? — пробормотал Вэллар хриплым, точно сорванным, голосом и сипло кашлянул в кулак.

На лице декана расцвела крокодилья улыбка. Он заявил, что не имеет права оставить звезду брумбола в коридоре, вручил ему меловой стрежень и заставил расписывать принцип действия ледяных заклятий, о которых рассказывал на последней лекции. Не знаю, как Вэллар не скончался перед доской.

— Госпожа Варлок, — обратился ко мне магистр, когда стало ясно, что вряд ли сегодня звезда брумбола удивит ошеломительными знаниями, — ваша очередь. Уверен, вы нас поразите.

А я наивно надеялась, что светлые демоны сжалились и решили горячую преподавательскую любовь полностью излить на Айка. Ничего подобного! Одна посмела осквернить светлыми чарами лекцию по темным искусствам, а второй незамысловато, но раздражающе опоздал на практикум. Как такое оставить без воспитательной затрещины? Совершенно невозможно. И декан Мэдлей выбрал не любимого студента, а любимую пару, не подозревая о нашем с Айком богатом прошлом.

Не глядя друг на друга, мы с Вэлларом разошлись по дуге. Удивительно, как от обоюдного холода узкие стрельчатые окна не затянули морозные узоры. Они пришлись бы ко двору, как раз в тему занятия.

Я встала к доске, Айк уселся на свое обычное место. В тишине по полу проскрипели ножки.

Поразить придирчивого магистра-декана удалось разве что зеленой физиономией. Возможно, еще чуток помятым видом. Но не превосходными знаниями прошлой лекции.

— Bravo, господа темные маги, — фальшиво восхитился он. — Ваша готовность постигать темные искусства вызывает восторг. Полагаю, будет честно, если заклятие вы тоже будете отрабатывать вместе.

Чудесно! Сейчас разрыдаюсь от счастья.

Через некоторое время, уев в теории абсолютно всех (нашел чем гордиться), магистр темной магии заключил, что группа в полной мере прониклась своей ничтожностью и готова применить знания на практике. С тихими шепотками все вышли в холодный просторный зал, озаренный серым дневным светом. На каменном полу на одинаковом расстоянии были нанесены рунические символы-насечки. Народ разделился на пары.

Стараясь не встречаться глазами, мы с Айком встали друг напротив друга.

— Симпатичный пиджак, — вдруг оборонил он. — Тебе идет.

— Спасибо, — сухо ответила я.

— Вчерашний?

Я бросила на бывшего парня холодный взгляд. Бритьем помятый Айк Вэллар, первая любовь всех фанаток брумбола, сегодня не озадачился. Высокий ворот свитера с эмблемой факультета темных искусств собрался гармошкой. Из-под края нахально выглядывал характерный кровоподтек.

— Симпатичный засос, — сдержанно заметила я. — Тебе идет. Вчерашний?

Тихо выругавшись, Айк поспешно натянул ворот почти до подбородка. Ворот, словно подчиняясь земному притяжению, немедленно съехал обратно, и сочная отметина снова явила себя миру.

— Кто первый? — спросила я, стараясь не пялиться на синяк, но взгляд, как проклятый, возвращался к стыдной отметине, буквально гимну нашего с Вэлларом расставания.

— Дамы вперед.

Он наступил на руно, начертанную на полу. Пробудившийся символ засветился, и вокруг нас развернулась невидимая глазу ловчая сеть. Звуки извне стали глуше, словно доносились из-за стекла.

Я со всем старанием пыталась создать пристойное заклятье... В смысле, хоть какое-нибудь заклятье, но темная магия сегодня с утречка практически покинула «башню Варлок». Откликнулась она неохотно.

— Вижу, хорошо вчера погуляла, — проговорила Айк, не пытаясь замаскировать сарказм издевательской жалостью.

— Неплохо, — согласилась я.

— С Торстеном?

— Не завидуй, Айк. Если попросишь, он с тобой тоже погуляет. Лови.

Я улыбнулась и сдула с открытой ладони дымок темной магии, словно отправила бывшему воздушный поцелуй. В его сторону полетела кривая inferнальная рожа из мелких снежных горошин и с дымящимся темным хвостом. Вообще, ради иронии хотелось сотворить череп, но чем в похмелье богаты.

Снежная башка остановилась перед носом Вэллара. Она раззявила пасть, выплюнула струю холодного пара и сорвалась ему под ноги. По полу в разные стороны поскакали белые шарики. Складывалось впечатление, что неумелая рукодельница рассыпала банку с круглыми бусинами. Таяли они так же неохотно, как создавались.

Айк помахал ладонью у себя перед лицом, разгоняя пар, и спросил:

— Теперь ты почувствовала себя отомщенной?

— Да брось, — поморщилась я. — Магия тебя даже не тронула.

— Марта, ты понимаешь, о чем я говорю! — возвысил он голос, невольно привлекая внимание ребят по соседству.

— Не понимаю, — резковато ответила я. — Переведи.

— Надеюсь, тебе понравилось с Торстеном настолько, что ты почувствовала себя отомщенной.

Промолчать на откровенные нападки мне было не по нутру.

— Ну, если тебе действительно интересно, Закари никогда не спрашивает, чтобы поцеловать девушку, — поделилась я. — Хочешь еще подробностей или уже поколдуешь?

На практикумах мы не нападали, а только изучали принцип плетения сложных чар, и для серьезной магии нас разделяло недостаточное, даже символическое, расстояние. Но вряд ли разозленный Аик отдавал себе отчет, сколько силы вложил в тренировочное заклятье.

Лицо обожгло ледяной волной. Золотые пуговицы на моем пиджаке заиндевели, побелел кончик перекинутой через плечо косы. Я ответила инстинктивно, по правилу правшей, которые неизменно бьют ведущей рукой. Светлые чары смяли заклятье, как бумажный лист. С глухим хлопком лопнула защитная сеть, разнеся по залу волну возмущенного воздуха.

— Вы в своем уме?! — сорвался декан. — Оба в мой кабинет! Остальные свободны.

— Что у вас случилось? — тихонечко спросила Эмбер, когда мы собирали вещи.

— Мы окончательно расстались, — буркнула я.

— А по-тихому никак нельзя было? — хмыкнула она. — С другой стороны, успеем нормально пообедать.

Мэдлей чихвостил нас, точно нашкодивших котят. Орал, как не в себе. В конечном итоге он поперхнулся, жадно выхлебал воду прямо из стеклянного графина и, отдышавшись, с разбега приговорил Айка. За поединок его на две декады отстранили и от занятий, и от тренировок.

— Госпожа Варлок, — обратился ко мне декан, — вы абсолютная посредственность в темной магии и столь же блестящая чародейка. Безусловно светлые чары для вас естественны, но с сегодняшнего дня вы будете исключены без права восстановления за любое их использование в стенах академии. Все ясно?

— Да, господин декан, — сдержанно ответила я.

— Тогда оба пошли вон!

В ледяном молчании мы с бывшим парнем выбрались из приемной декана. Вместе спустились по лестнице из преподавательской башни и, не произнеся ни слова, разошлись в разные стороны. Кто бы знал, что, желая друг другу удачи перед днем поминовения предков, мы фактически прощались.

Эмбер сидела на деревянной на скамье возле питьевого фонтанчика и с интересом читала обернутую цветочной бумагой книгу.

— Гримуар? — полюбопытствовала я, усаживаясь рядом.

— Любовный роман, — призналась она и спросила, не поднимая головы: — Пригрозили отчислением?

— Без права восстановления, — согласилась я и широко зевнула, прикрыв рот ладонью. Тело ломило, затылок ныл, в висках стучало. Все сразу. Не понимаю, как один человек может испытывать столько неприятных ощущений одновременно?

— В общем, ничего нового, — заключила подруга. — Который раз уже?

— Официально? — Я задумалась, пытаюсь припомнить, сколько раз моя портретная карточка висела на доске «почета». — Четвертый.

— Что с Вэлларом?

— На две декады отстранили от занятий и тренировок.

— Да неужели? — Эмбер заложила книгу пальцем и посмотрела на меня в абсолютном восхищении. — Кажется, я начинаю активно верить в высшую справедливость. Две декады вы не будете встречаться на занятиях. Клянусь, это стоит выговора.

Мы с подругой посмотрели на доску объявлений, куда вывешивали ректорские приказы и портреты штрафников. Со стены на нас мрачно взирал слаженный квартет знакомых некромантов, попавших на доску «почета» за эксгумацию четвертого ректора на академическом кладбище. Какие целеустремленные ребята! Решили выкопать дедушку и выкопали.

Выудив почтовик из кармана пальто, я отправила маме сообщение: попросила прислать в академию драконий медальон, подаренный Люцией Торстен. В жизни не подумала бы, что пригодится. Буду носить на занятиях по темным искусствам, пусть декан Мэдлей видит, что я прониклась угрозой отчисления.

«Ты что, сундук даже не открывала?!» — в ответ рявкнула мать, и мы с Эмбер подпрыгнули на лавке.

Эхо разнесло вопль по всему холлу. Быстро встряхнув шар, я стерла окончание возмущенной тирады. Очевидно, украшение Люции в дорожном сундуке. Но почтовик снова вздрогнул в руке и наполнился дымом.

— Шепотом, — приказала я шару на этот раз оставаться для других беззвучным.

«Марта Варлок, неблагодарная дочь верховного ведьмака Валлея Варлока, не стыдно стряхивать сообщение от матери?! Йен сказал, что ты всегда так делаешь! — рыкнула она, и мысленно я поклялась зачаровать мелкого паршивца трехдневной немотой. — В сундуке гостинцы для Закари. Вытащи!»

«Ему вручить?»

«Ну... ты сначала попробуй, — совершенно другим тоном попросила мама. — Вдруг они уже испортились».

— Ты слышала? — обратилась я к Эмбер.

— Нет.

— Мной решили пожертвовать ради Торстена! Не пойму, у нее есть запасная дочь, о которой я не знаю?

Обедать перед теоретической магией оказалось недаленовидным. После сытной еды неудержимо клонило в сон, и полезные знания решительно не желали усваиваться в гудящей голове. Промучившись лекцию, я сбежала в общежитие досыпать положенные часы.

На двери обнаружился свеженький еловый венок, перевязанный красными и зелеными ленточками. Видимо, между сообщениями от светлого мага Эмбер успела чуток пошаманить, и в комнате витал характерный запах душистых курений. Пальто и сумка полетели на стул. Прямо в одежде я рухнула носом в подушку и проспала до вечера, кажется, ни разу не поменяв позы...

За разбором сундука с зимними вещами Эмбер следила с большим интересом. Стопки одежды я складывала (ладно, скидывала) на кровать и с настойчивостью некромантов, ковыряющих могилку ректора, пыталась докопаться до шкатулок с дарами.

— Да ты шутишь... — пробормотала я на выдохе, когда обнаружила пресловутый тайный сундучок взрослой женщины, заботливо отправленный маменькой вместо зимнего пальто.

— Ух ты! — воскликнула подруга. — Тайный женский сундучок!

Я посмотрела на нее в полном обалдении:

— Ты тоже из посвященных?

— Мы же черные ведьмы из рода Фокстейл! Мачеха мне такой на пятнадцать лет подарила.

— Вы что, в каком-то тайном женском ордене состоите? — вырвалось у меня.

— У тебя в нем есть слабительное? — полюбопытствовала она.

— Снадобье, вызывающее мигрень, — с трудом сдерживая смех, поделилась я забористым женским оружием.

— Тоже жестоко.

Плоский и широкий футляр с медальоном прятался на самом дне сундука под пресловутым ночным балахоном. Я вытащила коробку и распахнула крышку. На черной бархатной подушке лежало искусно вырезанное из белоснежной кости Древо жизни. При желании можно было рассмотреть каждую хрупкую веточку у пышной кроны и крошечные руны, украшающие контур.

— Медальон действительно подавляет светлую магию? — почему-то шепотом спросила Эмбер.

— Напрочь, — согласилась я и для демонстрации щелкнула пальцами.

В воздух вместо голубоватых искр выбился черный дымок. Он был темнее и гуще, чем обычно. В старых книгах писали, что рядом с драконами светлая магия исчезала, а темная возрастала. В общем, не медальон, а комбо два в одном, идеальное для занятий по темным искусствам.

Светлая магия пробудилась, едва опустилась крышка футляра. Он надежно подавлял действие медальона, но каждый день таскать в сумке довольно объемный артефакт не хотелось.

— Интересно, где делали футляр? — задумалась я и перевернула коробку.

На днище был выжжен крошечный знак в форме ключа. Таким помечали абсолютно все артефакты, купленные на ночном рынке.

— Кажется, на выходных у меня будет свидание, — довольно промурлыкала Эмбер. — Договорись с Торстеном, чтобы поехал с нами. Он тебе не откажет.

— Вряд ли.

— Готова поспорить на деньги. — Она подхватила с подставки почтовик и протянула мне. — Скажи ему прямо сейчас! Хочу на ночь обрадовать светлого Генри.

Насмешливо хмыкнув, я отправила Закари сообщение, мол, его заждались подарки из башни Варлок. Желаю сегодня занести. Пока он

принимал сложнейшее решение: хочет еще раз испытать судьбу и попробовать на ночь сомнительные вкусняшки или воздержится, я начала складывать сваленные кучей вещи.

Мешковатую ночную сорочку с цветочками Эмбер приняла за ритуальный балахон и принялась отчаянно восхищаться. Я не стала ее разочаровывать и предложила забрать «модную» вещицу себе. Когда подруга охотно натянула хламиду поверх домашнего платья, а я запихала сундук обратно под кровать, Торстен ответил. Он говорил хрипловато и отрывисто, словно чуток запыхался:

«Я в зале для фехтования. Приходи».

— Торстен занимается фехтованием? — отчего-то ужасно удивилась Эмбер.

— Он в отличной форме. — Я дернула плечом, мол, ничего странного, вряд ли он накачал пресс, отжимаясь в постели. — Пресс у него шикарный. Удивляет другое... Торстен *сегодня* способен тренироваться? Он вообще человек?

Вид у подруги сделался выразительный, а взгляд красноречивый.

— Ты видела пресс Закари Торстена? — вкрадчиво спросила она, явно лопааясь от любопытства.

Отказавшись комментировать, при каких обстоятельствах мне довелось полюбоваться на Торстена без одежды, я подхватила пару деревянных коробок с гостинцами и сбежала из комнаты. Иначе пришлось бы рассказать про красные трусы, а еще раз пережить чужие красные трусы мне не хватит моральных сил.

В зале для фехтования не толпились поклонницы, но народа оказалось больше, чем я думала. На снарядах для силовых упражнений, стоящих возле отделанных панелями стен, занимались незнакомые парни. На дорожках тренировалось несколько пар. Фехтовальщики были облачены в одинаковые защитные костюмы белого цвета и скрывали лица масками, но я безошибочно узнала Торстена. По росту, телосложению, по манере двигаться, уверенно, но элегантно, хотя впервые увидела его с рапирой в руках.

Стоя на балконе, я следила за его поединком. Клинки встречались, вспыхивали от магии. Загорались и гасли. Закари напал и уходил от атак. Внезапно он сделал резкий выпад. Острие рапиры ужалило противника в корпус. На месте укола на белой ткани защитного костюма вспыхнула алая метка, означающая, что удар принес очко.

Поединок закончился, и парни стянули маски. Торстен убрал с лица черные пряди, вылезшие из перевязанного на затылке хвоста, и пожал противнику протянутую руку. Тот что-то ему шепнул и указал в мою сторону. Закари обернулся. Некоторое время, как два идиота, мы друг друга разглядывали. Было глупо рассчитывать, что он бросится встречать мое величество.

Приступами гордости я не страдала, особенно, если чего-то хотела добиться от человека. Поглядывая под ноги, начала спускаться по ступенькам на тренировочный паркет. Торстен вернул рапиру на стойку, стянул перчатки и, прихлебывая из термоса водичку, внимательно наблюдал за моим приближением.

— Передали из башни Варлок. — Я протянула два деревянных ящичка.

— Что там? — Закари забрал подношение и пристроил на низкую широкую скамью рядом со своими вещами.

— Понятия не имею, но ты поосторожнее. Они седмицу лежали в сундуке.

— Говори, — с прохладцей в голосе предложил Торстен. — Вряд ли ты пришла, чтобы просто отдать подарки из башни Варлок. Что ты хочешь, Марта?

— Ты прав, — согласилась я. — У меня действительно есть к тебе просьба.

— Нет, — сухо бросил он.

— В смысле, нет? — Я почувствовала, как поменялась в лице. — Ты хоть позволь сказать прежде, чем отказывать.

— Я и так знаю, о чем ты пришла поговорить, — резковато вымолвил Закари. — Слышал, что вы с Вэлларом поругались и его отстранили от тренировок. Варлок, я не собираюсь просить за твоего бывшего парня перед ректором. Исключено.

— Чего? — искренне удивилась я оригинальному предположению.

— Если от ревности он не способен держать себя в руках, то это только его проблемы.

Никогда не подозревала в Закари Торстене живое воображение, но — глядите-ка! — проклянулось после тренировки по фехтованию.

— С ума сойти! — С фальшивым восхищением я покачала головой и даже изобразила беззвучные аплодисменты. — Ты

настоящий прорицатель! Как догадался?

— Да о чем тут догадываться? — сердито проворчал он и, склонившись, подхватил со скамьи полотенце.

— Вообще-то, я хотела попросить тебя, как врага с привилегиями, в субботу съездить со мной на ночной рынок.

Закари замер с не донесенным до лица полотенцем.

— Ночной рынок?

— У Эмбер свидание, а мне надо кое-что прикупить.

Пунцовые, словно обветренные губы, тронула улыбка. Ледяной взгляд потеплел.

— Что мне за это будет? — В голосе появились знакомые мягкие интонации.

— Прелесть в том, что тебе за это совершенно ничего не будет! Я даже избавлю тебя от маминых гостинцев и лично выброшу. Что скажешь?

— Нет.

— Ты другие слова знаешь?

У Закари действительно не было ни одной причины, чтобы тащиться через три королевства на шумный рынок, открытый только по ночам, но я почувствовала себя обиженной.

— Проведем поединок? — Он вытащил со стойки рапиру и протянул мне: — Дотронься до меня хотя бы раз и я поеду.

В магических школах учеников заставляли изучать верховую езду, бальные танцы или фехтование. Я выбрала последнее, решив, что тыкать в людей рапирой или шпагой — неплохая идея, но к оружию прилагались силовые тренировки, отвратительные разминки и прочие спортивные пытки. Как вспомню, так вздрогну. С трудом дотянув до выпуска, я получила в диплом честно вымученное «очень плохо» и поблагодарила светлых демонов, что больше не надо бессильно тыкаться носом в пол во время отжиманий.

— Ты обязан мне поддаваться, я не держала рапиру со средней школы, — ворчливо предупредила я, забирая клинок.

— Ты можешь пользоваться светлой магией, — предложил он.

— За светлую магию меня отчислят.

— А мы ничего не расскажем декану, — заговорщицки подмигнул Закари.

Следить за нашим шуточным поединком собрался весь зал. Парни остановили тренировку и заборчиком выстроились с двух сторон от дорожки. Я смотрела на Торстена через маску с мелкой сеткой, шумно дышала и прикидывала, как до него дотронуться.

— Начали! — скомандовал парень, назначенный судьей.

Некоторые знания из головы не выбивались даже со временем. Подчиняясь приказу, я мгновенно встала в начальную стойку, согнула колени и вытянула рапиру. Почему-то раньше она не казалась такой тяжелой.

Торстен дразнил меня: стоял полностью открытый, словно предлагая выбрать место, куда ткнуть острием. Хочешь в грудь, хочешь в плечо. Бог мой, да хоть в шикарный пресс, скрытый защитной формой!

Я сделала первый выпад, и Закари с легкостью отвел удар. Некоторое время, словно желая меня загонять до темноты в глазах, он отбивал каждую жиденькую атаку. В конечном итоге рапиры скрестились и эффектно вспыхнули. Даже через перчатку рукоять кололась агрессивной боевой магией.

Торстен ловко сжал пальцами конец своего горящего клинка, проворно развернулся и острие его оружия, прикрытое колпачком, практически прикоснулось к моей шее. Недолго думая, я уперлась перчаткой в его крепкий торс.

— Проиграл, Торстен, — тихо проговорила ему и по-свойски похлопала его по груди. — Я до тебя дотронулась.

— Ведьма, — хмыкнул он.

— Знаю.

Мы расцепились и стянули маски. Знакомым жестом Закари убрал с лица волосы и кивнул, с трудом пряча улыбку:

— Будьте готовы к семи.

Народ разошелся по залу.

— А если бы я не победила, поехал бы? — полюбопытствовала я.

— Конечно, — невозмутимо отозвался Торстен.

— Тогда какого демона ты заставил меня скакать по залу? У меня сердце стучит в горле!

— Скучно было, — нахально заявил он и отправился в раздевалку.

Понятия не имею, как мне хватило силы воли не огреть его светлым заклятьем, раз никто не заложит декану. Или хотя бы не

швырнуть вдогонку защитный шлем.

На следующее утро наши с Айком портреты появились на доске позора. Академия ушла в глубокий траур, ведь перед выездной турнирной игрой команда осталась без лучшего нападающего. Мы проиграли с разгромным счетом.

Всю субботу Эмбер готовилась к свиданию: обновила синий цвет волос, выбрала платье. К семи часам вечера, когда к нам постучался Закари, мы были полностью готовы к авантюре.

Переместиться на ночной рынок из Деймрана было невозможно. Пришлось отправиться на академическом дилижансе в соседний городок и выстоять длинную очередь в порталные ворота. Эмбер страшно нервничала и постоянно проверяла то карманные часы, то сообщения от светлого Генри в почтовике. Когда мы уже стояли в воротах, она посмотрела на нас с Закари прямым, серьезным взглядом и вдруг объявила:

— Я вообще не помню, как он выглядит.

— Значит, будет свидание вслепую, — хмыкнул Торстен.

Секундой позже портал перекинул нас через три королевства, и каркающий голос за пределами кабинки завопил:

— Торопитесь выйти!

— Местный колорит, — хмыкнул Закари и придержал для нас с Эмбер дверь.

Зал порталной башни походил на гудящий улей. Всем раздавали схемы ночного рынка, напечатанные на желтоватых плотных листах. За проход требовали плату. Закари бросил в прорезь ящика три монеты. По очереди нам поставили метки в виде ключа на тыльную сторону кисти и выпустили на главную площадь ночного рынка. Именно отсюда, из этого сверкающего огнями, кричащего голосами зазывал, наполненного запахами уличной еды перекрестья, в разные стороны разбегались узкие торговые переулки.

— Где вы договорились встретиться? — спросила я у Эмбер.

— На главной площади возле ателье, — ответила она, растерянно оглядываясь вокруг. — Генри сказал, что будет в зеленом шарфе.

Возле двухэтажного здания портняжной мастерской с говорящей вывеской «Нитка и иголка» обнаружили трое молодых мужчин. Они кого-то дожидались и смотрели в разные стороны, чтобы не пялиться друг на друга. Один жевал пирожок, другой что-то прихлебывал из

термоса, последний просто строил независимый и суровый вид. Все трое блондины в зеленых шарфах.

— Какой из них твой? — спросила я у Эмбер.

Та с сомнением присмотрелась к кандидатам в светлые Генри, поморщила нос и призналась:

— Надо бы подойти поближе.

И только она дернулась, как налетела на парня.

— Извините! — хором промычали они, недоверчиво присмотрелись друг к другу и в один голос удивленно воскликнули: — Генри? Эмбер?

— Смотри-ка, нашлись, — хмыкнул Закари мне над макушкой. — Думал, дело безнадежно.

Генри оказался высоким, худым блондином в расстегнутом нараспашку пальто, хотя погода не располагала, и с *темно-красным шарфом* на шее.

Попытка познакомиться, не сходя с места, провалилась. Нас едва не затоптала толпа, да и перекричать зазывал оказалось задачей невыполнимой. Пришлось с честью отступить к стене одной из лавчонок и уже представляться. Естественно, Закари не удержался и, пожимая руку, с иронией протянул:

— Парень, мне нравится твой шарф.

После недолгих обсуждений мы решили пройтись по центральной аллее. Народу здесь было немало, и царила атмосфера праздничной ярмарки. Светились разноцветными магическими огнями окна закусовых и питейных. Из открытых дверей игровых лавчонок неслась музыка. Уличные торговцы с лотками, висящими на шее, за мелкие монетки наливали в крошечные, чуть больше наперстка, рюмочки сладкие настойки. Я бы попробовать не решилась, но народ с удовольствием угощался.

Генри все время болтал и доверчиво делился, что всегда хотел познакомиться с темными, хотя, глядя на нас, никогда не скажешь, что мы из Деймрана. И тут же, указав на таверну, с восторгом рекомендовал местное крепленое вино.

— Ты хорошо здесь ориентируешься, — заметил Закари. — Часто приезжаешь?

— Раз в месяц точно, — охотно поделился чародей. — На выходных в Эсвольде скука смертная.

Внезапно Эмбер толкнула меня локтем в бок и проворчала:

— Слушай, подруга, давайте вы с Торстеном уже свалите по важным делам, а то у меня ощущение, что парни на свидании друг с другом.

— Мы еще не знаем, маньяк твой Генри или нет, — не захотела я оставлять соседку вдвоем с чародеем. Лично мне он казался таким светлым, что вызывал подозрение.

— Я отправлю тебе сообщение, если он окажется маньяком, — похоже, теряя терпение, сцедила соседка и обратилась к парням: — Закари, Марте очень нужно на торговую аллею. Проводишь?

Намек, что телохранителям на свидании вслепую не рады, расслышал даже Торстен. Мы сговорились встретиться через пару часов возле входа в ателье и разошлись в разные стороны. Стоило завернуть в узкий проулок, ведущий к торговой аллее, как Закари все-таки съязвил:

— Твоя соседка решила завести себе чародея?

— Ой, не будь снобом, — поморщилась я. — Лучше скажи, где твоя мать покупала футляр для драконьего амулета.

Над дверью магазинчика, куда меня привел Торстен, не горела яркая вывеска, а окна изнутри закрывали плотные черные портьеры. Дверь оказалась добротной и тяжелой, заговоренной особым заклятьем. Я почувствовала, как оно колосось, когда проходила внутрь. Небольшой торговый зал с дорогими витринами из красного дерева оказался абсолютно пуст. Ни одного покупателя.

Встречал нас пузатенький, невысокий хозяин с крючковатым носом, с лысиной, прикрытой зачесанными поперек макушки редкими прядями, и с цепким взглядом из-под маленьких лекторских очков.

— Молодой господин Торстен, рад вас видеть! — с сильным акцентом жителя срединного королевства проговорил он на родном языке Закари. — Чем могу быть снова полезен?

— На прошлой седмице я покупал у вас футляр для медальона из драконьей кости, — напомнил торговцу Закари, и я почувствовала себя очень странно, словно узнала маленький неловкий секретик, но стыдно за него почему-то было исключительно мне. — Нужен такой же, но поменьше.

— Госпожа Варлок, вы, верно, хотите носить медальон при себе, — с хитрым видом спросил торговец. — Сейчас что-нибудь найдем.

Присаживайтесь, молодые люди.

Он указал на помпезные кожаные кресла с гнутыми резными ножками и скрылся за занавеской в соседнем помещении.

— У меня фамилия на лбу написана? — проворчала я.

— Легко догадаться, кто ты. Все знают, что Торстены с Варлоками помирились, и уверены, что нас с тобой поженят ради родственных связей, — разглядывая портрет хозяина на стене, с отстраненным видом ответил Закари.

— Вообще, мог бы и намекнуть, что сам покупал футляр, — небрежно заметила я.

— По просьбе матушки. — Он бросил насмешливый взгляд. — Можно не испытывать неловкость, Варлок. Выдохни.

— В кои-то веки хотела быть вежливой, но ты разве дашь? — проворчала я и отошла к витрине.

Под стеклом, озаренным изнутри яркими мелкими огоньками, на бархатных подушках лежали украшения. При виде их стоимости сразу отпал вопрос, отчего в лавке не толпились посетители. Ювелирной ценности бижутерия не имела, а стоила, как крыло дракона, пусть и выглядела необычно. Особенно удивило, что всех сережек было по три штуки. Словно одну давали в качестве запасной.

Торговец вернулся и поставил на прилавок завернутую в замшу коробочку.

— Подойдет такой размер? — спросил он и аккуратно развернул сверток.

Плоский футляр квадратной формы идеально подходил по размеру к медальону и легко поместился бы в карман. На крышке сплелись два дракона из перламутра. Я поблагодарила внимательного хозяина за полезный артефакт, попросила отправить счет в башню Варлок и оставила оттиск личной печати на расписке.

— Все-таки, почему сережек по три? — спросила я и указала на витрину.

— Две женские серьги и одна мужская, — пояснил торговец.

— Примеришь? — предложил Закари.

Украшения никогда не вызывали во мне особенного трепета. Как сняла тяжелые драгоценные серьги после дня поминовения, так и забыла надеть что-то другое. Сама от себя не ожидая, я указала на

комплект из трех продолговатых остроконечных листиков из черненого серебра.

Пока застегивала замочки, вспомнилось, как кузина Дарина с умным видом заявила, что мужчины обязаны помогать с украшениями. Невольно я представила, что Торстен ловкими пальцами прикоснется к мочке, случайно заденет чувствительное местечко на шее, и меня позорно бросило в жар. Уши запылали так, словно их выкрутили и хорошенько оттаскали.

— Посмотрите. — Торговец подвинул в мою сторону круглое зеркальце на длинной ножке. — Вам идет.

— Красиво, — согласилась я.

Внезапно в зеркале появилось физиономия Торстена. Волосы были спрятаны за ухо, а в мочке болталась свободная сережка, которую я-то уже записала в запасные. Ему удивительным образом шла и эта дурацкая висюлька в форме листика, добавляющая резковатой внешности хулиганскую прелесть, и лукавый взгляд, и полуулыбка на мягких губах. И в этих одинаковых сережках мы действительно напоминали безрассудно влюбленную парочку подростков.

— Пресс, татуировка, дырка в ухе... — перечислила я. — Что ты еще скрываешь?

Улыбка стала шире и нахальнее.

— Ошибки юности, — промурлыкал Закари. — Как тебе сережки, милая?

— Пока ты не появился в отражении, были прекрасными, *милый*, — последнее слово я фактически сцедила сквозь зубы и, отступив, начала избавляться от серег.

Замочек застопорился.

— Госпожа, это же украшения для парочек, — вкрадчиво улыбнулся торговец, видимо, оценив мой чуток обалдевший вид. — Пока мужчина свое не снимает, вы тоже не сможете расстегнуть застежки.

— Что за шовинистская побрякушка? — возмутилась я и скомандовала Закари: — Торстен, снимай!

— Заставь, — хмыкнул он и, вытащив из внутреннего кармана пальто портмоне, объявил: — Мы их возьмем.

Вообще-то, я вполне могла заставить, но устроить магическую перепалку перед торговцем и расплодить множество странных слухов, было не в наших интересах.

Святые демоны, я подумала «наших»? Какая ирония!

— С каких пор я и ты превратились в «мы»? — спросила у Торстена, выйдя из лавки на торговую аллею.

— С тех пор, как надели украшения для парочек? — Он одарил меня очаровательной улыбкой. — Будешь сегодня моим «мы», милая?

Что сказать? В эту замечательную игру можно играть вдвоем. Хочешь, Зак, изобразить из нас двоих «мы»? Сейчас устроим, но потом не жалуйся.

— Как отказаться, если ты предлагаешь, милый? — елеинным голоском промурлыкала я и немедленно заметила магазинчик с раздвинутыми дверьми, отчего создавалось впечатление, что в торговом зале нет одной стены. — Смотри, какая прелесть!

Пока он пытался оценить масштаб неприятностей, я нацелено направилась к лавчонке. Прелести на открытых полках не обнаружилось, только куча бестолковой дребедени: бесполезные в хозяйстве артефакты, пробуждающие шары и дверные колокольчики, громогласным звоном способные всполошить не только соседей, но и мертвецов на погосте за городской стеной. Стройными рядами, как снадобья в аптекарской лавке, стояли прямоугольные прозрачные флаконы с мелкой нечистью, заткнутые плотными крышками.

Покладистых и полезных духов в бутылки не прятали, исключительно пакостников. В башне Варлок по коридорам носился целый табун одержимых табуреток. Однажды паршивцы напали на отца, тот взбесился и пересажал всех по отдельным емкостям. Как же ругалась мама, когда без нечисти внутри развалились ее ненаглядные антикварные пуфики! Мадам козетку папа трогать побоялся, так эта старушка и жила в каминном зале.

— Дядюшка, что это? — с видом круглой дурочки спросила я у торговца и указала пальцем в сторону полки.

— Домашние помощники, госпожа, — охотно соврал он с елеинной улыбкой прожженного мошенника. — Заинтересовали?

С восторженным видом я обернулась к Торстену.

— Зайка, посмотри, какая прелесть!

Тот подавился на вздохе, видимо, впечатленный идиотским прозвищем. Кстати, если чуток поколдовать и сделать ему длинные уши с острыми кончиками, то действительно потянет на зайку. Этаким обалделый зайка-эльф!

— Давай их купим! — продолжила я. — Мы с тобой уже седмицу вместе. Пора заводить домашних питомцев! Поселим у тебя двух симпатичных домашних духов.

— Зачем же у меня? — прокряхтел он. — Одного тебе, милая, другого мне.

— В общежитии не разрешают заводить домашних питомцев. — Я изобразила сожалеющий вздох. — Буду приезжать к тебе и навещать их. Мы берем, дядюшка!

Я кивнула в сторону прилавка. Торстен одарил меня выразительным взглядом, мол, ты вообще в своем уме, Варлок?

— Господин, порадуйте девушку, — быстро проговорил торговец, чувствуя, что клиент готов взять ноги в руки и припустить по торговой аллее. — Отдам со скидкой. Берете два, платите за одного.

— Смотри, нам даже скидку дадут! — охнула я и бросила острый взгляд на серьгу в ухе Торстена. — Парная домашняя нечисть куда как лучше парных сережек.

У Закари на лице расцвела ленивая улыбка.

— Все для тебя, милая, — протянул он.

Не веря собственному счастью, торговец моментально выхватил с полки две первые попавшиеся под руку бутылочки, вытащил из-под прилавка шкатулку и уложил флаконы на мягкую подложку. В ярком свете магической лампы было видно, как под толстым стеклом яростно билась потревоженная нечисть. Флаконы едва не подпрыгивали.

— Шкатулка в подарок, — объявил торговец, поспешно захлопывая крышку.

— Зайка, заплати, — с невинным видом улыбнулась я Торстену. — И шкатулку возьми.

Он оказался непробиваемым. Спокойно заплатил совершенно неприличную цену за бесплатную нечисть, от которой избавиться сложнее, чем от моли в шкафу с меховыми манто, и подхватил шкатулку под мышку.

Мы выбрались на аллею. Я огляделась. Идти далеко не пришлось: палатка с разноцветными шарфами и вязаными шапками стояла по

соседству.

— Ты замерз?

— Нет.

— Конечно, ты окоченел, — поохала я. — Уши совсем покраснели. Так и сережка примерзнет!

Сначала я нацепила толстый зеленый шарф на себя, потом подхватила второй и кивнула Торстену:

— Давай помогу, зайка.

— А как же личные границы? — хмыкнул он.

— Сузим. Я мечтаю носить парные вещи.

— Серьезно?

— Серьезнее не придумаешь! Только ты нацепил сережку, сразу поняла, что хочу парные шарфы, — с беспечным видом уверила я и, встав на цыпочки, начала наматывать шарф на Торстена. — Тебе нравится зеленый цвет?

Закари не сопротивлялся, но тихо спросил, не сводя смеющегося взгляда с моего сосредоточенного лица:

— Марта, что ты делаешь?

— Неправильно задаешь вопрос, Закари. Не я, а мы. *Мы* изображаем большую любовь. — Я связала длинные концы. — Продолжим или остановимся?

— Ни в коем случае не останавливайся. Я в полном восторге, как ты строишь из себя дурочку, — тихо проговорил он. — Тебе идет.

— Наслаждайся, зайка.

Я похлопала по вязаному узлу, посылая магическую искру. Шарф, как удав, стянул кольца, слегка Торстена придушив. Кашлянув, он засунул палец между удавкой и кадыком, ослабляя давление.

— Не будем снимать! — с фальшиво радостным видом воскликнула я. — Заплати и пойдем дальше...

В кармане пальто вздрогнул почтовик. Пока Торстен расплачивался, изображая щедрого и доброго подкаблучника, готового на все, лишь бы порадовать сумасбродную подругу, я вытащила стеклянный шар.

«Марта, — тихим и напряженным голосом проговорила Эмбер, — мы в таверне напротив гадального салона...»

Переглянувшись с Закари, я встревоженно уточнила:

«Генри тебя обидел?»

«Нет, но кое-кто пытается обидеть нас с Генри».

Пропустить гадальный салон с вычурной вывеской «Истинная правда от живого гримуара» было невозможно. Посетителей в таверне, стоящей напротив, оказалось немало. Возможно, выходя от прорицателя, шокированные предсказаниями люди неслись в ближайшее заведение, чтобы запить «истинную» правду. Не удивлюсь, если гадальный салон и хозяин таверны давным-давно заключили тайный договор делиться клиентами.

В обеденном зале оказалось светло и шумно. За двумя сдвинутыми столами шумела большая компания светлых прохиндеев, в смысле, чародеев. И между ними, этими крикливыми чайками, запивающими смех пивом и заедающими ужином из общих тарелок, как два воробушка были зажаты Эмбер с Генри. Моя чуток озверевшая подруга и совсем опечаленный светлейший чародей.

Подобно черной туче, готовой разразиться громом, молниями и смертельной благодатью, я двинулась в сторону любимой соседки, во всех смыслах притесненной парнями из светлого лагеря.

— Варлок, приятно видеть, как ты злишься не на меня, но постарайся сходу не причинять добро в своем стиле, — тихо попросил Закари. Вообще-то, говорил серьезно, но в глазах плясал смех.

— Ни в коем случае! — на ходу развязывая шарф, кровожадно улыбнулась я. — Буду помнить о манерах и сначала поздороваюсь.

— А вот и вы, — с выразительно-убийственным взглядом прокомментировала Эмбер наше появление.

— А вот и мы, — согласилась я с улыбкой. — Смотрю, а у вас веселье в самом разгаре.

Светлые примолкли и воззрились на нас. Кто-то с интересом, другие с ехидством, а один, лощеный и причесанный на пробор, с таким презрением, что моментально выдал в себе эдакого Закари Торстена эсвольдского разлива. И сразу в моем черном списке перешел в разряд недоумков.

— Ребята, это друзья Эмбер. Марта и Закари. Они тоже... — Генри кашлянул, словно поперхнулся словами, — из Деймрана.

Внезапно я поймала странный взгляд парня, сидящего на углу стола, и изогнула бровь, дескать, мы знакомы? Он опустил голову и смущенно поерзал на стуле, словно деревянное жесткое сиденье вдруг начало припекать филей. Потом и вовсе чуток отодвинулся, пытаюсь

показать, что вообще не в стае крикливых чаек, а так... присел чуток отогреться от промозглого осеннего холода.

Нам пришлось пристроиться в торце стола, практически на проходе. Пальто оба повесили на спинки стульев, но шарф Торстен не снял, так и остался в зеленой удавке, словно вообще не чувствовал царящей вокруг духоты. Шкатулку с нечистью спокойно поставил на стол, без зазрения совести сдвинув соседскую кружку.

— Мы тут рассказывали вашей подруге кое-что о нашем Генри, — громогласно объявил самый захмелевший из чародеев, за что немедленно получил мысленное прозвище «голосистый». — Хороший он парень, наш Генри!

— Чародей только паршивый, — подхватил другой.

— И цвета путает! — захлебнулся смехом третий.

Бедняга Генри помрачнел. На лице Эмбер заходили желваки.

— А сегодня он устроил вечеринку в духе Варлоков! — проорал голосистый, но понимания у приятелей не нашел и принялся пояснять нормальным голосом: — Вы, что ли, не слышали об этом клане? Они там живут все вперемешку: темные и светлые. Сэм, ты же в прошлом году хотел подать прошение на практику!

Сидящий на углу чародей, оказавшийся Сэмом, бросил в мою сторону затравленный взгляд и процедил через губу:

— Варлоки — темный ковен.

— И как? — уронила я. — Подал?

— Ректор не подписал! — посыпались со всех сторон смешки.

Сэм, вероятно, прочувствовал, что пора делать ноги. Пробормотав нечто невразумительное о позднем часе, он вскочил со стула, бросил между тарелок несколько мелких монет и дернул на выход.

— Хорошего вам вечера, Марта... — пробормотал он, протискиваясь рядом со мной.

Его проводили озадаченным молчанием. Бедняга так торопился, что едва не налетел на подавальщика.

В общем, одна чайка покинула место гнездования, но свободнее за столом все равно не стало. Стая продолжила галдеть. Только главный баклан (он же копия Торстена в костюме недоумка) сохранял молчание и излучал высокомерие.

— Деймран, а что же вы ничего не заказываете? Сидите как бедные родственники, — спросил у нас голосистый, сгребая чужие

монеты в карман штанов, и жестом подозвал подавальщика. — Не стесняйтесь. Генри сегодня угощает.

Эмбер скрипнула зубами и сердито прихлебнула из бокала вино. Бедняга Генри только слабо улыбнулся и махнул рукой. Ключ, отпечатанный на тыльной стороне кисти, горел золотистым светом. Пока клиент не закроет весь счет до последнего медяка, в порталную башню его не пустят.

— Я не настолько беден, чтобы не платить за свою выпивку, — высокомерно отказался Торстен от щедрости за чужой счет.

Компания проглотила откровенный выпад и замерла.

— И мы... — Голосистый снова закрутил головой, пытаясь найти поддержку у братьев, но сегодня братья по магии поддержку забыли в Эсвольде. — И мы не настолько... Но Генри ведь всегда угощает. Так-то я тоже могу заплатить...

— Чудесно. — Я мягко улыбнулась и кивнула подавальщику, указав на голосистого. — Сегодня за ужин платит вон тот молодой человек.

— Конечно, — коротко улыбнулся слуга и бросил на новоявленного должника острый взгляд.

На тыльной стороне кисти у чародея загорелся отгиск ключа, а у Генри сию секунду погас.

— В смысле? — Должник предпринял безуспешную попытку оттереть символ ладонью. — А как же Генри?

— Гуляет за твой счет, — через смех объявили ему.

Пока один сокрушался, а остальные насмехались, Закари тихо спросил, что заказать мне, и дал распоряжения подавальщику. Слуга отошел, а на руке Торстена вспыхнула метка ночного рынка. Впрочем, расплатился он немедленно, едва принесли еду. Только нормально подкрепиться нам не позволили.

— Деймран, — вдруг подал голос тот самый лощеный недоумок с волосами на косо́й пробор, — говорят, что темные не колдуют бесплатно, а заключают сделки.

— Хочешь заключить сделку? — лениво протянул Закари, откидываясь на спинку стула и пряча насмешливый взгляд под ресницами.

— Да, — вдруг отозвался противник. — Всегда было любопытно.

Народ за столом примолк. Эмбер не выдержала: прыснула в кулак, но тут же запила предательский смешок глоточком вина. С трудом подавив издевательскую улыбку, я скрестила руки на груди и с интересом начала наблюдать за действительно стоящим развлечением. Признаться, было любопытно посмотреть, как заключает сделки Закари Торстен.

— Предлагай, светлый.

— Прокляни Генри. — Он бросил издевательский взгляд на однокурсника.

Генри побледнел и выпрямился на стуле. Даже неловко, что я записала в маньяки безотказного и мягкого парня, которого взяли в популярную, должно быть, в Эсвольде компанию в качестве мальчика для битья. И он им еще приплачивал!

— Только попробуй! — взвилась Эмбер. — Клянусь, я тебя не пущу на порог нашей комнаты!

Я едва заметно покачала головой, давая понять, что не стоит поднимать бурю в стакане. Буркнув под нос нечто неразборчивое, соседка сдалась. Хотя по насупленной мине дурак бы догадался, что хотела сказать много всякого. Громко и, наверное, с бранью.

— Чем тебе не угодил Генри, светлый? — спокойно спросил Закари, словно действительно раздумывал, хочет ли заключить сделку с недоумком, хотя, абсолютно уверена, принял решение сразу.

— Генри сидит в нашей компании, но сегодня не платит. Уравняем везение, — хмыкнул тот.

— Ладно, — согласился Торстен и с видимым безразличием аккуратно снял с рукава воображаемую ворсинку. — Что ты готов предложить темной магии за желание?

— Отдам душу своего первенца, — с усмешкой предложил светлый.

Закари одарил парня снисходительным взглядом и выставил такие условия, под которыми не подпишется ни один здравомыслящий чародей:

— Пока я не отменю сделку, проклятье, которые ты создашь, будет бить другого человека с двойной силой. Идет?

Внезапно я поняла, какая напасть настигнет компанию...

— Идет, — хмыкнул он, здравомыслием явно не страдающий.

— Да будет так. — Закари щелкнул пальцами, выбивая в воздух плотный черный дым.

Генри икнул и испуганно прикрыл рот ладонью.

— Запей, солнце, — с сочувствием предложила Эмбер, протянув ему бокал с вином.

«Солнце» отпрянул от нее с таким ужасом, словно ему предложили яда, и снова икнул. Компания злорадно захохотала. Тяжело вздохнув, Эмбер прихлебнула вина сама, видимо, прощалась с идеей завести настоящий роман со светлым магом.

— Эй, Генри! — давясь смехом, воскликнул парень рядом с ним. — Решил подружиться с ведьмаками? Им на тебя даже нормального проклятья жалко!

Он хлопнул беднягу по плечу. Мгновение... и сам громко икнул, содрогнувшись всем телом. Заклятье, созданное по желанию светлого мага, передалось в двойном размере.

— Какого... демона?! — через рваный вздох воскликнул он и навалился на голосистого.

Голосистый икнул так, словно из него хотела вылететь душа. С изумленным видом схватился за кружку с пивом, надеясь запить позорную икоту, но от очередного толчка в груди рука дрогнула. Хмельное пойло расплескалось по столу.

— Прости, Вейдан, — пробормотал исцелившийся и отодвинулся подальше от икающего здоровяка. И еще немножко отодвинулся.

Нелепое закливание икотой передавалось прикосновением. Ходило от одного человека к другому, туда и обратно, пока не случалась большая заварушка. В общем-то, проклятье не в икоте, а в том, что в конце виноватым назначали именно первую жертву. К ней, в отличие от других, напасть не возвращалась...

Я смотрела и старательно сдерживала ухмылку. Не зря у темных есть поговорка: хорошо смеется тот, кто проклинает последним. И светлые больше не смеялись. Вейдан попытался дотянуться до другого приятеля и перекинуть проклятье, перед которым оказался полностью безоружным. Верный друг отшатнулся, словно его хотел коснуться прокаженный.

— Убери клешни, кретин!

Толкнув стол, оба вскочили на ноги. Вейдан не терял надежды обняться с соседом.

Посетители таверны крутили головами, чувствуя, что начинается задорный мордобой. От царящего безобразия Генри забрал из рук Эмбер бокал с вином, опрокинул в себя и немножко на свитер.

— Сядьте! — приказал приятелям лощеный недоумок.

— Не могу... — простонал Вейден, схватился за край стола и, прикрыв глаза, на выдохе выпалил: — Ральф, просто отмените сделку, или я за себя не отвечаю!

— Темный, отмени! — требовательно бросил недоумок с гневными пятнами на породистом лице. — Ты же понимаешь, что вся таверна окажется проклятой?

— А вот теперь, мы подошли к самому интересному. — Зрачки Закари стали вертикальными, а взгляд острым, как бритва. — Что ты можешь мне предложить, светлый чародей?

— Не носи чушь! Просто отмени идиотскую сделку, — процедил Ральф сквозь зубы. — Пошутили уже!

— Заставь, — выдал любимое Торстен.

И было очевидно, что заставить ведьмака простым приказом невозможно. Можно попробовать силой, но точно замучает отдача.

— Деньги! — выплюнул светлый.

— Банально.

— Услуга.

— Скучно, — поморщился Закари.

— Да что тебе надо?! — окончательно вызверился Ральф.

— Светлой благодати? — хмыкнул он и обвел тяжелым взглядом притихших светлых, до которых, кажется, начинало доходить, что Сэм-то удачно сбежал из таверны. — Ни ты, ни твои приятели, ни приятели твоих приятелей никогда, ни при каких обстоятельствах ни словам, ни делом не тронут нашего доброго друга светлого Генри. Что еще, Марта?

Торстен повернулся ко мне.

— Ну раз мы о светлой благодати, то пусть извинятся, — потребовала я. — Не выношу, когда кто-то унижает симпатичных мне людей.

— Прекрасно, — согласно кивнул Закари. — Еще извинитесь искренне и от всей души.

Голосистого Вейдана практически выворачивало наизнанку. Он старался не ославиться, из последних сил задерживал дыхание, но все

равно мучительно икал.

— Согласен, Ральф? — с нажимом спросил Закари.

— Да, — каркнул тот.

— Да будет так.

Громкий щелчок пальцами. В воздухе завился черный дымок. Проклятье растаяло. У Вейдена подогнулись колени. Со стоном он бессильно рухнул на стул и едва не стек на пол.

— Кто-то еще хочет темной магии? — с самым любезным видом поинтересовался Закари, словно действительно жаждал причинить светлым добра по заветам Марты Варлок.

Народ явно наелся темной магией до самого горла.

— Мы уходим. — Ральф встал из-за стола и коротко кивнул Генри: — Ты с нами?

Тот сначала замялся, но набрал в грудь побольше воздуха и отважно заявил:

— Я останусь со своей девушкой!

Браво, Генри! Ты на глазах взрослеешь.

Ральф рванул куртку со спинки стула, зацепился рукавом, дернул еще разок и едва не рыкнул от раздражения. В общем, смазал отступление от вражеских стен и, не оборачиваясь, ринулся к выходу. Компания потянулась следом за предводителем.

— Эй, куда вы? — кое-как приняв вертикальное положение, воскликнул Вейден. — Я же заплатить должен. У меня же денег нет!

Но ни один светлый не выказал желание разделить оплату.

— Генри, заплати в этот раз, приятель! — предпринял он отчаянную попытку спихнуть долг.

— Сегодня все пили за твой счет, — с вежливой улыбкой напомнил Генри и желчно добавил: — Приятель.

— Просто займи мне! При случае отдам, — попытался торговаться голосистый.

— При случае займу, — согласился он. — Как только вернешь предыдущие долги.

Команда эсвольдцев вытекала на улицу слаженно и проворно, словно прежде тренировалась уходить из заведений, не заплатив ни медяка.

— Парни! — раненной чайкой крикнул Вейден. — Парни, стойте! Давайте скинемся!

Очевидно, что свидание у Эмбер и Генри с треском провалилось. Сидеть за разоренным столом, заставленным пустыми кувшинами из-под пива и неряшливыми мисками с едой, никому не хотелось. Мы поднялись из-за стола.

— А вы-то куда? — воскликнул Вейден.

— Молодые люди, все в порядке? — подоспел к нам подавальщик. — Готовы расплатиться?

— Да, наш друг оплатит счет, — с мстительным удовольствием ответила Эмбер и ловко облачилась в подставленное Генри пальто.

— Господин, у вас ведь можно оформить ужин в кредит? — нашелся Вейден и полез в карман за мелочовкой. — Я сделаю первый взнос.

Как он выкрутился, узнать не удалось — мы вышли из таверны. Огни на аллее горели ярче, народу заметно прибавилось. Как всегда, к полуночи ночной рынок окончательно стряхивал дрему и оживал.

— Зачем вы купили эту безвкусную гадость? — поинтересовалась Эмбер, когда я попросила засунуть шкатулку с рассажеными по баночкам духами в ее объемную сумку.

— Мы купили нечисть, — пояснила я.

— Вы рехнулись? Мало нечисти в родовых замках, надо собственную, что ли?

— Марта очень хотела завести домашних питомцев, — не без ехидства пояснил Торстен.

— Ты хочешь, чтобы нас переселили из комнаты в пристройку? — возмутилась подруга.

— У Закари дома, — уточнила я.

— Угу... — протянула она и посмотрела на нас с откровенной жалостью, как на храмовых юродивых. — Парные шарфы, парные украшения, совместно нажитая нечисть. Ребята, вы действительно решили пожениться?

— Эмбер, а хочешь, мы тоже купим парные... — начал было Генри, но вдруг оборвался и чуток поменялся в лице.

— Что случилось, солнце? — всполошилось подруга.

Оскорбленный Эсвольд подждал нас возле таверны. Я искренне считала, что компания на полпути к замку, куда ведьмакам вход заказан, и ни один Закари Торстен не сможет продемонстрировать высший класс в искусстве заключать сделки с недоумками, но парни

заступили нам дорогу. Как шайка хулиганов, а не студентов лучшей, между прочим, светлой академии в семи королевствах. Судя по мрачным физиономиям, они не планировали всей толпой извиняться перед Генри, а надумали устроить драку.

— Эй, Деймран, поговорим? — вымолвил Ральф, высокомерным видом напрашиваясь на светлую благодать и темные щедроты.

— Давай не сейчас, приятель, — бросил Закари, проходя мимо.

Чародей резко выставил руку и припечатал ладонь к плечу Торстена. Из-под светящихся магией пальцев по пальто поползла льдистая паутинка. Чары растянулись по рукаву, добрались до ворота, грозясь перекинуться к горлу, и сковали верхние пуговицы.

— Сейчас, ведьмак.

Лицо Закари окаменело. Зрачки резко сузились и стали вертикальными. Он выразительно посмотрел на руку Ральфа, нарочито медленно превращающего одежду в замороженный панцирь, и просто ее сбросил. Намек, что парень из Эсвольда был недостоин темной магии, разобрал бы дурак. На замороженной ткани начали проявляться черные влажные кляксы.

— Эсвольд, у меня правило не принимать вызов от противника слабее, — тихо проговорил Закари. — Просто отойти с дороги.

Казалось, от сгустившегося напряжения закипал воздух.

— Заставь, — неосторожно вернул он слова Закари, брошенные в таверне.

— Ладно.

Неожиданно приняв приглашение, без особых сантиментов Торстен схватил выскочку за горло, и вокруг разлетелись клоки черного дыма. От схватки меня отвлекли: волосы вдруг взлохматило потоком теплого воздуха. Я инстинктивно развернулась, готовая оттолкнуть чары... Генри лихо закрыл нас с Эмбер спиной и расставил руки. В общем, решил принять удар!

Перед самым его носом заклятье отпружинило и вернулось к создателю. Хрюкнув, противник опрокинулся на спину. В воздухе только мелькнули ноги, и слетел ботинок, оголив ярко-желтый носок. Все по условиям сделки с Закари Торстеном: никто из компании не мог причинить вред Генри.

— Ой! — емко прокомментировал он.

За спиной Торстен что-то вдавливал Ральфу. Возможно, вдавливал в него разум, но услышать не удалось. В ушах зазвенело от близкого заклятья. Я честно пыталась не зверствовать, но сорвалась. Мощной волной откинула двух чародеев к торговой лавке. Они с грохотом влетели в стену, прилипли спинами к каменной кладке. На пальцах моей вытянутой руки трещали магические искры. Парни, еще не успевшие прилечь на брусчатку, испуганно переглядывались.

— Отпусти их, — прозвучал тихий голос Торстена.

— Да достали недоумки, — сдарила я.

— Знаю, но отпусти.

Вообще-то, погасить магию меня заставил вовсе не Закари, а резкий свисток стражей. Вернув подвижность, с надрывным кашлем парни согнулись пополам. Ральф трепетно обнимал фонарный столб, пытаясь удержать равновесие и не растянуться штaketиной. А на нас в темпе бодрого драконьего вальса неслась охрана ночного рынка.

— Генри, вы в переулочек, — скомандовал Закари и схватил меня за руку. — Встретимся перед порталной башней. Варлок, бежим!

Понятия не имею, почему я рванула с места. Неслась по аллее, крепко держась за Торстена, и не понимала, какого демона улепетываю, не чуя под собой ног.

— Зак, мы должны остановиться, — начиная задыхаться, потребовала я. — Мы выглядим нелепо...

— Мы не удираем, — бросил он, заставляя меня прибавить ходу, — а спасаем репутацию наших семей благородным бегством!

Спасаться от стражей было незрело, смешно, глупо, но демонски весело. Давясь от хохота, неповоротливой змейкой мы петляли между прохожими. Закари едва не налетел на стойку с сувенирами.

— Простите, господин! — крикнул торговцу, махнув рукой.

В спину неслись свистки. Стражи упорно пытались нас настигнуть. В боку кололо, второе дыхание уже закончилось, третье отказывалось открываться, и завтрашний день грозил ломотой во всем теле. А эти упорные люди никак не сдавались!

— Сюда! — Торстен буквально запихнул меня в темный проулок.

Мы уткнулись в тупик. Пришлось затаиться. Дыхание перехватывало. В просвете мимо проскочил один из взмыленных стражей.

— Быстро целуй меня! Они нас не узнают, — пробормотала я, нервно следя за тем, как по аллее идут ничего не подозревающие люди.

Торстен нависал надо мной и не предпринимал попыток изобразить жаркие лобзания.

— Ты чего замер? — Я посмотрела ему в лицо.

— Раз, — вдруг уронил он.

Не поняла, что за приступ арифметики? Внезапно вспомнилось, как, стоя на академическом кладбище несколько дней назад, он торжественно обещал поцеловать меня только после третьей просьбы. Нашел время для личных границ и принципов!

— Ты издеваешься?

Решительно дернув его за шарф, я заставила Закари упереться рукой в каменную кладку возле моей головы и прижалась губами к его сомкнутым губам. Вышло неловко во всех отношениях. Я-то, как дура, закрыла глаза, а он и не думал принимать участие в процессе. Теплые губы оставались расслабленными, но неотзывчивыми.

— Где они? — раздалось совсем рядом.

Закари резко придвинулся, изобразив страстные объятия. Рот слегка приоткрылся. Вряд ли это было приглашением, но я лизнула его губы и, слегка устыдившись, попыталась отстраниться. Знаете, женский провал проще пережить, не облизывая мужчину...

Рука, только-только упиравшаяся в стену, легла на мой затылок. Зак шевельнул губами, изображая поцелуй. Без языка и всякого такого эротичного. Но даже отлегло, а то почти заработала комплекс.

— Ох, ты ж! Нашли место для разврата, — заглянул к нам страж и тут же убрался на аллею.

Я оторвалась от Торстена и посмотрела в просвет:

— Они ушли?

— Ага.

Внезапно, он сжал пальцами мой подбородок и заставил повернуть голову.

— Что? — не поняла я.

Не спросив разрешения, Закари приник своими губами к моим. Я не успела осознать, что мы уже целуемся по-настоящему, как его язык оказался у меня во рту. И здравый смысл вышел из проулка, а потом покинул планету. Ведь не нашлось ни одной стоящей причины, почему

нам следовало остановиться, даже если ночной рынок не самое подходящее место для горячих поцелуев.

Губы Закари не были ни мягкими, ни нежными. И он не деликатничал: действовал уверенно и напористо, как делал все в своей жизни. Когда наши языки встретились, у меня из груди вырвался тихий стон. Я встала на цыпочки, обняла его за шею, чтобы уж без остатка насладиться умелым поцелуем. Зак Торстен знал толк в том, как сделать девушке хорошо, заставить задыхаться и потом ни о чем не жалеть.

ГЛАВА 10. Враги с привилегиями

На прошлых выходных за нелепый чмок на берегу речушки у башни Варлок я очень хотела заморозить Заку губы. Хорошо, что не поддалась соблазну! Ровно через седмицу я со вкусом обжималась с ним на ночном рынке, не испытывая ровным счетом никаких душевных противоречий. Целовался опытный Закари Торстен роскошно! Не придерешься.

Подойдя к тонкой грани, когда поцелуй переходит сначала в легкий разврат, а потом — в откровенный, мы остановились и разомкнули губы. Я прижалась лбом к крепкому плечу Зака и, постепенно возвращая осознанность, хрипловато спросила:

— Зачем ты меня поцеловал?

— Ты отменила личные границы. Я был обязан воспользоваться, — пошутил он, не выпуская меня из объятий. — Почему ты ответила?

— Ты хорошо целуешься.

Неоспоримое и твердое доказательство, что привилегия целоваться с идейным врагом понравилась не только мне, прижималось к моему животу. Но странно удивляться естественной реакции мужского тела на горяченькое непотребство. Мы просто в дивном молчании подождали чуток, когда оба окажемся готовы явить себя миру, поправили одежду и с загадочным видом вышли к людям.

Эмбер с Генри поджидали нас под окнами ателье.

— У тебя почтовый шар не взорвался от моих сообщений? — возмущенно воскликнула подруга, бросившись к нам наперерез людскому потоку. — Почему не отвечаешь?

Вообще-то, нам, мягко говоря, было не до общения с внешним миром.

— Не слышала, — честно призналась я и, нащупав почтовик в кармане, вытащила на свет. Оказалось, что от переизбытка голосовых посланий внутри стеклянной сферы клубились яростные завихрения черного дыма. Удивительно, как не трещали молнии.

— Эсвольд сидит в участке, — пояснила подруга. — Мы уже подумали, что вас тоже поймали.

— Вы же не хотели сдать за компанию? — с подозрением сощурилась я.

Парочка переглянулись и замялась.

— Мы вообще зря побежали, — призналась Эмбер. — Одни стражи погнались за вами, другие занимались Эсвольдом, а на нас с Генри никто не обратил внимания. Зато ваши питомцы обрели дом.

— Ты их где-то выпустила? — уточнила я.

— Не то чтобы выпустила... — Соседка вытянула губы трубочкой и призналась: — Просто споткнулась и выронила шкатулку из сумки. Теперь они живут в переулке между магазинами. Вы счастливы?

— Но, если вы несчастны, мы можем поймать их и посадить в другие бутылки... — заикнулся Генри.

— Солнце, что упало, то пропало, — перебила его Эмбер, видимо, опасавшаяся, что в одно ужасное утро проснется во внезапно ожившей и вставшей на дыбы кровати.

— Они обязательно к кому-нибудь прибьются, — принялся уговаривать нас Генри, хотя нам с Торстеном было вообще наплевать.

— Мы в это искренне верим, — не сдержав иронии, согласился Зак.

Уверена, он тихо радовался, что запросто избавился от купленной нечисти, способной превратить любой дом в театр теней на гастролях. Только злостные пакостники не разыгрывали мелодрамы, сворованные из глубин сознания, а незамысловато отравляли существование хозяев или вселялись в мебель, которая после отселения непременно превращалась в горку дощечек.

Дразнить удачу мы не стали и сразу отправились в порталную башню. Подруга наскоро попрощалась с Генри. Стоя в кабинке между мной и Закари, она мечтательно вздохнула:

— Хорошее приключение.

— Хочешь повторить? — хмыкнул Торстен.

— Но повторять не тянет, — вздохнула она.

— А я не против, — отозвался он и украдкой провел пальцем мне по тыльной стороне кисти, как раз в том месте, где остался бледнеющий след от ключика-печати ночного рынка. По руке побежали мурашки, и я с трудом подавила улыбку.

До Деймрана мы добрались под утро. Зато не пришлось ни подкупать привратника, чтобы пропустил на территорию академии, ни

скандалить со старушкой-комендантшей, ни карабкаться в комнату по пресловутой пожарной лестнице (по дороге придумали этот нелепый запасной план). Двери общежития оказались открыты. Холл был безлюден и пуст. В гулкой тишине эхом разносились каждый шаг, шорох и возглас.

— Увидимся, Зак, — попрощалась я, не в силах отвести взгляда от его губ.

— Спокойной ночи, Марта, — пожелал он.

И на двое суток исчез с горизонта, а мне не пришло в голову ни одной вменяемой причины, чтобы написать ему первой. Да и странная мысль, что я *действительно* пытаюсь найти повод и отправить сообщение Закари Торстену, вызывала искреннее возмущение.

В первый учебный день я появилась на лекции по темным искусствам с висящим на шее драконьим амулетом и хотела рассказать Торстену, что декан Мэдлей оценил. На самом деле придиричивый ведьмак вообще не обратил внимание на мои благородные усилия быть паинькой, но с огоньком отчитал за опоздание.

Во вторник причина нашлась. Перед занятиями внезапно написала Люция Торстен. Услышать в почтовике ее голос оказалось таким потрясением, что я едва не выронила шар. Она попросила передать любимому, но неблагодарному сыну немедленно с ней связаться. Или сидеть до конца дней своих в той дыре, куда он спрятался от переживающей матери.

«Спасибо, Марта, — резко сменив тон, ласково поблагодарила она. — Надеюсь, у тебя все хорошо».

Повезло, что Эмбер отправилась в купальню и не видела моей довольной улыбки черной ведьмы, сотворившей удачное проклятье, иначе закидала бы неловкими вопросами. Знаете, я как раз стояла напротив зеркала, когда слушала послание Люции, видела свое отражение, и эта странная улыбка даже у меня вызвала вопросы. Отвечать на них не возникало ровным счетом никакого желания. В отличие от Закари, я-то не испытывала потребности быть честной с собой и миром.

«Зак, ты где? Люция тебя потеряла и скоро приедет в Деймран разыскивать», — с полным правом отправила ему голосовое послание.

Ответа не последовало. Никакого. Торстен меня проигнорировал. В общем, взбесил неимоверно!

— Что случилось? — охнула Эмбер, вернувшись из купальни и обнаружив, что я безжалостно дергаю спутанные лохмы расческой.

— Торстен куда-то провалился.

— А волосы в чем виноваты? — не поняла она.

— Бесят!

После занятия по демонологии я приперла к стенке Бранча со Стоуном. Вернее, приперла-то первого, а второй прижался за компанию — парочка внезапно превратилась в рыбок-неразлучников. В какой комнате единолично проживает Торстен, они сдали тут же, даже не пришлось устраивать допрос с пристрастием.

В итоге я просто постучалась в запертую дверь. Не лбом, а кулаком. Громко и требовательно. Лбом тоже захотелось постучаться, когда я поймала себя на мысли, что начинаю за Закари беспокоиться. Совсем чуть-чуть, самую малость... Хоть комнату вскрывай и проверяй!

Я как раз делала вторую попытку взять дверь штурмом, когда в сумке басовито загудел и вздрогнул почтовик.

— Шепотом, — приказала шару, хотя в пустом общежитском коридоре, кроме меня, не было ни души.

Голос Закари звучал простуженно и глухо:

«Варлок, светлый паршивец с ночного рынка меня чем-то заклял. Надо пару дней отлежаться. Не говори матери, я сам ей напишу».

«Ты помираешь в апартаментах?» — спросила я, уже стремительной походкой направляясь к лестнице.

«Эй, Марта, не вздумай приезжать! Не хватало еще, чтобы на тебя перекинулось», — велел он.

Топографическим кретинизмом я никогда не страдала и, переместившись из академии в столицу, быстро нашла нужный дом, хотя побывала в логове Торстена всего один раз. Закари открыл не сразу. Он стоял в знакомых домашних штанах и в тонкой нижней сорочке с открытым воротом. Босой, растрепанный и бледный, как умертвие. Лицо украшали характерные волдыри.

— Зря, — устало прокомментировал он мое появление вместо приветствий.

— Знаю, — легко согласилась с ним. — Считаю мое появление главной привилегией лучших врагов.

Бесцеремонно подвинув Торстена в дверях, я вошла, с деловитым видом сжала его подбородок и заставила повернуть голову к свету. Зак мало что выглядел паршиво, еще горел.

— Какие прогнозы, госпожа светлая чародейка? — слабенко пошутил он, позволяя разглядывать свою зеленоватую физиономию.

— У меня две новости, — отпустив его, заявила я.

— Начинай с хорошей.

— Обе хорошие, — уверила я.

— Жить буду?

— Так же хорошо, как и раньше, но не в ближайшие дни, — заключила я. — Заклятье ни при чем. Похоже, в детстве ты не болел ветрянкой.

— Чем? — поморщился он и глухо кашлянул в кулак.

— Ветряной оспой. Думаю, на день поминовения подхватил от моего племянника. Помнишь малыша Ро? Он ходил в бриллиантовой зелени. Мне кажется, странный детский недуг — привет от предков Варлоков.

— Если болезнь детская, почему меня ломает, как от светлого заклатья твоих предков?

— У тебя лихорадка, — пояснила я. — Обычно взрослые плохо переносят ветрянку.

— А реально хорошая новость есть? — проворчал он.

— Дети болеют долго, но у них нет магии. В тебе дар уже успел пробудиться, милый, поэтому дня через три отпустит. Выйдешь в мир краше прежнего.

— Кхм, — задумчиво протянул Торстен и попытался потереть подбородок.

— Не чеши! — Я хлопнула его руке. — Иначе следы останутся. И выйдешь не краше, а как получится!

— Откуда ты столько знаешь об этом гадости?

— Ты не один счастливчик, — призналась я. — В замке нашлась еще парочка таких же удачливых парней. Ложись в постель и дай мне ключи.

— Зачем? — недоверчиво уточнил он, глядя на мою протянутую ладонь.

— Дубликаты сделаю и буду заваливаться к тебе в неподходящее время! — пообещала я. — Заодно в аптекарскую лавку схожу. Ты же не

пытался лечиться средством от похмелья?

— Оно помогает от жара? — заинтересовался он.

— Нет, но средство просроченное, так что галлюцинации будут дивными.

— Я не настолько отчаялся, — невесело пошутил он и попытался почесать шею, но тут же получил очередной звонкий шлепок по пальцам. — Святые демоны! Марта, почему у тебя такая тяжелая рука? И почему так чешется?

— Добро пожаловать в чудный мир детских болячек, Зак. — Я посмотрела на него с сочувствием. — Ты правда ложись. Надо принять порошки, иначе лихорадка станет хуже.

Связка ключей нашлась на полочке возле двери. Они лежали в деревянной коробке с порталными амулетами из заведений, ради престижа содержащих собственные ворота-кабинки.

— Кстати, а где здесь аптекарская лавка? — уточнила я у Зака.

— Я похож на человека, который знает, где находится аптекарская лавка? — с внезапным высокомерием уточнил он и очень обиженно кашлянул в кулак.

— Ты вообще или именно сейчас?

— Понятия не имею, где она, — буркнул Торстен с таким видом, словно говорил: «Просто дай мне тихо помереть, женщина! А перед смертью хорошенько почесаться».

Видимо, в модном квартале болеть было непринято. Никто ровным счетом не знал, где найти аптеку. Один прохожий даже указал на питейную, дескать, там продают отменный эль, правда, не имеющий никакой лечебной нагрузки. Повезло поймать старушку в экстравагантной шляпке с вороньим пером и крупным цветком-брошью с клыкастой сердцевинкой, пришпиленным прямехонько на пальто. Леди-то и послала меня на край света, в смысле, в конец улицы.

Лавка встречала покупателей вывеской со змеей, накрученной на склянку, переливчатым колокольчиком и высоким прилавком. Худосочный аптекарь с жиденькой седой бородкой выстрелил внимательным взглядом, словно пытался определить недуг по степени растрепанности, и немедленно спросил:

— Средство от похмелья? Или от мигрени?

Ну не настолько я плохо выгляжу, право слово.

— От ветряной оспы.

— Неужели? — Аптекарь вдруг страшно обрадовался, словно в его лавке, кроме средства от похмелья, вообще ничего не покупали, а тут удача сама пришла в руки. — Госпожа, сколько лет ребеночку?

— Двадцать три, — со смешком ответила я. — У него уже началась лихорадка.

На прилавок была выложена пирамида из завернутых в бумагу порционных порошков от жара, флакон общеукрепляющего витаминного средства и бутылка с бриллиантовой зеленью. Судя по размеру склянки, этой зеленкой можно было обмазать Торстена ровным слоем от макушки до пяток.

Вдруг вспомнилось, как малыш Ро с важным видом рассекал по замку, покрашенный в жизнерадостный зеленый горошек, и стало ясно, что Торстен не позволит к себе приблизиться с зеленкой ни за какие уговоры. Его даже подкупить не получится! Будет отползать на кровати и отбиваться темными заклятьями.

— А есть что-то вместо бриллиантовой зелени? — осторожно уточнила я. — Что-нибудь не такое... яркое.

— Травяная мазь, лично мной изготовленная! — Аптекарь вытащил из-под прилавка объемную жестяную банку, отвинтил крышку и продемонстрировал мутно-белую субстанцию, подозрительно пахнущую сельдереем. — Тоже снимает зуд.

— Торстен меня проклянет, — на выдохе предрекла я и оплатила все снадобья с мазью и бутылкой бриллиантовой зелени.

Аптекарь дал строгий наказ сначала больного накормить, а потом травить, в смысле, лечить. И непременно развести порошки водой! Как знал, что Торстену грозило получить снадобья в первоизданном виде. Засыпала бы в открытый рот и заставила жевать.

На обратной дороге вместо таверны с готовой едой, я зашла в продуктовую лавку. В тот момент во мне отчего-то проснулось убеждение, что с овсяной кашей справится любой дурак. Не королевский же обед из трех блюд. В общем, благими намерениями самоуверенных кухарок выстлана прямая дорога к предкам Варлокам и основательнице ковена грозной Агате...

В апартаментах царила такая тишина, что становилось не по себе. Комната утопала в скорых вечерних сумерках. Зак лежал в кровати, накрывшись одеялом, но просипел из своего гнезда:

— Вернулась?

— Ты как? — осторожно спросила у него.

— Как в аду, — сердито пробормотал он, словно злясь, что попал в идиотское положение, вынужден валяться в кровати и перебарывать не только желание удавиться, но и потребность поелозить по простыне спиной, чтобы хорошенько почесаться.

Пробудив лампы, я сгрузила бумажные пакеты на кухонный прилавок, скинула пальто и начала хозяйничать в доме бывшего врага. Сначала отправила Эмбер сообщение и попросила поделиться секретным знанием, как сварить съедобную овсянку, чтобы потом выжили все, а не только тараканы, но дожидаться ответа не стала. Решила, что от одного раза без каши жаропонижающее точно хуже не сделает, и развела порошок в стакане. Намочила салфетку для холодного компресса на лоб и решительно направилась в спальню оказывать больному посильную помощь.

— Зак, — я потрепала его по плечу, — надо выпить снадобье.

Думала, он начнет ворчать, но Торстен проявил сознательность: приподнялся на локте и послушно забрал стакан. Собственно, на этом желание сотрудничать у него закончилось. Он принялся к снадобью с такой подозрительностью, словно на запах пытался оценить степень ядовитости.

— Ты чего в нем пытаешься унюхать? — возмутилась я.

— Я требую положенные двадцать минут, — заявил, в смысле, прокряхтел он.

— Чего?

— Принцип двадцати минут, — напомнил Торстен и самым нахальным образом протянул мне стакан. — Сначала ты.

— Ты обалдел? — опешила я. — Пей, пока тебе делают хорошо без насилия!

— Могу я написать завещание? — скорбно уточнил он.

— Залпом!

— Но я буду приходить тебе в кошмарах, — поклялся Закари и, затаив дыхание, опрокинул в себя жаропонижающее.

И так его перекосило!.. Клянусь, чуть сама не написала завещание.

Он прижал ко рту ладонь. Зрачки вдруг вытянулись и стали вертикальными, но в глазах вместо злости появилась вся предсмертная

печаль ведьмовского народа.

— Зак, что случилось? — сжав в кулачках мокрую салфетку, встревоженно выдохнула я.

— Какого демона оно такое горькое?! — рявкнул он внезапно прорезавшимся голосом.

— Ты что? Ты на меня орешь? — Я почувствовала, как меняюсь в лице, и выдрала из его рук опустевший стакан с мазком от мелких гранул порошка на стенке. — Не в курсе, что полезное вкусным не бывает? Я думала, ты решил слиться на тот свет, подлец!

Он сердито упал на подушку.

— Дай положу салфетку на лоб, — проворчала я.

— Не надо.

— Надо, Торстен, надо! Лежи и радуйся, что у тебя лихорадка, иначе придушила бы этой салфеткой!

— А без пыток нельзя? — простонал он.

— Без пыток будешь со своей маменькой болеть. Позвать вашу мать, господин Торстен?

— Клади, — немедленно согласился господин болящий и вздрогнул, когда влажная холодная тряпица легла на пылающий лоб.

— Поспи, — сменив гнев на милость из-за хорошего поведения норовистого больного, посоветовала я и одним щелчком пальцев потушила люстру, а настенный ночник зажгла.

— Марта... — позвал Зак, когда я добралась до дверей.

— Что-то надо? Сейчас воды принесу.

— Спасибо, что приехала.

Пока мы справлялись с приемом снадобья, Эмбер успела удивиться кулинарному порыву и закидала меня сообщениями. Странно, как переполненный почтовый шар не лопнул и не засыпал кухню стеклянным крошевом.

«Записывай!» — не дождавшись объяснений, в финале скомандовала она.

— Стоп! — приказала я почтовику и полезла в свою сумку за блокнотом и грифельным карандашом.

Писать под диктовку подруги было сплошным наказанием. Пауз она не делала. Ей-богу, как магистр по истории магических войн: только успевай скрести пером по бумаге. Когда в ингредиентах

овсяной каши неожиданно начали появляться подозрительные травки, я тихо выругалась и, стряхнув бесполезное сообщение, возмутилась:

«Эмбер, мне не нужно одурманивающее зелье!»

«Ага, тогда записывай!» — с подозрительной легкостью согласилась она, что каша с дурманом, мягко говоря, за нормальную еду не пойдет.

Соседка шустренько продиктовала рецепт, и у меня возникло большое сомнение в ее адекватности.

«Ты издеваешься?» — без зазрения совести обругала я.

«Чем тебе не угодила приворотная каша? — проворчала она. — Действенное средство! Когда говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, имеют в виду именно его. Между прочим, этим рецептом еще моя бабуля пользовалась».

«Я не собираюсь привораживать Торстена! — озверела я. — Мне надо его накормить!»

«Просто накормить? И все? — выразила она искренне недоумение. — Варлок, если он взял тебя в заложники и угрозами заставил готовить, то крикни в ответ на это сообщение».

«Просто объясни, как варить кашу, чтобы от нее никто не опьянел и не влюбился. Торстену и без приворотов уже нормально», — потеряв надежду получить обычный, а не ведьмовской рецепт, простонала я в шар.

«Ты его пыталась грохнуть? Когда? За что?» — всполошилась Эмбер.

«Я жалею, что тебе написала!» — сорвалась я.

Перестав нести чушь, она шустренько рассказала, как превратить сухие овсяные хлопья в приличную кашу.

«А молоко когда заливать?» — уточнила я, разглядывая полную бутылку.

Хозяйка продуктовой лавки утверждала, что без молока кашу не сваришь. Вообще-то, пока получалось, что кашу не сваришь без толковых инструкций, и наличие лишних ингредиентов вызывало легкое беспокойство.

«Налей молоко вместо воды, — посоветовала подруга и, вроде только над кулинарной пропастью протянулся хлипкий мосток, как она взяла и нахлобучила сверху: — Или добавь в молоко воду».

«Сколько?» — загробным голосом провыла я.

«На глаз».

Этот самый глаз у меня выразительно дернулся. Варка каши вновь превратилась в сложное зелье из дополнительного раздела в учебнике по зельеварению. Лучше бы крестной, ей-богу, написала! Хотя она тоже все отмеряет «на глаз», и любая каша превращается в забористый яд, от которого еще не придумали противоядие.

Почтовый шар вздрогнул. Думала, что подруга посоветует что-нибудь толковое, а она с подозрением уточнила:

«Но ты точно не в заложниках?»

Цыкнув, я схватила кастрюлю и с грохотом сунула ее под кран. Дальше готовила по инструкции от Эмбер: наливала и насыпала на глаз. Овсяные хлопья плавали в белесой мутной смеси молока и воды, как редкие утлые суденышки в большом море. Кашу болтанка вообще ничем не напоминала... Пока не началось энергичное бурление.

Хлопья стремительно размякли, распухли, и в большой кастрюле закончилось место. Норовистое варево внезапно совершило дерзкий побег и полилось через край. Сначала по стенке, а потом на круглый огненный блин, вживленный прямиком в столешницу.

В панике я выпустила ложку. Та мгновенно увязла в жиже и под мои скорбные ругательства пошла ко дну. Металлический хвостик захлебнулся раньше, чем удалось его зажать пальцами. Только обожглась.

— Да проклятье! Котелок, перестань варить!

Схватив полотенце, я шмякнула переполненную посудину на кухонный прилавок и обалдело моргнула. Наваренной овсянкой можно было накормить отряд оголодавших парней. Если, конечно, нашлись бы безумцы, желающие испробовать сероватое густое варево. С другой стороны, желания Торстена не учитывались.

Тут случилась новая неожиданность: поварешка с длинной ручкой увязла в овсянке, как в болотной топи. Встала мачтой, не отклоняясь ни влево, ни вправо. Никогда такого не видела!

«Эмбер, в каше должна стоять ложка?» — написала я подруге, разглядывая это стройное доказательство моей полной несостоятельности как кухарки.

«Разведи водичкой, — предложила она. — Думаю, в нашей столовой всегда так делают».

Не споря, я плеснула в кастрюлю воды из кружки.

«Но лучше молоком. Мы же не в столовой», — решила Эмбер добить последнюю надежду, что жижу еще можно превратить в еду.

Совет я прокомментировала забористым ругательством, но молока плеснула и принялась энергично размешивать. Горячее варево густело быстрее, чем его разбавляли, и подозрительно напоминало обойный клейстер.

Внезапно вспомнились матушкины наставления, что в красивой посуде даже невкусная еда выглядит изысканным деликатесом. Я принялась искать по полкам красивую тарелку, но Торстен явно был равнодушен к посудной эстетике. Единственную тарелку с золотой каемкой он спрятал так глубоко в полку, что пришлось вставать на табурет.

Каша плюхнулась на тарелку комом. Проверенным способом я долила водички, размешала и полюбовалась на дело рук своих. Даже в красивой посуде «дело» выглядело паршиво. С другой стороны, наплевать на внешний вид. Главное, вкус!

На вкус было ничего. В смысле, ничего хорошего. И еще пересолено.

В порыве вдохновения я добавила меда, купленного в продуктовой лавке, и с чистой совестью отправилась потчевать Зака. Не догадываясь, что его ждет кушанье смертников, простите, темных богов, он тихо дремал. Почти высохшая от жара салфетка сползла со лба и валялась на подушке.

— Зак, тебе надо поесть, — позвала его я.

— Марта, ты не в курсе, что лучшее средство от болезни — здоровый сон, — промычал он.

— Но у тебя-то сон нездоровый, — заметила я. — И пора принять снадобья.

— Опять? — Он поглубже зарылся в одеяло, словно надеялся, что кровать его спрячет от суровой сестры милосердия, причиняющей добро исключительно горькими порошками.

— Торстен! — рявкнула я. — Ты хочешь, чтобы тебе стало легче? Тогда не сопротивляйся!

Закари все-таки приоткрыл глаза, вернее, один глаз с вертикальным зрачком и нехорошо посмотрел на поднос в моих руках.

— Я все равно тебя накормлю, — пригрозила ему.

Он все-таки сел, подложив под спину подушку, и кивнул, дескать, давайте свою еду. Поднос с тарелкой каши и ложкой был аккуратно пристроен ему на колени. Некоторое время Торстен разглядывал невразумительную сероватую жижу.

— Почему в этой тарелке?

— Красивая. Что тебя не устраивает?

— Мне как-то давали песика на пару дней, я кормил его из этой тарелки...

— Полагаю, горничная хорошенько ее отмыла. Я сама эту кашу сварила, проверила чистоту посуды и налила тебе никем не облизанной поварешкой, — стараясь сохранять спокойствие, что было по истине сложной задачей, проговорила я. — Что еще не так?

— Когда ты научилась готовить? — недоверчиво спросил он.

— Полчаса назад, — сухо ответила я.

— Попробуй! — потребовал он и сдвинул тарелку в мою сторону.

Ей-богу, как король из мутных времен драконовых войн, когда всех без разбору правителей травили. Слугам приходилось снимать первую пробу, чтобы его величество не отдал душу прародителям от какого-нибудь невинного чая.

— Я уже пробовала. Принцип двадцати минут не нарушен.

— Еще раз, — настаивал Закари, как капризный ребенок.

— Да без проблем! — психанула я, сунула палец сначала в горячее варево, а потом себе в рот. — Доволен?

— Ты засунула палец в мою тарелку? — возмутился Торстен, указав на возникший овраг посреди идеально ровной овсяной поверхности.

— Из нее уже ел песик, — напомнила ему. — Или надо было облизать твою ложку?

— Могла бы другую взять, — проворчал он.

О том, что вторая из двух имеющихся в доме ложек утопла и лежала на дне кастрюли, я предпочла умолчать. Лучше не говорить Закари, что его собираются накормить кашей из мельхиорового столового прибора, бранных ругательств и смеси воды с молоком. Никто и никогда не открывает секретных ингредиентов коронных блюд.

Он все-таки взялся за ложку и осторожно ковырнул застывшую на поверхности каши глянцевую корочку.

— Что ты там разыскиваешь? — не удержалась я.

— Кашу, — тяжело вздохнул он и действительно попробовал варено на вкус. — Как сладкая еда может быть пересоленной?

— Да демоны тебя дери, Торстен, ты достал уже придирками! — выверилась я. — Тебя, может, из ложки накормить? От каши еще никому не стало хуже!

Вообще-то, спорное утверждение, но хотелось искренне верить, что Закари переваривает все: размороженные устрицы, невыносимо острое сартарское рагу, серебряные гвозди и овсяную кашу, сваренную женщиной из рода Варлок по рецепту Эмбер Фокстейл из известного рода черных ведьм.

Закари, видимо, чуток обалдел, что на него наорали, и начал молча есть, не жуя, а только глотая. Внезапно он подавился и замахал рукой:

— Воды!

Я поспешно сунула ему стакан с водой. Он запил и снова взялся за ложку. Теперь уже жевал, изредка вытаскивал чешуйки от овсянки и каждый раз сопровождал этот процесс выразительным взглядом.

Откуда мне было знать, что овсянка имеет свойство раздеваться во время варки? Какая, оказывается, бесстыдная крупа!

Снадобья Закари принял безропотно. Видимо, смирился с бесправной ролью больного, съехал по подушке и без сил прикрыл глаза. Хотелось верить, что послушно усваивал еду, а не составлял мысленное завещание.

Вечер и ночь выдались дивные! Порошки не помогли облегчить лихорадку, и Зак горел. Он больше не сопротивлялся ничему: ни холодным салфеткам на лбу, ни влитому в рот из отмытой ложки витаминному снадобью, ни даже намазанному на лицо составу от зуда, папахивающему сельдереем.

Под утро жар начал постепенно спадать. Я позволила себе сходить в ванную, переделась в одну из рубашек Закари и решила, что секундочку полежу на соседней подушке, чтобы не нестись из гостиной и не проверять его каждые десять минут... В сознание вернулась резко, от ощущения, что проспала что-то крайне важное.

В окна заглядывало прозрачное осеннее солнце, нежданное после затянувшейся непогоды. Бледный свет ночника растворился в его лучах. Зак спал на спине, закинув руку за голову. Он по-прежнему

выглядел ужасно больным. Лихорадка прошла, но хворь никуда не делась.

Привстав на локте, я сняла высохшую салфетку с его лба и с превеликой осторожностью легонечко прикоснулась ладонью. Торстен резко раскрыл темные глаза цвета переспелой черешни. Некоторое время в гробовом молчании мы смотрели друг на друга.

Внезапно его зрачки расширились, на горле сократился кадык. Рука над головой сжалась в крепкий кулак, на запястье напряглись мускулы. Казалось, усилием воли Зак удерживал себя от соблазна проверить, насколько тонок батистовый покров, прятавший мое тело. А мне внезапно приспичило, чтобы он действительно проверил...

— Жар спал. Хочу умыться, — без пауз пробормотала я и откатилась на другой край кровати. — Тебе еще нельзя в купальню. Надо, чтобы кожа поджила. Сейчас вернусь и помогу обработать пятна мазью...

— Марта, — тихо позвал Закари.

— Что? — быстро оглянулась я. — Принести воды или?..

— Открой, пожалуйста, комод, — перебил он таким вежливым тоном, что я моментально прикусила язык и пошлепала к комоду.

— Какую полку?

— Верхнюю.

Именно так и поступила. Выдвинула верхний ящик, из которого ночью, не глядя, выудила рубашку, и спросила:

— Что тебе достать?

— Штаны.

— Какие? — придирчиво уточнила я.

— Любые! — в его голосе внезапно прорезалось раздражение. —

Просто достань штаны и надень их!

— Да я в них утону!

— Тем лучше, — прошептал он, прикрыв глаза ладонью.

— Кто ты, святой брат, ни разу не видевший женских коленок? — скривилась я и, задвинув ящик, ушла в ванную.

Не знаю, что за приступ благочестия случился у Закари, но я оделась в академическую форму, и в спальню вернулась исключительно приличная: в брюках и рубашке. Осталось нацепить драконий медальон, и хоть сейчас на практикум по темным искусствам. Тот как раз начинался через полчаса. Накануне я

предупредила Эмбер, что скорее всего не появлюсь занятиях, и подруга обещала прикрыть меня перед деканом.

— Надеюсь, теперь мой вид достаточно скромн, господин Торстен чтобы помочь вам с мазью от пятен? — спросила я. — Вставай. Давай лечиться.

Он что-то пробормотал себе под нос, но сел на кровати и спустил ноги на пол.

— Снимай рубашку, — деловито скомандовала ему, взяв с подоконника жестяную банку с мазью. — Сейчас полечимся и пойду добывать нам завтрак.

— Опять будешь готовить? — насторожился Закари, только начав раздеваться.

— Не мечтай.

— Еще много осталось каши? — его голос дрогнул.

Целая кастрюля, но полагаю, мне просто не удастся расковырять овсяные топи и не лишит этот дом последней столовой ложки.

— Вчера я устроила особый сервис для больного, помирающего от лихорадки, — пояснила я. — Сегодня ты не помираешь, поэтому не буду тебя сильно жалеть и принесу еду из таверны.

— Спасибо, — искренне поблагодарил он, кажется, испытав такое облегчение, что должен был вмиг исцелиться просто от радости.

К сожалению, радость от ветряной оспы не лечила, а только витаминная настойка, пахнувшая сельдереем мазь и время.

Закари стянул рубашку одним гибким движением и, поднявшись на ноги, повернулся спиной со сложным рисунком на лопатке. При взгляде на него сестра милосердия во мне мгновенно померла. Невозможно в принципе строить из себя «сестру», когда смотришь на красивую мужскую татуировку.

Я зачерпнула мазь и для чего-то предупредила:

— Начинаю.

Прозвучало странно, вроде как объявила: «на старт, внимание, марш». От первого прикосновения Закари вздрогнул.

— Больно? — Я быстро отдернула руку.

— Мазь холодная, — ответил он и добавил ворчливо: — Руки тоже.

— Не обмерзнешь!

Прикасаться к обнаженному телу Торстена оказалось неожиданным опытом. В замешательстве легкими касаниями я намазала ему спину там, где было необходимо. Зачем-то почесала себе нос, чуток обмазала заодно себя липкой пахнущей сельдереем гадостью и под благовидным предлогом сбежала умыться ледяной водой, оставив больного наедине с жестяной банкой мази.

День прошел тихо и невыразительно: между приступами жара у Закари и моими приступами немедленно привести его в чувство жаропонижающим порошком. По дороге в таверну я тишком избавилась от испорченной кастрюли вместе с кашей, а по возвращении убрала кухню, насколько хватило таланта домохозяйки.

Торстен отсыпался,пил снадобья и послушно подставлялся под мазь. Один раз не выдержал и попросил почесать спинку. Пришлось пригрозить, что опутаю его магической сетью и прикую кровати.

— Серьезно? — Он посмотрел на меня над плечом.

Судя по тому, как заинтересованно блестели темные глаза, мысль ему импонировала.

— И тебе не понравится! — уверила я.

Следующим утром он встал как огурчик. В смысле, чуток зелененький и в пупырышках. На предложение намазать эти самые пупырышки бриллиантовой зеленью, чтобы совсем походить на огурец, Торстен глянул на меня, как голодный дракон на упитанную жертву. Стало ясно, что побочного эффекта в виде нормального чувства юмора ветряная оспа не давала, и стоит куда-нибудь смыться, пока мы друг друга не загрызли. Такой кровожадный огурец, право слово!

— Жар ушел, с банкой мази ты знаком, съезжу в общагу за чистыми вещами, — быстро предложила я. — Через пару часов вернусь. Не смей мыться!

Торстен потемнел лицом и упрямо поджал губы. Точно капризное дите, честное слово.

— Все равно воздержись, — отсоветовала я.

За два часа вернуться не удалось — пришлось сходить на последние лекции. Как сказала Эмбер, скоро однокурсники решат, что главная ведьма бросила учебу фактически на финишной прямой, и декан на радостях вывесит на доску приказ об отчислении. Согласна полностью! Нельзя дарить людям ложную надежду.

В апартаменты я входила по-хозяйски, открыв дверь прихваченным утром ключом — все равно Торстену нельзя высовываться на улицу, и обнаружила его в кухне. Дверцы всех шкафчиков были открыты, а сам Закари, сидя на корточках что-то искал в кухонной тумбе.

— Привет? — с вопросительной интонацией произнесла я и поставила на кухонный прилавок сумку с едой из студенческой столовой.

Все сугубо диетическое: супчик, овощи, пресловутая кашка и мясо. Вареное, а не жареное. Не то чтобы больным ветрянкой был противопоказан сочный стейк с кровью, но в нашей столовой таких изысков просто не готовили.

— Ты не в курсе, где кастрюля? — спросил Закари, поднимаясь, и невольно я заметила, что болячки от ветрянки, практически сошли с его лица. — Она исчезла.

— Зачем она тебе? — напряглась я.

— Хотел избавиться от овсянки. Или овсянки больше нет?

— Кастрюли у тебя тоже больше нет, — осторожно призналась я, начиная подозревать, что посуда очень ему ценна. — Она какая-то особенная?

— Особенная, — согласился Торстен. — У нее две ручки.

— Как и у всех кастрюль.

— Что с ней случилось? — осознав тщетность поисковой кампании, Закари поднялся.

— Применили по прямому назначению, поэтому с ней случилась каша...

Внезапно я поняла, что совершенно забыла про утопленную ложку, когда прятала овсяное болотце в уличный мусорный короб.

— И одной столовой ложки у тебя тоже больше нет, — добавила через паузу.

— С ней тоже случилась каша?

— Она оказалась случайной жертвой, — туманно пояснила я.

— Ты ее выбросила вместе с кастрюлей, — с доброй долей иронии заключил Закари.

— Ее было не выкопать. У тебя еще есть три вилки и много тарелок, так что нам не придется ковыряться в столовских коробках руками, а я все равно не ем супы, — в духе своей матушки, которая

сначала говорила дурные новости, а потом пыталась найти в них что-нибудь позитивное, объявила я. — Но ты же ешь вареное мясо?

— Нет.

— Я хотела сказать: ты точно ешь вареное мясо, — исправилась с доброй улыбкой кровожадного знахаря. — Других деликатесов сегодняшнее меню не предполагает.

Пока я переодевалась в удобный домашний костюм, Закари внезапно проявил хозяйственность и накрыл на стол. Ну как накрыл: вывалил все из коробочек в общие тарелки, деликатно проигнорировав кашку, и отнес поднос в гостиную. Ужинали мы, сидя на диване, пристроив поднос посередке.

Как ни странно, жевал Торстен с большим аппетитом. Видимо, по сравнению с овсянкой моего авторства любая еда действительно казалась деликатесом, даже столовая без особой кулинарной фантазии.

— Я с утра уеду на занятия, — предупредила я. — Иначе потом с долгами не разберусь.

— Вернешься? — небрежно уточнил он.

— Да, но поздно. По пятницам лекции до вечера, — таким же будничным тоном отозвалась я, словно мысль провести в маленькой квартирке целые выходные, пока Заку нельзя выходить из дома, вовсе не вызвала во мне смешанные чувства.

После ужина я объявила, что пора полечиться и заставила Закари скинуть рубашку (ту самую, в которой сама рассекала по дому с утра). Вообще-то, лечиться мы собрались в гостиной с огромными окнами. Как представила, что подумают жильцы в соседнем доме, стоящем на другой стороне переулка, так сразу взмахом руки задернула портьеры. Те закрылись с шелестящим звуком, отрезав квартирку от внешнего мира.

Пятна на спине у Закари подживали плохо. На позвоночнике осталась пара досадных шрамов-оспинок.

— Чесался? — проворчала я.

— Я бы не посмел, — отозвался он. — Ты же обещала меня приковать к кровати.

— И тебе понравилась идея.

— Согласен, идея задорная, — в голосе Закари прозвучала улыбка.

— Остальное сам, — скомандовала я, закончив обрабатывать спину.

— Устала причинять добро? — хмыкнул он.

— Святые демоны, поворачивайся! — огрызнулась я, а Торстен возьми и действительно повернись, чуть не вмазалась в его подбородок носом. — У тебя голова не закружилась? Может, сядешь?

Он послушно опустил на диван. Без всякого смущения я встала между его коленей, заставила поднять голову и с серьезным видом начала накладывать мазь. Зак и не думал закрывать глаза, смотрел внимательно и пытливо, словно что-то пытался разглядеть в моем лице новенькое. Вероятно, признаки ветрянки, которой я, в отличие от счастливицы Закари Торстена, переболела еще в детстве.

Вообще-то, сакраментальная болезнь в моей биографии! В тот год в башне Варлок появилось особенно много каменных драконов. Все говорили, что семью ждут большие перемены, и не ошиблись: во мне проснулась светлая магия. Родители были в восторге — в столь нежном возрасте дар проявлялся только у сильных в будущем чародеев. Радовались они, правда, недолго.

На праздник магического крещения в замок съехались десятки семей, присягнувших Варлокам. Через пару седмиц после отъезда гостей у меня началась ветряная оспа, а во время лихорадки, повергнув ковен в шок, пробудилась темная магия. Я резко сделалась ужасно уникальной. Никто не понимал, как и чему меня обучать.

— У меня нет ни веснушек, ни оспин, — спокойно ответила я на пристальный взгляд Торстена.

— Знаю.

— Тогда что ты разглядываешь?

— Пытаюсь вспомнить, чем ты мне не нравилась, Марта Варлок, — вдруг произнес он.

— Получается? — иронично хмыкнула я.

— Нет.

Внезапно у меня дрогнула рука.

— Раз у тебя провалы в памяти, милый, то позволь напомнить, — с фальшиво ироничной интонацией проговорила я. — Ты всегда считал меня дурнушкой и не видел смысла этого скрывать.

— Ты же сама знаешь, Марта... — кривовато усмехнулся Зак.

— Знаю что?

— Я врал.

Возникла странная пауза. Мы смотрели глаза в глаза. Могла ли в тот момент я вспомнить, за что не выносила Закари Торстена? Увы, но нет. Все, что я о нем знала раньше, все, что он демонстрировал людям, оказалось маской, ловко прятавшей взрослого, проницательного и демонски привлекательного молодого мужчину. Но ощущение, будто до него в моей жизни не происходило ничего хорошего, было в корне неправильным. Происходило. И многое.

— Дальше давай-ка сам лечись, господин Торстен. — Я вложила в его руку открытую банку с мазью. — У тебя неплохо получается.

— Лечиться?

— И врать тоже, — хмыкнула я.

Обычно, оставив за собой последнее хлесткое слово, моя дорогая матушка гордо поднимала голову и с видом королевы выходила из зала. Со стороны казалось, будто она боялась, что оппонент ответит едким сарказмом, последнее слово превратится во второе с конца, а ей сходу не удастся придумать другой меткой фразы.

Втайне я всегда подсмеивалась над этой сугубо женской привычкой, но, вручив Торстену банку со снадобьем, поступила ровно, как мама: нарядно одетая в чувство собственного превосходства направилась вон из гостиной. И пришла на кухню, к раковине с грязной посудой. Прямо сказать, паршивый тактический ход, но не выйдешь же в уборную с ватерклозетом или в спальню с разобранной кроватью.

Чувствуя себя полной дурой, я не придумала ничего лучше, как начать эту посуду мыть. С помощью светлых чар. Стояла перед полной раковиной воды с плотной шапкой пены и умело дирижировала кухонной утварью. Тарелку поднять, мочалкой из морской губки потереть, встряхнуть и отправить в сушку. Идеально налаженный процесс! Чуть-чуть и смогу написать отчет по практике магического домоводства, а потом получить золотой диплом по бытовой магии.

— Помочь? — раздался за плечом бархатистый голос Торстена с сексуальными интонациями. Обычно такими низкими, нарочито мягкими голосами предлагали помочь раздеться, а не домыть гору грязной посуды, накопленной, прости демоны, со вчерашнего дня.

Именно «раздеться» я и услышала!

Тарелка с золотой каемкой и губкой плюхнулись обратно в мыльную пучину. Звон случился непотребный. Я отшатнулась, спасаясь от брызг, но только спиной налетела на Торстена и от души отдала ему ногу босой пяткой. Хоть бы охнул паршивец!

— Зак, в твоём доме скоро не останется посуды, — воскликнула я.

Под действием магии вода начала уходить в водосток, постепенно обнажая покрытые тающей пеной посудные руины. Как ни странно, выжили все тарелки, кроме единственной — красивой. От печальной участи оказаться расколотой и закончить славную жизнь в мусорном коробе золотая каемка посудину не спасла.

— Ты только что лишился тарелки.

— Все равно она мне не нравилась. Ненавижу фальшивое золото, — протянул он и по-хозяйски уложил руки мне на талию.

Нахальные ладони скользяще-вкрадчивым движением переместились на живот. Большой палец, будто так и надо, попытался забраться под завязку домашних штанов, но вернулся в исходную позицию, когда я выразительно кашлянула.

Я все гадала, что случилось с Закари Торстеном в гостинной, а он, оказывается, заскучал в четырех стенах и решил развлечься любимым способом: соблазнением врага с привилегиями. Честно говоря, отлегло. И дурацкая атмосфера внезапной неловкости мигом развеялась.

— Зак, я отменила личные границы не для того, чтобы расширять привилегии, — сдержанно заметила я.

— Вообще, не думал о привилегиях, но ты сказала, и так это заманчиво прозвучало... — Он опустил голову, провел губами над местом, где шея плавно перетекала в плечо. Ни разу не задел кожу, но волна мурашек все равно побежала. — Божественные демоны, Марта... Ты очень вкусно пахнешь, просто крышу сносит.

На полочках в ванной у Торстена ничего женского не водилось. Второй день я пахла его шампунем с холодным запахом мужского одеколona, видимо, специально купленным в комплект к флакону аромата.

— Зак, я, конечно, догадывалась, что ты любишь свой одеколон, но чтобы настолько!

Торстен замер и проговорил весьма выразительным тоном:

— Марта, в вопросе, как испортить настрой на томный вечер, ты получаешь первый приз.

Он отошел излучать разочарование в двух шагах от меня.

— И знаю какой! — тут же оживилась я и зачем-то вытерла руки кухонным полотенцем, хотя во время мытья посуды не намочила даже мизинчик.

— Хочешь, чтобы я домыл? — Закари кивнул на раковину.

— Грязная посуда тебя до завтра подождет. У нас есть занятие поинтереснее!

— Да?

— Ты точно оценишь. — Я ободряюще похлопала его по плечу.

Предвкушение, вспыхнувшее в глазах Торстена, мгновенно погасло, стоило мне вытащить из сумки знакомый всем студентам Деймрана библиотечный учебник по темным искусствам.

— Ты серьезно, Варлок? — почти оскорбленно переспросил он, не желая прикасаться к зачитанному до дыр — в прямом смысле этих слов! — вместилищу магических знаний.

— Ведьмовство мне дается туго, — пожалала я плечами. — Ты мне быстренько объяснишь, как создавать связующие чары, и будем считать, что три дня бесплатной неустанной заботы зачтены.

— Если я устрою мастер-класс по темным искусствам, то забота уже не будет бесплатной.

— Да наплевать! Считаю меня меркантильной сволочью. — Я плюхнулась на диван и ладонью похлопала по подушкам, предлагая репетитору присаживаться рядышком. — Давай учиться! Всегда мечтала, чтобы отличник подтянул меня по темной магии.

Смирясь с участью репетитора, Зак упал на диван и протянул открытую ладонь. У него были красивые руки с длинными пальцами.

— Что? — не поняла я.

Торстен молча указал подбородком, дескать, прикладывая неумелую пятерню, ученица, буду объяснять принципы темной магии. Я тут же приблизила открытую ладонь и внезапно поняла, что ее притягивает к ладони Зака, как магнитом.

Шлеп, и мы склеились!

— Поднимай, — скомандовал он.

И у меня ровным счетом ничего не получилось.

— Как ты это сделал? Я ничего не заметила.

На средних курсах нас все еще заставляли демонстрировать плетения, но визуальные образы не несли никакой магической нагрузки и требовались только для оценки магистрами. Со светлыми чарами еще в отрочестве я перешагнула ступень школяра, а вот в темных безнадежно увязла.

Зак позволил заклятью проявиться. Оказалось, что наши запястья опутывала тонкая черная лента, а я, между прочим, одна из сильнейших моего года рождения светлая чародейка, вообще ее не ощущала. Филигранная работа!

Некоторое время Торстен терпеливо объяснял, каким образом наколдовал такую замечательную штуку. К сожалению, связующих светлых чар просто не существовало. Поводки я умела только разрушать, но, скажу прямо, без того изящества, с каким Торстен накинул аркан мне на руку.

— Ты можешь по своему желанию ослабить заклятье, — между тем получше декана объяснял Зак, и мне действительно удалось приподнять ладонь, но за запястьем протянулась тонкая черная нить к руке Торстена. — Они растягиваются бесконечно. Потом нить стягивают, и человек начинает испытывать непреодолимое желание к тебе вернуться.

Связующие чары по-простому называли «проклятьем неразлучников», и накидывать поводки на всех подряд без разбору было не особенно законно. Вторая сторона должна быть в курсе, что на нее наложено связующее заклятье. В учебнике законоведческим тонкостям посвятили целый параграф, но я до него еще не добралась.

— Пробуй теперь ты, — предложил Зак.

Погасить заклятье по-человечески он не успел — я не сдержала светлую магию, и поводок лопнул. От отдачи мы звонко хлопнули в ладоши.

— Извини, — пробормотала я.

Пришлось выудить из сумки и нацепить медальон из драконовой кости.

— Все, я готова, — объявила я, плюхнувшись обратно на диван. — Не сопротивляйся!

— Даже не шевелюсь, госпожа темная чародейка, — с самой серьезной миной согласился Закари.

Колдовство заняло некоторое время. Приходилось брать паузы, чтобы вьедливо уточнить ту или иную вещь. Торстен терпеливо отвечал на все дурацкие вопросы. В конечном итоге на его предплечье появилась нить, которую он не мог видеть. Демонстрировать поводок я не планировала, ведь ленточка тянулась через комнату к разобранной кровати в спальне. Пока не упадет на нее спиной в позе морской звезды, не сможет отойти.

Нитку следовало проложить между мебелью, но с маршрутом у меня сразу не заладилось. Поводок протянулся прямым путем: через спинку дивана, кофейный столик и на кровать — этакая линия препятствий в духе боевой подготовки в домашних условиях ведьмаков, сидящих на карантине. Так даже лучше! Закари явно следует сбросить излишек энергии.

Едва не потирая ладошки от предвкушения, я объявила:

— Стягиваю поводок.

— Действуй, — щедро согласился Закари.

Я тихонечко щелкнула пальцами. Торстен начал перемещаться по дивану вкрадчивым и гибким движением, но почему-то в мою сторону.

— Ты куда ползешь? — следя за этим безобразием, тихо спросила я.

— А куда надо? — спросил он.

— То есть поводок совсем не сработал?

— Вообще не чувствую, — перестав придуряться, признался он.

— Недоумок, — буркнула я в сердцах и, вызвав в подопытном приступ смеха, швырнула ему в лицо клок темной магии.

Закари перехватил его еще на подступах. В воздухе закрубились два дымных язычка: мой графитового цвета, благодаря драконьему медальону, и его чернильно-черный. Внезапно из дыма вылепились две фигуры: мужская и женская. Пара закружилась в смутно знакомом танце.

От неожиданности я выпрямилась на диване и даже опустила на пол расслабленно согнутую в колене ногу.

— Что ты видел в театре теней? — резковато спросила у Закари.

— А ты? — Он бросил на меня взгляд из-под ресниц.

— Секрет! — Я помолчала, следя за магическими танцорами, и сдержанно уточнила: — Но мы хоть были одетыми?

— А это имеет значение?

— Да.

— Не всегда. — Он с трудом сдерживал улыбку. — Однажды ты появилась и была абсолютно шикарна в своей роли. Моей... *подруге*, правда, не понравилось, но я решил, что это только ее проблема, и больше не приглашал к теням.

— Ту подругу? — вкрадчиво уточнила я, перебарывая неприятное чувство внутри.

— Никого.

— И как часто ты сам приходил на представления с нашим участием?

Танцующая пара развеялась, как от порыва ветра, хотя в воздух в комнате даже не дрогнул.

— Так много вопросов, — протянул Закари, явно не планируя посвящать меня в тему его близких отношений с театром теней.

— И так мало ответов. — Я скрестила руки на груди и многозначительно подняла брови.

Торстен решил применить тактику достопочтенной Беаты Варлок и удалиться. Видимо, тоже к раковине с грязной посудой. Но побег не удался: он выпрямился и застыл, не отступив от дивана даже на шаг.

— Марта, почему меня тянет в спальню?

— Понятия не имею. Твои тараканы передо мной не отчитываются. Сходи в спальню и проверь, что именно им нужно, — отозвалась я, открыла учебник по темным искусствам и, упершись в тему параграфа, как в срамную надпись на заборе, мигом поняла. — Кхм...

— Ты не погасила заклятье.

— Ты сказал, что оно не сработало! — мигом ощетинилась я.

— Покажи, — скомандовал Торстен, призывая продемонстрировать хитрое плетение.

Пришлось отложить учебник, подняться с дивана и все-таки продемонстрировать нахальный поводок, призывающий хозяина дома немедленно повалиться на смятых простынях. Пространство дрогнуло, и в воздухе засветилась алая нить. Она обхватывала кольцом предплечье Закари, проходила сквозь спинку дивана и, пронзив черный дверной проем, пряталась в темной спальне.

— И к чему я привязан?

— К кровати. Обещала же приковать... Вот!

— Смотрю, ты подошла к делу с фантазией.

— Ну ты тоже на фантазию не жалуешься, — проворчала я. — Погаси сам? Я пока не умею использовать темную магию, а от светлой будет отдача, и вечер вообще перестанет быть томным.

— Да он и так уже... мягко говоря, — отозвался Зак с пресной миной, ловко схватился за нить и разорвал ее. Показалось, будто в тишине раздался характерный звук лопнувшей веревки.

Секундой позже силой непреодолимого притяжения меня дернуло вперед, и я буквально влетела в грудь Торстена. Мы задорно повалились на диванные подушки. От Закари пахло свежей стиранной рубашкой, сельдереем и особым мужским ароматом. От этого запаха у меня почему-то свело под ложечкой.

— Какого демона? — Я возмущенно завозилась и предприняла отчаянную, но безуспешную попытку от Торстена отскрестись.

— *Ноябрь*, замри! — рявкнул тот, когда ему очередной раз прилетело локтем по шикарному прессу, который мне удалось неплохо рассмотреть за время болезни.

Внезапно возвращение к идиотским прозвищам настолько обескуражило, что я действительно замерла. Закари по-хозяйски подхватил меня под ягодицы и ловко уместил себя на диван, а меня — на колени. Я сидела на нем сверху и старательно выгибала поясницу, пытаюсь сохранить видимость пристойной дистанции.

— Зажигай! — скомандовал Торстен с серьезным видом.

— В каком смысле?

Можно поджечь занавески или «зажечь» и станцевать у него на коленях. Он что имеет в виду: уничтожение имущества или пошлость в духе театра теней?

— Я про поводок, а ты о чем? — В темных глазах заплясал смех.

— Проклятье, можешь точнее выражаться? — буркнула я и ткнула ему в плечо кулаком, а только потом заставила поводок вспыхнуть.

Оказалось, что плотная алая нить тянулась от предплечья Торстена к моей голени. В общем, у него наручник, у меня кандалы, и мы крепко друг к другу привязаны.

— Просто скажи, что я должен был сделать, добравшись до кровати, — проговорил Закари.

— Упасть в позе морской звезды, — вздохнула я, осознавая, как по-идиотски прозвучало пожелание к темной магии.

— Ладно, — с ухмылочкой ответил он и внезапно начал вставать с дивана.

— Ты что задумал? Зак, просто объясни, как поменять длину поводка!

Я вцепилась в него, как мартышка в банановую пальму. Ногами обхватила за пояс, руками за шею — нарочно не отдерешь и точно случайно между спальней и диванной спинкой не уронишь. Как ни странно, подъем на ноги дался ему просто, словно я весила, как пушинка, а не девица с нормальным аппетитом, ни разу не упустившая возможность воздать почести ночному богу дожору.

— Пройдем через этот позор вместе. Держись! — скомандовал Торстен и немедленно подчинился собственному приказу: тоже начал держать меня покрепче. По большей части это выражалось тем, что нахальные ладони снова по-хозяйски легли на мой зад.

До спальни мы добрались без случайных жертв в виде выроненных девушек. Оцарапанный о косяк локоть Торстена и одна моя коленка, отбитая о тот же косяк, вообще не в счет. За то, что случайно не впился в дверной проем, Зак позволил себя обшипеть ругательством.

— Кто сверху? — спросил он с такой непередаваемой интонацией, словно мы действительно собирались расширить привилегии, наплевав на ветряную оспу и коллективный здравый смысл.

— А можно вообще не падать? — проворчала я.

— Я сверху?

— Придавишь! Давай ты меня просто кинешь.

— Ты сверху?

— Да, святые демоны, уже падай боком! Потом расплетемся!

Посмеиваясь, Закари просто оперся коленом о матрац и аккуратно уложил меня на кровать. Сразу видно, что у парня богатый опыт раскладывать девушек на разных плоских поверхностях. Он на секунду навис надо мной. Не наваливался, но я все равно ощущала интригующую твердость, прижатую к моему бедру.

— Подтянем теорию? — тихо спросила я.

— Теорию чего? — прошептал он.

— Свяжущих заклятий.

— Как скажешь...

Торстен немедленно откатился и упал на спину. Алый магический поводок, ярко вспыхнув, погас.

Вечер закончился мирно. Мы провели его на злосчастном диване, уже не привязанные поводками, на вежливом расстоянии. Правда, хотелось вытянуться в полный рост, но приходилось сворачиваться бубликом, чтобы поддерживать эту самую... пристойную дистанцию. В итоге Закари, не отрываясь от чтения детективного романа, уложил мои босые ноги себе на колени, а я делала вид, будто обедаю знаниями о связующих заклятиях и вовсе не размышляю, стоит ли угнездиться на его коленях самой. Заснули там же, тесно прижавшись, как две ложки, сложенные в футляре. Было уютно, тепло, комфортно.

И я традиционно опоздала на первую лекцию. Похоже, Зак просто заливал, утверждая, что без пробуждающего шара встает каждый день в шесть утра. Еще умудрился обвинить меня, подлец, дескать, непунктуальность заразна!

В столицу мы собирались вместе с Эмбер. Они с Генри решили устроить выходные на нейтральной территории, и соседка энергично собиралась. Нарядившись в синее платье под цвет волос, потребовала выдать тайный женский сундучок от Беаты Варлок.

— А где эликсир желанья? — с искренним возмущением спросила она, перебирая бутылочки.

Другими словами, Эмбер вовсе не стремилась быть готовой к любому повороту в свидании, а решила возглавить бунт.

— В твоём и такой есть? — Я так заинтересовалась, что даже перестала запикивать в саквояж чистые вещи.

— Мы же черные ведьмы, Марта! В отличие от вас, прогрессивных чародеек, кое-что понимаем в веселье. — Она хлопнула крышкой ларца и цыкнула. — Непривычно, конечно, но придется испытывать на Генри природное обаяние. Надеюсь, не сбежит...

По дороге к дому Закари я зашла в приличную ресторацию и заказала доставку ужина на двоих. Дверь в квартирке была открыта — утром впопыхах забыла ключи, и Торстен, видимо, не стал запикиваться.

Гостиная утопала в полумраке. В ванной комнате шумела вода. Из спальни струился бледный свет ночника. На полу тянулась дорожка из художественно разбросанных женских вещей: пальто, туфли на

каблуках, лужица красного газового шарфика, в дверном проеме горкой лежало платье...

В груди резануло. Из живота вдруг поднялось незнакомое липкое чувство, ядреная смесь из разочарования, ошеломления и ярости. Никогда ничего подобного не испытывала! Даже в тот момент, когда Айк целовал другую девушку.

Следовало развернуться и тихо выйти из чужого дома, ведь у меня не было права ни на злость, ни на обиду — ни на что. Но они уже возникли и разрастались со скоростью черной магической дыры, поглощающей все разумное вокруг себя.

Я поставила на пол саквояж и, подхватив чужое пальто, прошагала в спальню.

— Ты успел к самому интересному... — сладким голосом протянула светловолосая девушка в красном нижнем белье, лежащая поперек кровати.

Возникла ошеломленная пауза.

— Ты кто? — Девица принялась шарить рукой, пытаясь найти край простыни, видимо, чтобы прикрыться.

— А ты?

— Эльза, — неожиданно представилась она.

— Чудесно. Приехала за старыми трусами или решила похвастаться новыми? — тщательно следя за голосом, холодно спросила я.

— Что?

— Одевайся! — Я швырнула в ее сторону пальто. — И пошла вон.

Тяжелая вещь, подхваченная магическим потоком, накрыла блондинку с головой, поглотив возмущенный возглас. Закопавшись в одежде, она кое-как спустила покров и взвизгнула:

— Да ты откуда взялась?!

— Туфли дать или пойдешь босой?

— Эй, Марта, с кем ты воюешь? Выдохни, пока все целы! — Закари в одних домашних штанах и с мокрыми волосами вломился в спальню, ловко перескочив через платье. Видимо, привык, что по его дому раскидана женская одежда.

При виде раздетой блондинки с собственной кровати он одарил ее ироничной улыбкой и развел руками:

— Эльза, не сказать, что ты вовремя, но как ты здесь очутилась?

Девушка куталась в пальто и собиралась жалобно разрыдаться.

— Открыто было... — шмыгнула она носом.

— И что ты здесь делаешь? — спросил Зак, ни капли не смутившись из-за абсурдной ситуации.

— Не задавай дурацких вопросов, — зло седила я. — Тебя ждет. Видимо, из нас двоих уйти стоит мне. Не буду портить вам вечер.

Обойдя его по дуге, носком ботинка я случайно пнула злосчастное платье и чуток в нем увязла. Пришлось скакать на одной ноге, чтобы избавиться от прицепившейся тряпки, но строго по направлению к выходу. Закари, правда, нагнал сразу, только успела отбросить платье. Он мягко сжал мой локоть и попросил:

— Марта, остановись. Эльза сейчас уедет.

— Не надо ради меня выгонять подружку, Торстен. — Я вырвалась и кивнула в сторону спальни: — Иди, не вынуждай даму ждать.

— Эльза мне не подружка и знает об этом. И я просил ее сюда не приезжать.

— Ох, извини! — Внутри с новой силой вспыхнул гнев. — Забыла, что в твоём мире постель не подразумевает отношений. Вообще, удивлена, Торстен, что ты помнишь ее имя.

— Варлок, да что с тобой?! — сорвался он. — Это нелепое недоразумение! Над ним посмеяться надо! Почему ты бесишься, как будто я тебе изменил?

— Потому что ты не можешь мне изменить, а я все равно чувствую себя полной дурой! — рявкнула в ответ.

Мы в ярости смотрели глаза в глаза. Вокруг разливалось такое напряжение, словно еще чуть-чуть и дом разлетится на кирпичики, а потом весь город. И, возможно, планета.

Настроение Закари вдруг поменялось. Лоб разгладился, брови изогнулись и в глазах появилось странное выражение. Он словно не верил, пришедшей в голову мысли.

— Марта, ты что... *влюбилась?*

Эти слова, словно звонкая пощечина, мгновенно вернули мне чувство реальности. Я смотрела в его лицо, чистое, без единого напоминания о болезни, на пунцовые губы, на сережку в ухе... И меня накрыла волна удушающего страха.

— Все, Торстен! — выпалила я. — На этом конец.

— В каком смысле? — Его голос изменился.

— Пора сказать родителям, что мы расстались. Покончим с нашим спектаклем. Он стал нелепым и обременяющим.

— Обременяющим кого? — резковато спросил он.

— Меня.

Перемена в Закари произошла мгновенно. Подбородок поднялся, в глазах появилось хорошо знакомое выражение небрежной надменности. Он всегда так смотрел на меня до праздника поминовения.

— Как хочешь, Варлок, — сухо уронил он. — Говори своим родителям.

— Передашь мои вещи доставщиком, — произнесла я и, кивнув, вышла в холодный коридор.

Дверь тихо закрылась. В ушах звенело, внутри разрасталось тревожное чувство, словно в маленькой квартирке осталось нечто очень ценное, а мне никак не удавалось вспомнить, что именно. Очевидно, мой трезвый разум.

ГЛАВА 11. Спектакль окончен

Влюбиться в Закари Торстена — идея хуже не придумаешь. Он будет всем: врагом с привилегиями, лучшим другом, умелым любовником. Возможно, немножко любимым. Пока не заскучает. Скучающий Закари мгновенно теряет интерес, а брошенной девушке остается бежать к настоящей подруге и жаловаться на разбитое сердце.

И кстати, всю жизнь считала, что фраза «разбитое сердце» — нелепа до абсурда. Но что сейчас? В груди ломило и остро требовалась подруга с бутылкой полынной настойки. Или хотя бы вкусняшка. Однако Эмбер в столице проверяла на светлом Генри природное обаяние черных ведьм Фокстейл, а с холодильного короба успела исчезнуть ручка! Ни подругу не достать, ни банку с остатками клубничного льда, с полгода назад спрятанную на самый черный день.

Последнее обстоятельство я решительно попыталась исправить. Сидя прямо на полу перевернутой после сборов комнаты, принялась с помощью магии, матерных слов и ритуального кинжала ковырять крышку. Процесс оказался захватывающим. Особенно меня захватили ругательства. Всех припомнила!

Внезапно клинок застрял в щели. Я застонала, снова выбранилась и потянула костяную рукоять, как репку из земли. С жалобным звуком рукоять отвалилась.

— Да драконью ж мать, и это семейное наследие?! Чего такое хлипкое? — выругалась я в сердцах и от раздражения потеряла переносицу.

Кинжал мне подарила бабуля на шестнадцать лет, а потом ее не стало. Наверное, сейчас она сидела в компании грозной Агаты и неодобрением следила, как внучка оскверняет семейную реликвию Варлоков взломом холодильного ларя.

Громкий и требовательный стук в дверь заставил меня пронзить эту самую дверь нехорошим взглядом. Жаль, через деревянную преграду невозможно уничтожить незваных гостей. Кое-как поднявшись на ноги, я открыла.

За порогом, упершись ладонью в косяк, стоял Закари. Мрачный, хмурый, одетый во все черное. Некоторое время мы смотрели друг на друга и молчали.

«Ты, главное, не влюбись. Влюбиться в меня будет полным провалом», — сказал Закари на берегу реки, когда под бдительным оком наших матушек мы затеяли игру. Я подняла его на смех. И провалилась. Ему стоило поспорить на деньги, сейчас бы выиграл круглую сумму.

— Я просила передать вещи доставщиком, — вымолвила я, словно слыша свой голос со стороны. — С каких пор ты записался в службу доставки академии Деймран?

— А я не привез вещи, — ответил он.

— У меня твоих вещей нет.

— Знаю.

— Тогда ради чего заявился на ночь глядя? — намекнула ему, что у нас больше не было ничего общего и делать ему в моей комнате решительно нечего. — Стало скучно сидеть с подружкой? Захотел сменить локацию?

Особенно в тот момент, когда я уничтожала бабушкин ритуальный кинжал и пыталась подсластить жизнь после завершения нашего фальшивого романа. А то вдруг сделалось очень пресно.

— Впустишь меня? — не реагируя на провокацию, просто попросил Зак.

Я дернула плечом и посторонилась, позволяя ему войти. Он обвел неприбранную комнату долгим взглядом, посмотрел на холодильный ларь в центре и торчащий из-под крышки сломанный клинок от ритуального кинжала.

Внезапно я поняла, что по-прежнему сжимаю в кулаке костяную ручку с вырезанными письменами и быстро сунула ее на полочку возле двери. Полочка не несла никакой хозяйственной нагрузки. Раньше на такие ставили свечи, а мы копили слой пыли. Теперь накопили кусок наследия Варлоков.

— Так что ты хотел, Зак?

— Ты уже успела сказать родителям? — глухо спросил он, не сводя с меня немигающего взгляда.

Промолчав, я отвернулась и тут же заметила на деревянной ширме собственное кружевное бюстье, отброшенное во время сборов.

Хорошо, что не надела. Чувствовала бы себя еще гаже.

— Сказала или нет? — требовательно переспросил Торстен.

— Не успела. Доволен?

— Давай поженимся, — внезапно произнес он.

Странно, как я не подавилась на вздохе и уставилась на Закари, словно впервые видела. Он действительно выглядел совершенным незнакомцем. Казалось, высокая фигура излучала черную магию, и в комнате слегка потускнел свет. Или, может, потемнело у меня в глазах.

— Не пойму, Зак, ты напился, что ли? — только и сумела выдать я, вдруг осознав, что почти не дышу.

— А похоже? — в его голосе прорезались резкие интонации.

— Тогда что ты несешь?

— Делаю тебе предложение, — пояснил он, словно я действительно чего-то не расслышала и недопоняла. — Все по-взрослому, Марта. Мы же взрослые люди, правда?

— Ты сейчас издеваешься?

— Даже не думал.

Возникшая острая пауза, длинная, заполненная невысказанными словами, немymi криками и пристальными взглядами, не могла длиться вечно. Кому-то следовало заговорить первым.

— Эй, Закари... — не отводя глаз, позвала я. — Ты что, в меня влюбился?

— Да, — тихо и серьезно ответил он, и у меня вдруг свело где-то под ложечкой, сжалось сердце и стало тесно в груди. В общем, почти началась паника. — Я вдруг понял, что, похоже, однолюб.

— Однолюб?! — И я все-таки поперхнулась. — У тебя баб было больше, чем галстуков в гардеробе!

— Ты из чего такой вывод сделала? — усмехнулся он.

— Да ты и не скрывался.

— А ты видела только то, что хотела. И, к слову, я не ношу галстуки.

— Рубашек! — огрызнулась я и резко выставила руку: — Так, стоп! Я запуталась: мы про баб, галстуки или рубашки?

— Мы о нас, Марта. Я не влюблялся никогда и ни в кого... Крышу сносит!

Он резко, словно со злостью сжал кулак, расслабил, запустил пятерню в волосы. Закари Торстен нервничал. Впервые на моей

памяти.

— И я хочу тебя во всех смыслах, — проговорил он. — Клянусь, ты, как проклятье! Проклятье верности не иначе!

— Не пойму, ты меня оскорбить пытаешься? — совершенно иррационально возмутилась я.

— Я люблю тебя, — как-то просто и пронзительно произнес он.

Никогда со мной не случалось такого, чтобы я не знала, что сказать. Мысли разлетались в разные стороны, как испуганные птицы. Ни одну не ухватить! Ляпнуть гадость — как нечего делать, бросить колкость — легко. Но что сказать, оставшись лицом к лицу с обезоруживающим, пугающим в своей откровенности признанием? Три слова, но они решительно меняли все.

— Ничего не ответишь, Марта? — тихо спросил Закари и невесело усмехнулся: — Пауза затянулась.

Его взгляд уже потяжелел и в нем появилось незнакомое выражение. Черты лица заострились, между темных бровей пролегла складка. Я открыла рот и закрыла, развела руками и смогла признаться:

— Зак, я в абсолютном ужасе.

— Ясно, — на выдохе пробормотал он и, кажется, собрался свалить в туман со всеми нашими чувствами во внутреннем кармане пальто. А я по-прежнему стояла дура-дурой, пыталась переварить новость, что не одна в огромном замешательстве, и не могла подобрать правильных слов, чтобы тоже вот так, просто и пронзительно, объяснить ураган эмоций, бушующий внутри.

— Ты ведь думаешь так же? — быстро спросила его. — Это ведь странно, скажи?

— Что? — хрипловато и разочаровано спросил он.

— Осознать, что влюбилась в тебя и испугаться.

Казалось, с Закари в один миг схлынуло нечеловеческое напряжение, лицо расслабилось. Он подошел ко мне вплотную, склонился и прошептал:

— Нет, я так не думаю, но давай бояться вместе?

Не могу с уверенностью сказать, кто первым преодолел почти неощутимое расстояние между нашими губами и начал целовать. Язык Закари уже знакомо скользнул внутрь моего рта и начал выделять замечательные штуки, навывлет выбивающие любые мысли.

Я пыталась содрать с Торстена дурацкое пальто, не прерывая поцелуя, но оно словно цеплялось за хозяина. Видимо, пыталось сторожить остатки нравственности! Хотя вся нравственность вышла из комнаты и очень смущенно прикрыла дверь. И, в общем-то, из нас двоих с Закари именно я оказалась самой распутной. Не сумев справиться с пальто (и как он не спарился в комнате?), полезла руками к пуговице на поясе его брюк.

— Подожди, — прошептал Торстен, перехватывая меня за запястья.

Видимо, намек был более чем прозрачный. Он наконец вытряхнулся из верхней одежды, приник губами к моей шее, и по телу разлилась невыносимая нега. Ловкие руки залезли мне под домашнюю блузу, теплые ладони огладили ребра и сладко сжали грудь.

Мягкий свитер, скрывающий красивое тело Закари, оказался сговорчивее пальто, несмотря на монашеский высокий ворот. Слез через голову, как миленький, с первой попытки, не пытаясь уцепиться за сережку в ухе. С наслаждением я прижалась губами к гладкой крепкой груди Зака. На коже не осталось ни следа от болезни, словно последние дни он не валялся в кровати, попеременно меня ненавидя и желая.

Момент, когда я осталась без блузки, обнаженная до пояса, был пропущен. Зак подхватил меня на руки, заставив крепко обнять ногами за пояс, а руками за шею.

Прижиматься обнаженной грудью к горячему крепкому торсу, кожа к коже, особый сорт удовольствия. С тихим горячим стоном я прихватила губами мочку уха с сережкой, и Закари содрогнулся всем телом, на мгновение замер, а потом резко развернулся. Холодильный короб с клубничным сорбетом внутри и застрявшим клинком от ритуального кинжала стоял у нас на пути. Торстен едва на него не налетел, тихо ругнулся. И добраться мы сумели до моего письменного стола. К счастью, в отличие от стола Эмбер, на нем царил идеальный порядок. Недолго, правда.

Губы Закари рисовали дорожку у меня на ключице. Невольно я запрокинула голову.

— Свет! — не сказала, а выдохнула.

Лампа начала гаснуть, погружая комнату в темноту.

— Хочу тебя видеть, — пробормотал Торстен мне в плечо.

Свет снова начал набирать яркость.

— У нас прозрачные занавески и второй этаж, — промычала я, вдруг осознавая, что на самом деле плевать хотела и на второй этаж, и на занавески, и даже на пожарную лестницу. Если вдруг по ней сейчас кто-нибудь попытается вскарабкаться, прокляну к демонской бабушке. И мне будет не стыдно.

Но свет опять начал медленно гаснуть. Здравый смысл внезапно победил. Хотя ничего здорового в том, чтобы крушить старенький письменный стол, наверное, не было. Но, честное слово, если бы Торстен сейчас предложил переместиться в кровать, я прокляла бы его тоже.

Раздеться до конца нам так и не хватило терпения. Мои домашние штаны с исподним повисли на правой ноге, потом свалились на пол. Брюки Закари сползли и, видимо, болтались где-то в районе лодыжек.

Не двигаясь, мы смотрели глаза в глаза. Одна рука Торстена лежала у меня на бедре, второй он придерживал меня за поясницу, а я сидела на самом краешке стола и не дышала от предвкушения. Зак накрыл мои губы глубоким поцелуем, подался бедрами вперед. Я остро ощутила, когда он входил медленно и плавно, до самого конца. Со следующим толчком, резким, сделанным с расчетливой паузой, я соскользнула в бездну...

Окончательно избавиться от одежды и рухнуть на узкую кровать удалось несколько позже. До купальни мы не добрались, ограничились чарами чистоты. Не знаю, правда, как он подпустил меня со светящимися пальцами, но даже не вздрогнул. С трудом глотая улыбочку, с интересом проследил за процессом. Полагаю, со стороны мужчины это можно было считать безмерным доверием.

Расслабленные и полностью обнаженные мы лежали в темноте. Подперев рукой голову, Закари пальцем рисовал завитушки у меня на ребрах. Оказалось, что в физической любви, как и во всем, он не был ни нежным, ни учтивым. Никакой неуверенности: брал столько, сколько хотел, но отдавал еще больше. Точно угадывал мои желания и полностью их выполнял.

— Как мы в это влипли? — тихо спросила я, глядя на него через темноту.

— Во что?

— В любовь, — со смешком пояснила я. — Мне нравилось с тобой воевать, но очень страшно тебя любить.

Нахальная рука перестала выводить рисунки на моей коже и заскользила вниз по животу. Смеяться тут же расхотелось. Дыхание перехватило.

— А сейчас? — прошептал он, заставляя меня повернуться боком, и прижался отвердевшим пахом к моим ягодицам. Его губы оставили горячий поцелуй на моем плече.

— Уже меньше... — едва слышно выдохнула я, когда его пальцы достигли чувствительной точки, и закрыла глаза.

В этот раз мы никуда не торопились. От медленного, ровного ритма я стонала в подушку и остро ощущала Закари всем телом. Казалось, его руки были везде. И заснули мы одновременно, усталые и пресыщенные, не размыкая объятий.

Разбудил меня щелчок дверного замка. Я вздрогнула. Разгромленную со вчерашней ночи комнату заливал прозрачный свет позднего утра. Обнаженный Закари спал рядом, уткнувшись лбом в мое плечо и обнимая одной рукой.

«Щелк!» — еще раз.

Эмбер! Она бесполезно толкнула дверь и, кажется, неразборчиво ругнулась. Вчера мы, как последние болваны, забыли запереть замок, и подруга по ошибке провернула ключ в другую сторону. Собственно, только это обстоятельство нас спасло от того, чтобы предстать перед соседкой в полностью натуральном виде.

— Зак! — Я резко села и толкнула Торстена. — Эмбер вернулась!

— Что? — Он поднял взлохмаченную голову и сощурился от света. — Кто вернулся?

— Эмбер! — сипло пискнула я. — Прикройся!

— Проклятье... — выругался он сквозь зубы.

В замке гремели ключи, а мы судорожно ковырялись в постели, пытаясь вытащить из-под нас покрывало. Деревянный остов трясся и натужно кряхтел, бранясь за внезапные пляски. Дверь приоткрылась как раз в тот момент, когда я кое-как натянула одеяло на грудь. Закари почти ничего не досталось. По крайней мере, уголок лоскутного покрывала, криво нахлобученный ему поперек поясицы и чуточку ниже, скорее подчеркивал, нежели скрадывал ослепляющую обнаженность.

— Эмбер, не входи! — рявкнула я.

— Мать моя ведьма! — замерев, охнула она и шлепнула на глаза ладонь: — Я не смотрю!

Подруга выскочила в коридор, но вдруг с хитрой улыбкой снова заглянула и бросила последний заинтересованный взгляд на незащищенный экстерьер Торстена. Брови характерно поползли на лоб, глаза округлились.

— Эмбер! — сквозь зубы сцедила я.

— Клянусь, я ничего не увидела!

Она закрыла дверь, но тут же снова приоткрыла и просунула в щель оттопыренный большой палец, одобряя все, что Закари не удалось скрыть одеялом, или одобряя сам факт совместного утра. Как понимаете, прояснять этот момент мне показалось несвоевременным и лишним.

Кулачок скрылся. Щелкнул замок. Подруга зачем-то нас заперла. Видимо, для надежности, чтобы самой справиться с соблазном и не подсмотреть что-нибудь еще шокирующе-приятное.

— Я в столовую! — крикнула она из коридора. — Пробуду там не меньше часа!

— Святые демоны... — пробормотала я и, рухнув на кровать, едва не вписалась затылком в деревянное изголовье.

Уткнувшись в подушку, Закари давился смехом. Его плечи тряслись. С широкой улыбкой он повернул голову. На щеках темнела утренняя щетина, в глазах плясали бесы.

— Она разглядела все, что хотела?

— Даже не сомневайся. — У меня вырвался смешок.

— Твоя соседка сказала, что будет в столовой целый час, да? — тихонечко промурлыкал Закари.

— Как минимум, — согласилась я и позволила себя сладко поцеловать.

В конечном итоге нам пришлось выйти в мир. Иначе соседке по комнате грозило переедание столовской едой, а мне — внезапная голодная смерть. Закари отправился в мужское общежитие, чтобы переодеться.

Приведя себя в порядок, я написала Эмбер сообщение, что в комнате она не застанет ни одного обнаженного мужчины. Она заявила, что ничего печальнее в своей жизни не слышала, но через некоторое время вернулась. Я как раз успела вытащить из

холодильного короба поломанный ритуальный кинжал и удостовериться, что бабушкино наследие бездарно пало в битве за фруктовый лед, давно превратившийся в несъедобную ледышку. Не удивлюсь, если на следующий день поминовения бабуля придет во время ритуала и выскажет мне заслуженное порицание.

— И куда ты спрятала своего фальшивого парня? — спросила подруга, с гримасой то ли наслаждения, то ли боли стаскивая с ног ботильоны на высоченных каблуках.

— Мой фальшивый парень предпочитает мужские, а не женские купальни, — фыркнула я, втискиваясь в узкие легинсы. — Как вчера погуляли с Генри?

— Даже если ты пытаешься заговорить мне зубы и лишить пикантных подробностей, я все равно отвечу: чуть ноги от этих прогулок не отвалились! — Эмбер манерно закатила глаза. — Я теперь знаю, что у Закари Торстена на спине обалденная татуировка...

Только я открыла рот, чтобы ей огрызнуться, как подруга выставила указательный палец, призывая меня прикусить язык.

— Варлок, позволь мне жить с этим чудесным знанием! Я буду вспоминать о татуировке и радоваться, что она существует. Просто я понятия не имею, есть ли что-нибудь похожее у Генри. Он оказался настолько светел, что снял на ночь номер с двумя спальнями.

— И? — Я не сдержалась от издевательской улыбки.

— И заперся изнутри. Не смей смеяться! Никогда еще природное обаяние ведьм Фокстейл не подвергалось такому сомнению.

— Мне жаль, Эмбер.

— Пора завязывать с чародеями, они не оправдывают надежд. Кстати... — Подруга резко перескочила на другую тему и не сказать, чтобы самую приятную: — Сегодня я видела Вэллара в порталльной башне. Думаешь, его допустили до занятий?

— Я вообще о нем не думаю, — натягивая кофту, призналась я и не соврала: после памятного занятия по темным искусствам точно отрезало.

И меньше всего ожидала, что столкнусь с Айком нос к носу по дороге в столовую. Он был одет в костюмную тройку, светлые волосы аккуратно уложены, лучился энергией и не вызвал во мне ровным счетом никаких эмоций, даже сожаления. Как плохо знакомый человек, с которым нас никогда ничего не связывало.

Я поздоровалась с ним едва заметным кивком и хотела пройти мимо, но Аик меня окликнул. Пришлось притормозить и обернуться. Он как будто хотел сказать что-то очень важное, даже набрал в грудь побольше воздуха, но вдруг передумал и приветливо улыбнулся:

— Хорошо выглядишь.

— Спасибо, — сухо отозвалась я и зашагала дальше, некоторое время ощущая, что его взгляд буравит спину где-то в районе затылка.

Завтрак давно прошел, а обед еще не начался. Столовая была почти пуста. На потолочных сводах плыли серые облака, на полу от шагов разлетались нарисованные желтые листья. Как и всегда, интерьер точно отражал погоду за окном.

Закари сидел за дальним столом и с задумчивым видом просматривал какие-то бумаги. Перед ним стоял поднос с тарелками. Не сомневаюсь, что он успел привести себя в порядок, добраться до соседнего корпуса и взять еду ровно к тому времени, как мы и договаривались.

Всегда считала пунктуальность особой способностью, которой природа одаривала только избранных. Лично мне на раздаче чуток не досталось — Торстен стоял в очереди первым.

— Придется подогреть, — произнес он, не отрываясь от чтения.

— Холодное поем, — фыркнула я, усаживаясь, и придвинула к себе поднос.

В горшочке обнаружилась остывшая, а потому совершенно неаппетитная овсяная каша. Скривившись, я вернула крышку на место.

— Думал, что ты любишь овсянку, — с улыбкой глянув на меня, хмыкнул Зак и подвинул пальцем тарелку с сэндвичем.

— Что читаешь?

— Прощения на практику. — Он отложил бумаги. — На следующей седмице в кланах начинаются отборы. Поедешь к себе?

— Нет, — покачала я головой. — Будет шумно.

После совершеннолетия у меня, как у дочери верховного, появились и право голоса, и право вето, но я ни разу не участвовала в отборах. В эти дни башня Варлок стояла на ушах. Даже замковый алхимик мечтал потушить атанор и сбежать на седмицу в другое королевство, а он-то обычно не выходил из лаборатории.

— Поехали со мной в Торстен? — Закари бросил на меня вкрадчивый взгляд. — Мама будет рада тебя видеть.

— Я подумаю, — протянула я, пряча улыбку за чашкой с черным кофе. — Почему ты вообще живешь в общежитии? Из столицы перемещаться сюда недорого.

— Не хочу терять время по утрам.

— Но ты же встаешь каждый день в шесть, как по часам, — подколола я. — Факт, конечно, не доказанный...

Он рассмеялся.

— В последнее время я очень крепко сплю.

— Кстати, а куда вчера делась Эльза? — небрежно спросила я.

— Оделась, собрала все свои случайно оставленные вещи и ушла, — спокойно пояснил Закари.

Перед мысленным взором появилась странная картина, как взлохмаченная, кое-как одетая блондинка шустро вытаскивает из разных щелей квартирки десятков припрятанных кружевных трусов, распахивает по карманам и, прихватив ящички с ресторанным ужином, быстренько уходит.

— Даже на ужин не осталась? Вам там как раз должны были привезти на двоих.

— Ужин на двоих дожидается тебя в холодильном коробе. И его не надо вскрывать ритуальным ножом.

— Эльза учится в Деймране?

— Нет. — Он бросил на меня веселый, понимающий взгляд.

— А живет в столице?

— Марта, этой девушки больше нет, — мягко произнес Торстен. — Конец истории.

— Ах, то есть ты сам ее успел прикопать и мне не надо напрягаться? — с невинным видом протянула я.

Выходные пронеслись с немислимой скоростью. В понедельник, больше не доверяя потерянной способности Торстена вставать в шесть утра, я проснулась под пробуждающий шар и, пока Закари с успехом доказывал, что жаворонок только на словах, улизнула в мужскую купальню.

Шестикурсники начинали заниматься позже остальных. Складывалось впечатление, что этаж был нежилым. Зато в купальне обнаружили две заспанные девчонки, и мы мило поздоровались, словно ранним утречком встретились в женской раздевалке. Подумаешь! Ничего особенного.

Из мужчин между нами метался только замковый дух, взбудораженный дерзким вторжением дам на чужую территорию. Впрочем, он быстро спрятался под раковину и притих, стоило в сердцах пообещать заснуть его в бутылку вместо шампуня. Или вместе с шампунем.

Лежа в кровати, из-под полуопущенных ресниц Закари наблюдал, как я надевала академическую форму. Вид у него был соблазнительный, и Зак прекрасно об этом знал: голова покоилась на согнутом локте, одеяло сползло до пояса, открывая спину и поясницу.

— До вечера, — улыбнулась я.

— Удачи на занятиях, — протянул он.

Следовало немедленно уйти, пока я никуда не опаздывала и даже успевала без спешки позавтракать с Эмбер, но ноги сами понесли к кровати (между прочим, в два раза шире тех, что стояли в женском общежитии). Матрац прогнулся под моим коленом. Я потянулась и поцеловала Зака в колючую щеку.

— И тебе удачи.

Мгновением позже мир совершил головокружительный поворот, и я оказалась прижатой к этому самому матрацу спиной. Торстен навис сверху.

— Может, к демонам лекции?

— У меня сегодня темные искусства! — взмолилась я, понимая, что соблазн остаться велик как никогда. — Мне еще за прошлый пропуск перед деканом каяться.

— Ладно, — вздохнул он. — Но ты будешь жалеть.

— Знаю, — простонала я, кое-как выбираясь из плена смятых простыней.

На нижних этажах жизнь тоже еще не пробудилась. В женском общежитии в это время обычно происходило энергичное движение, и девушки сновали туда-сюда. В купальнях и вовсе не протолкнешься.

Заплетая на ходу растрепанную косу, в гордом одиночестве я спускалась по лестнице в холл, как в спину вдруг выкрикнули:

— Осторожно!

Я резко развернулась. Прямиком на меня, как потерявшая управление вагонетка, летел массивный дорожный сундук. Под действием выброшенного заклятья он замер воздухе буквально на

расстоянии вытянутый руки, еще чуть-чуть и точно столкнул бы с лестницы.

— Эй! — рявкнула я, задирая голову.

Сверху вниз, перегнувшись через перила, на меня смотрел Адам Бранч. Вид у здоровяка был такой, словно он спрятал в сундуке труп и боялся, что его обнаружат.

— Бранч, по утрам обе руки левые? — возмутилась я.

— Извини, Варлок! — без особого сожаления извинился он.

Я отодвинулась к стене и щелкнула пальцами. Сундук сорвался на ступени, с непристойным грохотом прокатился по лестничному маршу и, соскочив, встал боком. Крышка со стуком раскрылась и на пол вывалилась одежда, книги и куча деревянных ящичков с мелочами. Один рассыпался от удара. В разные стороны покатались самописные перья, грифельные карандаши и ластик. В общем, не труп, а я почти надеялась.

— Не могла подержать? — взвыл Бранч и, перепрыгивая через ступеньку, бросился спасать скарб.

— Смотрю: ты решил устроить каникулы? — хмыкнула я.

Адам перевернул сундук на днище и начал кое-как закидывать внутрь разбросанные вещи, не заботясь об их сохранности.

— Это сундук Стоуна, — ответил он. — Майкл уходит из академии.

— И оставил тебе приданое? — хмыкнула я, проходя мимо.

— Надо сдать в порталную башню, пока никто не видит, — сердито пояснил Бранч. — Он боится из комнаты выходить. Некроманты объявили на него охоту.

Знает, подлец, чем заинтересовать светлую чародейку с утра пораньше! Хотя еще минуту назад эту чародейку интересовал лишь вопрос, как поскорее добраться до черного кофе.

Притормозив, я обернулась и протянула:

— С этого момента поподробнее. Зачем Стоун некромантам? Не поделили с ним умертвие?

— Он подписал разрешение на посмертие, — с мрачным видом пояснил Бранч.

— Какая щедрость и глупость, — хмыкнула я. — С чего вдруг твой приятель пожелал после смерти податься в питомцы?

— Из него выбили согласие! — воскликнул Адам. — Пока меня не было, прижали к стенке и заставили поставить на бумаге отпечаток пальца.

— Надеюсь, палец все еще при нем? — уточнила я.

— На Стоуна упал кирпич! — Он с отчаяньем швырнул в сундук приятельский свитер. — Четыре раза!

— Ну... некроманты никогда не отличались фантазией, — пошутила я, и Брач одарил меня мрачным взглядом. — Ты так посмотрел, что обязана уточнить: демон с ним, с пальцем, голова-то все еще при Стоуне? Или он уже на пути в задорное посмертие?

— Так и будешь издеваться, Варлок?

— Да дикая какая-то история, — призналась я. — Он в деканат жаловался?

— В деканате сказали, что нужны доказательства. — Бранч вдруг пошел красными пятнами, словно старался проглотить нецензурную брань, но она вставала поперек горла комом и не давала дышать. — И мы принесли доказательства. Кирпичи! Все четыре штуки. Сам собирал каждый осколок! Но нас послали.

— Куда?

— Просто послали.

— Понятно, — вздохнула я и спросила: — В какой, говоришь, комнате прячется наше будущее умертвие?

— Зачем тебе? — насторожился Адам.

— Но он же хочет вернуть подписанное согласие? — Я выразительно изогнула брови. — Схожу с ним обитель боли и тлена.

— Варлок, ты ему правда поможешь? — в голосе Бранча появилась надежда.

— Ты недавно сказал, что мы большие друзья, — пояснила я, с чего вдруг решила наведаться в темную башню вместо столовой. — Никто не позволит другу поймать башкой кирпич и стать питомцем. Если, конечно, он сам этого не желает.

— Он не желает! — немедленно уверил Адам, назвал номер комнаты, а потом как-то очень по-хитрому постучал по перилам. — Кодовый стук, чтобы отсечь чужаков! Запомнила?

— Ага, — согласилась я, мгновенно забыв, что он изображал, и начала подниматься по лестнице на этаж, где жила жертва некромантского произвола.

Коридор оказался тих, и даже дверь в комнату Стоуна излучала страх. Имя Майкла на табличке, висящей возле стены, было погашено, словно он уже не жил в общежитии. Я требовательно постучалась и позвала:

— Стоун, открой! Это Варлок!

— Чем докажешь, что ты Варлок? — промычал из-за дверь жалобный голос.

— Ладно, сиди там, — отозвалась я. — Думала сходить к некромантам, но лучше выпью кофе. Почаще смотри в небо, Стоун, чтобы ничего не прилетело сверху...

В замке немедленно загромыхал ключ. Вспыхнула, должно быть, заколдованная ручка. Дверь приотворили на длину цепочки, и в просвете появился Майкл. Выглядел он не просто кандидатом в умертвия, а готовеньким, свеженьким умертвием: бледный, осунувшийся и со всклокоченными волосами.

— Страдаешь? — хмыкнула я.

— И впрямь Варлок! — охнул он.

— Впусти.

Стоун быстро снял цепочку и чуток расширил щель, предлагая мне втянуться бочком. Цыкнув, я заставила его открыть нормально, но только перешагнула через порог, как из соседней комнаты вылетел рыжеволосый, конопатый парень в помятой одежде. В прямом смысле слова, теряя на ходу домашние туфли, он бросился к нам.

— Стоун, не запирайся! Просто дай мне переодеться!

— Нет, — твердо отказал Майкл и захлопнул дверь буквально перед носом соседа.

— Стоун! Я с вечера не могу попасть в комнату! — Рыжий начал ломиться в комнату. — Клянусь, я вообще не знаю ни одного некроманта!

Мысленно я восхитилась непоколебимой уверенностью Майкла, что вокруг него только охотники за головами, таскающие за пазухой по кирпичу.

— Сосед тоже не внушает доверия? — фыркнула я, рассматривая перевернутое вверх дном мужское жилище.

Казалось, что внутри произошло нашествие драконовых варваров: белье на кроватях сбито комом, вещи разбросаны, из мусорного короба под заваленным письменным столом торчали бутылки.

— Бранч рассказал странную историю про тебя и некромантов. — Я обернулась к нему. — Говорит, ты решил податься в умертвия. Запомнил, кому себя завещал?

Майл насупился, но проскрипел:

— В прошлый раз эти подонки... уронили меня в могилу.

Хотела пошутить, что, возможно, они уже вили гнездышко будущему питомцу, но шутка показалась пугающе правдивой.

— Раз ты все еще при пальцах, голове и памяти, то пойдем, Стоун.

— Я ободряюще похлопала его по плечу. Плечо оказалось хлипенькое.

— Куда? — Майкл побледнел еще сильнее и чуток попятился.

— В большой мир, — хмыкнула я. — Покажешь, кто с тебя стряс согласие.

— Ты хочешь, чтобы я сам пошел к некромантам?!

— Почему же сам? — не поняла я. — Со мной. Сходила бы одна — быстрее вышло, но только ты знаешь героев в лицо. Не бойся, на меня кирпичи не падают.

— Да, но они падают на меня!

— Смелее, Стоун! Обещаю, что вернешься живым и здоровым. — Я вытащила из кармана маленькие часики и проверила время. — Про кофе можно забыть, но если повезет, еще на демонологию попадем. Двигаем?

— Прямо вот так? — Майкл развел руками.

Я оглядела его несвежую одежду, домашние туфли и всколоченные лохмы.

— Ты, конечно, можешь надеть парадный костюм, если очень хочешь, но только быстренько.

— В смысле, пойдем без всего?

— Предлагаешь им прихватить гостинцев?

— Я имею в виду: безоружные!

У меня вырвался смешок.

— Стоун, ты магию на ночь отстегиваешь и в шкатулку прячешь? Ты же темный чародей! Знаешь, как говорил мой дедуля Варлок? Ведьмаки, не стесняйтесь колдовать! Отличный, по-моему, совет. Всегда следую.

— Но... — попытался воспротивиться он насильственному выходу в свет.

— И ни разу не пожалела.

В жизни не подумала бы, что придется толкать мотивационные речи Майклу Стоуну! На первом курсе я искренне считала, будто он страдает немотой, и так же искренне удивилась, когда на следующий год выяснилось, что не страдает. Не поймите неправильно. Он никогда не подавал на занятиях голос, а вне учебных аудиторий мы не встречались даже в столовой.

Майкл действительно вдохновился, резко выдохнул и кивнул, полный мрачной решимости поставить обидчиков на место. Или хотя бы вернуть подписанное согласие.

Я распахнула дверь. В коридоре с задумчивым видом стоял Бранч. Он собирался постучаться, даже поднял кулак, но, видимо, напрочь забыл хитрый шифр. За его спиной, словно на волнах, над полом качался дорожный сундук. Следом в очереди переминался с ноги на ногу встрепанный рыжий сосед.

— Вы куда собрались? — забеспокоился Бранч.

— К некромантам, — сцедил Стоун.

— Прямо сейчас? Я с вами!

— Ну теперь-то можно переодеться? — взвыл сосед Майкла.

Он рванул в комнату, заставив нас отпрянуть в разные стороны.

— Дай сундук занести! — возмутился Бранч, окончательно проникшись ролью камердинера при беглеце.

Рыжий не стал спорить, просто впихнул бандуру и театрально хлопнул дверью.

— Вперед, лучшие друзья, — скомандовала я.

Факультет некромантии обосновался в башне с острым шпилем, стоящей как будто в отдалении от основного учебного корпуса, но соединенный с ним галереей. Обычно народ не вламывался к поклонникам загробной жизни, по крайней мере, в трезвом уме и не на спор, но если дела вынуждали и избежать визита не удавалось, то все заходили с улицы. Внутренним переходом по большей части пользовались магистры, и мы сегодняшним погожим утречком. Ведь солнышко светило, листья с деревьев красиво опадали, но выскакивать без пальто на улицу и огибать массивные корпуса, чтобы подняться по парадной лестнице с горгульями, не возникало никакого желания.

Приятели молча шли рядом со мной, всем своим видом демонстрируя смелость навести шороху у обидчиков. Но пока мы петляли по все еще тихим коридорам, рекреациями и лестницам,

мужества у обоих чуток поубавилось. Особенно у Стоуна. Перед тяжелой высокой дверью с неприятной табличкой с названием факультета и именем декана он вдруг оробел.

— Нам нужен план! — тихо проговорил он, словно мы находились не в Деймране, а в склепе первого ректора и из уважения к ведьмаку, основавшему лучшую темную академию семи королевств, следовало сбавлять звук.

— Не переживай, Стоун, — подбодрила я, — не потеряемся.

— План вторжения!

— А чем тебе дверь-то не нравится? Тут не заперто. — Я дернула на себя ручку, и дверь поддалась с неприятным скрипом. — Открыл и вторгайся на здоровье. Только осторожно, там сразу ступеньки.

Через порог приятели перешагивали с такими минами, словно не в соседнюю башню входили, а в адское чистилище.

— И это все? — не понял Брач, оглядевшись вокруг.

— А чего ты ждал? — хмыкнула я.

Интерьером обитель зла и тлена действительно мало чем отличалась от других корпусов Деймрана: те же облицованные камнем стены, портреты магистров, питьевой фонтанчик. Разве что места меньше. Но некроманты немногочисленны: на шесть курсов вряд ли сотню наскребешь.

Магический талант управлять умертвиями передавался или от отца к сыну, или его получали во время ритуала вызова в тринадцать лет. По-настоящему демонический дар, полностью меняющий сознание темного мага. Мрачный народ предпочитал шумным живым компанию безмолвных мертвых. Друг друга они тоже недолюбливали, но не так категорично, как окружающий мир. В принципе, по утрам я их понимала.

Когда мимо нас прошли двое лысых парней в черном, Бранч и Стоун, сами того не замечая, уважительно подвинулись к стене. Слышала, что волосы некроманты сбрасывали ради безопасности. Не раз случалось, что умертвия снимали с хозяев скальп.

— Как мы их будем искать? — Майкл с подозрением смотрел вслед удаляющимся некромантам, словно пытался по затылкам опознать обидчиков.

— А чего их искать? — удивилась я. — Сейчас завтрак. Все сидят в столовой. Или считаешь, что некроманты не едят?

— У них есть столовая? — с детской непосредственностью спросил Бранч.

— Нет, готовят еду на погребальном костре!

Обеденный зал я нашла без проблем — на первом курсе помогала местным с бытовыми чарами, и в ответ они пригласили меня на ужин. В столовую башни. Такая специфическая благодарность по-некромантски. Потом еще устроили экскурсию в мертвецкую, где в опечатанных магией клетках держали умертвий.

Мы встали в открытых дверях и осмотрелись. Пахло овсяной кашей и кофе. Мрачные лысые парни разной степени татуированности так же мрачно завтракали: гремела посуда, звенели столовые приборы.

— Эй, маги, потерялись? — громко спросил один из некромантов за ближайшим столом.

Бранч выпятил грудь. Стоун попятился.

— Поесть пришли. В нашей столовой каша закончилась, — соврала я и толкнула Стоуна локтем: — Майкл, кто из них метит тебе в хозяева?

— Да они все на одно лицо! — прошипел он, потирая ушибленное место, но вдруг охнул: — Вон тот с татуировкой!

В этом обеденном зале татуировок не было только у нас. В смысле, у меня — точно, как у приятелей — не знаю.

— Какой из них? — Я изогнула брови.

— С живым рисунком на голове!

За угловым столом закладывался завтраком знакомый квартет копателей-вандалов. Я вспомнила их имена по портретным карточкам, висевшим рядом с моей на доске позора. Очкарика звали Сомерсет, типа с живой татуировкой на макушке — Лайонел, а двух оставшихся... Нет, эту парочку не запомнила.

Внезапно мы встретились с Лайонелом глазами. Он нахально ухмыльнулся, видимо, догадавшись, что наша компания возникла в дверях не ради экскурсии по заповедным местам.

— Бранч, Стоун, позавтракаем? — спросила я и двинулась к стойке раздачи.

— Здесь? — не поняли те.

— А какая разница? — обернулась я к ошарашенным приятелям. — Некроманты по утрам тоже пьют кофе.

Не то слово пьют — поглощают! Просто упиваются им по утрам, если брать во внимание, что у замковых духов осталась только забеленная бурда, которую кофе называет только Закари Торстен. Пришлось взять несладкого чая. Бормотуха оказалась такой нечеловеческой крепости, что поверхность моментально покрылась плотной темной пленкой. В общем, провидение всеми силами подталкивало меня творить добро под истинно чародейское настроение.

— Варлок, а ты что здесь делаешь? — встрепенулся очкарик, когда мы остановились возле их стола.

— Позавтракать хотим. И поговорить.

— Привел парламентаров, должник? — издевательски протянул задира Лайонел, заставив Стоуна содрогнуться. — Смотрю, ты живой и здоровый.

— Твоими молитвами, — вставила я.

— Я не молюсь.

— А надо бы... — пробормотала я и с непроницаемым видом подвинула его поднос своим. Вообще-то, у меня стояли только кружка с чаем и горшок неопознанной еды. Просто взяла первый попавшийся, не проверив, что кухонные духи на завтрак послали.

Мы расселись. Некоторое время над столом висело странное молчание. Бранч настырно размешивал в плошке горячее. Майкл прятал дрожащие руки под столом, не пытаясь притронуться к еде. Я приоткрыла крышку на горшочке, обнаружила густую манку и мысленно выругалась. Хорошо же утро начиналось!

— Ребят, какой день гадаю... Вы зачем выкопали ректора? — Я оглядела противников фальшиво-заинтересованным взглядом и сунула в рот ложку манной каши.

— Лайонел — его потомок, — охотно пояснил очкарик.

— Решил лично познакомиться с родственником? — со смешком уточнила я.

— У них в клане ходила легенда. Говорили, ректор был настолько силен, что его тело не тронул тлен. По закону потомки имеют право его поднять и пробудить...

— Заткнись, Сет, — рыкнул на него Лайонел. Татуировка заметалась по лбу, перетекла на бровь, а потом залила глаз. Он снова начал поразительно походить на кота Пирата из башни Варлок.

Сомерсет честно прикусил язык и выдержал в молчании целых десять секунд, но было видно, что парня распирает рассказать нелепую историю, как предводитель братства, фигурально выражаясь, уселся в затопленную могилку. Да просто провалился в нее по густые брови и едва не захлебнулся!

— Легенды врут? — мило улыбнулась я.

— Ректора придали огню! — выпалил он и выдохнул от облегчения. — В могиле лежала погребальная урна.

— Какой он предусмотрительный. — Я бросила на Лайонела ехидный взгляд и резковато проговорила: — Поэтому ты закошмарил моего друга и выбил из него согласие на посмертие? Очень собственное умертвие хочется, потомок четвертого ректора?

Повисла острая пауза. Люди всегда теряются от обезоруживающей честности.

— Эй, ведьмак, разве тебя кто-то принуждал подписывать согласие? — с нахальным видом осклабился Лайонел. — Он дал его добровольно.

Стоун шумно сглотнул, напрягшись всем телом, и сжал под столом кулаки.

— А теперь мой друг передумал, — произнесла я и вкрадчиво добавила: — Верни.

— Или что?

— Сейчас же.

Улыбка некроманта стала паскуднее. Он перегнулся через стол и тихо спросил:

— Ты хочешь что-то предложить взамен?

С ума сойти! Я искренне полагала, что даже в башне некромантов не осталось отшибленных на голову смельчаков, готовых со мной тягаться. Или этот ректорский потомок пришел в академию уже после того, как мы с Торстеном перешли в стадию холодной войны?

— Хочешь заключить сделку с темной магией, некромант? — мягким голосом уточнила я и, не разрывая зрительного контакта, тоже придвинулась к нему чуток поближе.

— Я не заключаю сделки с ведьмами. Ты готова дать мне разрешение на посмертие вместо друга?

Все за столом обалдели. Повисшее молчание особенно остро ощущалось на фоне гудящего зала.

Внутри медленно закручивалась воронка ярости. Я честно пыталась попросить по-хорошему. Он начал первый. Все видели! Хотелось немедленно приложить ладонь к макушке, покрытой темной жесткой щетиной, и с помощью чар объяснить, как сильно этот товарищ меня бесит. Но я же, право слово, не некромант, чтобы начинать задорную склоку при свидетелях.

Отодвинувшись от шантажиста, я легкомысленно пожала плечами:

— Да легко.

Бранч поперхнулся на вздохе. У Стоуна натуральным образом отпала челюсть. Не глядя, я пальцем вернула ему челюсть на место. Некроманты, прямо сказать, тоже выглядели сильно удивленными.

— Но сначала хочу посмотреть, что меня ждет после посмертия, — потребовала я. — Покажите, парни, хоть как выглядят умертвия... А то ведь не знаешь, когда на голову прилетит кирпич.

— В мертвецкой плохо пахнет, подруга, — со смешком заявил один из побратимов.

— У меня насморк, — отозвалась я и, поднявшись со скамьи, одернула отутюженный чистый пиджак. Скорее всего после возвращения из башни некромантов придется снова отдавать в стирку.

Квартет переглянулся и начал подниматься. Бранч тоже завожился.

— Адам, останьтесь с Майком в столовой, — попросила я.

Не хватало еще, чтобы мешался под ногами. Вдруг светлой магией зацепит? Потом начнет жаловаться и требовать взять за себя ответственность. Я знаю себя: взбешусь и еще немного отсыплю добра.

Здоровяк настырно оторвал зад от лавки.

— Нет уж, Варлок, одну с этими маньяками я тебя не отпущу.

— Останься.

Пришлось надавить ладонью ему на плечо и припечатать магическим разрядом, чтобы проникся просьбой. Он не только проникся, но и скривился:

— А с другой стороны, посторожу Стоуна.

— Ты настоящий друг, Бранч. Очень больно? — Я сочувственно поморщилась, когда он промычал нечто неразборчивое, и окликнула очкарика: — Сомерсет, посиди с моими друзьями, чтобы им скучно не было.

Тот недоуменно переглянулся с побратимами.

— Почему я?

— Ты мне нравишься. И очки у тебя забавные.

Мы встретились глазами. Сомерсет слегка поменялся в лице, догадавшись, что чародейка Марта Варлок готова сеять светлую благодать. Много и со вкусом. Даже пальцы зудят!

— Слушай, Лай, просто отдай ей согласие, — пробормотал он, дернув жоака некромантской стаи за рукав.

— Ага, — хмыкнул он. — Только устрой девушке экскурсию.

Смотреть в башне некромантов было особенно не на что. Из примечательного здесь хранились только новодельный портрет Дормадора Торстена и старый одержимый скелет. Дормадор являлся известным в прошлом некромантом, который по щелчку пальцев воскрешал мертвецов. Но сначала закапывал их живьем. Я обожала эту историю и во время склок не забывала напоминать Закари об особенностях родословной.

Скелет же был незамысловато одержим темной сущностью и усыплен скрепляющей печатью. В этом году парочка непуганых удалцов с факультета темных искусств пробудили его на спор. Говорят, битва выдалась славная! Оба парня остались покусаны, скелет лишился пальца. Повезло, что не наоборот. Скандал на два факультета гремел еще седмицу.

В отличие от моих однокурсников, тайком проникающих в подземелье через вход в склепе первого ректора, мы спустились по винтовой лестнице с высокими перилами. Без дела в мертвецкую соваться не позволяли. На двери даже не было ручки, а в центре темнели три ряда выжженных крупных точек. Но некроманты всегда жили по принципу: конечно, нельзя, но если очень хочется, то можно. Видимо, поэтому Стоуну на голову едва не прилетел кирпич.

Лайонел воровато проверил пустой холодный коридор подземелья, проворно достал из чехла на поясе ритуальный кинжал и быстрым росчерком соединил несколько точек-меток. В полумраке хищно вспыхнула сложная фигура. Тяжелая замковая дверь приоткрылась с глухим стуком, словно ее толкнули изнутри.

— Добро пожаловать, — с улыбкой галантного маньяка пригласил он.

Я перешагнула через порог. В нос ударил специфический запах. От движения на низком потолке вспыхнули лампы, и просторное помещение залил бледный свет. Побратимы проникли в мертвецкую следом, но умертвия в клетках, а их было не меньше десятка, никак не отреагировали на вторжение. Магические печати, наложенные на загоны, погружали монстров в состояние глубокого покоя, и постоянного зрителя к ним не приставляли. Было незачем.

Дверь закрылась. Мы остались вчетвером, без свидетелей...

Попались, ребята!

— Любишься, — с сарказмом в голосе предложил Лайонел.

— Почему здесь только самцы? — спросила я, словно действительно ничего не знала об воскрешенных.

— В Деймране считают неэтичным заводить самок, — ухмыльнулся он. — Мечтаю избавиться от этого идиотского заблуждения.

— Ты у нас, выходит, прогрессивных взглядов, — фыркнула я и с фальшиво заинтересованным видом встала напротив одной из клеток.

Умертвие в ней оставалось неподвижным и словно окостенелым. Безвольно свисали лапы-руки, белесые мертвые глаза таращились в пустоту. На лбу было выжжено клеймо, означающее, что мертвец поднят по согласию на посмертие и принадлежит академии.

— Вам рассказывали, сколько существует светлых печатей, чтобы усыпить мертвого? — мягким, вкрадчивым голосом произнесла я и повернулась к парням, попутно прикидывая, на какое расстояние они разошлись. — Десять. Но только одна превращает воскрешенного в тлен. Ее называют «милосердной смертью».

— Учишь теорию чародейства? — ухмыльнулся Лайонел и переглянулся с друзьями.

Они потешались над ситуацией, а во мне зрел азарт. На кончиках пальцев начинала потрескивать светлая магия.

— С практикой тоже знакома неплохо. — Спрятав руки за спину, я начала к нему приближаться и незаметно плести чары, изящные, тонкие, способные обездвижить, но не принести реальный вред. — Первые годы светлых обучают защите, потом показывают, как нападать. А знаешь, чему сначала учат по-настоящему сильных чародеев? Сдерживаться. Всегда, везде и со всеми. Но когда постоянно сдерживаешься, всё вокруг начинает так страшно бесить...

Нас разделило расстояние не больше шага. Лайонел пропустил мимо ушей все непрозрачные намеки и не сделал ни одной попытки отодвинуться.

— Просто отдай согласие по-хорошему, потомок четвертого ректора, — тихо произнесла я, не сводя тяжелого взгляда с его лица. — У тебя еще есть шанс выйти отсюда на своих двоих.

— Ты смелая, да?

Ладно. Кто не спрятался, я не виновата.

— Как хочешь.

Я впечатала чары ему в солнечное сплетение. Брызнула вспышка. Болезненно сморщившись, Лайонел застонал и упал на одно колено. В глазах все еще светилось непонимание, что из нас двоих — попал в неприятности именно он.

Побратимы опешили от неожиданности и замешкались. Секундой позже невидимая глазу сеть сковала одного в нелепой позе, когда он безуспешно пытался совладать с ножнами и вытащить ритуальный кинжал — без этого артефакта некроманты колдовали паршиво.

Третий оказался проворнее и энергичнее, он-то кинжал выхватил и уже махнул им в воздухе. В мою сторону полетело заклятье. Удар перехватить не успела, только отклониться. Магия прошла по касательной, задев щеку, и врезалась в клетку с умертвием. От мощного удара содрогнулись прутья.

— Опустит кинжал! — велела я некроманту.

Да кто бы меня послушал? Они вообще не слышали добрых советов. Второе заклятье отразилось от защитных чар и в мгновение ока вернулось к хозяину. Кинжал со звоном отлетел на пол. Черная паутина спеленала парня по рукам и ногам, затянула голову. Превратившись в монструозную куколку шелкопряда, он с грохотом ухнул лицом в пол и болезненно застонал от удара.

— Какое необычное заклятье! — искренне восхитилась я. — Научишь потом?

Из-под паутины донеслось неразборчивое ругательство. Похоже, меня послали в... запутанные коридоры академического подземелья.

Драка закончилась быстрее, чем началась. Внутри гудела светлая магия, требуя расправы, но Лайонел застыл, рухнув на одно колено. Второй противник окаменел, вцепившись в кинжал. Третий окуклился,

не рассчитав собственные силы, а у меня сильно горела задетая заклятьем щека.

Я приблизилась к обездвиженному Лайонелу и, присев на корточки, спросила:

— В каком кармане, говоришь, согласие?

Он выпучил глаза и яростно замычал. Видимо, тоже посылал меня в запутанные коридоры подземелья.

— А... ты же не говоришь, — пробормотала я и шлепнула парня по губам, вернув им подвижность.

— Ты кто, демон дери, такая?! — рявкнул он хриплым голосом.

— Потомок четвертого ректора, смотрю на тебя и не пойму: ты наивный оптимист или отчаянный глупец? — покачала я головой. — Действительно считал, что старшая дочь ковена Варлоков позволит кому-то превратить себя в умертвие? Да верховный мне шею свернет, потом возродит и снова упокоит.

— Ты светлая в Деймране!

— Добро пожаловать в неизведанный мир чудесных открытий, — вздохнула я и кивнула: — Согласие во внутреннем кармане?

— Оно не здесь!

— Ой, да брось заливать. — Я поморщилась. — Вы, некроманты, всегда таскаете такие вещи с собой.

Без стеснения я сунула руку во внутренний карман его кожаной куртки. В нем оказалось пусто.

— Действительно не здесь, — резюмировала я.

— Ты об этом пожалеешь! — прошипел некромант.

— Это вряд ли. Но если ты хочешь, чтобы вся академия узнала, как вас скрутила девчонка, кто я такая, чтобы тебя отговаривать, — проговорила я, проверяя другой карман куртки, но внутри обнаружилась дырка и никакой смятой бумаженции. — Только не говори, что согласие лежит в кармане брюк!

Лайонел поджал губы. На мгновение прикрыв глаза, я выпрямилась и обошла его со спины.

Сложенная вчетверо бумажка была аккуратно заправлена в задний карман и с любопытством высовывала уголок. Двумя пальцами я вытащила листик, аккуратно расправила и обнаружила шпаргалку по вызову какого-то древнего духа с криво нарисованной чернилами ведьмовской звездой.

— Святые демоны... — пробормотала я и спросила: — Дай направление: в правом или в левом кармане? Не заставляй меня проверять оба.

— В левом, — зло сцедил Лайонел.

— А сразу нельзя было признаться? — буркнула я и уверила: — Помни, что мне так же неприятно, как тебе.

Сморщившись, я вытащила из его переднего кармана измятую бумажку. На криво вырванной из лекционного блокнота страничке неразборчивым почерком было написано согласие на посмертие, стояла подпись Стоуна и бурый кровавый отпечаток большого пальца.

— Благодарю.

Листик отправился теперь в карман моего форменного пиджака.

— Убери чары! — прокрипел он.

— Через полчаса сами растают. У вас двоих точно, а через сколько освободится он... — Я бросила взгляд на завернутого в магическую паутину третьего побратима. — Если честно, понятия не имею. Хорошего дня, парни.

В тишине по-звериному зарычали. В большом недоумении я обернулась к клетке. Заклятье некроманта, попавшее в прутья, похоже сорвало печати, и монстры очнулись. В следующее мгновение с корезающим скрипом раскрылась решетчатая дверь. Преграды между нами и умертвиями не осталось.

Первым порывом было закрыть клетку чарами, я даже вскинула руки, и именно этот неосторожный жест заставил воскрешенного, стоящего перед свободным проходом, рвануть вперед. Лайонел, как единственный из некромантов, способный сейчас выразить мысль не только страшным взглядом, выругался.

Немедленно замерев, я изобразила неподвижную статую. С поднятыми руками. В общем, одежная вешалка, а не статуя. Но монстр встал как вкопанный и принялся. Ноздри раздувались, белесые глаза буравили точку где-то у меня между бровей.

Опечатаешь его и что? В клетке сидели, в смысле, стояли еще четыре очень голодных самца. От любого резкого движения они рванут в зал и нападут, а у нас тут три человека в полной неподвижности, неспособные защищаться. Да умертвия мне спасибо скажут и еще попросят! С нечеловеческой скоростью плести печати

умели разве что профессиональные ловцы, но даже они никогда не совались в гнезда к монстрам поодиночке.

— Парни, я сейчас вас освобожу. Вы его усыпляйте, а я захопну клетку, — не спуская с чудовища напряженного взгляда, предложила план, в котором студентка с последним предупреждением от декана не портила академическую собственность.

И ведь рабочая была схема! Я немедленно перешла к ее воплощению и едва заметно пошевелила пальцами, заставляя светлые чары растаять. Мы бы справились, но темное заклятье, спеленавшее третьего побратима, оказалось недолговечным и лопнуло сама собой. В тишине раздался глухой хлопок. Умертвие кинулось в мою сторону...

Рефлекторно, как когда-то учили в башне Варлок, я выбросила печать. Брызнула ослепительная вспышка. Обездвиженный монстр с грохотом опрокинулся на спину. От прожженной на грудной клетке рубахи потек сероватый дымок.

Через звон ушах пробились лязг закрытой клетки и отчаянные ругательства. Второе умертвие успело выскочить из загона и сбить Лайонела с ног. Потомок четвертого ректора прикрывался согнутой рукой. С рычанием монстр зубами рвал рукав кожаной куртки, пытаюсь добраться до живой плоти.

К счастью, какими бы недоумками троица ни была, учили их на совесть. Один из побратимов подоспел на помощь и твердой рукой всадил клинок в плечо умертвия. Прозвучали слова заклятья. По грубой ткани рубахи, надетой на воскрешенного, стремительно расползлись черные тонкие струйки магии. Монстр обмяк с вырванным куском куртки в пасти и распластался на Лайонеле, как на матрасе.

— Проклятье! — рыкнул тот, предпринимая отчаянные попытки выползти из-под неподвижного тела.

Остальные чудовища тянули через прутья лапы, стараясь уцепить корм хотя бы когтями. И жрать! Жрать, пока не насытятся. Жутковатое зрелище, если честно.

Когда подпевалы стаскивали обездвиженное умертвие, придавившее лидера их квартета, стремительно раскрылась входная дверь. В мертвецкую ворвался незнакомый мне магистр в длинном кожаном плаще. Высокий, выбритый, как все некроманты, и очень,

очень злой. Казалось, от него в разные стороны разлетались клоки темной магии.

— Какого демона тут происходит? — во всю силу легких рывкнул он хриплым голосом, в ответ из запертой клетки зарычали умертвия, мы подать голос не посмели. — Спать!

В загоне все стихло. Кажется, он вернул монстров в состояние глубокого покоя одним движением брови. Заодно и нас. Видимо, этого магистра на факультете некромантии боялись и уважали: парни практически вошли в транс, как мыши перед удавом.

— Вы что же, паршивцы, — сцедил он, окатив их тяжелым взором, — затащили сюда девчонку и начали ее травить?

Меня?

— Ее?! — в три голоса возмутились обалдевшие парни. — Магистр Вейвольд, она светлая! И мертвяка опечатала...

Недолго думая, я прикрыла лицо ладонями. Следовало пустить горькую слезу, но в детстве меня забыли научить плакать. Даже в такие моменты, когда действительно стоило возрыдать, я не могла выдавить из себя ни слезинки, только бесилась и мечтала сеять светлую благодать. Пришлось просто громко всхлипнуть. Пусть артистичностью я никогда не страдала, получилось жалобно и очень испуганно.

— Студентка, с какого ты факультета?

— Темных искусств.

Я отняла ладони от лица и с убитым видом доверчиво посмотрела на магистра. Судя по тому, как у него поползли на лоб густые брови, горящая после заклятья щека выглядела печально. Можно было не изображать всхлипы.

— Они потребовали, чтобы я им дала согласие на посмертие, — заложила бывших подельников по упокоению академической собственности. — Сначала закошмарили моего друга, а теперь меня.

— Да вы рехнулись, подлецы?! Этому я вас учил? — замечательным басовитым раскатом рыкнул он и тут же мягонько прогудел, по-мужски грубовато сжав мне плечо: — Как тебя зовут, ромашка?

— Марта Варлок, господин магистр, — представилась ему. — Умертвия вырвались из клетки. Я была вынуждена защищаться.

И ведь ни слова не соврала!

ГЛАВА 12. По законам темного ковена

Обстановка в кабинете магистра Вейвольда была скромная и без претензии: тяжелая темная мебель, массивные шкафы с глухими дверцами. В таких обычно хранили артефакты, которые не хотели выставлять на всеобщее обозрение, иногда оружие. На столике-подставке, напоминающем пюпитр, лежал закрытый на застежку черный гримуар с ведьмовской звездой. Судя по этому знаку, в книге был заточен дух создателя, и содержание она показывала только после жертвы кровью.

На широком подоконнике стояла клетка со скелетами мышей. Маленьких и трогательно злобненьких. Каждый раз, когда магистр проходил рядом, воскрешенные грызуны, стоя на задних лапах, синхронно поворачивались вслед. Забавные создания! Куда как лучше нечисти в бутылочках. Завела бы себе, если бы не боялась остаться без пальцев.

— Держите, госпожа чародейка. — Магистр вышел из примыкающей к кабинету комнатухи и вручил мне чашку с не успевшим завариться чаем. — Успокоительный чай.

Во время бестолковой очной ставки с парнями Вейвольд выяснил, что я та самая студентка с магической аномалией с факультета темных искусств. Из ромашки он повысил меня до светлых чародеек и перешел на издевательский официоз. Насколько понимаю, в его картине мира эти два понятия стояли где-то рядышком. Возможно, между ними затесалась «фиалка».

— Благодарю. — Я забрала кружку.

— Пейте осторожнее.

— Горячее?

— Я плеснул виски.

Да неужели? Никогда не пила с утра ничего крепче кофе, но посмотрела на плавающие по поверхности чайники с большим уважением. Они-то уже успели расслабиться.

В историю, где нежная девица обещает суровым некромантам посмертную жизнь, а сама коварно заманивает их в мертвецкую подальше от чужих глаз и раскидывает, как щенков, магистр,

естественно, не поверил. Не выбирая выражений даже ради нежных ушей милой дамы, магистр выставил парней из кабинета. Пока идет разбирательство, сколько именно трепетных «ромашек» едва не поймали башкой кирпич, им запретили покидать стены академии. И лихому квартету пришлось дать магическую клятву!

— Декан Мэдлей скоро будет, — добавил магистр, но, видимо, не узрев в моем лице понимания, кто именно посетит благородные посиделки с пьяным чаем, пояснил: — Декан факультета темных искусств.

— Конечно, — пробормотала я, почувствовав себя странно от того, что вообще не вспомнила фамилию главного тирана факультета.

Однако не зря умные люди говорят, что не стоит призывать в мир первородное зло, оно непременно отзовется и с радостью призовется. Едва магистр вспомнил о декане, как тот ворвался без стука, не дав ни чайку с виски спокойно поцедить, ни пьяных чаинок пожевать.

Как диктовали хорошие манеры, я аккуратно поднялась из удобного обтянутого кожей кресла и в некотором замешательстве огляделась вокруг, не зная, куда пристроить горячую чашку.

— Магистр Вейвольд, — проговорил декан с порога, — благодарю, что вы не стали привлекать ректорскую приемную и связались со мной напрямую! Согласен, случай совершенно вопиющий!

— Декан Мэдлей, мы не хотим широкой огласки, — проговорил магистр. — Напавших парней перевели в академию только в прошлом семестре. Один из них потомок четвертого ректора. От лица факультета некромантии я приношу вашей подопечной и всему факультету темных искусств искренние извинения за поведение моих студентов.

— Вы хотите извиниться перед нашим факультетом? — недоуменно уточнил декан.

— Перед госпожой Варлок, — уточнил некромант, намекнув, что вторая половина извинений была выдана исключительно ради традиций. — Мои подопечные заперли вашу студентку в мертвецкой и угрозами пытались выбить из нее согласие на посмертие.

— Вот эту студентку? — переспросил декан, и, кажется, даже его лысина источала недоумение — Марту Варлок?

— Верно.

— *Они* угрожали госпоже Варлок? — никак не мог поверить декан. — Не наоборот?

— Так и есть, — в замечательном голосе магистра прозвучали раздраженные интонации. — Сейчас, когда руководитель нашего факультета в отъезде, и я невольно выполняю его обязанности, мне бы искренне не хотелось поднимать шумиху. Обещаю, что обидчики понесут заслуженное наказание.

Декан сморщился, как от зубной боли, и проскрипел:

— Что скажете, госпожа Варлок?

— Я принимаю извинения.

— Тогда у меня есть вопрос, который я, с позволения магистра, задам. — Мэдлей посмотрел на некроманта, и тот махнул рукой, словно нашему тирану действительно требовалось чье-то разрешение на публичную порку. — Объяснитесь: для чего вы заявили на факультет некромантии, устроили безобразный переполох и уничтожили академическое имущество?

Стало ясно, что он, наш проницательный декан, гроза всех студентов факультета темных искусств, в отличие от магистра некромантии, ни на минуту не поверил в рассказ о притесненной и обиженной светлой чародейке Марте Варлок.

— Академическое имущество не уничтожено, а на некоторое время из движимого имущества превращено в недвижимое, — въедливо уточнила я, не желая приписывать себе подвиги, которых не совершала, и посмотрела на Вейвольда, как единственного вменяемого в этом кабинете магистра. — Не могла же я позволить себя съесть. Согласитесь?

— Полностью согласен, — невозмутимо кивнул он.

— Вы не ответили на мой вопрос, — резковато произнес декан. — По какой причине вы появились башне некромантов?

— Из-за Майкла Стоуна. Студенты факультета некромантии силой заставили Майкла подписать согласие на посмертие. Он опасался за свою жизнь и попросил защиты у ковена Варлоков. По законам моего темного ковена я обязана лично разобраться в ситуации.

— Какая еще угроза жизни? — начал закипать декан.

— Прямая. Ему на голову сбросили кирпич.

— Кирпич?! — нараспев повторил он.

— Четыре раза.

— Кретины... — пробормотал магистр Вейвольд и, облокотившись о стол, потер переносицу.

— Почему он не обратился в деканат? — сцедил Мэдлей. — В Деймране мы живем по уставу академии, а не темных кланов.

— Майкл обратился в деканат, — кивнула я, — но ровным счетом не добился никакой помощи.

— На каком факультете учиться этот ваш обиженный Стоун? — сцедил декан.

— На факультете темных искусств, — невозмутимо объявила я. — Мы с ним однокурсники.

Со стороны Вейвольда раздалось покашливание, явно маскирующее ироничный смешок. Декан Мэдлей, гладкостью лысины способный потягаться с любым из некромантов, пошел красными пятнами. На лице внезапно начал сокращаться мускул.

— И ковен Варлок, безусловно, подтвердит просьбу о защите? — сцедил он, видимо, не зная, к чему еще придаться.

— Безусловно, — отозвалась я, ни секунды не сомневаясь, что отец подтвердит любой запрос, если академия захочет проверить слова его старшей дочери. Просто из принципа. Варлоки своих не бросают никогда.

— Я поговорю со студентом Стоуном. Без представителей ковена, если вы позволите. Возвращайтесь на занятия, — скомандовал декан и, наскоро попрощавшись с магистром, стремительно вышел из кабинета.

Дверь захлопнулась. В тишине я скромно переминалась с ноги на ногу.

— Идите, госпожа чародейка, — отправил меня некромант в сторону лекториев и учебных аудиторий.

Оставалось вежливо попрощаться и направиться на выход.

— Кстати, — остановил он меня, — сколько наше движимое имущество будет оставаться недвижимым?

— Через седмицу очнется, — пообещала я и добавила: — Или две.

— Может, и три? — усмехнулся Вейвольд.

— Вполне вероятно, — согласилась я.

— Ты же вообще не ромашка, госпожа чародейка, да? И действительно уложила парней на лопатки.

— Мне нечего добавить к тому, что было уже сказано.

Мы встретились глазами. Как и положено по уставу, я не стала нахально таращиться в суровое лицо некроманта. Очевидно, он вычислял, насколько ромашка в его кабинете безобидна и не перепутал ли он ее с ядовитым олеандром. Перепутал. Мы знали об этом оба.

— До свидания, господин магистр, — попрощалась я.

Ни Бранча, ни Стоуна, тершихся под дверьми преподавательского кабинета, в коридоре уже не было. Видимо, их распугал взбешенный декан. Зато, привалившись спиной к грубой каменной кладке и скрестив руки на груди, стоял Закари. Он молча приблизился ко мне, взял за подбородок и заставил повернуть голову.

— Кто? — тихо уронил в тишине, присмотревшись к разбитой щеке.

— Случайно задело, — уверила я.

Он отпустил мой подбородок.

— Не хочу, чтобы ты решила, будто я попираю твое право развлекаться, но как вышло, что ты собиралась выпить кофе, а оказалась у некромантов и тебя *случайно задело проклятьем мертвых?*

— Взбесили.

— Это многое объясняет, но мало что рассказывает, — сдержанно прокомментировал он.

— Мне не понравилось, что некроманты силой выбили из Стоуна согласие на посмертие. Это же все равно что обижать ребенка!

— Кто такой Стоун? — не понял Закари.

— Если верить его словам, практически твой лучший друг. — У меня вырвался смешок, но Торстен совершенно точно не понимал, с кого именно начался сыр-бор. — Они здесь с Бранчем терлись в коридоре. Не видел?

— Не обратил внимания.

— Помнишь парня из могилы? Он и есть Стоун. — Стоило вспомнить нелепый кувырок Торстена в яму рядом с обмерзшим Майклом, стало смешно. — Ты еще к нему упал.

— Хочешь сказать, что могилу на нашего лучшего друга примеряли не вдруг, — с иронией заключил Зак.

— Я очень вежливо попросила некромантов вернуть бумагу. В ответ они предложили написать согласие на посмертие мне. Не смогла удержаться от соблазна и наглядно объяснила, как они неправы.

— Пстой... — Закари выставил указательный палец, призывая меня на секундочку прикусить язык. — Правильно ли я понял, Марта? Некроманты предложили тебе стать питомцем?

— Теперь понимаешь, почему я взбесилась? — усмехнулась я. — Но почему *ты* зол, Зак? Ничего особенного не случилось. Согласие Стоуна у меня. Ни на чью голову больше не прилетит кирпич. Добро свершилось, все одарены светлой благодатью...

— Я знаю. — Закари неожиданно склонился, крепко обнял меня и поцеловал в макушку. — Ты вовсе не стала слабее в моих глазах, Марта, отнюдь. Никогда такой не была. Это во мне проснулась потребность тебя защищать. Просто прими как данность.

Я так растерялась, что не придумала, чем ответить на очередное обезоруживающее признание и промычала:

— В следующий раз скажу, если соберусь к некрмантам.

— Дашь магическую клятву? — тихо уточнил он.

— Торстен, еще магическую сделку предложи заключить! — возмутилась я, освобождаясь от его объятий, случайно проехала щекой по пуговице на его пиджаке и болезненно сморщилась.

— Пойдем, — кивнул Зак, — тебе надо в знахарскую.

— Выглядит паршиво?

— Зеркало тебя не порадует.

Он оказался прав: зеркало в тихом приемном покое академической знахарской меня не только не порадовало, но и заставило вздрогнуть. По щеке словно провели угольком черную линию, и от нее на висок расплзалась паутинка прежде незаметных тоненьких сосудов.

— Узнаю проклятье мертвых, — с авторитетным видом заявил темный знахарь. — Ничего, мы с таким быстренько справляемся.

Лечение действительно не заняло много времени. Дымящимися кончиками пальцев он прижег сеточку. Ощущение было такое, словно кожу раз за разом жалила оса. Я сжимала деревянное сиденье стула и силой удерживала себя на месте, но то и дело вздрагивала.

Наблюдающий за нами Закари мрачнел с каждой минутой и к середине процесса начал смотреть *злым февралем*. В итоге из-за него свет в палате померк и приобрел драматическую резкость. Знахарь с полным правом выставил виновника магического катаклизма в приемный покой.

После экзекуции мне вручили круглое зеркальце на длинной ножке, и я хорошенько рассмотрела оставшийся от проклятья белый тонкий след с красными воспаленными краями, в точности повторяющий контур проклятья. Оказалось, что оно, как чернильная татуировка, оставляло на коже рисунок, который разрастался со временем. Убрать его с помощью мазей было невозможно, только выжечь.

Искренне жаль, что в мертвецкой я пожадничала светлой благодати. Проклятая привычка сдерживаться! Следовало приложить так, чтобы никто из лихой троицы в ближайшие две седмицы не мог держать в руках ритуальный кинжал. Они-то темных щедрот вообще не пожалели.

— Не расстраивайся, через пару дней след полностью пройдет, — уверил меня знахарь.

В приемном покое неожиданно собралась большая компания: Эмбер стояла с издевательской ухмылкой, Бранч с моей сумкой, Стоун в образе почти рыдающего парня, а Торстен просто смотрел на них со стороны с таким видом, словно попал в пансионат для душевнобольных. И главное: не понимал, как его в этот пансионат занесло.

— Варлок! — простонал Майкл и двинулся ко мне, протягивая руки. — Марта!

— Стоун, не смей меня обнимать! — отшатнулась я, но он все равно обнял меня поперек тела, уткнулся лбом в плечо и громко всхлипнул.

С растерянным видом я покосилась на Зака. Тот только со вздохом покачал головой и указал на двери знахарской, давая понять, что раз меня окружила толпа друзей, то он пойдет.

— Не рыдай, Стоун. Все живы, кроме умертвий. — Я неловко похлопала его по спине и решительно отодвинула от себя на расстояние вытянутой руки.

Он попытался снова прильнуть к моему, так сказать, сильному плечу. Пришлось выхватить из кармана измятое согласие и выставить перед собой, как защитный амулет, отпугивающий злого демона.

— Держи, — прокомментировала я. — Твое согласие. Пригодится в разговоре с деканом.

— Подруга! — простонал он и снова рванул в мою сторону.

— Только давай сейчас...

Стоун прижался ко мне и вцепился покрепче. Для хилого внешне парня он вообще оказался на редкость хватким.

— ...без обнимашек, — со вздохом договорила я, бессильно расставив руки в разные стороны.

Из приемного покоя нас выставила сестра милосердия. Эмбер подхватила меня под локоть, внимательно пригляделась к щеке и поморщилась.

— Ты им что-нибудь сломала? — спросила она, намекая на некромантов.

— Нервную систему.

— Тоже неплохо, — хмыкнула она. — Подруга, я требую всех подробностей, потому что по академии поползли самые странные слухи. Сказали, что некроманты заманили тебя в мертвецкую и попытались стрясти согласие на посмертие.

— Все так и было, — согласилась я. — Только заманивать их пришлось мне.

Полагаю, что магистр по рунологии меня немножко возненавидел. Мало что пропускала занятия, не выполняла отработки, так еще всю лекцию проговорила с подружкой, перебравшись с первой парты на самый задний ряд.

Однако прогулы сами себя почему-то отрабатывать отказывались, что меня крайне возмущало. Вечером, пока Зак занимался фехтованием, я взялась за доклад о руне «ответственность».

Символ имел форму правильного круга, без хвостиков, точек и завитушек. Рассказывать особенно не о чем. Уверена, рунолог знал, что материала набиралось всего на три листа, поэтому велел сдать доклад на пяти. Убористым почерком. Но писать пришлось крупными литерами, как в младшей школе, иначе не растянуть. Слепой прочтет! Я собиралась нахально соврать, что ужималась, как могла.

Народу в читальном зале занималось немного. Верхние огни потушили, на столах горели только настольные лампы. В желтом свете поблескивали подсыхающие на бумаге чернила. В тишине у Эмбер, отгороженной от меня низенькой ажурной перегородкой, то и дело гудел почтовик. Не отрываясь от книги, она стряхивала полученные сообщения и возвращала пустой шар на раскладную подставку.

— Генри, — шепотом пояснила она, стерев очередное послание.

Вчера подруга заявила, что светлый приятель бездарно профукал шанс познать огненную любовь ведьмы из рода Фокстейл, и вытащила из шкатулки черную записную книжку, куда скрупулезно записывала желания. С ритуальной торжественностью она вычеркнула из списка строчку «роман со светлым чародеем», тем самым приговорив сообщения Генри остаться без ответа.

Шар снова басовито крикнул. Эмбер недовольно покачала головой, дескать, когда уже главное разочарование этого года осознает, что все закончилось? Она раздраженно встряхнула шар, сунула в рот леденец из жестяной баночки и перелистнула книгу.

Внезапно на страницу моего будущего доклада, написанного почерком ребенка, упал мелкий пепел. В воздухе вспыхнул язычок магического огня. От удивления у Эмбер поплыли на лоб брови, и едва не выпал изо рта леденец.

Между тем из обожженного уголка стремительно выткчался лист желтоватой бумаги с крупной именной печатью верховного Варлока и плюхнулся аккурат на недописанную работу, смазав пару свежих литер.

Быстро оглядевшись, я поймала возмущенный взгляд хранителя и извинилась одними губами:

— Простите.

Отец прислал официальное приглашение на отбор и велел привезти в замок Майкла Стоуна, которому ковен с моей легкой руки обещал защиту.

— Что там? — тихо спросила Эмбер, нагнувшись к перегородке.

— Официальное письмо из ковена. Я должна связаться с родителями, — пробормотала я и начала быстро собирать книги. — Сдашь?

— Конечно, — согласилась она.

Сообщение с вопросом, с чего вдруг отец ударился в официоз, я отправила маме. Почтовые шары папа презрительно называл «шептунами» и пользовался почтовыми шкатулками. Или огненным заклятьем, доставляющим письма прямехонько в руки получателя, где бы он ни находился. Хотя эта магия считалась наследием седой старины еще при жизни моей бабули.

Мы-то знали, что он попросту не разобрался, как обмениваться сообщениями с помощью шара, и не забывали его подкалывать. В

итоге в нашем нормальном замке завелся замок «умный». Отец очень хотел доказать, что не отстал от магического прогресса. Ей-богу, лучше бы мы все дружно прикусили языки и подарили ему на день рождения новую почтовую шкатулку! Или даже две.

«Сегодня в ковен написали из Деймрана и попросили подтвердить, что какой-то парень, забыла его имя, действительно находится под нашей защитой, — ответила мама. — Не переживай, отцовская брань в адрес вашего декана в ответ не попала. Письмо составлял папин помощник».

«Верховный передал официальное приглашение на отбор и Майкла попросил привезти», — отправила я.

«Верховный хочет с ним познакомиться, а от официального приглашения даже ты не открутишься, наша милая дочь, — не без насмешки ответила матушка. — Ты ведь не думала уехать в Торстен?»

— Не думала! — огрызнулась в потухший шар. — Чего тут думать? Я уже сумку почти собрала!

Внезапно почтовик вздрогнул в руке. Грешным делом, я решила, будто случайно отправила сообщение, но мама ошарашила:

«Забыла рассказать! В этот раз в отборе участвует студент из Деймрана».

«Ты знаешь кто?» — нахмурившись, уточнила я.

Внутри вдруг шевельнулось глухое беспокойство. В академии молодым ведьмакам прививали традиционные взгляды на смешение магии и выпускники редко вступали в ковен Варлоков. Пересчитать всех хватит пальцев на руках и мизинчик останется в запасе.

«Наверное, кто-то из зельеваров. Отец говорил, за него просила твоя крестная».

Только шар отправился в сумку, как снова загудел. Расслабиться матушка не позволяла.

«Марта, а что за странная история произошла с некромантами? Мы толком ничего не поняли...»

— Святые демоны, — пробормотала я, стряхивая шар на середине сообщения.

Крестная Айша вообще не крестная ведьма, а подосланный профессиональный шпион! День еще не закончился, а в башне Варлок уже в курсе, что старшая дочь верховного Валлея подняла на уши два факультета.

Через некоторое время с балкона фехтовального зала я следила за энергичной тренировкой. Команда радовалась отточенными выпадами и красивыми атаками. В общем-то, я была не против порадоваться за собственного парня, но среди фехтовальщиков, одетых в одинаковые защитные костюмы, Закари не находила. Пришлось снова вытащить почтовик.

«Торстен, спешу сказать, что тренировка у тебя проходит отлично. Правда, тебя самого на ней очень не хватает», — отправила я сообщение.

Ответ пришел практически сразу, словно Зак держал шар наготове. С преступной легкомысленностью он заявил, что занимается неожиданно возникшими срочными делами.

«Надеюсь, твои дела не носят юбок», — вкрадчивым тоном намекнула я, что начинаю чуточку злиться.

«У нас мальчишник».

«Очень плохой ответ, Торстен. Ты собственными руками превращаешь себя в умертвие», — намекнула я, что он попал в реальные неприятности. И лучше бы ему поскорее перенестись на тренировку по фехтованию, желательно сразу с рапирой и в защитном костюме.

«Мне нравится, когда ты ревнуешь, однако на мальчишнике мы говорим только о тебе. Не икаешь?»

«Нет, но у меня в руках официальное приглашение на отбор в башню Варлок, и я ищу повод кого-нибудь одарить заклатьем честности. Возвращайся, Торстен. Спаси своих друзей по команде».

«Я тоже хочу тебя видеть, *грозный январь*, но буду поздно, — с улыбкой в голосе ответил он. — Не дожидайся меня, ложись спать».

Ночевать решила остаться у себя. Не из ложной гордости или глупого желания проучить где-то потерявшегося парня, а из любви к женским купальням. Захотелось по-хозяйски, в халате и домашний туфлях, войти с утра в помывочную и выйти оттуда, не шокировав соседей по этажу.

В середине ночи загудел почтовик. Мягкий голос Торстена промурлыкал из шара:

«Сладких снов».

— Убью, — тихо прокомментировала я и спала просто отвратительно. До сигнала пробуждающего артефакта крутилась в

кровати и даже сквозь дрему терзалась мыслью, что в мужское общежитие уже никак не попасть.

В начале восьмого по дороге в столовую из мелочной мести я отправила Закари сообщение с пожеланием добрейшего утра. Думала, что разбудю. Оказалось, что утро у него давным-давно началось и было не только добрым, но и очень бодрым. Он занимался в фехтовальном зале, о чем со смехом объявил, когда мы с Эмбер уже стояли у стойки раздачи.

Видимо, у меня сделалось такое пресное лицо, что кухонные духи без просьб выдали кружку с черным кофе. Похоже, нормальные напитки в академической столовой наливали только мрачным людям. Не поверив в собственную удачу, я немедленно выудила из сумки веселенький розовый термос, отданный Бранчем в качестве взятки, и потребовала дать кофе с собой.

Наполнила бы еще термос Эмбер, но лучшая подруга поступила, как худшая врагиня, и наотрез отказалась делиться свободной емкостью. Демонстративно наполнила термос чаем. С бергамотом, который ненавидела с самого детства. Просто мгновенная карма! Объяснить нечисти, что они ошиблись чаном и налили неправильное питье ей не дали шанса: нас подпирала жаждущая горячего завтрака очередь.

Только я собралась насадиться долгожданным первым глотком черного кофе, как в проходе появился Стоун.

— Марта, ты мне нужна! — воскликнул он набегу, и первым глотком кофе я не насладилась, а подавилась.

Подскочив к нам, Майкл выхватил из моих рук чашку и выхлебал бодрящий напиток до самого доньшка. Совершенно обалдев от дерзкого нападения, я вкрадчиво поинтересовалась:

— Стоун, ты теперь считаешь себя бессмертным?

— Я только что получил официальное письмо от ковена Варлоков! — выдохнул он и стукнул опустевший чашкой о поднос.

— И оно тоже не делает тебя неуязвимым, — заметила я.

— Ты понимаешь, Марта? Верховный Варлок приглашает меня на отбор в родовой замок. Ты хотя бы представляешь, какой человек написал мне? — с большим пафосом спросил он.

— Да, мы с ним знакомы, — сухо ответила я, отворачивая крышку на розовом термосе, и добавила: — С рождения.

Эмбер ехидно хихикнула. Стоун пару раз глупо моргнул и пробормотал:

— Ох... Он же твой отец. И что мне делать? Ехать?

— Стоун, приглашение у тебя есть, старшая дочь ковена в сопровождающих есть, что еще надо? — с раздражением перечислила я. — Хочешь группу поддержки? Бери Бранча. Мамино благословение еще нужно?

У Майкла сделался такой жалобный вид, что мигом стало ясно: он подумывает связаться с родителями и попросить совета.

— Стоун, тебя пригласили познакомиться, а не присягнуть верховному на верность, — закатила я глаза. — Отец хочет посмотреть, кому ковен обещал защиту.

— А ковен обещал? — встрепенулся Майкл.

— Ты думаешь, деканат перед тобой извинился, потому что Мэдлей очень добрый и любит своих студентов? — фыркнула Эмбер, с ироничной улыбкой наблюдая за паникующим парнем.

— Ты с нами едешь? — спросил он.

— Не уж! — Подруга подняла руки, мол, дайте передышку от визитов к гостеприимному семейству Варлоков. — Кто-то в нашей академии должен хотя бы изредка ходить на занятия.

Внезапно по столовой прокатилась волна изумленного ропота. Народ за соседними столами обернулся к открытым дверям. Под аркой стоял знакомый мрачный квартет некромантов. В черных кожаных одеждах и с идеально выбритыми головами они выглядели, как посланники смерти, по ошибке небесной канцелярии перенесшиеся в курятник вместо зачумленного города. Парни двинулись по проходу в нашу сторону.

— Что они у нас забыли? — не обращая ни к кому конкретно, пролепетал побледневший Майкл.

— Может, хотят объявить о кровной мести? — предположила Эмбер.

— Полагаешь? — изогнула я бровь.

— Ну не завтракать же они сюда явились, — хмыкнула подруга.

Стоун схватился за край стола и бочком присел на свободный стул рядом со мной. Видимо, от страха перестали держать ноги.

Между тем шум, царивший в столовой, перерос в недоуменный гул, а когда некроманты утвердились напротив нас, воцарилась

напряженная тишина. Разглядев гостей вблизи, я едва не присвистнула от удивления. У парней из мертвецкой исчезли татуировки.

Чернильная роспись на руках, на горле у одного из побратимов и даже на макушке потомка четвертого ректора превратилась в белесые пятна, отдаленно напоминающие след от проклятья мертвых на моей щеке. И только очкарик Сомерсет по-прежнему носил сложные орнаменты, окольцевавшие запястья.

Слова Закари о мальчишнике приобрели совершенно иной смысл. Понятия не имею, какого рода магия выжигала татуировки, но легко представляла силу этой разрушительной магии. Вряд ли на вчерашней вечеринке кому-то было весело. Да и вечеринкой ее не назовешь.

Лайонел поиграл желваками, откашлялся и произнес:

— Госпожа Варлок, мы приносим извинения за то, что посмели унизить светлую чародейку и дочь верховного ведьмака. Примите...

На край стола одно за другим легли три подписанных по всем правилам согласия на посмертие. Я почувствовала, как у меня поползли на лоб брови.

— И мое тоже, — проговорил Сомерсет и, чуток подвинув побратимов, подсунул слегка помятый лист с кривыми строчками и совсем свеженьким отпечатком большого пальца. Поди, только-только тюкнул на бумагу.

— Зачем? — вкрадчиво спросила я, не глядя на парня.

— Всегда хотел завещать себя сильному магу, — радостно пояснил он, словно выиграл главный приз в конкурсе на самое изящное копанье могил.

Его друзья смотрели хмуро и ждали ответа.

— Я принимаю извинения, — сказала ритуальную фразу и неохотно добавила, как требовали правила: — Да будет так.

— Благодарим, — совершенно серьезно отозвался Лайонел.

Квартет развернулся и под шепотки ошарашенной столовой двинулся к выходу. Народ, от любопытства столпившийся в проходе, дунул в разные стороны, освобождая зловещим посланцам тлена путь.

Внезапно Сомерсет отстал от приятелей и мелкой трусцой вернулся к нам.

— Передумал? — спросила я и кивнула на пачку бумаг: — Забирай.

— Да нет... — отмахнулся он. — Вопрос есть. Варлок, твоему отцу темный прислужник не нужен?

— Не нужен, — сухо отозвалась я.

— Обещаю все десять лет служить верой и правдой.

— Нет!

— А тебе?

— Страшно спросить, какие желания могут быть у некромантов, если ты решил продать себя за магию? — с улыбочкой спросила Эмбер, пока я зверела и подбирала слова, как образно, но культурно послать Сомерсета обратно на факультет некромантии.

— Стипендии лишили, а прислужники на полном обеспечении хозяина, — чистосердечно признался он.

— Светлые демоны... — пробормотала я и потеряла переносицу.

— Ладно. — Очкарик отступил. — Я должен был спросить. За спрос денег не берут и светлой благодатью не одаривают.

— Не в этом случае.

После ухода некромантов столовая бурлила, как штормовое море. Всеобщее возбуждение отразили и живые рисунки: облака поплыли быстрее, а нарисованные листья сами собой разлетались по полу словно от порывов ветра. Зато в фехтовальном зале никто понятия не имел о неожиданном нисхождении некромантов на землю обычных ведьмаков. Тренировка спокойно подходила к концу.

Стоя возле балконной балюстрады, я прихлебывала из термоса горячий кофе и любовалась, как умело фехтовал мой парень. От вида Торстена с рапирой в руках становились мягкими колени и исчезала точка опоры. Я будто теряла равновесие и никак не удавалось вспомнить, чем именно он мне не нравился. Сейчас абсолютно все в нем притягивало, как самым мощным заклятьем неразлучников.

Поединок закончился. Вместо того, чтобы пожать противнику руку, Закари передал ему маску с рапирой и поспешно зашагал к балкону. По лестнице не поднялся, а едва не взбежал.

— А вот и ты, — протянул он и, наплевав, что за нами следила половина зала, открыто поцеловал при всех своих товарищах по команде. — Как спалось?

— Ты ведь знаешь, что проклял меня этим своим сообщением? — полушутя уточнила я.

— На то и был расчет.

— Пришла спросить, как прошел вчерашний мальчишник? Было весело? — небрежно уточнила я.

На лице Закари расцвела ленивая улыбка.

— Все еще ревнуешь?

— Пытаюсь понять, что мне делать с четырьмя согласиями на посмертие от друзей-некромантов.

— Четыре? — Он непонимающе изогнул бровь. — Откуда набралось так много?

— Один вызывался добровольцем, — со смешком пояснила я. — Отказаться от этих записочек я не имела права, а что с ними делать не представляю. У светлых, знаешь ли, принято заводить парную нечисть, а не стаи умертвий.

— Ну... В Торстене есть свободный склеп. — Закари оставался невозмутимым. — Осталось от питомцев Нестора Торстена. У него, говорят, не складывалось с живыми друзьями, поэтому он заводил себе мертвых.

— Тогда ты, может, в курсе, куда у некромантов исчезли татуировки?

— Не знаю. — Он покачал головой, словно действительно был не в курсе. — Сбежали?

— Я серьезно, Зак.

— Возможно, наши друзья с факультета некромантии решили начать жизнь с чистого листа? — уклонился он ответа.

— Некромантия — это не выбор, а приговор, — напредила я, что изменить жизнь парни могут весьма условно.

Усмехнувшись уголком рта, Торстен мягко погладил большим пальцем мою щеку. Фигурный след от выжженного заклятья уже сравнялся с кожей и побледнел, но все равно был заметен. Взгляд Зака на мгновение заледенел, зрачки резко вытянулись, словно эта постепенно исчезающая отметина вызывала в нем ярость.

— Ты права, Марта, — произнес он и посмотрел мне в глаза. — Но никто не заставлял их быть мерзавцами. Это личный выбор каждого.

С первого дня знакомства я искренне считала мерзавцем Торстена. Но никогда, ни разу, даже в дни самого яростного противостояния, он не вредил мне физически, и я не одаривала его светлой магией, способной оставить зарубки на теле. Ни один из нас не позволял себе

переступить черту, за которой теряется человеческий облик. Ведь это так важно: оставаться пусть не самым хорошим, но человеком...

Днем я проводила Зака в порталную башню, перед входом в кабинку оставила целомудренный поцелуй на выбритой щеке.

— Удачи.

— Ага, — согласился он, схватил меня за затылок и прижался приоткрытым ртом к губам. Коротко и сладко, даже под ложечкой заныло.

— Уважаемые магистры, — раздался за нашей спиной голос ректора, — как видите, в академии Деймран мы терпимо относимся к проявлению... кхм... симпатии между студентами. Молодым темным чародеям необходимы эмоции, чтобы успешно колдовать.

— Какой позор, — пробормотала я, боясь повернуться лицом к уважаемым магистрам.

Хоть в порталную кабинку забирайся и отправляйся с Закари в родовое гнездо!

— Переживем его вместе, — скомандовал он и громко поздоровался: — Добрый день, господа!

Я повернулась к толпе темных магов и по-идиотски улыбнулась. Осталось только рукой помахать. При приезде в академию гости встретили нас в страшнейшем похмелье, при отъезде застали на публичных лобзаниях. Полагаю, они надолго запомнят нравы, царящие в академии Деймран. И ректор нас не простит!

Украдкой покосилась в сторону главы академии. Он стоял, поджав губы, с таким лицом, словно мы с Торстеном были полностью голые... Говорю же, не простит!

Вряд ли в назидание за дурное поведение студентов он устроил отопительную неурядицу, но после обеда в жилом корпусе внезапно потухли горячие жилы. Старые стены быстро остыли, в комнатах поселился осенний холод. Весь вечер второй этаж громко и скандально мерз, собравшись возле возмутительного объявления у стены, словно бумажка с будоражащей новостью согревала, как печка. Жестокие (и ленивые) артефакторы пообещали вернуть тепло только на следующее утро.

Мы с Эмбер и вовсе отличились: уходя на занятия, забыли закрыть окно. В итоге от тепла избавились загодя. Попытка превратить пробуждающий шар в маленький обогреватель с треском провалилась.

Он быстро накалялся и начинал хрипловато кукарекать, словно предупреждая, что скоро воспламенится. Прогрессивная магия оказалась чрезвычайно прогрессивной для хлипкого артефакта. Пришлось отказаться от гениальной во всех отношениях идеи и согреться устаревшим, но проверенным способом: теплее одеться.

— Главное, чтобы в Деймране не надумали завести «умный замок». Тогда мы точно обледеем, — со знанием дела прокомментировала я, надевая поверх начесанного домашнего костюма душегрейку.

Эмбер влезла в самое теплое платье, севшее в прошлом году после стирки, и натянула плотные чулки. Женские брюки она за одежду не принимала и считала недостойными ни одной девушки, тем более ведьмы из великолепного рода Фокстейл. Даже холод не сломил ее убеждений!

— Попытаюсь выклянчить у комендантши обогреватель, — объявила она и, вытащив из сундучка коробку с горькими шоколадными шариками, отправилась подкупать зловредную старушку.

— Денег на всякий случай возьми! — крикнула я ей вдогонку.

Соседка немедленно вернулась.

— Давай, — скомандовала она.

Вытащив из ящика письменного стола кошелек, я проверила содержимое и достала три крупные золотые монеты.

— Где твоя щедрость, дочь верховного Варлока? — с упреком поцокала языком Эмбер.

— Ладно, бери все, — сдалась я и отдала ей кошелек.

Едва за деятельной подругой закрылась дверь, на подставке загудел почтовик. Под толстым стеклом за клубился дымок.

— Слушать, — скомандовала я.

Шар вспыхнул золотистым свечением, и в комнате зазвучал мягкий, вкрадчивый голос Закари:

«Сладкий ноябрь, ты сейчас одна?»

«Ага», — коротко ответила ему и быстренько натянула связанные мамой полосатые гольфы. Правда, рукодельничала она так же, как готовила: с большой любовью, но без умения, — и правый гольф был длиннее левого на полторы полоски.

«Во что ты одета?» — игривым тоном промурлыкал Закари.

Невольно посмотрела в зеркало и бодренько отрапортовала:
«Вязаные полосатые гольфы, теплый костюм и душегрейка.
Думаю, пледом накрыться».

«Ты там не спарилась?» — кисло уточнил Зак.

«Да у нас дубак, как в морозильном коробе!» — возмущенно пояснила я.

И когда шар вспыхнул, отправив сообщение, до меня дошло... Вряд ли Торстен узнал, что в общежитии Деймрана наступил отопительный апокалипсис, и взволновался, как бы у меня не случился насморк.

— Ой! — обескураженно выдохнула я.

Чувствуя себя редкостной тупицей, сняла шар с подставки, прокашлялась и сладким голосом протянула:

«Но под этими теплыми одеждами на мне розовая шелковая сорочка».

Уверена, Зак оценил попытку, однако смехом давился откровенно:

«У тебя есть розовая сорочка?»

«Черная!» — решительно изменила я показания.

«Уже интереснее...» — Он многозначительно примолк.

Честно говоря, понятия не имею, какого продолжения он ждал. Было холодно даже представлять себя в шелковой сорочке любого цвета.

— Эмбер! — внезапно заорали с улицы.

«Забудь про полосатые гольфы», — посоветовала я Закари.

— Эмбер, помоги! — снова выкрикнули снаружи.

«Гольфы оставь», — потребовал Торстен из почтовика.

— На мне полосатые гольфы, черная ночная сорочка... — перечислила я, выглядывая в окно. — *Генри?!*

На пожарной лестнице, вытаращившись, как кот, повисший на карнизе, судорожно цеплялся за перила светлый Генри. Вообще-то, со времен штурмов на первом курсе ступеньки были зачарованы липкостью. Парни приклеивались к металлу и не могли добраться до окна. Но светлый чародей вскарабкался до середины, где и залип намертво, как пчела в варенье.

«Варлок, ты дала имя сорочке или назвала Генри меня?» — заговорил почтовый шар в руке истинно обескураженным голосом Закари.

«Слушай, Торстен, ты сам пока пофантазируй. У нас внезапные гости нарисовались. Позже напишу!» — протараторила я и, гремя рамой, открыла окно. — Генри, ради всех святых демонов, ты как здесь очутился?!

— Тайно проник в академию. Эмбер говорила, что у вас под окнами пожарная лестница.

— И ты прилип.

— Намертво!

Оказалось, что чародей стоял в одном ботинке, а второй торчал четырьмя ступеньками ниже. И даже потеря обуви не натолкнула гения дедукции на мысль, что пожарная лестница похожа на клейкую ленту для мух.

— Генри, у меня только один вопрос.

— Зачем я здесь?

— Почему ты не прошел через холл, как нормальный человек?!

— А меня пустили бы? — жалобно уточнил он.

Да кто ж догадается, что светлому из Эсвольда придет в голову вломиться в общежитие Деймрана и разыскивать подружку, не ответившую на тысячу отправленных сообщений!

— Обалдеть... — прикрыв лицо ладонью, прокомментировала я совершенно безумное появление парня из вражеского лагеря. — Гаси магию и поднимайся, пока тебя не увидели!

— Тут темное заклятье неизвестной мне природы.

— Это светлые чары, Генри...

— Да? — удивился он.

— Не узнал, что ли? — пробормотала я и, высунувшись из окна на половину корпуса, взялась за ледяные перила светящимися пальцами. — Сейчас погашу.

Наведенные несколько лет назад чары глубоко въелись в металл и разрушались со скрипом. В прямом смысле этих слов: лестница задрожала, заскрипела, словно где-то принялись проворачивать ржавые шестерни. Жалобный клич разнесся по всему внутреннему двору.

— Лестница выдержит? — испугался Генри.

— Да понятия не имею! — выругалась я, с трудом представляя, как мы будем возвращать свалившегося на голову гостя обратно в Эсвольд. — До тебя к ней три года никто не приближался!

Хватаясь за перила, Генри споро загрохотал по металлическим ступенькам одним ботинком. Внезапно он споткнулся, взвыл от боли в отшибленных пальцах и для полного счастья нырнул вперед, едва не клюнув носом. Лестница содрогнулась под его весом, что-то отчетливо хрустнуло, и на моих глазах конструкция начала отходить от стены. Видимо, сломались держащие ее штыри.

— Марта, кажется, я падаю! — растерянно воскликнул Генри. — Что мне делать?

— Помолиться, демоны тебя дери! — рявкнула я и выбросила вперед заклятье, чтобы остановить накренившийся металлический остов.

Вместе с чарами из руки вылетел почтовик, потемневший от сообщений Торстена. Шар проскочил между прутьями и навсегда меня покинул, если судить по прощальной яркой вспышке, брызнувшей с земли. Зато лестница остановилась. Генри тоже окаменел, схватившись за перила.

— Что у вас происходит? — заорал кто-то сверху.

— Закрой окно! — завопили в ответ совершенно с другой стороны. — И так в комнатах холодно. Всю общагу выстудишь!

— Генри, не столбней! — тихо скомандовала я, проглотив три десятка ругательств. — Быстрее забирайся, пока внизу никто не ходит.

Нерасторопный гость попытался засунуть ногу в грязном носке, но не сумел достаточно сложиться. Моментально поменяв фигуру, он попробовал проникнуть в комнату плечом вперед.

— Ныряй головой, — предложила я, немедленно подумала, что ногами — безопасней, но Генри действительно нырнул.

Он перевесился через подоконник по пояс и застрял. Когда я схватила его за пояс брюк и начала затягивать внутрь, дверь в комнату открылась...

— Госпожа комендант, угловые помещения самые холодные! — деловитым тоном говорила Эмбер, видимо, пытаясь выиграть главный приз в конкурсе на обогревательный куб. — Здесь практически склеп первого ректора. Проверьте сами!

И в эту домашнюю копию склепа ввалилась толпа девушек во главе с серьезной, точно декан во время защиты дипломов, старушкой-комендантшей. Замерли все. И, кажется, даже время.

Мы с Генри смотрели на многочисленную делегацию. Они в ответ разглядывали нас. Старенькая комендантша сморщилась, как сухой сморчок. Эмбер поменялась в лице. Два раза. Сначала побледнела, а потом побагровела.

— Привет! — Генри с глупой улыбкой помахал шокированной подруге рукой и соскользнул с подоконника на пол, полностью проникнув в женское общежитие темной академии Деймран.

Казалось, что хуже ситуации уже не придумаешь, но на улице оглушительно и жалобно закрипело, словно застонал умирающий железный монстр. С невыносимым грохотом, заставив стены задрожать, стекла в окнах зазвенеть, а всех в комнате содрогнуться от inferнального страха, обрушилась пожарная лестница. Воцарилась изумленная тишина. Секундой позже поднялось невообразимое женское кудахтанье.

Согласна, не каждый день академия теряет легендарные артефакты, а знаменитая пожарная лестница являлась таковым. Она с честью переживала штурмы многих поколений студентов темной академии, видела такие дерзкие набеги на женское крыло, каких мужскому общежитию и не снилось, но доконали ее именно мы, светлые чародеи. Один вообще залетный из окна.

— Да обалдеть... — пробормотала я, прикрыв глаза.

Смотритель замка, дородный чистокровный ведьмак, доведенный случившимся отопительным коллапсом до крайней степени раздражения, раздражаться перестал в первые десять минут объяснений и тоже принялся обалдевать.

Он напрочь отказывался верить, что *мой кузен Генри Варлок* случайно уронил в окно ботинок и был вынужден за ним ползть на пожарную лестницу. Комендант тоже не выражала к версии никакого доверия и своими скрипучими комментариями вносила смуту. Но больше всего смотритель поразился, когда на пороге нашей комнаты возникла новая деканесса факультета зельеварения.

Айша в ярко-красном тюрбане на рыжих волосах вошла с видом королевы, немедленно выставила старушку-комендантшу, хотя та сопротивлялась, и строгим голосом объявила:

— Я подтверждаю, что этот молодой человек — кузен Варлок!

Смотритель таращился. Особенно на живую татуировку у нее на виске.

— Что вы так смотрите, господин смотритель? — поморщилась Айша. — Мы с матушкой этого молодого человека когда-то вместе на шабаши ездили.

Светлейший Генри испуганно икнул и тут же устыдился:

— Простите...

Я выразительно наступила ему на разутую ногу, чтобы не открывал рта. Иначе раскроет, чего-нибудь ляпнет по-своему, по-эвольски, и варится нам в адовом котле с кипящим маслом, а декан Мэдлей будет подкидывать в костер дровишек.

Мы сидели на кровати красивым трио: Эмбер со вздыбленными от шока синими волосами, Генри в одном ботинке и я в пестром образе бабульки, уже шагнувшей в тот почтеннейший возраст, когда мерзнешь даже в жару, и следили за азартным торгом. За полчаса непрерывного спора Айша практически доказала, что лестница сломала себя сама. Даже я ей почти поверила.

— Деканесса Эллинг, но я должен кого-то наказать, — проговорил смотритель, потрясая руками.

— Зачем?

— Правила требуют.

— Но за что вы собираетесь наказывать девушек? — холодно уточнила она.

— За лестницу! — Смотритель указал на окно. Оно по-прежнему оставалось открытым и было слышно, как внизу разнорабочие обсуждают, что делать с искореженной конструкцией.

— Лестница рухнула от ветхости, — заявила Айша. — Накажите в таком случае себя, господин смотритель, раз подвергли дочь верховного Варлока и его племянника такой опасности.

— Но он самовольно заявился в Деймран! — возмутился ведьмак.

— У нас не запрещено родственникам приезжать.

Просто родственники не залезают в окно, будем честны.

— И залез в окно! — словно прочитал мои мысли смотритель.

— Перепутал с дверью. — Айша дернула плечом. — Всякое случается. Кстати, в моем коттедже течет крыша. Вы мне на прошлой седмице заявили, что такое случается со старыми постройками. Старые лестницы, как видите, тоже рушатся.

Смотритель пожевал губами и воскликнул:

— Госпожа декан, вы меня без ритуального кинжала режете! Я обязан кому-то выписать штраф за порчу академического имущества.

Айша сузила глаза, видимо, собираясь ответить, что ему следует выписать штраф самому себе за все поломки, течи и рухнувшие лестницы в Деймране.

— Ну хотя бы вывесить официальный выговор! — сдался смотритель.

— Договорились, — царственно согласилась моя крестная. — Но он провесит на доске не больше трех дней. И без портретов!

— Деймран должен знать своих героев в лицо, — покосившись в нашу сторону, проскрипел он.

— Академия знает, — уверила я. — Мой портрет еще с прошлого выговора не сняли.

Плюнув от досады, смотритель вышел из нашей комнаты и шарахнул дверью.

— А дверью не обязательно хлопать, — презрительно фыркнула крестная.

— Спасибо, — поднявшись с кровати, поблагодарила я.

Стоило признать: не вмешайся Айша, так просто из передраги мы не выбрались бы и одним выговором не отделались бы.

— Дорогая девочка, ты не пострадала? — Она обняла меня и, отодвинувшись, резко высказалась: — Ведьмака немедленно домой!

— Светлого чародея, мадам, — пробормотал Генри. — Из Эсвольда.

— Еще лучше! — седила она и одарила меня многозначительным взглядом. — Чей он?

— Мой, — смущенно призналась Эмбер.

Крестная тяжело вздохнула и велела:

— Тогда через башню Варлок.

— Не надо меня в башню, — вздрогнул светлый. — Мне окна было достаточно.

— Мальчик, сколько ты добирался до этого окна из своей обители снобов? — ласково уточнила Айша, словно мысленно намеревалась припечатать ботинком ему по лбу.

Он покосился на Эмбер и, замявшись, признался:

— С утра.

— Путешественник! — цыкнула крестная. — Из башни Варлок вернешься в свой Эсвольд за десять минут. В ковене порталщик умеет посылать в правильных направлениях.

Иногда и в крепких выражениях...

— Мы сейчас уедем в замок, — уверила я крестную и посмотрела на грязный носок Генри. — Только ботинки кузену Генри найдем.

— Кстати. — Крестная помедлила прежде, чем выйти из комнаты. — Прихвати своего друга на завтрашний отбор. Он приходил ко мне на выходных и просил замолвить словечко перед верховным. Сэкономь семье деньги на порталных перемещениях.

— Друга? — насторожилась я.

— Айка Вэллара.

ГЛАВА 13. Предчувствие грома

Знакомо ли вам предчувствие грома? Когда знаешь, что совсем скоро громыхнет пугающий раскат, и внутри в ожидании этого неизбежного мощного удара постепенно копится напряжение. Душа готова улизнуть в пятки, хочется вжать шею в плечи, а уши закрыть ладонями... И глупо бояться загодя — предчувствие грома всегда страшнее самого грома, но домой я возвращалась в гадком ощущении, что над головой вот-вот рванет.

Собирались в замок мы суетливо. Стоун с Бранчем пожертвовали старые растоптанные ботинки. Кто именно поделился в пользу нуждающихся светлых чародеев, я не выяснила, но, судя по размеру, расщедриться пришлось Майклу. Генри только печально вздохнул, поджал пальцы и сунул ноги в боты.

— Ничего, сейчас зачарую... — пробормотал он с несчастным видом чародея, которого жестоко мучают, а он вынужден молча терпеть издевательства идейных врагов.

Светящимися пальцами он принялся щупать расцарапанные носы ботинок. Обувка стала заметно вытягиваться, теряя форму, но освобождая место для скрюченных пальцев.

— Он шикарно смотрится, когда использует светлые чары, — тихонечко проговорила Эмбер, наблюдая за своим парнем блестящими глазами. — Все-таки завести роман со светлым Генри было хорошей идеей.

На мой взгляд, в бытовых чарах не было ничего привлекательного. В сложившемся над ботинками страдающем маге тоже. Но кто я такая, чтобы спорить с черной ведьмой из рода Фокстейл? Она очаровывает, а я беру нахрапом и отваживаю светлой благодатью.

— Кстати, пока ты разыскивала ботинки, написал Торстен, — заявила Эмбер. — Понятия не имею, откуда у него адрес моего почтовика, но он спрашивал, что у нас случилось. Я рассказала.

— Ответил? — поинтересовалась я.

— Пока молчит.

— Долго?

— Минут пятнадцать.

— Видимо, переваривает, — со смешком прокомментировала я и зашла за деревянную ширму, чтобы переодеться в дорогу.

Торстен между тем новости о Генри и порушенной пожарной лестнице все-таки переварил. Почтовик басовито загудел, приняв от него послание.

— Слушать! — скомандовала Эмбер шару.

Закари оказался короток и выдал резюме одним емким словом. Нецензурным. По слогам. Я не догадывалась, что он умел ругаться матом, но была с ним полностью согласна.

Адресные амулеты, доставляющие в замок напрямик из Деймрана, родители заказали только на завтрашнее утро, и добираться пришлось порталом из соседнего города. Через час мы переместились на мост перед раскрытыми воротами башни Варлок. Выходить из огромного коридора, предназначенного для транспорта, удовольствие ниже среднего. Внутренности связались узлом! Проход закрылся с громким хлюпаньем, подтолкнув в спину потоком воздуха, словно ответил пинок для скорости.

— Добро пожаловать в башню Варлок, — пробормотала я, ежась от пронзительного холодного ветра, и немедленно потрусила к въездной площади. На крепостном мосту продувало до самых косточек!

Огромный замок всегда производил впечатление на тех, кто видел его впервые. Мощные стены, высокие башни. В темноте светились горящие окна, а мерцающие шпили тянулись к черному бесконечному небосводу. Во внутреннем дворе было много света, и звезды меркли, но на смотровой площадке открывался просто демонски потрясающий вид. Дух захватывало!

— Зараза, открой, — приказала я «умному» замку, когда двери передо мной не шелохнулись.

— Ты так по-доброму слуг называешь? — тихо спросил Бранч.

— Умный замок, — буркнула я.

— Ничего не понял, — пожаловался он кому-то из компании за моей спиной.

«Умный» замок проделал любимый фокус и не захотел пустить на порог. Нахмурившись, я на всякий случай дернула железное кольцо. Неожиданно створка поддалась даже без магии.

Мы вошли в пустой гулкий холл, заполненный эхом. В тишине и полумраке дремали каменные драконы. За последние седмицы фигур стало заметно больше. Крылатый ящер, в прошлый раз проклюнувший хребет на ступеньках, окончательно выполз и теперь со сложенными крыльями дремал поперек лестницы. На холке топорщились острые шипы, а длинный хвост спускался по лестничному маршу.

— Они действительно существуют! — обомлел Майкл.

— Только не рыдай от радости, — хмыкнула я.

Наверху лестницы под гобеленом с гербом Варлоков нас дожидался мамин слуга Фергюсон. Как всегда, он был одет в непритязательные серые одежды темного прислужника, заключившего магический договор с верховным, хотя давным-давно отслужил положенный срок. Однако башня Варлок не любила отпускать своих жителей. К стенам, пропитанным магией и легендами о владевшем драконами старом клане, прикипевали душой.

— Добро пожаловать домой, госпожа, — поприветствовал Фергюсон, оглядывая притихших парней. — Родители ждут вас в каминном зале.

В зале горел камин, и на полу плясали тени. Трещали поленья, в воздухе разливалось приятное тепло. Коварная мадам козетка, освобожденная из чулана, тихонечко дремала у стены, притворяясь обычной мебелью. На низеньком столике мерцала свеча в баночке, видимо, сваренная лично Дариной.

Мама отложила вязание и поднялась нам навстречу. Папа встал с кресла, но стоило ему, так сказать, предстать перед гостями в полный рост, как на тех от осознания, что они запросто завалились к верховному ведьмаку, напала оторопь.

Пока матушка журила Эмбер, что та не появлялась в замке с летних каникул, папа разглядывал отряд парней. Отряд цепенел и, кажется, был готов поклясться ему в коллективной верности.

— Марта, почему их так много? — тихо спросил отец на нашем родном языке, видимо, закончив подсчет по головам, и добавил уже так, чтобы гости его поняли: — Мы кого из них защищаем?

— Меня, господин верховный, — от переживания покрываясь красными пятнами, взволнованно поднял трясущуюся руку Стоун.

— Светлый чародей. Попал сюда случайно, — переминаясь с ноги на ногу, признался Генри. — Хочу завтра вернуться в Эсвольд.

Папа перевел взгляд на Бранча.

— А я напросился, — по-простому признался тот.

— Что ж, господа темные и светлые чародеи, — торжественно начал верховный, — располагайтесь в башне Варлок. Чувствуйте себя как дома.

— Добро пожаловать в наш гостеприимный замок, — произнесла матушка традиционное приветствие.

— Он впускает новых людей, но не хочет отпускать, — добавил отец.

Возникла странная пауза. Парни синхронно посмотрели в мою сторону.

— Верховный шутит, — пояснила я.

Троица немедленно выдала нервный смех.

— Вообще-то, нет, — заметила мама.

Парни смешками подавились.

— Но я пошутил, — воспротивился папа.

На этой странной ноте за ним пришел темный прислужник. Оказалось, что верховному кто-то прислал срочное послание. Он извинился перед всеми и с самым грозным видом отправился проверять, кто додумался писать на ночь глядя. Парни единодушно выдохнули от облегчения и, поблагодарив мою матушку за теплый прием, зашагали за Фергюсоном размещаться в комнатах для гостей.

Эмбер подмигнула Генри, растерянно посеменившему вместе с остальными, и попросила поселить ее отдельную спальню.

— Беата, ваша дочь ужасно храпит по ночам! — нахально соврала она.

— Я не храплю! — возмутилась я.

— Ты спишь и не знаешь об этом. — Подруга красноречиво округлила глаза.

Дураку ясно, что ночью она намеревалась испытать на светлом Генри ведьмовское природное обаяние, коль в первый раз чародей оказался настолько недогадливым, что упустил отличный шанс очароваться. Но что за отвратительный поклеп на лучшую подругу?!

— Конечно, моя ненаглядная девочка, — согласилась мама, как всегда, поддаваясь легендарному обаянию. — В хозяйском крыле есть чудесная спальня!

— В хозяйском крыле? — улыбка подруги померкла.

— Напротив моих покоев, — уточнила мама. — Бывшие комнаты Марты. Она в них жила, пока не перебралась на свою верхотуру. Я обязательно к тебе загляну, проведем ведьмин ритуал на спокойный сон.

Очевидно, многочисленные Варлоки, живущие друг от друга через стенку, в легкомысленные планы Эмбер вообще не вписывались.

— Какая чудесная идея, — с кислым видом пробормотала она. — С детства не проводила ритуал на спокойный сон. Марта, не хочешь с нами?

— Нет-нет, — с ехидной улыбкой отказалась я. — Развлекайтесь, девочки.

— Мы позовем Дарину! — от предвкушения мама сверкнула желтыми глазами. — Пусть Марта чахнет в своей башне, а мы устроим дивный девичник!

Пока она объясняла совсем новенькой темной прислужнице, куда проводить дорогую гостью, я села на диван и с интересом подняла вязание. В гладком полотнище из колючей шерстяной пряжи пока не угадывалось ничего конкретного, но совершенно точно мама перешла с разновеликих гольфов на что-то посложнее. Оставался вопрос: кому потом придется красоваться в обновке. Хотелось верить, что все-таки младшему брату.

Когда мы остались с мамой вдвоем, я спросила:

— Какие новости?

Царственно опустившись в папино кресло, она расправила юбку и торжественно объявила:

— Мы избавились от заразы!

— Вы все-таки отправили Йена в закрытую школу для мальчиков?

— Я про «умный» замок. — Мама одарила меня выразительным взглядом. — Твой отец смирился, что прогрессивная магия не подходит башне Варлок.

— А от Сириуса тоже избавились? — охнула я.

— Он работает в мастерской и создает полезные артефакты, — с откровенным злорадством в голосе ответила мама, а желтые глаза довольно сверкнули. — Недавно починил в замке все пробуждающие шары. Они теперь мелодично кукарекают... Поделись-ка, милая дочь, как вышло, что на твоём лице появился след от проклятья мертвых?

Как всегда неприятные вопросы она задавала внезапно, когда ничего, казалось бы, не предвещало задушевной беседы.

— Случайно, — поморщилась я.

— Подробнее, — с видом верховной ведьмы ковена потребовала она.

Рассказывала о скандале я коротко, пропуская особенно сочные моменты, но на декана нажаловалась от души.

— Что ж, твоему отцу очень хочется заново запалить факел кровной вражды, — заключила матушка. — В общей столовой на прошлой седмице чародеи зажигали камин и чуть не спалили старинные гобелены. Нам нужен факел, а повода, с кем повраждовать, не находится.

— Оставьте факел в покое, передо мной уже извинились.

— Ты заставила? — вкрадчиво поинтересовалась матушка.

— По большей части Закари, — утончила я, что не одна воспитывала парней с факультета некромантии.

— Какое счастье! — Мама ласково улыбнулась.

— В чем? — Я изогнула брови и сложила руки на груди. — После Зака парни будут бояться ходить в темноте, а они некроманты.

— Именно! Нам с отцом так отрадно разделить головную боль с ответственным человеком.

— Он не страдает головной болью.

— Ну... — Она хмыкнула. — Закари пока молод и нервы у него покрепче.

А если что, в тайном женском сундучке всегда найдутся капли для мигрени. Я помню, дорогая матушка.

— Все еще не хочешь с нами провести обряд на хороший сон? — напоследок спросила она. — У тебя круги под глазами.

Просто в последние пару ночей кое-кто энергично не давал мне спать.

— Лучше пораньше лягу, а то седмица нервная и день завтра тяжелый, — наотрез отказалась я участвовать в ритуальном девичнике.

— И сделай грязевую маску для лица, — посоветовала мама. — Завтра мы должны произвести хорошее впечатление на адептов. Людям, желающим пройти магическую практику в нашем дурд... сплоченном ковене, надо оказывать особое уважение.

— Главное, чтобы папа снова не начал шутить, — фыркнула я, поднимаясь с дивана. — Иначе они очень быстро догадаются, куда попали.

Без «умного» замка южная башня казалась тихой и как будто заброшенной. Лампы перестали реагировать на движение, а тяжелая окованная дверь впервые за много месяцев осталась закрытой. Тихо ругаясь себе под нос, я нащупала над притолокой оставленный в прошлый раз ключ и отперла замок.

Покой заметно выстудились, пахло влажностью, а не цветочным благовоением. В комнатах явно не хватало хозяйственных духов. После появления в замке прогрессивно-магического домоуправа нечисть устроила мелкое восстание, едва не стоившее матушке свадебного фарфора. Бунтовщиков переловили, пересажали по бутылкам и спрятали в хранилище.

Уверена, всех приличных домовиков уже растащили. Народ у нас ушлый! А за нечисть, прежде обитавшую в родительских покоях, наверняка случились подпольные бои. Верховная ведьма Беата Варлок знала толк, как вышколить духов, прислужников и разномастных чародеев.

Однажды она посетовала, что с родными детьми воспитательный метод крута и пряника не срабатывал. Я тогда ей намекнула, что проблема не в детях, а в пряниках, которые она забывала раздать после кнута. Мне было четырнадцать. Мама обиделась, хотя вида не показала, и никаких плюшек по-прежнему не отсыпала. Да ладно плюшек или пряников, нам с Йеном даже мелкой карамельки не перепало!

Теплые жилы в покоях пришлось нагревать самой. Правда, на стене остался выжженный отпечаток ладони и ткань возле туалетного столика пошла пузырями. В углу с тихим шелестом отошло целое полотнище и жалко повисло, оголив побелку. В общем, наделала красоты, как сумела. Все-таки я девочка, что ни говори. У меня ручки, реснички и светлая благодать.

— Да демоны вас раздери! — буркнула я, оглядев безобразие, и отправилась делать красивой себя.

Этикетка, написанная каллиграфическим почерком крестной, гласила, что маска призвана превратить любую ведьму в цветочную

фею. Пахла косметическая грязь яблочком и цвет имела ярко-зеленый. Видимо, по разумению Айши, феи вылуплялись из гоблинов.

И только запотелое от горячего пара зеркало отразило чудовище с яблочно-зеленой мордой, как настойчиво забарабанил дверной молоток. Уверенная, что Эмбер решила спрятаться от моей деятельной матушки, я быстро обтерла руки о полотенце и отправилась встречать гостью во всей сказочной красе. Подружку маской не испугаешь. Она сама любитель намазать на лицо разную дрянь. Моя-то липкая мерзость хоть пахла прилично.

— Сбежала с девичника? — широко открывая дверь, сквозь едва приоткрытые губы промычала я.

За порогом стоял Закари. С саквояжем в руках, одетый в пальто, волосы собраны на затылке. В темных глазах такое ошеломление, словно он внезапно обнаружил, что по ночам в полнолуние его девушка превращается в мощного зеленого тролля.

Секундная пауза, и на лице Зака расцвела издевательская ухмылка.

— *Цветущий май*, ты потрясающе выглядишь. Клянусь, каждый раз буду на тебя смотреть и вспоминать.

Я набрала в грудь воздуха...

— Тихо! — Через хохот он выставил указательный палец. — Молчи! Слышал, что в маске нельзя разговаривать.

Схватившись за его пальто, я резко дернула Закари на себя и прижалась губами к его губам. От неожиданности он расставил руки и ошеломленно замычал нечто неразборчивое, но в конечном итоге расслабился, видимо, решив, что просто должен получать удовольствие.

Половина зеленой гадости осталась у него на лице. Испачкались подбородок, губы, кончик носа. В глазах плескался смех.

— Теперь ты превратишься в фею, милый, — прокомментировала я, аккуратно пальцем раскатывая ему по щеке зеленый мазок. — Правда, местами. У тебя будут *фееричные* скулы.

— Тогда уж намажь маской всего, чтобы я стал фееричным полностью, — смело предложил Зак, не понимая под чем подписывается. У меня-то кожу начинало заметно пощипывать. Похоже, демонская красота налипала.

По-хозяйски он прошел в комнату, оставил на полу саквояж, бросил на диван пальто и уточнил, где в моих покоях превращают в сказочных существ. Ждала, когда Торстен сдастся, но он сидел на краешке ванны и позволял себя мазать пахнущей яблоком зеленой жижей. Очевидно, после ветрянки и снадобья с манящим ароматом свежего сельдерея ему уже ничего не страшно.

— Как ты очутился в замке? — спросила я.

— По приглашению, — проговорил он, наплевав, что по правилам косметических преобразений нельзя шевелить губами. — Получил и сразу приехал.

— А как же твой отец?

— У него я разрешения забыл спросить, — хмыкнул он, давая понять, что мнение верховного Алистера в учет не бралось.

— Марта, у тебя дверь распашку, — внезапно в комнате неуместно раздался мамин голос. — Папа сказал, что Закари приехал в замок...

Мы с Торстеном переглянулись. Стало очевидно, что спрятаться ему было некуда, только улечься в ванну с остывшей водой и изображать из себя ископаемый коралл под тающими островками мыльной пены.

— И он уже здесь? — воскликнула она, очевидно, заметив саквояж и пальто.

Я обернулась как раз в тот момент, когда мама ворвалась в ванную комнату. Не знаю, что именно она рассчитывала (или опасалась) обнаружить, но точно не двух будущих фей, пока похожих на гремлинов с зелеными рожами.

При виде домашнего салона красоты на матушку напал шок. Остолбнев в дверях, она со странным лицом взмахнула руками, потом еще разок, словно пыталась вернуть дар речи.

— Здравствуйте, Беата. — С невозмутимым видом, насколько может быть невозмутим вид у парня, обмазанного косметической дрянью цвета неспелого яблока, он поднялся с краешка ванны.

— Открыто было... — Она обескураженно кивнула в сторону гостиной. — Подожду вас в комнате.

— Угу, — промычала я.

Хорошо, что под слоем глины было не заметно, как у меня вспыхнула физиономия. Хотя уши, наверное, выдали. От смущения

уши-то тоже загорелись.

— Вы... — Мама снова взмахнула руками. — Преображайтесь, мои дорогие.

В прошлый раз я ей заявила, что у нас с Закари возвышенные отношения. Полагаю, теперь она убедилась, насколько они непорочны. Просто невиннее не придумаешь!

Мы умывались, с трудом сдерживая смех. Когда вместе вышли из ванной, родительница с деятельным видом вручила мне баночку снадобья от шрамов и заявила, что Закари наверняка уже подготовили комнату в гостевой башне. По-моему, откровеннее намекать подхватывать саквояж и бодрой рысцой трусить на выход, придумать невозможно.

— Не заблудишься, как в прошлый раз? — заботливо уточнила она.

Перед мысленным взором всплыло туманное утро, когда пришлось соврать, что он всю ночь блуждал по замку, пытаясь отыскать комнату.

— Ты же всю ночь комнату искал, — тихо напомнила я о неловком вранье.

Зак кашлянул, стараясь замаскировать смешок, и отказался от услуг проводницы:

— Благодарю, Беата. Ночь была длинная, я неплохо запомнил дорогу.

— Нам все равно по пути, — не оставила ему ни одного шанса задержаться в комнате поборница морали. Слава энергичного садовника по-прежнему перевешивала в ее сознании внезапно обнаруженные в Торстене положительные качества.

— Спокойной ночи, Марта, — попрощался он, лукаво сверкнув глазами.

— Встретимся утром, — чопорно кивнула я.

Оставалось сделать книксен или вежливо поклониться, чтобы маменька наверняка поверила в чистоту наших, так сказать, помыслов. Торстен легонько обнял меня, и из деликатности она отвернулась. Правда, к зеркалу. И принялась бдеть через отражение.

— У кого? — едва слышно спросил Закари.

— У тебя, — на выдохе пробормотала я.

Он одарил меня целомудренным поцелуем в лоб и под конвоем умиленной дуэньи отправился в гостевую башню.

Первым делом я рванула в гардеробную искать черную ночную сорочку, но внезапно отрыла розовую. Так удивилась находке в цвете жизнерадостного поросенка, что некоторое время недоверчиво разглядывала на вытянутых руках. Эротичнее она не становилась, с какой стороны ни приложи к телу. Знать бы, откуда в моем комодке постоянно появлялись странные вещи. Как будто сами заползли на полки!

Решив, что без зеленой грязевой маски на лице любая девушка красивая, а я и вовсе королева башни Варлок, просто натянула платье и вышла из покоев, заперев замок.

Через десять минут, обойдя по дуге людные гостиные, я юркнула в гостевые покои.

— Черной ночной сорочки не нашла...

Кроватей с балдахином в спальне оказалось две, и на одной возлежал Бранч. Мы оцепенели от восторга от неожиданной встречи: я с открытым ртом, он с закинутыми за голову руками. Хуже, чем воровато проникнуть в чужую спальню, было разве что обнаружить светлого Генри в окне второго этажа.

К счастью, Адам оказался полностью одет... Однако из ванной вывалился Стоун в одном полотенце! Он резко затормозил, вытаращился и проворно скрестил руки, прикрыв редкую растительность на впалой груди. Я резко развернулась носом к двери и сморщилась от конфуза.

— Парни, какого демона вы не запираетесь? — пока на приятелей напала немота, выпалила я. — Вдруг кто-нибудь вломится без стука?

И сама же без стука вломилась.

— Хотела узнать, как дела, но вижу, вы в порядке. Живы, здоровы, никем не обижены. До завтра!

В ошарашенном молчании я величаво выплыла на лестницу. Дверь начала неторопливо, с тихим скрипом смыкаться за моей спиной.

— Это что было? — воскликнул Бранч, наконец обнаружив в себе потерянный от изумления голос.

Святые демоны, сжальтесь и сотрите из моей памяти последние три минуты жизни! Тихо выругавшись, я растерла лицо ладонями, но

образ полуголого Майкла Стоуна клеймом отпечатался в сознании.

К покоям, куда в прошлый раз селили чету Торстенов-старших, поднималась чинно, но слегка заторможенно. Закари стоял в дверном проеме, привалившись плечом к косяку и скрестив руки на груди. Уголки губ подрагивали от улыбки. Похоже, он давно вышел меня встречать и слышал, как я чуток ошиблась адресом...

— Просто позволь мне пережить этот позор в тишине, — пробормотала я, указав в него пальцем, и протиснулась бочком в комнату.

Он прикрыл дверь и заперся на ключ.

— Торстен, разденься! — велела я, оглядев его с ног до головы.

— Немедленно?

— Мне срочно надо создать новые воспоминания.

Со смешком он послушно стянул через голову рубашку, откинул ее на спинку стула и пятерней убрал с лица волосы. Крепкий и гладкий торс, с которого уже сошел летний загар, был прекрасен.

— Получается? — С полуулыбкой уточнил Зак.

— Более чем...

— Ты что-то говорила о черной сорочке? — протянул он, начиная ко мне приближаться.

— Не нашла, — отозвалась я, следя за ним, точно под гипнозом.

— Розовая не понравилась. Гольфы остались в общежитии.

— И наплевать, — остановившись в полушаге, прошептал Закари.

— Без них даже лучше.

Мы занимались любовью, не погасив свет и даже не притушив его яркость. Чувственно и бесстыдно. В постели Зак, как и прежде, не был ни нежным, ни бережным, ни тем более трепетным, но ощущал тонкую грань, где страсть переходит в безумство, и следует остановиться.

Он смотрел в глаза, не позволяя отвести взор, видел отражение каждой новой накрывающей меня волны наслаждения. Ловил губами мои стоны и судорожные вздохи. А когда казалось, что острее и греховнее в постели с мужчиной просто не может быть, глубоко целовал. Я снова срывалась в ошеломительное удовольствие, забывая, как надо дышать.

— Люблю тебя, — неосознанно и тихо простонал он на пике. — Люблю...

Разбудил меня непрерывно кукарекающий в покоях Стоуна и Бранча пробуждающий шар. В окно заглядывало раннее осеннее утро, пока сумрачное и серое. Мелодичный, в понимании мамы, клич, кажется, способный перебудить любую деревню в радиусе драконьего полета, проникал даже через толстые перекрытия.

— Ты куда? — пробормотал сонный Зак, когда я соскочила с кровати.

— Пойду к себе. Не хочу с парнями на лестнице столкнуться.

— Они знают, что ты здесь.

— Да, но остальные-то не в курсе.

Собрав с пола разбросанные вещи, я улизнула в ванную комнату, а когда выходила из покоев, внизу все еще надрывно кукарекал шар.

Большой замок давно проснулся и возвращаться в южную башню тоже пришлось окольными путями. В семейной галерее Варлоков, пустующей всегда, кроме, пожалуй, дня поминовения предков, напротив моего портрета с задумчивым видом стоял Айк Вэллар. И меня снова накрыло гнусным предчувствием, что вот-вот рванет гром...

Услышав чужие шаги, он обернулся. Мы на мгновение встретились глазами. Столкнуться в пустом зале практически нос к носу и сделать вид, что не заметила бывшего парня, упакованного в строгий костюм-тройку, было большим перебором даже по моим меркам.

— Здравствуй, Марта, — произнес Айк.

Я приблизилась и вместо приветствия произнесла ритуальную фразу. Все, как диктовали традиции.

— Добро пожаловать в башню Варлок. Когда приехал?

— С полчаса назад, — ответил он.

— Тебя встретили?

— Да. — Он нервно улыбнулся. — Решил посмотреть галерею. Красивый портрет.

Невольно я скользнула взглядом по картине. Кривую надпись «демоница», накарябанную Йеном, то ли вытравили, то ли ее просто не было видно в обычном освещении.

— Ты на нем красивая, — зачем-то уточнил Вэллар и виновато поморщился: — В смысле, ты всегда...

— Все нормально, Айк, — иронично хмыкнула я. — Попытка сделать комплимент засчитана.

Особенно, если учитывать, что этим утром я действительно была очень «красивая», как будто только с ведьмовского шабаша: платье измято, волосы торчат в разные стороны, и заметно, что полночи не спала. Интересно, ночь с Закари Торстеном может считаться шабашем? Он же ведьмак, в перспективе вообще верховный огромного клана.

— Ты много рассказывала о замке, но я не понимал, насколько он впечатляет, — поделился Айк своими ощущениями от знакомства с башней Варлок.

— В таком случае, прогуляйся по нашему впечатляющему замку, — демонстрируя высший класс гостеприимства, приветливо предложила я. — Отбор пройдет в тронном зале в полдень. Здесь, кстати, Эмбер и Стоун с Бранчем.

— Кто? — не понял он.

— Наши однокурсники, — подсказала я. — Если хочешь есть, то позавтракать можно с другими адептами в общем зале. Темные прислужники тебя проводят. Позвать?

— Спасибо, Марта... — Айк посмотрел на меня из-под бровей и кривовато усмехнулся. — Почему ты говоришь со мной, как с чужим человеком?

— Потому что нас больше ничего не связывает, но как дочь верховного я обязана тебе улыбаться, — прямолинейно заявила я. — Удачи на отборе.

— Марта, стой! — Он резко заступил мне дорогу. — Покажешь мне замок? В холле те самые каменные драконы...

— У меня нет времени, Айк. Люди начинают съезжаться, — с прохладцей в голосе ответила я и, аккуратно обойдя его, быстрой походкой начала пересекать зал.

— Не хочешь узнать, почему я здесь? — вслед громко спросил Вэллар. — Почему просил деканессу помочь мне?

— Нет, — не оборачиваясь, бросила я.

— Ты сказала, что я никогда не жил в кланах и не понимаю традиций. — Голос Айка эхом отражался от стен галереи и возносился к высокому потолку. — Я хочу быть с тобой и здесь ради нас, Марта!

Уверена, все предки Варлоки, чьи портреты украшали стены, на том свете с сарказмом хлопнули себя по лбу ладонью. И даже грозная

Агата закатила глаза.

Мысленно выругавшись, я быстро вернулась к бывшему парню и шикнула:

— Айк, ты рехнулся? Еще поори посреди тронного зала, что мы встречались.

— Почему я не могу об этом говорить? — тихо сцедил он.

— Ты не догадываешься или издеваешься? — Ощутив на кончиках пальцев колючие разряды светлой магии, я сжала кулаки и кивнула: — Иди за мной!

— Куда?

— Молча, Айк! Просто создай пять минут тишины.

За эти пять минут, что он молчал, мы успели добраться до южной башни. Может, притащить сюда Вэллара была не самая гениальная идея, но по утрам даже матушка старалась не появляться в моих покоях без крайней необходимости. Она просто изредка засылала темных прислужников.

Наверх я не собиралась подниматься, остановилась у подножья лестницы. Дневной свет пробивался через разноцветные витражи в узких стрельчатых окнах. Без магии «умного замка» на каменных ступенях собралась пыль. Вокруг царила гулкая тишина. Я развернулась к Айку лицом.

— Теперь говори! Здесь нас никто не услышит.

Внезапно он подался вперед, крепко обхватил ладонями мои щеки и приоткрытым ртом к сжатым губам. Опешив на мгновение от нахрапистого поцелуя, я с силой оттолкнула Вэллара и размахнувшись отвесила звонкую пощечину.

От разряда светлой магии в разные стороны брызнули искры. Он дернул головой и пошатнулся. Удивительно, как удержался на ногах. На скуле расцвел алый след от удара, уголок рта был разбит. Айк потрогал его пальцами и сморщился, обнаружив кровь.

— Вэллар, ты по утрам с головой не дружишь? — возмущенно воскликнула и брезгливо обтерла губы о тыльную сторону кисти.

— Ты говорила, что надо целовать, не предупреждая, — с кривой усмешкой ответил Айк.

— И ты решил это испытать на моей невесте, — раздался сверху ледяной голос Торстена. — Разбил бы тебе лицо, но Марта сама неплохо справилась.

Признаться, я вздрогнула и оглянулась. С непроницаемым видом Закари, одетый в черное, неторопливо спускался по лестнице. На шее висел крупный медальон с родовым знаком клана Торстенов. От гнева глаза потемнели настолько, что в радужке растворились вертикальные зрачки.

— На твоей невесте, Торстен? — невесело хохотнул Айк. — До прошлой седмицы она была моей девушкой!

— К счастью, на прошлой седмице, Вэллар, ты облажался, — с убийственным сарказмом хмыкнул Зак и, сделав вид, что потерял интерес к противнику, тем же ледяным тоном обратился ко мне: — Встретил Беату. Она просила тебе напомнить, что нужно надеть родовой знак.

Закари остановился возле меня на неприятном расстоянии вытянутой руки, словно специально сохраняя дистанцию. Казалось, гнев, волнами исходящий от его фигуры, можно было ощутить физически.

— Вы двое теперь *вместе*? — не поверил Вэллар. — *Понастоящему?!*

— Долго до тебя доходило, — с издевкой хмыкнул Зак.

— Марта, ты не видишь, что он за человек? — воскликнул Айк. — Вы же совершенно разные!

— Нет, Айк! — резко перебила я. — Ты — другой, а с Заком мы абсолютно одинаковые! Странно, почему я не замечала этого раньше... У тебя нет причин оставаться в замке.

— Но и причины уезжать у меня тоже нет, — недобро хмыкнул Айк.

— То есть до тебя так и не дошло, что последний дракон уже улетел? — с издевательской интонацией, всегда доводившей меня до тихого бешенства, протянул Закари.

Вэллар сорвался. Его-то, в отличие от нас двоих, никогда не учили, что в первую очередь надо сдерживаться. Невольно толкнув меня плечом, он сделал выпад и схватил Торстена за грудки. От сжатых кулаков исходил дымок темной магии, и медальон на шее у Закари, почуяв чужую силу, возмущенно вспыхнул голубоватым мерцанием.

— Эй, остановитесь! — охнула я. — Только магического боя нам и не хватает!

Кажется, они вообще меня не слышали.

— Попробуешь меня заставить, Торстен, отказаться от нее? — Айк открыто бросил вызов.

— Я мог бы и заставить, но не стану, — перестав придуряться, но и не пытаюсь защищаться, вкрадчиво проговорил Закари, — не потому, что ты слабее, а потому что уважаю хозяев этого дома и их традиции. И поверь, тебе повезло. Помнишь, как дойти холла, Вэллар? Возьми свои вещи и тихо исчезни из замка.

— Я не боюсь тебя, Торстен. — Айк зло усмехнулся ему в лицо.

— А следует.

Не разрывая зрительного контакта, Торстен сжал его запястья и с легкостью сбросил руки. В конечном итоге сильная магия всегда побеждала.

— Марта, я вдруг подумал... — Айк перевел взгляд с Зака и улыбнулся, но улыбка была похожа на оскал. — Возвращайся, когда он тебя бросит. Я приму.

Он вылетел из южной башни с такой скоростью, словно в спину его подталкивали заклятьем.

— Вот и поговорили... — пробормотала я на выходе и начала подниматься в покои.

— Марта, ты знала, что он будет здесь? — с требовательной интонацией спросил Закари.

— Да, — бросила я.

— С какого момента?

С удивлением я обернулась через плечо. Дурак бы понял, что Зак был взбешен, как целый бестиарий демонов, но оправдываться не собиралась. Никогда этого не делала и начинать не планировала.

— Торстен, будь добр, поменяй тон!

Едва не взрываясь от раздражения, я вытащила из кармана ключ и отперла покои. Закари вошел следом и, схватив меня за локоть, развернул к себе лицом.

— Когда ты узнала, что он приедет?

— Вчера перед возвращением домой. Доволен? — взвилась я.

— Почему не сказала? Забыла или боялась? — сцедил он.

— Боялась? Торстен, я думала, что только ветрянкой болеют все вместе, а с ума сходят поодиночке! — воскликнула я. — У вас эпидемия помешательства? Может, я была так занята вчера ночью, что

не думала об Айке Вэлларе? Не приходило в голову? И давай будем до конца честны: тебя я тоже не ожидала здесь увидеть.

— Ясно... — бросил он, отпуская мой локоть.

На лице ходили желваки. Зак постоял еще с секунду и вышел из покоев, с такой яростью шарахнув тяжелой дверью, что от стены еще чуточку отвалилось полотнище ткани.

— Да обалдеть, — в воцарившейся тишине пожаловалась я опустевшей комнате.

Ни полки с книгами, ни стены, ни даже пробуждающий шар, возможно, своим новым пронзительным кукареканьем способный поднять ползамка, ничего не ответили и смотрели с укором.

Внезапно я осознала, что по-детски нервно грызу ноготь и просто силой удерживаю себя на месте, чтобы не броситься следом за любимым парнем. Очевидно, что он попал в заповедный мир чудесных открытий, где, помимо других незнакомых прежде эмоций, обитает удушающая ревность...

— Да катись оно все!

Кажется, расстояние до двери преодолела в три шага, вырвалась из покоев и замерла. Закари поднимался обратно. Он остановился, серьезный и напряженный. Рука сжимала перила, костяшки пальцев побелели. Я молча спустилась. В конечном итоге без разницы, кто именно сделает последний шаг, если идти навстречу друг к другу.

Высота ступенек сгладила разницу в росте. Секундой позже Закари обхватил ладонью мой затылок и поцеловал глубоким, влажным поцелуем, выбивающим из головы мысли и воспоминания о глупой ссоре. Ступени поплыли под ногами. Только стена, к которой я прижалась спиной, не дала нам скатиться с лестницы и превратить день отбора в позорный день, когда два наследника семей, враждовавших с незапамятных времен, переломали кости во время страстного поцелуя.

Отстранившись, Зак прикрыл глаза и прижался горячим лбом к моему лбу.

— Извини, Марта, — выдохнул он. — Не стоило срывать. Бессмысленный спор.

— Самый идиотский из всех, что у нас были, — согласилась я.

Завтракали в покоях вместе с Эмбер и Генри, с утречка не вернувшимся в Эсвольд. С умным видом он заявил, дескать, ради

исследовательского интереса хочет посмотреть на знаменитые отборы в ковены, и принялся настырно жевать кусок булки.

Когда в гардеробной подружка помогала мне втиснуться в парадное платье, я небрежно спросила:

— Как прошел ритуал на хороший сон?

— Твоя кузина уснула на моей кровати, пришлось лечь на диван. Ночью к ней перебрался малыш Ро, — пожаловалась Эмбер. — Ждала, что появится твой зять, но, к счастью, он постеснялся.

— А Генри?

— Определенно выспался лучше меня, — фыркнула подруга. — На следующей седмице у нас свидание.

— Ты решила дать ему второй шанс?

— Марта! — Эмбер с нарочитой строгостью посмотрела через зеркало. — Он приехал в Деймран и уничтожил ради меня пожарную лестницу.

— Вообще-то, случайно.

— Наплевать. Люблю отчаянных мужчин.

Ближе к полудню мы спустились в огромный зал с витражными окнами и тронем верховного ведьмака на возвышении. Варлоки собрались возле этого символа власти, доставшегося нам еще от прежнего клана с драконами. Претенденты в адепты ковена, дожидавшиеся начала отбора, по привычке разбились на группки. Светлые со светлыми, темные с темными. Народ еще не понимал, что желание общаться с идейным противником станет определяющим, кто в конечном итоге будет проходить практику и жить в башне Варлок.

Бранч со Стоуном о чем-то спорили со здоровяками из Архельда. Из боевой академии в замок прикатил целый квартет громогласных магов, попавших под светлую благодать по время турнира по брумболу. Ругались они с азартом, но на разных языках и друг друга не понимали. Едва Генри с Эмбер пристроились рядышком с шумной компанией, как их втянули в разговор. В смысле, подруге пришлось стать переводчицей.

Айка я заметила не сразу и почти успела обрадоваться, что он уехал. Но бывший парень стоял у стены, словно прятался, и прожигал нас с Закари тяжелым взглядом. С далекого расстояния было невозможно рассмотреть, остался ли на его физиономии след от утренней яростной пощечины или побледнел.

— Вы почти опоздали, — заметила Дарина, когда мы, потеснив представителей ковена, пристроились рядом с помостом.

— Почти — не считается, — фыркнула я.

Она до сих пор злилась, что на день поминовения предков словарный запас ее смышленного сына пополнился задорным ругательством.

— Йен, не горбись, — немедленно одернула кузина моего младшего брата, но тот уже ничего не слышал. Он широко улыбался Торстену с видом влюбленного подростка, наконец-то вновь увидевшего кумира.

— Зак, родители не сказали, что ты приехал!

— Привет, мелкий, — хмыкнул тот и протянул ему руку для рукопожатия.

Странно, как младший брат не разрыдался от восторга. Глаза-то предательски заблестели.

— Марта, а что случилось с пожарной лестницей в твоей академии? — с ехидцей в голосе тихонечко спросил один из помощников отца.

— Она рухнула, — подхватил другой.

— Сама?

— Прогрессивная магия способна разрушить любую лестницу, — ответил он, вероятно, намекая на «умный» замок, отчего артефактор Сириус тоже слегка посерел лицом.

— Марта, ты не переживай. — Похлопал меня по плечу отцовский секретарь, но легонько, чтобы потом не прилетело светлой благодати.

— Даже не думала, — процедила я сквозь зубы.

— Грозная Агата вообще держала в страхе целую провинцию и рушила учебные башни. Освальд нашел запись в летописях и подтвердит, — не унимался он. — Тебе до нее еще далеко.

— Но Марта на правильном пути, — добавил второй шутник.

— В нашем замке нет учебных башен, — напомнила я.

— В Деймране их предостаточно, — внезапно с иронией поддержал насмешников Закари и, получив в ответ красноречивый взгляд, широко ухмыльнулся.

Наверняка они бы вспомнили и шутку про парней, которых нельзя обижать, и про то, как Йен целые сутки страдал приступом честности,

да много всего. Пересказали бы все любимые истории, случившиеся из-за щедрой светлой благодати, но в тронный зал вошли мама с отцом. При появлении верховной четы разговоры мгновенно утихли.

Варлоки, и я тоже, опустили головы в традиционном приветствии.

— Приветствуем темных и светлых чародеев! — басовито прогудел отец.

— Добро пожаловать в башню Варлок, — добавила мама.

Народ ждал, когда хозяин замка усядется на трон, но папа просто поднялся на возвышение.

Никто не смел пристраиваться на этот трон. Даже сам верховный. Символ ведьмовской власти был одержим буйной нечистью и скреплен магической печатью, намертво приклеивший его к помосту. Захочет — не дернется.

В прошлом году пришлось отлепить, когда перестилали пол. Бешеный родственник стула встал на дыбы, как дикий конь, и попытался перетоптать разнорабочих. Еле уgomонили!

Отбор адептов начался. Студентов вызывали к верховному, а те объясняли причину, почему хотели попасть в башню Варлок. По большей части, сегодня приходило знакомство. Решение принималось позже, и секретарь рассылал по академиям письма с приглашением или отказом.

Видимо, среди претендентов ходили слухи, что верховный Валлей любил эффектные выступления. Народ не стеснялся хвастаться магией: создавали блестящие загогулины и вихревые потоки. Одна студентка выплеснула из термоса воду и вырастила огромный пузырь. Лопнув, тот обрушился на новый пол из дубового массива, еще не заговоренный от износа, и у мамы едва не случился обморок.

Другой парень из светлой академии Лаверанс заявил, что у него особенный талант, и внезапно начал петь. Громко, жалобно и надрывно. Подвывая! Оторопели всем ковром. Он прикрыл глаза, отвел руку, чтобы голос лился без преград. На высокой ноте тронный зал не выдержал и дружно скривился.

Песня оборвалась. В возникшей мертвой тишине раздался хруст лопнувшего витража. У меня вырвался издевательский смешок. Мама поменялась в лице и бросила в сторону испорченного стрельчатого окна взгляд, полный скорби и боли. Сразу стало ясно, что певцов, способных самодеятельностью уничтожить ее бесценный антиквариат,

в башне Варлок не будет ни в каком виде: ни в живом, ни в воскрешенном.

Она просто не знала о четырех согласиях на посмертие, лежащих в ящике моего письменного стола в общежитии.

Четверо плечистых, накаченных здоровяков из боевой академии шагнули к верховному дружным квартетом, словно обладали единым сознанием и были не способны говорить каждый за себя. Зато познакомились быстро, не задерживая очереди.

— Темный маг Майкл Стоун из академии Деймран, подойди, — призвал верховный.

Стоун вышел в центр зала, бросил на меня нервный взгляд, словно спрашивал, чего от него хотят.

— Теперь ты под защитой ковена Варлок, мы рады тебя видеть, — с благодушной улыбкой прогудел отец, в общем-то, ритуальную фразу.

Стоуну следовало поклониться, поблагодарить и тихо вернуться на место. Он вдруг приосанился, выпятил худую грудь и выпалил в воцарившейся тишине:

— Верховный, возьмите меня!

Верховный едва не подавился на вздохе.

— Куда?

— В ковен! — выкрикнул Стоун, как боевой маг на построении.

Внезапно из толпы, едва не сметая с дороги Эмбер, как полоумный, выскочил Бранч.

— И я! Меня возьмите тоже!

— А? — изумился верховный.

Почему позорились они, а стыдно было мне? Я пихнула отцовского секретаря локтем и буркнула едва слышно:

— Вы им наливали за завтраком?

— А надо было? — едва слышно ответил он.

Закари кашлянул в кулак, пытаюсь сдержать издевательский смех.

— Ковен ценит ваше желание, молодые маги, — проговорил отец, и абсолютно все услышали в его словах не «маги», а «идиоты». — Давайте начнем с малого. Приглашаю вас на зимних каникулах провести две седмицы в башне Варлок.

Приятеля переглянулись и, сияя, как два начищенных медяка, хором ответили:

— Спасибо, верховный!

— Да будет так. Идите, молодые люди. Идите! — Он помахал руками, отгоняя их, как цыплят, и громко призвал: — Темный маг Айк Вэллар, подойди!

Предчувствие грома стало таким острым, что у меня сжалось внутри.

Возникла заминка. Народ расходился, давая Айку свободно выйти. Он ни разу не бросил в мою сторону даже мимолетного взгляда, все его внимание было приковано к мощной фигуре верховного в парадной мантии.

— Темный маг Айк Вэллар, ты стремишься попасть на отбор в башню Варлок, — проговорил отец, давая понять, что помнит о покровительстве Айши Эллинг. — Мы ценим твое желание.

— Господин верховный, я больше не планирую учиться в ковене, — ответил Айк, и на одно сумасшедшее мгновение меня отпустило чудовищное напряжение.

— Тогда для чего было прикладывать столько усилий? — удивился папа.

Закари вкрадчиво положил руку мне на спину. Тепло от его ладони проникало через плотную ткань платья. Видимо, он пытался без слов сказать, что в чудовищной, неотвратимой грозе, готовой обрушиться на наши головы, я не осталась одна.

— Ради вашей дочери, — с непроницаемым видом произнес Айк. — Я надеялся, что Марта оценит мое искренне желание помириться. Мы встречались и поссорились две седмицы назад... Когда они с Закари Торстеном соврали, что состоят в отношениях.

Мама тихо охнула, кто-то из чародеев пробормотал за спиной «ну дела», и в зале воцарилась звенящая тишина. Отец вперил в меня ледяной взгляд и спросил:

— Темная чародейка Марта Варлок, это правда?

Ко мне обращался вовсе не ошарашенный отец, а верховный ведьмак. И он был в ярости из-за пошлого скандала на официальном мероприятии в ковене.

— Да, — уронила я.

— Темный маг Закари Торстен! — призвал отец.

Вряд ли он хотел на людях выяснять отношения, наверняка собирался официально выгнать жениха своей дочери из замка.

— Благодарю, верховный.

Зак словно жаждал этого приглашения и шел с небрежной надменностью, которая выводила окружающих из себя. Добравшись до Айка, он молча вмазал кулаком ему челюсть. Без магии и заклятий, просто вломил придурку, который ради мелочной мести перед толпой незнакомых студентов опозорил меня, семью Варлок и самого Торстена.

Тронный зал опешил от неожиданно вспыхнувшей драки. Все взгляды были прикованы к сцепившимся парням, и, в отличие от меня, никто не заметил, как трон шевельнулся за спиной верховного... Секундой позже он встал на дыбы и толкнул главу ковена в поясницу. Обалдевший отец соскочил с помоста, чудом удержав равновесие, а деревянный злобный «конь» слетел на паркет и галопом рванул через зал, заставляя людей в ужасе отскакивать с дороги.

— Демоны раздери! — воскликнул кто-то восторженным голосом.
— Живой стул бежит!

Трон с грохотом влетел в стену, опрокинулся на спинку и принялся злобно шевелить ножками.

— И добежал... — прокомментировал кто-то.

— Ненужный хлам, пережиток прошлого, — пробормотала мама под нос, стряхивая с ладоней язычки черного дыма, — смотрите, как пригодился. Пусть лучше запомнят одержимую мебель, чем драку...

Отец неистовствовал. Странно, как не разгромил кабинет. Он кричал так, что стены содрогались, в витринах книжных шкафов звенели стекла, а на почтовой шкатулке лопнул крупный круглый камень, прародитель почтовых шаров.

Разобравшись в сложных отношениях старшей дочери с двумя парнями, папа перестал ругать меня, а начал со страстью будущего тестя костерить Закари, назначив его виновником всего. И даже сорванного отбора. В конечном итоге он припомнил бывшим врагам все грехи, накопленные за двести лет яростного противостояния. И не забыл упомянуть оплаченные прадедом похороны окончательного упокоенного предка Торстена, превращенного в мертвие.

Мы просто слушали и давали ему наораться всласть. Очевидно, даже после самой страшной грозы с громом и молниями наступает благословенное затишье. Но верховный почти собрался зажечь в обеденной зале факел вражды!

— Папа, ты перегибаешь, — тихо вставила я, когда он набирал в грудь побольше воздуха, чтобы еще чуточку повопить.

В итоге отец подавился на вздохе, выхлебал заботливо подсунутый мамой стакан с водой и прохрипел в сторону Закари:

— И что ты собираешься делать?!

Торстен даже бровью не повел и спокойно ответил:

— Я люблю вашу дочь, господин Варлок, и хочу на ней жениться.

— Ну после этого переполоха ты просто обязан, — заметила мама.

— А официального предложения мне никто не планирует сделать? — уточнила я.

На мне сошлись три взгляда: вопросительный от Закари, возмущенный от мамы и взбешенный от отца.

— Что вы так смотрите? Я согласна, — проворчала я, убирая с рукава несуществующую ворсинку. — Даже голоса уже нельзя подать. Вы как будто боитесь, что Закари сбежит.

— Давайте сейчас и заключим брак, пока ваша дочь не передумала, — немедленно предложил тот, видимо, стараясь доказать, что сбежать не собирается, и обратился к будущей теще: — Вы знаете, Беата, я уже один раз сделал предложение, но Марта отвлекла меня и ушла от ответа.

Какая интересная версия, право слово!

Жениться немедленно нам с Закари не позволили, брачный обряд решили провести на зимних каникулах в замке Торстен. О том, где именно две семьи породнятся, отцы ругались целый месяц. Два раза в обеденной зале башни Варлок зажигался факел вражды. С непроницаемым видом мама тушила его в ведре с водой.

Осень пронеслась как один день. Эмбер с Генри два раза расстались и опять помирились. Брач со Стоуном устроили дерзкую вылазку в башню некромантов и огребли на орехи. Ничему жизнь парней не учит!

Не без помощи Валлея Варлока, взбешенного отметиной от проклятия мертвых на лице любимой дочери, сместили декана Мэдлея. Бывший руководитель факультета темных искусств покинул академию, и в одно отвратительное ноябрьское утро в лекторий вошел незнакомый маг в идеально сидящем костюме. На вид новому

магистру было не больше тридцати лет, и вся женская половина потока задержала на секунду дыхание. Он был невероятно хорош собой.

— Доброе утро, господа *темные чародеи*, — поздоровался преподаватель приятным баритоном, назвав студентов ровно так, как диктовал древний закон о пиетете в магическом мире. — Меня зовут Гидеон Грэм. Я ваш лектор и наставник по темным искусствам.

В конце занятия он спросил, остались ли у аудитории вопросы, и девушки сорвались.

— Магистр Грэм, вы состоите в темном клане?

— Ковен Истван, — ничуть не смутившись и не возмущившись бестактностью, ответил он, и в лектории воцарилась ошарашенная тишина.

Народ переглядывался. У меня поползли на лоб брови. Ни для кого в башне Варлок не секрет, что мать-основательница нашего ковена, грозная Агата, была старшей дочерью пресветлого чародея Иствана и ушла из семьи, разрушив злосчастную учебную башню. В общем, в Деймране внезапно появился мой дальний родственник.

— Но ведь в ковенах светлые маги, — воскликнул кто-то.

— Смотрите на мир шире, — насмешливо посоветовал магистр.

Экзамен по темным искусствам я сдавала этому прогрессивному магу широких взглядов три раза. Чуть не спросила, не мстит ли он породственному за недвижимость, двести лет назад разрушенную нашей общей прапраматерью.

В замок Торстен мы приехали загодя. Землю давно окутал снег, и маленький прудик перед родовым гнездом моих будущих родственников сковал толстый слой льда. Нас с Закари расселили подальше друг от друга, но замок был пронизан теньвыми коридорами. Попасть из одного конца в другой по этим внутренним порталам не занимало много времени.

В моей спальне стоял портняжный манекен со свадебным нарядом сочного алого цвета. «Белый для обычных людей», — заявила крестная Айша, когда я отказалась от традиционного платья и мама показательно упала в кресло, пытаясь изобразить обморок. На этом споры прекратились. Алый мне шел демонически!

Накануне знаменательного во всех отношениях события мой будущий супруг прощался с холостой жизнью. Мальчишник проходил в замке Торстен. Компания тоже подобралась весьма интересная:

друзья Зака из академии, Стоун с Бранчем и даже светлый Генри. Еще в начале осени никто из них и помыслить не мог, что они не только подружатся, но и вместе окажутся на предсвадебной пьянке. Да и будущий жених не подозревал, что скоро возжаждет заполучить в свою жизнь самого лучшего врага Марту Варлок. Я сама в шоке до чего нас довел гениальный план Закари изобразить отношения!

Пока парни гуляли, Люция предложила устроить обряд на счастливую семейную жизнь молодых. Мама с жаром поддержала, Эмбер в принципе была за любые обряды, деятельная Айша помирала от скуки, а Дарина просто хотела отдохнуть от материнства и вспомнить, что она настоящая ведьма.

В общем, женщины решили устроить шабаш. В ледяном подземелье возле обрядного камня, в традиционных ритуальных платьях, без нижнего белья. Я участвовать наотрез отказалась. Прямо заявила, что негоже невесте на собственной свадьбе кашлять и шмыгать сопливым носом. Аргумент был принят. По-моему, им в принципе не хотелось лицезреть мою кислую мину во время развлечений.

Эмбер как знала, что в замке обязательно устроят ведьмовской междусобойчик и прихватила с собой сшитый моей дорогой родительницей безразмерный балахон. Я смалодушничала и не призналась, что подарила ей не традиционный наряд, а ночную сорочку.

— Почему мне знакома эта вышивка? — нахмурилась мама, разглядывая подругу в этом в костюме послушницы магического монастыря.

— Госпожа Варлок, так ведь платье мне подарила Марта! — воскликнула ничего не подозревающая Эмбер.

— Неужели? — Одна бровь у драгоценной матушки поплыла наверх.

— Пока вы шаманите, что-нибудь почитаю, — соскакивая с дивана, выпалила я и дала деру в замковую библиотеку.

Двухъярусное помещение с деревянными книжными шкафами, украшенными затейливой резьбой, и большим камином было окутано тишиной. В библиотеке жил дух Айс. Он меня боялся. Во время экскурсии по замку Закари сказал, что вредная нечисть ни разу не выдала девушке ничего сложнее любовного романа. Вечером он был

искренне изумлен, когда обнаружил меня, почитывающей детектив. Я промолчала, что пришла в библиотеку с пустой бутылкой и подробно объяснила призрачному шовинисту, с помощью каких чар запихну его в тесный стеклянный домик, если мне не понравится книга.

В небольшой комнате, где хранились родовые гримуары Торстенов, за столом сидел Йен и что-то внимательно изучал. На моей памяти, я впервые застала младшего брата за учебником.

— Что читаешь? — тихо подойдя, спросила у него.

От неожиданности бедняга подпрыгнул на стуле и попытался шустренько захлопнуть гримуар. Однако я заметила заголовок...

— Ритуал вызова демона?! Йен, ты в своем уме?

— А чем плох ритуал, Марта? — насупился он. — Демон сделает из меня сильного ведьмака.

— Йен, ты можешь получить дар некроманта или вообще превратиться в инкуба! — воскликнула я. — Ты в курсе, кто такие инкубы?

— Нормальные они парни.

— Нет, ну парни они, может, нормальные... — Я кашлянула в кулак, исчерпав аргументы. — Только полный недоумок будет вызывать демона!

— А Закари вызвал, — напомнил Йен.

— Закари Торстен абсолютное исключение, — проворчала я. — Но и выбора ему не оставили. Алистер хотел, чтобы сын прошел через ритуал, а наш отец будет категорически против.

— Откуда ты знаешь?

— Хорошо, тогда за завтраком расскажи родителям о своей чудной идее. — Я уперла руки в бока. — Хочешь я расскажу? Уверена, они придут в восторг и отправят тебя в закрытую школу для мальчиков. Даже окончания каникул не дождутся.

Младший брат поджал губы, нахмурил брови и с упрямым видом снова открыл книгу. Стало ясно, что старшая сестра для него не авторитет, а если родители откажутся проводить ритуал, то соберет шайку друзей и устроит обряд самостоятельно. Что говорить, Йен умел подкидывать лимоны, из которых даже лимонада не выдавишь!

Страшно расстроенная я вернулась в свою комнату, не взяв ни одной книги. Только начала переодеваться ко сну, как на зеркальном

столике загудел почтовик, купленный на смену потерянного во время крушения пожарной лестницы.

— Слушать! — громко приказала я, выглянув из гардеробной.

«Что делаешь?» — протянул Закари.

— Бешусь, — буркнула я.

— Кто разозлили мою милую невесту? — проговорил Торстен практически на ухо.

Будь у меня сердце послабее, пришло бы завтра устраивать похороны, а не свадьбу!

— Никогда не привыкну к вашим тeneвым коридорам, — проворчала я. — Мальчишник закончился?

— Нет, я соскучился, — с соблазнительной улыбкой протянул он. — Что случилось?

— Йен решил пройти через ритуал вызова демона! Представляешь?

— Родители против?

— Они еще не знают, — поморщилась я. — Поговори с ним, объясни, что идея дурацкая.

— Ему тринадцать, и он мечтает стать верховным, — хмыкнул Зак, чем заработал весьма красноречивый взгляд. — Если ты хочешь, то я с ним поговорю... Пойдем ко мне?

В этой спальне переночевать мне ни разу не довелось. Даже не знала, насколько мягкая кровать. Каждую ночь я проводила у Закари в башне, где когда-то жил верховный Ристад Торстен. Интерьером она паразитально напоминала мои собственные покои в башне Варлок.

И только мы собрались сбежать через тeneвой коридор, как в комнате открылась дверь.

— Марта, ты в ванной? — позвала мама.

— Проклятье, — пробормотала я и тяжело вздохнула.

— До завтра, — улыбнулся Зак, видимо, понимая, что из цепких рук его будущей тещи запросто мне вырваться не удастся.

Матушка стояла со вкрадчивой улыбкой смущенного маньяка и держала в руках подозрительный сундучок. От предчувствия очередного душевного разговора у меня вдруг дернулся глаз.

— Я слышала голос Закари? — уточнила она.

— Почтовик говорил, — соврала на ходу, иначе услышу лекцию о древних традициях, запрещающих жениху и невесте видаться перед

свадьбой. — Как прошел обряд?

— Теневой коридор не пустил к обрядному камню, выходили через склеп, — коротко поделилась мама злоключениями. — Иди ко мне, драгоценная дочь. У нас есть важный разговор.

— Опять?! — воскликнула я, расставив руки.

— Я обязана передать тебе мудрость женщин Варлок. — Она уселась на кровать и пристроила сундучок на колени. — Потом спасибо скажешь.

— Да я уже очень благодарна!

— Поэтому отдала ночную сорочку своей подруге? — уточнила она.

Шах и мат!

— Хорошо, давай посекретничаем, — с льстивой улыбкой согласилась я и быстренько присела рядышком.

С торжественной миной мама отщелкнула замочек, подняла крышку и продемонстрировала содержимое. Внутри стояли три десятка небольших флаконов с широкими горлышками, заткнутыми пробками. Эликсир был совершенно прозрачным, словно налили простой воды.

— Если что, я еще из прошлого сундучка не все снадобья испытала, — предупредила я.

— Инструкция куда-то потерялась, — пробормотала мама. — Специально просила нашего алхимика написать... В общем, каждый раз, когда тебя начнет одолевать желание съесть маринованные каперсы с зефиром, а потом пойти и одарить мужа светлой благодатью, открываешь флакон, добавляешь каплю крови и ждешь пятнадцать минут.

— Это успокоительное, что ли? — не поняла я.

— Эликсир надежды!

— А?

— Если снадобье после капли крови приобретет синий цвет, значит, твои родители скоро станут бабушкой и дедушкой. Понимаешь, о чем я? — Она изогнула брови.

— Кажется, начинает медленно доходить...

— Владей, моя дорогая дочь. — Мама с улыбкой переставила сундучок мне на колени. — Добро пожаловать в жизнь замужней женщины.

— Их тут три десятка, — прокомментировала я, пытаюсь намекнуть, что она слишком хорошего мнения о наших с Закари семейных планах.

— Учитывая, что ты каждую ночь проводишь в покоях своего будущего мужа, думаю, еще придется пополнять запасы, — отозвалась мама. — Давай проверим в действии прямо сейчас?

— Воздержимся...

Родителям о закидоне младшего брата я не рассказала, но на следующее утро, когда в замок из всех уголков семи королевств начали съезжаться приглашенные гости, Йен заглянул ко мне в комнату и буркнул, что передумал проводить ритуал. Он сбежал в коридор быстрее, чем я успела его по-сестрински крепко обнять. Оставалось на радостях отправить десяток сообщений Закари.

«Я его не отговаривал», — пришло короткое сообщение от моего будущего мужа.

Вечером, когда замок Торстен накрыла зимняя темнота, в свадебном платье умопомрачительного цвета я спускалась по лестнице в заполненный Варлоками холл. На мне почти не было украшений: сережки, купленные Закари на ночном рынке, и серебристый поблескивающий в ярком свете родовой знак ковена: заключенный в круг дракон. У подножья лестницы отец подал мне руку и помог спуститься с последней ступеньки. Папины глаза блестели. Похоже, он собирался расплакаться.

Мы двинулись в сторону бального зала. Преодолели длинную портретную галерею. Со стены на наше шествие смотрели предки Закари: верховный маг Ристад Торстен и его братья, светлая чародейка Агнес Эркили с сестрой. Строго и одобрительно взирала бывшая деканесса факультета темных искусств Брунгильда Торстен. Казалось, она была довольна выбором своего праправнука.

Под руку с папой мы первыми из Варлоков вошли в бальный зал, просторное полукруглое помещение с одной черной стеной, похожей на водную гладь. От переизбытка магии, словно трещавшей в воздухе, по ней шла легкая рябь.

При виде алого платья гости дружно ахнули. Плевать, что думали другие о смелом наряде, Закари, ожидающий меня возле ритуальной чаши, смотрел с восхищением и вожделением. В темных глазах плескалось столько желания, что под ложечкой сладко заныло.

Сейчас было смешно вспоминать, как сильно мы друг друга ненавидели. Ведь не зря умные люди говорят, что ненависть поразительно похожа на любовь. Между этими яростными эмоциями всего один шаг, и порой он короче, чем кажется.

— Передаю тебе, темный маг Закари Торстен, сын Алистера и Люции Торстен, свою старшую дочь, — проговорил отец ритуальную фразу, и где-то на середине его голос дрогнул, мама и вовсе громко всхлипнула. — Береги и люби ее.

— Не сомневайтесь, — проговорил Закари.

А если беречь и любить не будешь, то у старшей дочери ковена Варлок всегда есть светлая благодать...

Обряд проводил королевский маг — верховные не смогли договориться, кому венчать любимых отпрысков. Мы с Заком крепко держались за руки, ни на секунду не разрывая зрительного контакта, не слыша, что нам говорил обрядник. На все вопросы отвечали хором, в унисон.

— Да будет так! — с улыбкой согласился маг.

В ритуальной чаше вспыхнуло черное пламя темной магии. Мгновение позже по танцующим язычкам побежали искры светлой магии. Огонь переливался и мерцал синеватыми всполохами, благословляя наш союз, а мы целовались, как сумасшедшие, забыв о толпе гостей.

Пришло время первого танца новобрачных. Черная стена просветлела, и на ней появился озаренный огнями замок Торстен. Светились окна, мерцали шпили, подмигивали гирлянды, опутавшие деревья на парковой аллее. Я надеялась, что красота необычной магии перетянет на себя внимание, все начнут следить за изображением на стене и не заметят, что невесте в детстве дракон отдал обе ноги. Не удалось! Не поддержи нас родители и родственники, вышедшие на паркет, новоявленная госпожа Торстен запомнилась бы не только провокационным красным платьем, но и потрясающим воображение неумением танцевать.

— Как ты отговорил Йена? — тихонечко спросила я у Закари.

— Я его не отговаривал, — хмыкнул он. — Сказал, что после ритуала он найдет свое призвание и тоже женится на потрясающей женщине, такой, как его старшая сестра...

— А ты умеешь выбирать правильные аргументы, — выдержав паузу, со смешком прокомментировала я.

ЭПИЛОГ. Драконье яйцо на завтрак

Торговец древними артефактами отодвинул занавеску и кивнул нам с Бранчем, предлагая зайти в тесный кабинет в задней части магазинчика. С Вердом я познакомилась несколько лет назад, когда покупала у него футляр для амулета из драконовой кости. Как вскоре выяснилось, по заказу он находил все, что душа клиента желает. Все дело было с цене, а драл он втридорога.

Верд указал на кожаный диван:

— Присаживайтесь, госпожа чародейка. В ногах правды нет.

— Благодарю.

Я устроилась, расправила юбку и кивнула Бранчу, но тот только хмуро покачал головой. Стоял с такой миной, словно в любую минуту был готов принять магический бой или сбежать без оглядки.

На ночной рынок мы отправились втайне от Закари. Муж не одобрял мое желание собрать разворованное старым кланом наследие Варлоков, и Брач сразу заявил, что мой супруг превратит нас в мертвья.

— Он постесняется сделать из жены питомца, — хмыкнула я. — Потом кормить замучается.

— В прошлом году на пьяную голову я проиграл твоему мужу согласие на посмертие, — внезапно признался Брач.

Теперь он страшно нервничал и с подозрением следил, как торговец ворчливо торговался с нечистью, живущей в старинном шкафу. Та не хотела открывать дверцы.

Однажды я спросила у Верда, как получилось, что его шкаф стал одержимым. Оказалось, что несколько лет назад в переулке возле магазинчика кто-то расколотил пару бутылок с домовиками, а те проникли в помещение. Нечисть приносила двойную пользу: антикварный шкаф оставался крепким, как будто его только вчера сколотили, и никто из посторонних не мог залезть на полки. Проблема была в другом... Два духа не могли договориться, кто из них главнее.

Торговец вытащил потемневший от времени деревянный ларец и поставил на низкий столик передо мной. Знак клана Варлок на крышке от времени практически стерся и едва угадывался.

— Это то, что вы искали, госпожа чародейка? — спросил Верд, отступив.

— Да, — уронила я, разглядывая реликвию предков.

Четыре месяца назад Освальд отыскал в записях отца-основателя Фентона упоминание о «вечном ларце», в котором Варлоки, возможно, хранили драконье яйцо, и я загорелась. Ни мне, ни предку не верилось, что Зараза, разорительница городов и состояния семьи Варлок, оказалась самой последней из крылатых ящеров. Теперь ларец стоял прямо передо мной. Он действительно существовал!

— Открыть его не удалось, — скромно оповестил Верд, что пытался вскрыть чужое наследие.

— Но вы же не Варлок, — бросив на торговца насмешливый взгляд, заметила я.

От прикосновения темной магии в ларце что-то скрипнуло, щелкнуло, и крышка едва заметно приподнялась. Все дружно мы подались вперед. С замиранием сердца я открыла ларец. Внутри лежал камень в форме дыни. Стараясь не выдать волнения, осторожно провела пальцами по неровной, шероховатой поверхности. Кажется, камень и камень, но светлая магия не отзывалась...

— Сколько ты за него отвалила? — с разочарованием протянул Брач.

Торговец бросил на мага недовольный взгляд из-под маленьких лекторских очков и выразительно кашлянул.

— Госпожа чародейка просила найти ларец, — въедливо напомнил он. — Про содержимое ничего не говорилось. Считайте, оно досталось вам совершенно бесплатно.

— Вы правы, господин Верд, — улыбнулась я, тщательно следя за лицом, чтобы не выдать буквально удушающего восторга, и аккуратно опустила крышку. — Адам, забирай.

В маленьком торговом зале обнаружился мой любимый супруг. Скрестив руки на груди, с деланным любопытством он рассматривал в витрине под стеклом дорожную бижутерию. Я не сдержала ироничной улыбки. Брач за спиной странно икнул, видимо, мгновенно представив объем неприятностей.

Закари оторвался от созерцания побрякушек и поздоровался:

— Доброй ночи, господа.

— Не ожидала вас здесь увидеть, господин Торстен, — в тон ему ответила я.

— И я, госпожа Торстен, — согласился он, — крайне удивлен встретить вас здесь.

Мы с Закари Торстеном были женаты пять лет. За эти годы из привлекательного, высокомерного парня, за которым увивалась половина девушек из академии Деймран, он превратился в красивого мужчину, излучающего силу и власть. Он начал носить костюмы-тройки и галстуки. Подозреваю, вокруг него крутились бы женщины, но все знали: Торстен-младший, будущий верховный большого клана, влюблен в жену. И ни разу, ни на одну минуту за эти годы, мы не сняли парные сережки-листки, когда-то купленные в этой торговой лавке.

Не сводя с меня смеющегося взгляда, Зак поцеловал протянутую руку как раз в том месте, куда на тыльную сторону кисти в порталльной башне ночного рынка тюкнули печать в виде маленького ключика.

— Моя милая супруга, прогуляемся?

— Как я могу вам отказать, любимый муж?

— Мне неловко вас отвлекать. — Бранч показал ларец. — Куда везти это?

— В башню Варлок. В замок Торстен, — в унисон ответили мы с Закари и выразительно переглянулись.

— В башню Варлок, — предупреждающим тоном повторила я и посмотрела на Адама: — Не забывай, в чьем ковене ты состоишь.

— И кто тебе платит деньги... — вкрадчиво добавил мой ненаглядный супруг, который действительно взял Бранча на службу личным помощником.

Служение ковену прекрасно во всех отношениях, но в первые годы не особенно прибыльно, а Адам собирался жениться. На Эмбер. Не спрашивайте, как ему вообще пришло в голову, что черная ведьма из рода Фокстейл, действительно когда-нибудь захочет замуж. Не только за Адама Бранча, а в принципе.

Светлейший Генри после окончания академии героически предложил ей заключить брак и даже, по-моему, плюхнулся на одно колено. Подруга сбежала в своей манере, подхватив юбки и забыв попрощаться. Он еще полгода писал ей слезливые сообщения. Говорят, сейчас создал семью со светлой чародейкой и служит бытовым магом в каком-то мелком городишке.

— Торстены, да вы оба задрали! У меня от вас мороз по коже! — внезапно сорвался Бранч и сунул ларец мне в руки. — Поехал я в башню Варлок. Зак, если что, твоя жена купила камень.

— Ларец! — встрял возмущенный Верд. — Госпожа Торстен искала магический ларец из наследия своих предков!

Мы попрощались с торговцем и вышли на оживленную аллею ночного рынка. Возле дверей с мрачными минами дежурили два боевых мага из клана Торстенов.

— Ты серьезно? — фыркнула я, обнаружив, что муж еще и охрану прихватил.

— Более чем, — согласился Зак и окликнул Бранча, собравшегося скоренько сделать ноги в сторону порталной башни: — Адам, загляни завтра ко мне. Нам есть что обсудить.

Бедняга бросил на меня красноречивый взгляд. Да просто молча проорал, что у меня, как сказала бы достойная Беата Варлок, дурная голова ногам покоя не дает, а страдают близкие друзья.

— Завтра... — начал он на ходу придумывать срочные дела.

— В восемь, — перебил Зак.

— Завтра в восемь у вас, господин Торстен.

— Иди.

Умел мой дорогой муж качественно довести человека до такого состояния, что тот был готов извиняться даже за то, в чем неповинен.

Зак передал ларец охраннику и коротко велел:

— В башню Варлок.

— Мне нравится, дорогой супруг, что в вас проснулось здравомыслие, — улыбнулась я.

— Должно же оно быть хоть в одном из нас, — парировал он и предложил локоть, дескать, цепляйся причина ранней мужниной седины.

— Нарываешься на неприятности, Закари, — взяв его под руку, тихо предупредила я.

— Взял пример с любимой жены.

— Торстен, да что со мной случится? — скривилась я. — Ко мне на пушечный выстрел ни один маньяк не подойдет. Они меня боятся. Помереть от скуки можно.

Неторопливо мы вышли на шумную, разноликую аллею с питейными и тавернами. Летней теплой ночью ночной рынок был

особенно многолюден. В воздухе витали ароматы еды, пряностей и благовоний. От тележки со сладостями шел такой умопомрачительный запах жженной карамели, что слюнки набегали. Казалось, помру, если немедленно не попробую.

— Как ты узнал, где я? — стараясь отвлечь себя от странной мысли закусить подозрительной вкусняшкой, спросила у мужа.

— Соскучился и решил сделать сюрприз. Приехал в особняк к твоей подруге, а сюрприз ждал меня. Стоун сказал, куда вы с Бранчем умотали искать приключения.

— Надеюсь, ты Майклу пригрозил?

— Даже грозить не пришлось. Выдал после первого сообщения.

— Слабак, — фыркнула я и не сдержалась: — Зак, купи мне карамельное яблоко. Так хочется, даже челюсть сводит.

Не споря, он вытащил из портмоне мелочовку. Торговец с доброй улыбкой вручил мне, как ребенку, облитое карамелью и посыпанное коричневыми кристаллами сахара яблоко.

На вкус оказалось чудовищно: приторно-сладкая корка и мягкая, словно обваренная, сердцевина. Скривившись, я попыталась скормить яблоко Закари. Он наотрез отказался пробовать. Мусорному коробу зашло.

— Купи сосиску, — уловив аппетитный запах жареного, потребовала я и потащила мужа к палатке с уличной едой.

— Ты голодная? — недоуменно спросил Зак. — Зайдем куда-нибудь поужинаем.

— Я не голодная, а просто хочу сосиску.

— Ладно, — сдался он. — Но противоядия у меня с собой нет.

— Варлоков какой-то сосиской не изведешь, — презрительно отозвалась я.

Еда оказалась отвратительной до тошноты. Зато очень понравилась бродячему песику. Слопал и громким тьяканьем еще попросил.

После окончания академии мы с Закари поселились в Торстене, но часто навдывались в башню Варлок. Иногда без причины, иногда приходилось приезжать по делам ковена. Заявившись в замок почти в середине ночи, меньше всего мы ожидали обнаружить в южной башне Освальда и Йена. Они на пару с азартом пытались расковырять ларец.

— Доброй ночи, — удивленно протянул Закари, когда оба родственника синхронно кивнули, приветствуя нас, и немедленно вернулись к своему занятию. — Не поздновато для гостей?

— Зак, мы сейчас уйдем, — поклялся младший брат. — Только попытаемся еще раз.

Йен, студент первого курса академии Деймран, был в восторге от идеи отыскать артефакты Варлоков и вместе с нашим семейным историком въедливо изучал все находки.

— Не смогли открыть? — удивленно спросила я у брата.

Стоило мне прикоснуться к ларцу, как крышка немедленно поддалась.

— Это оно? — с придыханием прошептал Йен, увидев пузатый камень. — Драконье яйцо...

— Драконье яйцо? — хмыкнул Закари. — Вы серьезно?

Мы втроем оторвались от изучения камня, покрытого занимательным неровным рисунком, и окатили насмешника жалостливыми взглядами. Он приблизился, глянул внутрь ларца и заключил:

— Летописи Варлоков вас обманули.

— Оно окаменело! — возмутилась я. — Попробуй столько времени пролежать под крышкой!

— Воздержусь, — отозвался он со смешком и принялся меня дразнить, как будто не догадывался, что страшно взбесит: — Госпожа Торстен, решили стать матерью дракона?

— Только не надо так громко завидовать, ненаглядный муж, — издевательски протянула я. — Никто не виноват, что у предков Торстенов не такое любопытное наследие. Чтобы ты знал, рядом с этой окаменелостью исчезает светлая магия.

Я даже наглядно продемонстрировала, щелкнув пальцами и выбив вместо искр черный дым.

— Марта... — Закари выразительно изогнул бровь. — Хочешь сказать, что торчала в лавке у Верда только с темной магией?

— Отчего же только с темной? — очаровательно улыбнулась я. — Еще с Бранчем. Потом ты появился. Закари, я была в полной безопасности. Не надо злиться.

— Злость для холостых мужчин, — пробормотал он, словно обращаясь к самому себе. — Я смирился и просто тихо седею.

Выставить исследователей древностей из покоев удалось с большим трудом. Но едва за окном занялся рассвет и небо просветлело, нас с мужем разбудил громкий стук дверного молотка.

— Проклятье! — Закари перевернулся на спину и прикрыл глаза ладонью. — Я вдруг вспомнил, почему предпочитаю жить в Торстене. В башне Варлок невозможно нормально выспаться.

Вообще-то, я была с ним полностью согласна и открыла дверь исключительно, чтобы задать вопрос, какого демона нас подняли в то время, когда еще не заснули умертвия в склепе. Фигурально выражаясь.

За порогом стояли страшно возбужденные Йен с Освальдом. Оба взлохмаченные, помятые, с покрасневшими глазами.

— Нам нужно яйцо!

— Вы сегодня вообще спали? — проворчала я.

— Мы знаем, как его оживить! — влез свояк с видом полубезумного магистра естественных наук, стоящего на пороге грандиозного открытия, и потряс потрепанным блокнотом. — Нашли в личном архиве верховного. Драконы рождаются в огне!

— Вы решили его запечь в костре, как батат? — Я с трудом сдерживала зевоту и туго соображала. Еще после вчерашних уличных вкусняшек взбунтовался желудок. Меня прилично мутило.

— Сначала попробуем подержать в кипятке, — объявил Йен. — Мы должны проверить теорию на практике! Одевайся, сестренка, ты нашла будущего дракона и обязана увидеть, как оживает легенда!

Никогда не замечала в младшем брате тягу к пафосу, но, видимо, перспектива стать отцом дракона толкала на вдохновляющие речи. Не споря, я просто вручила им окаменелую дыню, закрыла дверь и рухнула в кровать.

— Да что б вас! — процедила сквозь зубы и вновь поднялась.

— Варлоки, ваш оптимизм поражает воображение, — проворчал Закари, закрываясь головой в подушку.

Когда я спустилась в замковую кухню, эксперимент был в полном разгаре. В смысле, на огромной плите, разбрызгивая в разные стороны обжигающие капли, кипело медное ведро с окаменелым драконьим яйцом. Кухонные домовики попрятались по углам. Старый кот Пират с выражением полнейшего презрения на морде с подоконника поглядывал за плясками вокруг камня.

— Чем вас не устроила кастрюля? — указала я на медную посудину.

— Побоялись, что повар проснется и поднимет скандал, — признался Йен и широко зевнул.

Через десять минут обоих экспериментаторов стало неудержимо клонить в сон. Сначала Освальд присел за кухонный стол и задремал, подперев щеку кулаком. Потом Йен чуть не нырнул головой в посудину с кипятком.

— Марта, последишь? — попросил он через зевок.

Они дружно сбежали из кухни, оставив меня один на один с бурлящим ведром и будущим драконом ковена Варлок. Сколько варить этого самого дракона сказать забыли. К тому времени, когда появился повар и его помощники, я два раза успела подлить водички.

— Госпожа Торстен, доброе утро! — расплылся усатый хозяин кухни в добродушной улыбке. — Вы сегодня рано. Готовите завтрак для мужа?

— Варю яйцо.

— В ведре?

— Что нашлось, — дернула я плечом.

— Яйцо страусиное, что ли? — удивился повар.

— Драконье.

Бедняга подавился на вздохе, с опаской посмотрел в посудину и перевел на меня странный взгляд, словно пытаюсь разглядеть признаки слабоумия. Вдруг проявились с замужеством, а никто не заметил?

— Вы варите камень.

— Вы исключительно наблюдательный, — фыркнула я.

— Госпожа, не хочу огорчать, но вряд ли ваш муж обрадуется камню на завтрак. Давайте я приготовлю воздушный омлет, а мы скажем, что он из драконьего яйца, и вы взбивали его собственными руками. Венчик взяли и взбивали. — Он схватил с крючка венчик для взбивания и вдохновенно помахал им в воздухе. — Нежно-нежно, а потом сильно-сильно. До белой пенки. Я никому не скажу, что вы перепутали камень с яичком. Снимем ведерко?

— Дракон еще не доваривался, — хмыкнула я и вытащила из кармана платья загудевший почтовик.

«Дракон ожил?» — издеваясь, промурлыкал из шара Закари.

«Пока сварился вкрутую», — с трудом сдерживая смех, ответила я.

Честно говоря, не понимаю, как, из любопытства спустившись в кухню к экспериментаторам, в итоге я возглавила переполох.

«Дожарь в атаноре», — ради шутки предложил он.

— Муж, да ты гений... — пробормотала я себе под нос и улыбнулась повару: — Давайте все-таки снимем ведро. И приготовьте господину Торстену омлет на завтрак.

Повар так подмигнул, скривившись всем лицом, словно мы были заговорщиками.

Когда я выходила из кухни с замотанным в полотенце каменным яйцом, замок уже проснулся и в каждом уголке обсуждали, что дочь верховного с самого рассвета чудачит. В итоге по дороге к пристройке, где находилась алхимическая лаборатория, я не встретила вообще никого. Народ прятался. Даже Фергюсон побоялся появиться на пути, а у него-то нервы были покрепче, чем у многих жителей башни Варлок.

Алхимик открыл только с третьего раза. Стучаться пришлось ногой. Все пальцы в домашних туфлях отбила. Худой ведьмак с потемневшим от жара лицом и воспаленными от едких паров глазами, кажется, не сразу понял, кто заявился к нему с визитом.

— Дочь верховного? — уточнил он, сощурившись ото сна.

Через приоткрытую дверь был виден большой зал с закопченными окнами. В кадке стояло давно засохшее дерево. В ящиках на столах теснились стеклянные реторты, сосуды, запасные трубки. Запах от вечно горящего атанора шел едкий.

— Просьба есть, — стараясь не дышать глубоко, заявила я.

Некоторое время пришлось объяснять, за каким демоном мне понадобилось засунуть в алхимическую печь, практически священный алтарь великой науки, каменную дыню. Внезапно алхимик согласился и потребовал услугу за услугу. Он запечет мой камень, а я выловлю для него домовика из спальни верховной ведьмы, дескать, они самые выдрессированные. Как «умного замка» не стало, так без толковой нечисти все из рук валится.

— Так от «умного замка» пять лет назад избавились, — удивилась я.

— Да ты что?! — искренне изумившись, вытаращился он.

Похоже, мужик от потрясения, сколько лет промелькнули мимо, хотел впасть в протрацию и депрессию. Не то чтобы обычно он лучился жизнерадостностью, но сейчас протрация была совсем некстати.

— Хорошо, договорились, — поспешно согласилась я позаимствовать у матери комнатного духа. — Будет тебе домовик от Беаты, только камень положи в атанор.

Мы пожали друг другу руки, сговорившись, что драконово яйцо полежит в ритуальном огне до обеда.

Алхимик забрал сверток с камнем и всучил мне грязную бутылку из темно-зеленого стекла. Отмахаться от замызганной посуды не удалось, почему-то ему казалось, что именно в эту бутылку духи полезут охотнее. Заявил, что пропитал ее особым составом. Выбросила сразу, едва вышла до пристройки. Духи у матушки умные и щепетильные, ни за что не полезут в ночлежку для бродячей нечисти.

Без каменных драконов, исчезающих летом, холл замка казался пустым и голым. Единственный, кто меня встречал, был Фергюсон. С постным видом он объявил, что все собрались на завтрак в малой столовой. Мама, как чувствовала, что почти обеднела на одного вышколенного духа и придушила дерзкую эскападу в зачатке.

— Доброе утро Варлокам, — поздоровалась я, входя в столовую, и заняла привычное место рядом с мужем.

Ни младший брат, ни Освальд, втянувшие меня в сумасшедшую авантюру, не появились. Дарина со вздохом объяснила отцу, что наш историк пришел только утром. Всю ночь изучал какие-то записи.

— Совсем не ложился, — закончила она.

— Нельзя столько работать, — нравоучительно высказалась мама. — Он может подорвать здоровье.

— Но его работы очень важны для ковена! — добавила любящая жена. — Скажите, дядя?

Дядя, в смысле, мой отец мрачно кивнул. Уверена, ему уже доложили, что наш фанатичный историк вместе с Йеном всю ночь нахально перерывали его личный архив.

— Как дела у Бранча? — тихо спросила я у Закари, пока остальные обсуждали, как для ковена важно вести летописи.

— Лучше, чем у твоего драконьего камня, — отозвался муж. — В кипятке не варили.

Между тем темные прислужники внесли в столовую завтрак. Фергюсон поставил перед Закари тарелку с воздушным омлетом и торжественно объявил, словно на королевском обеде:

— Повар просил передать, что ваша супруга лично готовила. Венчиком взбивала, на сковородку выливала...

К нам повернулся весь стол. Закари только взялся за вилку, но немедленно ее отложил. Абсолютно все знали, что женщины из рода Варлок к готовке не приспособлены. Мой муж как однажды испробовал кулинарный шедевр из овсяной крупы, так до сих пор не может смотреть на каши без содрогания.

— Готовил повар, — спокойно оповестила я.

Зак снова взялся за вилку. Родные выдохнули.

— Мы сегодня приехали с потрясающей новостью, — объявила я.

Родители переглянулись, подобрались и, кажется, даже затаили дыхание.

— Вчера в ларце, оставшемся от старого клана Варлоков, нашлось драконье яйцо. Я до сих пор не могу поверить! — Я примолкла, проследив за направлением всех взглядов и уточнила: — Почему вы смотрите на моего мужа?

— Давно твоя супруга начала чудить? — вдруг спросил папа у Закари.

— Да она и не заканчивала, — иронично ответил любезный супруг.

— Ну да... — вздохнула мама, — чем бы дитя не тешилось, лишь бы не пробуждало светлую благодать.

— Вам не стыдно меня обсуждать в третьем лице? — с досадой бросила я. — Вообще-то, я сказала, что нашла драконье яйцо. Оно, конечно, окаменело...

— Марта, как ты себя чувствуешь? — перебила мама.

— Да прекрасно я себя чувствую! — оскорбленно сцедила я и прихлебнула черный кофе.

Он оказался таким горьким, что захотелось скривиться. Недолго думая, я плеснула в чашку молока и бросила осколок сахарного камня. В жизни не подумала бы, что забеленный сладкий кофе окажется вкуснее черного.

— Марта, прогуляемся по оранжерее после завтрака? — предложила мама.

В итоге я прождала ее четверть часа, любуясь на речной берег через стеклянную стену. Не то чтобы меня особенно вдохновлял вид речушки, заметно обмелевшей к концу жаркого июня, но от витающих вокруг запахов сильно мутило. Даже дышать старалась через раз.

Матушка принесла с собой резную шкатулку и протянула мне с улыбкой:

— Держи.

— Мама, мне правда не нужен секретный женский сундучок. Я пять лет замужем и знаю, как делаются дети.

— Естественно, — у нее вырвался нервный смешок. — В шкатулке снадобья. От недомоганий, от утренней тошноты и легкое успокоительное. Тебе нельзя нервничать. Ты не переживай, я тоже поначалу страшно сумасбродничала.

— Поначалу чего?

— Вы разве приехали не для того, чтобы рассказать чудесную новость? — Мама неловко поерзала на стуле.

— Куда уж грандиознее, чем найти драконовое яйцо?

— Марта, ты не воспользовалась моим подарком?

— Каким из них? — совершенно запуталась я.

— Из той шкатулки, что я тебе подарила перед свадьбой... — с осторожной улыбкой намекнула она, что, видимо, забеленный кофе мне понравился неслучайно.

Через полчаса я разглядывала бутылочку с посиневшей жидкостью внутри и чувствовала себя оглушенной. Мысль, что мы с Закари станем родителями, не помещалась в голове. Мы никогда не обсуждали детей, их появление подразумевалось само собой, когда-нибудь... совсем скоро.

— Что случилось? — Зак ворвался в покои. — Все в порядке?

— Ага. Мама сказала, что в первый раз тоже пыталась варить камень прежде, чем догадалась, во второй поняла сразу... — Я показала ему флакон. — У нас синяя бутылочка, Торстен.

— В каком смысле? — Он удивленно изогнул брови.

— Поздравляю! Я в шоке, но ты станешь отцом, даже не успев поседеть.

— Отцом кого? — Муж выглядел удивленным.

— Совершенно точно не дракона, а мальчика или девочки потом узнаем.

Его лицо расцветало постепенно. Сначала понимание отразилось в темных глазах, потом разгладилась морщинка между бровей, и на пунцовых губах расцвела счастливая улыбка.

Зак бросился ко мне через комнату и сгреб меня в охапку.

— Пстой! — скомандовала я. — Давай без резких движений, меня и так слегка мутит...

Следующей весной на свет появилась Лея Торстен-Варлок. Хотела бы я сказать, что дочь походила на меня или на Закари, но нет. Со временем стало ясно, что она была копией грозной Агаты с многочисленных портретов. Хотелось верить, что характером пошла не в нее, но на всякий случай башни в обоих родовых замках начали скоренько укреплять.

Дар вспыхнул в Лее в три года. Ее магия не имела цвета: ни темная и ни светлая, смесь обеих магических стихий. И никто не понимал, как и чему учить нашу уникальную дочь.

Еще через седмицу в Торстен из башни Варлок пришло письмо. Почти четыре года спустя камень, оставленный в атаноре и напрочь забытый всеми, кроме, само собой, замкового алхимика, стряхнул панцирь. Будущий дракон ожил. Дорогие друзья! *История Марты и Закари подошла к концу. Спасибо, что все эти месяцы вы были со мной. Возможно, когда-нибудь я еще вернусь в мир "Светлых и темных магов", и мы с вами узнаем историю противостояния и любви других героев, а пока я приглашаю вас в новую юмористическую историю [С ПРИВЕТОМ ИЗ ДРУГОГО МИРА!](#) Что вы сделаете, если вдруг попадете в другой мир и получите шанс изменить жизнь? Героиня решила наслаждаться этой новой жизнью! Она точно знает, что за ужасное проклятье "ипотека на тридцать лет", и теперь ей вообще ничего не страшно. Даже замужество с темным колдуном! Подумаешь, у него дурная слава. Пф! Замок-то комфортабельный, с дивным видом на озеро. И никакой, черт возьми, ипотеки. А что озеро называют "мертвым", так Мертвое море тоже... ну... совсем мертвое, но как хорошо рядом с ним живется! В общем, всем будет весело. В смысле, нам всем, но точно не темному колдуну. Фостен Мейн еще не понял, что попала-то не только его будущая супруга в сказочный мир, он тоже попал... Просто попал.*